МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

36

Б. Н. ГРАКОВ

КАМЕНСКОЕ ГОРОДИЩЕ НА ДНЕПРЕ

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 36

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1954

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР. № 36

Б. Н. ГРАКОВ

КАМЕНСКОЕ ГОРОДИЩЕ НА ДНЕПРЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1954

Ответственный редактор

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

До революции изучение Скифии в собственном смысле слова, т. е. Скифии исторически конкретной, располагавшейся в степях Северного Причерноморья и Приазовья, по археологическим данным ограничивалось преимущественно исследованием больших курганов, дававших представление о быте кочевой скифской аристократии, но не о жизни всего скифского народа в целом. Скифские поселения почти не изучались. Лишь в советское время было понято значение материала скифских поселений. Но и здесь исследование их тормозилось своеобразной, создавшейся в силу совершенно побочных причин, обстановкой.

Н. Я. Марр создал расплывчатое понятие скифской стадии в развитии племен и обществ Северного Причерноморья. Это-де была доиндоевропейская стадия их развития, сами же скифы и их культура являлись результатом скрещивания разнородных элементов, в том числе греческого, иранского и третьего, местного, т. е. догреческого и доиранского. По существу, получилось механическое смешение неконкретного, на ложном принципе созданного представления о якобы состоявшей из ряда стадиальных взрывов цепи развития языков и племен, приведшей к «скифской» стадии с якобы конкретным процессом скрещения разноязычных и разноплеменных, в том числе трех упомянутых выше элементов. Во всем этом легко убедиться по многочисленным статьям Н. Я. Марра, посвященным скифскому вопросу. Если приглядеться к этому последнему положению, многократно повторявшемуся учениками и последователями Н. Я. Марра, то окажется, что этот тезис о трех основных элементах в генезисе скифов Причерноморья целиком почерпнут у буржуазного историка М. И. Ростовцева, который видел такое триединство в происхождении скифской культуры и народа [1].

В отношении лингвистическом М. И. Ростовцев не был сколько-нибудь самостоятельным и, с одной стороны, повторял мнения об иранской принадлежности скифов, притом только завоевателей-кочевников. Остальные племена скифов были для него безличным местным элементом. Всячески открещиваясь от Ростовцева и одновременно повторяя подходившее им его мнение и исповедуя в то же время теорию скрещения, последователи Н. Я. Марра, вопреки отчетливым данным Геродота об языковом, культурном и этническом единстве северочерноморских скифов, проповедовали их первичную и дальнейшую разноплеменность, некритически отвергая данные великого историка древности ради утверждения этого предвзятого построения.

Все это привело к тому, что изучение скифских поселений велось археологами марровской школы в совершенно странном направлении. Греческие города Северного Причерноморья, лишь к концу своего существования, — с течением веков, — начавшие утрачивать греческий характер и подвергаться неполной «варваризации», в силу предвзятой теории объявлялись местными в основе, то греко-скифскими, то скифо-греческими. В пользу этих соображений приводились случайные или недостаточно понятые факты. Вглубь от побережья скифские поселения почти совсем не изучались. Между тем внимательное изучение воздействия греческой культуры на скифскую говорит не о

[1] Особенно сходно с марровской звучит формулировка М. И. Ростовцева в его книге «Скифия и Боспор», Л., 1925, стр. 302 и 303.

смешении в последней того и другого элементов, а о проникновении сильных античных культурных элементов в духовную сферу и материальный быт скифской аристократии. Народные массы скифских племен не очень много получали от греков и при этом чем дальше от Черноморского побережья, тем меньше. Племена, жившие вблизи от греческих городов, черпали больше от греческого быта, чем те, что обитали глубже в степях или даже по Азовскому побережью. Элементы эллинского быта и строительства весьма чувствуются по лиманам Буга и Днепра, в Неаполе на Салгире, по западному побережью Крыма, в дельте Дона и в низовьях Кубани (последние районы — уже в пределах не скифских, а меотских племен); но их мало по побережью Азовского моря и все меньше вверх по Днепру и Бугу. Это, конечно, не значит, что их там нет, но они выражаются там в отдельных видах греческих товаров или в усвоении и переработке некоторых технических и строительных греческих навыков. Именно в глубине страны значительное проникновение греческих элементов в среду скифской аристократии и довольно слабое в среду массы населения сказывается с большой очевидностью.

Бездоказательные построения археологов, следовавших в той или иной степени за Марром, могли в некоторой степени затормозить советскую науку, но не свернуть ее полностью с правильного пути. Изучение поселений, на первых порах — городищ, сначала не шло дальше разведок и обследований. Но после мощного толчка, данного в 1932 г. покойным В. А. Городцовым, начавшим и ведшим несколько лет раскопки Елизаветинского меотского городища на Кубани [1], начались исследования скифских поселений Институтом археологии Академии наук УССР и ИИМК по Днепру и Бугу, краснодарскими археологами — по течению Кубани, крымскими — в степном Крыму. Война ненадолго их прервала, но после изгнания фашистских полчищ эти изыскания возобновились в более широких масштабах. Ведутся они и теперь. На нижнем Днепре, в области обитания скифов в собственном смысле слова [2], в последние годы ряд поселений исследуется в связи со строительством Каховского гидроузла.

Начатые еще в 1938 г. раскопки на Каменском городище вскрыли много нового в истории культуры и городской жизни широких масс скифского населения. Немало, думается, они дадут и для истории производства в скифское время.

Блестящее завершение лингвистической дискуссии на страницах «Правды», данное в статьях И. В. Сталина, избавило скифологов от путаницы, внесенной в их область последователями Марра. Проводимое школою академика В. В. Виноградова учение о языке-основе разрабатывается на основании положения И. В. Сталина о процессе скрещения языков с обычною победою одного из них. Это последнее положение помогло отбросить марристское понятие скифов, скрещивавшихся из множества разноязычных племен, т. е. фактически дало возможность ликвидировать пресловутую скифскую стадию. Материалы Каменского городища показывают близкое культурное родство с Елисаветовским городищем на Дону. Первое лежит на территории собственно скифов, второе — в области меотов, а не скифов. Этим лишний раз опровергается самоуверенность археологов-марристов, считавших возможным решать вопросы этногенеза на одном только археологическом материале. Это же, думается, является подтверждением того сталинского положения, что многократное дробление и расхождение, смешение и скрещение племен и народностей дает далекие от единой схемы конкретные различия в истории народов. Различные народы — скифы и меоты — оказываются, в силу исторической и территориальной близости, сходными, почти тождественными по своей материальной культуре.

Каменское городище является чуть ли не единственным в степной Скифии источником, открывающим нам новую страницу ее истории. «Отец истории» несколько раз указывает на отсутствие в Скифии укрепленных городов. Лишь на первый взгляд это может

---

[1] См. различные выпуски «Советской археологии» и «Советской этнографии».

[2] Считаю нужным сказать, что распространение названия скифов на множество совершенно разных по происхождению племен, делаемое некоторыми современными учеными вслед за поздними писателями античности, вносит большую путаницу. Следует, на наш взгляд, называть скифами только группу родственных степных племен, хорошо очерченную Геродотом и упоминаемую рядом других древних авторов.

быть отнесено только к кочевым скифам. Именно археология показывает, что до Геродота и в эпоху Геродота в собственно Скифии, — и в ее земледельческой части, и на кочевой территории, — действительно, не было укрепленных поселений. Каменское городище — первое из таковых, и возникло оно, едва ли не в единственном числе, в конце V в. или первой половине IV в. до н. э., т. е. в то самое время, когда в Скифии образовалось объединенное царство Атея. Связи обоих явлений, — основания первого города-крепости и возникновения объединенного скифского царства, — по времени очевидны и, несомненно, были органическими.

Цель предлагаемой работы — сделать общедоступными материалы этого памятника, проследить его связи с другими — более ранними, одновременными и более поздними поселениями степной Скифии и, в меру сил автора, связать этот интересный памятник с историей Скифии в целом.

Не претендуя на сколько-нибудь кардинальное разрешение общих вопросов истории Скифии, мы позволим себе предпослать в качестве введения к настоящей работе краткий очерк политической истории собственно Скифии, как она рисуется нам по письменным источникам. Это представляется нам закономерным: в дальнейшем вновь вводимый в круг изучения памятник скифской археологии кое-что дополнит и, может быть, объяснит в таком очерке. Этот последний лишь покажет, что́ нам известно из античных писателей по истории Скифии, и яснее будут пробелы, которые должно заполнить изучение археологических памятников.

ВСТУПЛЕНИЕ. КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ СКИФИИ ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Я решаюсь предпослать работе о Каменском городище этот очерк потому, что считаю вполне возможным существование этнически единых скифов и Скифского государства в сравнительно раннее время в Северо-западном Причерноморье и в Приазовских степях между Доном и Днепром. Я не собираюсь при этом окончательно решить все вопросы, а только надеюсь описать этот процесс для того, чтобы в заключительной части работы показать, что изучение поселений в разных областях собственно Скифии может расширить выводы, делаемые только на основании письменной традиции. Согласование известий письменной традиции о скифах с археологическими данными необходимо, но оно очень трудно, а главное, первая требует не предвзятого к себе отношения. Иногда трудность согласования очень велика и приводит к натяжкам и затруднениям в выводах. Таковы особенно опыты составления карты скифских племен по Геродоту.

Я не считаю удачною свою карту и признаю теперь безусловно ошибочным размещение на ней нескифских племен Геродота, т. е. андрофагов, меланхленов и будинов в области распространения юхновской, дьяковской и т. п. культур. Ничуть впрочем не удачнее локализация М. И. Артамоновым скифов-пахарей, номадов и будинов, превращенных к тому же в каких-то гелоно-будинов. Его археологический критерий для этого — погребальные ритуал и сооружения, прием иногда возможный, но использованный в большей мере, чем это допустимо. Можно было бы указать немало древних племен, у которых встречаются в одно и то же время разные сооружения и разный ритуал. Так, у греков преобладало трупоположение, но допускалось трупосожжение; у римлян — наоборот. У кельтов I—II эпох Латэна резко преобладало трупоположение, но спорадически известно трупосожжение; с конца II в. до н. э., как раз наоборот, возобладало трупосожжение. М. И. Артамонов не сможет никогда возразить против того обстоятельства, что в одних и тех же курганных могильниках лесостепного днепровского правобережья встретятся хронологически одновременные сооружения и даже обряды, различные между собой. Наоборот, у ранних сарматов Приуралья мы встретим в одной и той же — территориально и по времени — курганной группе простые ямы меридиональной ориентировки, ямы с заплечиками той же ориентировки, ямы огромных размеров для коллективных захоронений, ямы наподобие жилищ Чудацкого городища и более или менее развитые катакомбы; но зато обряд их однообразен во всех деталях до поразительности [1]. М. И. Артамонов не сумел согласовать геродотово описание царских похорон в четырехугольной яме с обычными в курганах захоронениями в катакомбах, и из сопоставления разрозненных данных эпохи бронзы с указанным описанием он делает вывод о скифах-кочевниках в Крыму. Случайные сравнения такого рода привели этого автора к полной перестройке карты Геродота, а в своей статье «К вопросу

[1] Б. Граков. Скифы. Киев, 1947, стр. 8—9 и карта; М. И. Артамонов. Этногеография Скифии. Уч. зап. ЛГУ, вып. 13. Л., 1949, карта на стр. 170. Примеры сарматских могильников: Прохоровский (МАР, вып. 37) и вокруг г. Чкалова (Б. Граков. Курганы близ поселка Нежинки. Труды археолог. секции РАНИОН, вып. IV. М., 1928).

о происхождении скифов» тот же автор вообще сначала считает невозможной всякую попытку сопоставить события по Геродоту с событиями по клинописным текстам и, отказав скифам в переселении, через несколько страниц строит вполне допустимую гипотезу, объясняющую это переселение [1]. Помимо гиперкритического отказа от согласования различных письменных источников, автор, видимо, даже не дает себе труда рассмотреть вопрос о разных источниках Геродота и и не пытается критически оценить его отдельные части.

Среди вопросов истории скифов особенно спорным является проблема скифской государственности.

В буржуазной литературе широкое хождение имеет концепция М. И. Ростовцева, который во всех своих работах упорно проводит точку зрения на скифское общество как на феодальную державу, сходную с Хазарским царством или Золотою Ордою. Такая могущественная держава будто бы существовала в VII—V вв. до н. э., а затем стала приходить в упадок. В этой концепции проводится свойственная ее автору цикличность в истории с постоянным повторением то замирающего, то вновь берущего силу феодализма. Вслед за Ростовцевым то же самое повторяют невозвращенцы Н. П. Толль[2] и Г. Вернадский [3]. Польские и чешские буржуазные археологи создавали свои историко-археологические построения по поводу находок «скифских» вещей на территории центральной Европы, исходя из принимаемого ими на веру существования в степях Черноморья такого феодального государства. Будто бы волна скифских завоевателей докатилась до Венгрии, Румынии и Болгарии, где в результате образовались группы скифской культуры. На основании отдельных находок скифских стрел на территории лужицкой культуры делаются выводы о скифской экспансии, будто бы приведшей к гибели лужицкую культуру. Отрицать вероятность скифских походов во Фракию, на Дунай и в область лужицкой культуры полностью едва ли приходится. Даже в СССР покойный академик Ю. В. Готье и крупнейший русский археолог В. А. Городцов долго выдвигали очень близкую точку зрения, считая, что и киммерийцы были объединены в мощное государство.

Фридрих Энгельс, прослеживая пути возникновения государства, отмечает: «Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре становится необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных территорий племен в одну общую территорию всего народа»[1]. Родовые институты превращаются в институты государства, когда оно становится необходимым в результате возникновения антагонистических классов. В работе И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» есть ряд положений, облегчающих разрешение поднимаемого вопроса. Отвечая на вопрос о пути развития языка от самых ранних его форм к самым поздним, И. В. Сталин говорит: «...везде на всех этапах развития язык, как средство общения людей в обществе, был общим и единым для общества, равно обслуживающим членов общества независимо от социального положения»[2]. Далее И. В. Сталин противополагает непрочным военно-административным империям рабского и средневекового периодов, не имевшим своей экономической базы и понятного для всех языка, племена и народности, имевшие свою экономическую базу и свои не классовые, а общенародные языки. История же знает немало таких государств рабского периода, в основе которых лежала какая-нибудь одна народность, имевшая антагонистические классы и свою нередко многовековую историю. Мне кажется, что это положение вполне применимо и к Скифскому царству. Ниже мы остановимся на разных точках зрения, установившихся в советской научной литературе.

С начала знакомства греков со скифами и до V в. до н. э., от древнейших времен пребывания скифов в степях Северо-западного Причерноморья и Приазовья сохранилось лишь немногое в греческой письменной традиции. Сведения Гомера о млекоедах-доителях кобылиц, живущих на севере от Трои, прямо за фракийцами и мисийцами, не содержат имени скифов. С этими же эпитетами

[1] ВДИ, 1950, № 2.
[2] Н. П. Толль. Скифы и гунны. Прага, 1928.
[3] G. Vernadsky. Ancient Russia, 1943.

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1948, стр. 185.
[2] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 12.

называет скифов Гесиод. Вопреки М. И. Артамонову, считать оба эти свидетельства доказательством пребывания кочевых скифов в Причерноморье в IX—VIII вв. вполне возможно[1]. «Тейхомахия» Гомера принадлежит к древнейшим частям Илиады. С другой стороны, это не препятствует предполагать более раннее появление кочевых скифов или их предков в Северном Причерноморье, откуда бы они ни пришли, как это делает М. И. Артамонов.

К рубежу VII и VI вв. относятся отрывочные фрагменты у Сапфо и Алкея, указывающие на привычность представлений о скифском мире у островных греков. Особенно важно обращение Алкея к Ахиллу, владыке Скифской земли[2]. В отношении локализации ахилловых владений нет и не возникало сомнений: это остров Белый (ныне Фидониси) и Ахиллов бег (коса Тендра). Владения скифов — северо-западное побережье Черного моря. Итак, со времен Гомера скифы европейские локализованы здесь с полной ясностью.

Гомер в совершенно других условиях[3] говорит о киммерийцах, помещая их где-то на севере в преддверии царства мертвых. Где бы ни помещала позднейшая традиция киммерийцев, во всяком случае совершенно законно предполагать их в гомеровскую эпоху на нашем черноморском севере, а отсюда и их соседство (без всякого более точного определения их территории) со скифами. На этот счет существовали разные мнения, и ни одно, конечно, не шло дальше предположения. Даже такой осторожный исследователь, как покойный академик С. А. Жебелев, не рисковал возражать против северочерноморского пребывания киммерийцев, по Одиссее[4].

М. И. Артамонов игнорирует все развитие античных толкований гомеровского эпоса. Одиссеево странствование сперва относилось к Эгейскому, потом к Черному морю, затем к западной части Средиземноморья. Еще Эфор помещал киммерийцев, не обинуясь, в Кампанию, хотя черты их быта в его описании разительно напоминают реальные формы жизни населыников нашего юга эпохи бронзы. Сводку относящегося сюда материала можно найти, например, у Леман-Гаупта[1].

Остановимся немного на вопросе о киммерийцах в Северном Причерноморье. До Геродота их локализация там как будто не встречается. Это дает М. И. Артамонову отправной пункт для полного отторжения их от северного побережья на Кубань в более раннее время, чем указано Геродотом. Я не намерен здесь останавливаться на аргументации такого построения, особенно после того, как А. А. Иессен разрушил ее хронологическую основу. Все дело в том, что автор не хочет соединить, хотя бы и гипотетически, клинописных и геродотовых известий, а создает собственную, лишенную основания, археологическую картину «катакомбной» культуры, одновременной со срубной, объявляет ее носителей киммерийцами на Кубани, принимает позднее появление киммерийцев в Северном Причерноморье, отождествляя их с населением Кубани в предскифское время[2]. Автор не учел важного, хотя и несколько путаного, свидетельства Страбона[3], в котором дана иная традиция, чем у Геродота, но восходящая явно к очень древнему времени и называющая даже имя трерского (киммерийского?) царя Коба, изгнанного Мадием Скифским. Осталось им незамеченным и свидетельство Плутарха, восходящее к другой древней традиции о киммерийском народе. В этом известии прямо говорится, что изгнаны были не все киммерийцы, а только часть их была вытеснена скифами[4]. М. И. Артамонов напрасно отрицает поглощение части киммерийцев скифами: такое толкование — не произвольный компромисс, а неизбежная необходимость, если принимать во внимание все источники, а не те, что почему-то кажутся более достоверными данному автору.

Перейду теперь к другой категории источников — к клинописным свидетельствам в ассирийско-вавилонских оракулах, летописях

[1] М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, 1950, № 2, стр. 38; Б. Н. Граков. Скифы, стр. 13 и сл.; С. А. Жебелев. Народы Северного Причерноморья..., ВДИ, 1938, № 1, стр. 148 и 149, прим. 2 и 3.

[2] SC, I, стр. 321.

[3] Одиссея, XI, 12—19.

[4] С. А. Жебелев. Ук. соч., стр. 149.

[1] Lehmann-Haupt. Kimmerier. RE, XI, вып. 156/157, стр. 429—430.

[2] М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, 1950, № 2, стр. 43—47; А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, стр. 157 и сл.

[3] Страбон, I, 3, § 21.

[4] См. Плутарх. Марий, гл. II=SC, I, стр. 488

и официальной переписке. Их сводка дана в уже упомянутой статье Леман-Гаупта, они же предпосланы переизданию в ВДИ «Известий о Скифии и Кавказе» В. В. Латышева и особенно полно собраны И. В. Дьяконовым в приложениях к ВДИ (№ 2 и 3 за 1951 г.). Киммерийцы, по этим данным, до 714 г. появились на границах Урарту и этим невольно помогли Саргону победить Русу I. Затем они неоднократно вторгались с севера в Малую Азию и до северных границ Ассирии. С 70-х годов VII в. до н. э. бок о бок с ними появляются скифы (ишкузы или ашкузы) под командой Ишпаки, побежденного Асаргаддоном II, и Партатуа (Прототий Геродота), через послов осуществившего брак с дочерью Асаргаддона II, заключившего с ним дружественный союз и, вероятно, затем ушедшего на север. Не один раз клинописные тексты говорят о киммерийцах и скифах. Неверное впечатление о союзных отношениях между ними основано на недоразумении: они действуют изолированно, и хотя одинаково враждебны Ассирии, но в конце концов враждебными остаются только киммерийцы, а скифы после Партатуа не упоминаются.

Вторжение Тушпы, уничтоженного Асаргаддоном, нападение киммерийцев на Гигеса и первоначальное поражение им этих врагов, союзных мидянам и другим неприятелям Ассирии, — дальнейшие похождения этих северных пришельцев. При Гигесе Лидийском были присланы пленные киммерийские вожди в оковах к Ашурбанипалу. Дважды при Гигесе и его сыне Ардисе киммерийцами были взяты Сарды. Гигес стал из боязни перед киммерийцами вассалом Ашурбанипала и погиб в борьбе с ними. И греческая традиция, в лице Каллимаха и Страбона (указанное выше место), говорит о том же самом, приписывая этот поход Лигдамию, может быть, Дугдамме клинописи, и свидетельствует о взятии Сард и угрозе Эфесу. Путем ряда сопоставлений получены даты этого вторжения между 637/6 и 626 гг. Дугдамме тревожил царство Ашурбанипала со стороны Малой Азии и был уничтожен в киликийских владениях Ассирии. И Лигдамий, по Страбону, погиб именно в Киликии. Страбон же сообщает о неоднократном взятии Сард, об элегии Каллина, посвященной этому[1]. Архилох говорит о гибели Мангнесии[1]. Неясны даты всех этих походов, но они, очевидно, были неоднократны в течение всего VII в. — до его рубежа с VI в. до н. э.

Итак, ассиро-вавилонские и греческие источники упорно твердят о вторжениях киммерийцев в Малую Азию и Ассирию, лишь неясны их детали. Но многократные вторжения с севера в эти земли очевидны, причем для греков всегда исходным краем походов киммерийцев являются только Северное Причерноморье и побережье Меотиды, а пути вторжения идут то через Кавказ, то через Фракию.

Не сходясь в деталях, сообщения древних писателей неуклонно говорят об одном и том же: о давнем пребывании киммерийцев на севере и о многократности их вторжений в Переднюю и Малую Азию. Этому не противоречат общеисторические соображения. Переход от бронзы к железу — эпоха так называемых военных демократий — это эпоха походов, и иногда очень дальних. Для народов с началами кочевого типа в хозяйстве и быту возможны были гораздо более дальние походы, чем для оседлых земледельцев. Но все народы этой ступени развития переживали эпоху походов, то отторгавших их от родины, то не отторгавших. Последнее — чаще. Ранняя история греков, скифов, киммерийцев, кельтов и германцев дает множество примеров этого, но всегда в новых, своих собственных, конкретных формах.

О событиях, последовавших за перечисленными, рассказывает Геродот; этот рассказ передан в двух редакциях. Речь идет об известном эпизоде изгнания скифами киммерийцев из Причерноморья[2]. Первый подробный рассказ восходит, как обычно считают, к Гекатею Милетскому и отличается большими подробностями, второй — к Аристею Проконнесскому. В обоих рассказах идет речь о вторжении скифов в страну киммерийцев, под натиском то ли массагетов (Гекатей), то ли исседонов (Аристей), об изгнании киммерийцев из их области, о бегстве последних в Малую Азию и о вторжении скифов в Мидию и Ассирию через побережье Каспийского моря. Геродот видит в этом их ошибку на пути преследования киммерийцев. В результате появления скифов мидяне были

[1] Страбон, XIII, гл. IV, § 8 = SC, I, стр. 162.

[1] Афиней, XII, 525 C.

[2] Геродот, I, 103—106; IV, 11, 12 и 13.

вынуждены снять осаду с Ниневии. Вследствие поражения мидян в сражении скифы прошли насквозь до Египта, в Сирии Псамметих откупился от них дарами, на обратном пути часть скифов ограбили г. Аскалон. Затем 28 лет скифы господствовали в Азии, взимая дань и совершая набеги с целью грабежа. Вся эта эпопея заканчивается тем, что Киаксар пригласил на пир скифов и большинство из них перебил пьяными. Впрочем, по времени это скорее должен был бы быть Астиаг. Остальные скифы ушли на родину. Раньше стоит в контексте, но м. б. из того же источника происходит легенда о восстании потомков жен ушедших скифов и их рабов, и об усмирении восставших бичами вместо оружия. Предводителем скифов был Мадий, сын Прототия (т. е. Партатуа в оракулах Асаргаддона).

Еще в 1923 г. Е. Дж. Гадд издал в работе «The Fall of Nineveh» табличку Британского музея за № 21901. В ней дано описание событий с десятого по семнадцатый год правления вавилонского царя Набопаласара (626—609 гг. до н. э.). Мидяне в 614 г. взяли и разорили Ашур и осаждали Ниневию. Результатом появления скифов (в осуществление договора между Асаргаддоном и Партатуа, как думал Леман-Гаупт[1]), было снятие осады с Ниневии Киаксаром. Геродот говорит также, что скифы появились именно во время осады Ниневии и разбили Киаксара в сражении. Далее, в том же 614 г. в Ашуре Набопаласар и Киаксар заключили между собой договор. Вскоре, вероятно, изменив ассирийцам, к ним присоединились скифы (умман-манда), очевидно, понявшие политическую ситуацию в Передней Азии и вступившиеся за своего нового союзника (по вавилонской хронике) и данника (по Геродоту) Киаксара. Все три новых союзника в 612 г. осадили город и в трех кровопролитных сражениях захватили и разграбили столицу Ассирии. В 611 г. через Харанн скифы гнались за последним ассирийским царем Ашурбалитом. Здесь они, по хронике, были остановлены египтянами и Ашурбалитом. Но попытка Ашурбалита и египтян восстановить Ассирию окончилась безрезультатно[2].

Как и по отношению ко всему предыдущему столетию, можно видеть в повествовании Геродота и хроники № 21901 близость в передаче основного хода событий. Скифы появляются во время осады Ниневии Киаксаром, затем доходят почти до Египта. И то, и другое опять согласуется в обоих источниках. Греческий источник только несколько подробнее в отношении событий, чем вавилонский, и несколько мифологичнее: сравните рассказ об ограблении Аскалона и его чудесных последствиях и новеллу о рабском восстании.

Кроме того, в рассказе Геродота, восходящем к Гекатею и Аристею, а также и к официальным персидским данным, есть подробности о движении скифов с востока под напором исседонов или массагетов и имя Мадия, сына Прототия. Последнее имя в вышеупомянутом тексте Страбона связано с более ранним походом скифов, чем геродотовский. В этом рассказе Страбона сказываются попытки согласовать между собой ряд событий смутной традиции VII в. до н. э. Геродот повторяет Гекатея и Аристея, начавших традицию смешения в стремлении увязать разновременные источники. Очень вероятно толкование В. В. Струве, связывающее поход Мадия и Лигдамия с событиями 626—625 до н. э., с первой попыткой Киаксара подчинить себе Ниневию[1]. Вполне возможно, что имели место два похода под руководством Мадия.

Итак, внешняя история Скифии в общем за VII в. хотя и мало, но известна. Есть и кое-какие данные о политическом и социальном их строе. Скифы, прибыв на восток и владея Мидией 28 лет, не организуют никакого государственного объединения. Они собирают дань и грабят. Даже едва организовавшееся государство мидян, сначала подчиненное скифами, освобождается от них при помощи обычных, жестоких, но наивных приемов, применявшихся на всем Переднем Востоке и позднее. Киаксар (или его преем-

---

[1] Lehmann-Haupt. Ук. соч.

[2] В статье «Последние годы Урартского государства» (ВДИ, 1951, № 2) И. М. Дьяконов не склонен толковать этот эпизод как результат деятельности скифов, рассматривая термин «умман-манда», как относящийся к мидийцам. Я не могу сам толковать эти тексты. Однако аргументация И. М. Дьяконова никак не окончательна. Обращу внимание на то, что в тексте хроники говорится о снятии осады по чьему-то требованию. Это вполне могли быть союзники ассирийцев — скифы. Точку зрения Гадда в своих работах приняли В. В. Струве и Б. Б. Пиотровский.

[1] В. В. Струве. История древнего Востока. М., 1941, стр. 340 и 367.

ник) избивает часть скифов на пиру после их 28-летней власти в Мидии. Напомню аналогичные условия гибели стратегов, товарищей Ксенофонта, завлеченных на пир сатрапом Тиссаферном, — событие, вполне историческое и хорошо иллюстрирующее привычность подобных методов борьбы с сомнительным союзником или врагом даже в ахеменидской Персии.

Геродот повествует о том, что по возвращении из Мидии скифы выдержали войну с детьми своих жен и рабов—почти такую же тяжелую, как греко-персидская. Общеизвестен рассказ, что скифы не могли усмирить рабов оружием, но что последние подчинились при виде плетей. Это легендарная подробность, и только. Самое же восстание детей рабов и повествование об ослеплении рабов, их отцов, говорит о наличии рабства уже в VII—VI вв. до н. э. Наследственность царской власти в VII в. до н. э. видна из того, что сын Прототия (Партатуа) Мадий является наследником своего отца на царстве. Эти же черты Геродот придает, но с большей четкостью, скифам Причерноморья VI—V вв. до н. э. Таким образом, уже в VII в. до н. э. скифы представляли собою союз племен, заключающий в своем составе и кочевые и земледельческие элементы (по этногонической легенде). Последние и часть первых уже подчинены царским скифам, цари которых совершают далекие походы на восток и вытесняют киммерийскую, тоже кочевую, аристократию.

В собственно скифскую территорию, как видно из суммы этих данных, входили все те земли, о которых позднее говорит Геродот. К концу VII в. до н. э. территория эта включала землю от границ Фракии на западе до каких-то пределов между Днепром и Доном на востоке и частично включала Крым; последний присоединен в конце VII в. до н. э.,— едва ли раньше, если судить по легенде о рабском восстании. Границы этой области не были, конечно, неизменными. Намек на эти изменения содержится в сказании о происхождении савроматов от амазонок и молодежи свободных, т. е. царских скифов. К походу Дария, если верить сказанию о нем, савроматы прочно занимали свои места и были союзны скифам [1]. Когда бы ни имело место образование этого племени, оно могло произойти от смешения меотов с частью скифов, путем создания племенного союза родственных племен. Образовался этот союз на восточной окраине царских кочевий, после чего вновь сложившееся этническое объединение ушло за Дон. При этом территория первичного скифского объединения увеличилась до какого-то места Дона. Эти события, скорее всего, могли произойти в VII в., в эпоху походов в Переднюю Азию.

В каких отношениях были собственно скифы и население степей Северного Кавказа? Источники раннего времени об этом молчат. Может быть, лишь в рассказе об амазонках сохранилось указание, что граница доходила до устьев Дона, но не дальше. В таком случае, степи Прикубанья, частью, конечно, и тогда населенные меотами, были только территорией, через которую следовали походы соседних скифов. Культурное родство скифов и населения Прикубанья в VII—VI вв. до н. э. не вызывает сомнения по археологическим данным. Часто пишут теперь о скифах Кавказа. Очень возможно, что эти «скифы» вовсе таковыми не были, а лишь по сходству обычаев принимались за скифов. Во всяком случае, следует отметить, что Гекатей Милетский называет скифскими племена, часто даже по Геродоту не относящиеся к числу собственно скифских, но обязательно соседние с ними или связанные торговым путем, известным из Геродота. Зато на Кавказе и за Доном Гекатей ни одного племени не относит к скифам [1]. Значит, отрыв от связи с Кавказом относится еще к первой половине VI в. до н. э., — отрыв не в отношении культурном, а в смысле политического господства и использования Кавказа как пути для дальних походов.

О политической обстановке в собственно Скифии в VI в. до н. э. мы ничего не знали бы, не случись похода Дария I на скифов в 514 г. Сведения о нем черпаются из Геродота и только в очень малой степени — из других авторов, повторяющих этот рассказ в общих чертах по Геродоту. Этот рассказ, прежде всего, передает политическую обстановку. Царь Иданфирс был главным из трех царей. Ему подчиняются два других царя. Земли их уже в границах Скифии V в. до н. э. (т. е. времени Геродота) — от Истра до Танаиса; царские скифы владеют всеми остальными

[1] См. Геродот, IV, 110—117.

[1] Фрагменты Гекатея см. SC, I, стр. 1—3.

племенами и свободно кочуют по всей стране. Иданфирс оказывается на правом берегу Днепра, когда появляются персы. Война ведется по одному стратегическому плану, — завлечь врагов поглубже с применением тактики изматывания. Скифы в курсе отношений греков к персам и ведут переговоры с целью поднять греков против царя. Неясно, однако, сколько правды в том, будто бы скифы понимали так отношения обеих сторон, что в случае полного поражения царя греки навсегда будут свободны. Во всяком случае в этом изложении скифы выглядят достаточно прочно организованным племенным союзом, вожди которого — опытные стратеги и при случае дипломаты.

Интересны связи, установленные этим преданием: союз со скифами приняли только те племена, через территории которых проходил торговый путь от скифов на восток, отказали же им в этом соседние племена, мимо которых шел этот путь или которых он вовсе не касался. Реальность этого пути засвидетельствована археологическими данными, а такая зависимость союзных отношений как бы подтверждает наличие реальных элементов во всем повествовании о войне. Это повествование, конечно, заключает в себе скифское эпическое предание, менее чем за сто лет, протекших до Геродота, уже обросшее местными легендами и преувеличениями. Кроме того, понтийские греки, вполне его усвоив, оснастили его своими деталями о походе Дария через Фракию и деталями о событиях у моста через Дунай. Может быть, многое и в самом повествовании о событиях на территории Скифии присочинено греками-новеллистами. Во всяком случае, ядро истины в этом предании есть. Неясным остается вопрос, до каких пор дошел Дарий. Геродот сообщает об р. Оаре, впадающей в Меотиду. Волга ли это, как считают многие, или один из притоков Меотиды, которых очень много,— вопрос несущественный. Армия, конечно, могла быть в походе около двух месяцев и пройти с возвратом назад к Дунаю 500—600 км, но все же очень сомнительно, чтобы она могла дойти до Волги. Рассказ же Страбона[1] о том, что Дарий попал в ловушку между Днестром и Бугом и рисковал погибнуть там от голода и жажды в Гетской пустыне, можно расценивать и как максимальное проникновение его войск, и как конечный — уже при возвращении — этап пройденного им по Скифии пути. Ведь и Геродот рисует последними местами событий места около Дуная[1]. В конечном счете не так уж существенно, куда дошел Дарий. Важно то обстоятельство, что Дарий потерпел поражение и более персы не тревожили скифов.

Не лишена некоторого интереса версия Геродота о том, что поход Дария отвечает стремлению персов отомстить за имевшее место на сто лет раньше вторжение скифов в Переднюю Азию. Нет ничего удивительного в таком casus belli. Но что истинная причина была другою, видно хотя бы из рассказа Ктесия, врача Артаксеркса II Мнемона (конец V в. до н. э.). По Ктесию, еще до пешего вторжения, по приказанию Дария, сатрап Ариарамн[2] вторгся морем с 30 пентеконтерами на побережье Скифии и захватил большой полон, в том числе за что-то находившегося в оковах царского брата Марсагета. Цель была, по Ктесию, в захвате рабов обоего пола.

Скифский царь Скифарб (Иданфирс Геродота; здесь, вероятно, ошибка — вместо «скифарх», т. е. «владыка скифов») в гневе написал Дарию дерзкое письмо; ему был дан такой же ответ. Результатом явились уже описанные поход и поражение Дария[3]. Таким образом была даже произведена своеобразная морская разведка перед походом. Именно так можно толковать вторжение, описанное Ктесием. Конечно, В. В. Струве прав[4], считая, что нельзя видеть в этом морском набеге другого, более успешного похода персов в Скифию. Но трудно с ним согласиться, что морской поход Ариарамна совпадает с одним из пеших походов на массагетов, хотя толкование им последних как «саков, которые за морем» по Бегистунской надписи очень убедительно. Уж очень реальна, каким бы путаником ни являлся Ктесий, картина морского набега с упоминанием о судах. Поход самого Дария вполне мог быть оправдан местью за прошлое, но серьезный политик Дарий не мог совершить поход только с этой романтической целью.

[1] Страбон, VII, 3, § 14.

[1] Геродот, IV, 135 и сл.

[2] У Ктесия Ариарамн назван сатрапом Каппадокии ошибочно.

[3] Ктесий Книдский — SC, I, стр. 354. Имя царя в остальной традиции — Иданфирс.

[4] В. В. Струве. Дарий I и скифы Причерноморья. ВДИ, 1949, № 4, стр. 15 и сл.

Думаю, что наиболее близко к действительности толкование С. П. Толстова: «Большой интерес представляют неудачные походы Кира на массагетов и Дария на «саков» и на европейских скифов. Трудно предположить в обоих предприятиях завоевательные цели. Оба царя-полководца были слишком реальными политиками, чтобы можно было приписать им постановку столь безнадежной задачи, которая, если бы и была решена, не сулила особенных выгод. Гораздо вероятнее здесь видеть попытку замирения скифо-массагетской степи»[1]. До известной степени это удалось персам, по крайней мере,—в отношении Хорезма.

Д. П. Каллистов высказывает особое мнение о походе Дария. Он объясняет поражение персов, в частности, «решительностью сопротивления отдельных племен». Разбирая повествование Геродота, он не видит в нем признаков единства скифов, хотя единственным аргументом против этого являются три царя, два войска и якобы безличность скифов у великого историка. Первые два признака ни о чем, кроме исконной организации скифского союза племен, не говорят. «Безличность» скифов Геродота — необоснованное представление самого Д. П. Каллистова. А сопротивление разобщенных племен — плохая основа для успешного сопротивления организованному войску. Раз восприняв концепцию об образовании скифов из множества элементов, автор пошел в разрез с источником, толкуя его ради ошибочной концепции «скрещивания» как основы процесса образования этнических групп[2].

V в. до н. э. еще менее освещен в отношении внешних событий, но мы не можем не отметить прекрасного социально-политического, географического и этнографического очерка, данного Геродотом в IV книге «Истории». За два года до изгнания Мильтиада персами из херсонесских владений, т. е. в 496 г., он был изгнан оттуда скифами, прошедшими всю Фракию, может быть, в целях попытки разведать подготовленность персов, а затем начать поход более значительного размаха. Скифы после набега вернулись домой. В освещении этого похода важно то, что скифы-кочевники описаны здесь раздраженными по отношению к персам[1]. Этим подчеркивается основная военная роль кочевых элементов в Скифском союзе. Они же делают попытку после херсонесского похода, в конце девяностых годов, склонить к союзу с собою против персов царя спартанцев Клеомена I. Они лелеяли план вторжения через Кавказ: еще были живы предания о походах VII в. и начала VI в. до н. э. Союз не состоялся[2]. Если эта версия реальна, то приходится отметить дальновидность скифов, не рассчитывавших теперь без союзников обезопасить свои владения от новых персидских посягательств. Но это не понадобилось. Греко-персидские войны отвлекли внимание персов от их северных врагов. Можно не сомневаться, что присоединение части фракийцев к Дарию во время похода на Скифию на много лет (вероятно, до образования царства одрисов) сделало отношения скифов к фракийцам враждебными. Об этом, конечно, говорит рассказ Реза в одноименной трагедии Еврипида о нападении скифов на его землю, как это верно указала Т. В. Блаватская. К той же категории относится, может быть, и известие Клеарха из Сол (IV в. до н. э.) у Афинея о наложении скифянками клейм на фракийских женщин[3].

Из третьей четверти V в., в связи с рассказом о Скиле, мы узнаем о независимости Ольвии в это время и об ее мирных взаимоотношениях с царем Скилом, прикочевывавшим к ее стенам со своею дружиною. Из того же рассказа известно о войне между Октамасадом, сменившим на престоле Скила, своего брата-отступника, и Ситалком, царем одрисов, владевшим всеми землями до Истра. Говорится о родственных отношениях между царями одрисов и царских скифов[4]. Вероятно, права Т. В. Блаватская, думающая, что оба царства в результате бесплодной борьбы перешли к политике мирного характера, закреплявшейся династическими браками: дочь Терея была замужем за скифским царем Ариапифом. Мирный характер подтверждается браками вроде брака Ариапифа и гречанки из Истрии, от которой родился Скил. Таким образом,

[1] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 105 и сл.

[2] Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья. М.—Л., 1949, стр. 133 и сл.

[1] Геродот, VI, 40.

[2] Там же, 80—84.

[3] Еврипид. Рез, стихи 426—436=SC, I, стр. 346; Афиней. Дейпнософисты, XII, 27=SC, I, стр. 627; Т. В. Блаватская. Западно-понтийские города. М., 1952.

[4] Геродот, IV, 78—80.

именно Ариапиф установил мирные отношения с Тереем и одрисами. Я не буду входить здесь в подробности этих связей.

Наконец, из Геродота мы узнаем, что скифы из Крыма переправляются по зимам походом на синдов. Из контекста вытекают обычность этих походов и очевидность постоянных враждебных отношений скифов и синдов, может быть, еще с эпохи старых походов в Переднюю Азию [1].

В целом картина рисуется иначе, чем в VII в. до н. э. Яснее определились границы Скифского царства. Походы предпринимаются на сравнительно большие расстояния, но более всего во Фракию, с племенами которой отношения носят то враждебный, то мирный характер. Нередки походы на Кавказ. Можно, конечно, с полным основанием предполагать, что набегам подвергались и степи Задонья и Кубани. Ограничение походов не могло диктоваться ослаблением Скифского царства: для этого должны были быть другие причины.

Я не буду касаться расселения племен. Выше я говорил о своих ошибках в этом смысле. Ясно лишь, что различные земледельческие племена жили по правобережью Днепра вплоть до Днестра, но более по Бугу и от него к Днепру, а «скифы-земледельцы», как особое племя,— по нижнему Днепру. Кочевники жили между земледельцами и царскими кочевьями, причем уже из Геродота видно, что между Пантикапом и Днепром они жили вперемежку с земледельцами. Северная граница Скифского союза лежала на правобережье Днепра, вдоль Невриды и даже в номе Геррос, т. е. где-то немного ниже порогов. Царство скифов рисуется как группа родственных племен. Во главе его стоит племя царских скифов. Кочевой элемент преобладает политически и социально. Его преобладание сказывается в том, что все военные предприятия и внешние сношения осуществляются под именем скифов-кочевников и, главным образом, ими самими. Что здесь подразумеваются прежде всего царские скифы, явствует из кочевого образа жизни последних, отлично обрисованного в образе жизни Иданфирса, в кочевьях Скила и, наконец, в предании об амазонках, где молодежь царских скифов рисуется кочевою. Царские скифы, хотя их τὰ βασίλεια лежат к востоку от Герра, кочуют по всей территории царства. Их отношения к подчиненным племенам своеобразны. Это своего рода данничество: и воинами-слугами, и слугами-рабами, и насыпкою царских могил, и продовольствием, и принятием на своей территории прижизненных и посмертных царских кочевок.

Недавно Д. П. Каллистов [1], соглашаясь с возможностью передачи скифских названий греческими пахарями, земледельцами, царскими скифами и т. д., пытался доказать, что это не племена, а какие-то более широкие группы населения, определенные «отцом истории» по хозяйственному или политическому признаку. Его усилия непонятны. Эти группы скифов носят название ἔθνεα, и иного смысла, кроме племен или народов, они здесь, как и вообще в классическом языке, не имеют. Эти племена не только имеют тот или иной хозяйственный облик, но и каждое располагает своей территорией, входящей в общее понятие Скифии. Эти племена могут, конечно, обозначать нечто большее, чем первичные племена, но их кровная связь неоспорима. Может быть, νομοί — территории древних племен; но вполне возможно, что ἀρχαί — области, которых, вероятно, было всего три по числу царей.

Совершенно неверно его же утверждение об отсутствии обобщающего значения в понятии скифов. Это имя упорно употребляют еще в VII в. до н. э. ассирийцы. Этим словом для Геродота охватывается круг совершенно определенных этнических образований. Он отчетливо указывает и на то, что массагеты, будины, андрофаги, меланхлены и т. д.— нескифские племена. Он их не объединяет ни политически, ни этнически со скифами. Автор сделал такие выводы из 17—27 глав книги Геродота, потому что не принял во внимание проводимой Геродотом мысли о родстве и единстве скифов. Именно здесь-то и проводится различие между скифскими и нескифскими племенами. Неправильно трактует Д. П. Каллистов характеристику Страбона, у которого так легко скифы в древнем смысле отделимы от скифов в новом смысле [2].

Если же в надписях V и IV вв. до н. э. нет имени скифов, то ведь и надписей-то этих почти не существует. Констатированный мною факт выделения собственно скифов

[1] Геродот, IV, 28.

[1] Д. П. Каллистов. Ук. соч., стр. 120—121
[2] Там же. стр. 124—126.

в декрете в честь Протогена и наличие у причерноморских греков понятия скифов для политически объединенных родственных племен и отдельного наименования скифов для одного из племен — сейчас рассматривать нет необходимости.

Конечно, этническое единство не означает политического единства. Но слишком очевидно и это единство, пусть и не такое уж прочное, в интерпретации Геродота. В настоящее время в общем почти все лица, посвятившие свои занятия скифам, и М. И. Артамонов, и П. Н. Шульц, и сам Д. П. Каллистов, и автор настоящей работы, приняли эту точку зрения и считают, что социальной основой скифского объединения является позднейшее состояние первобытно-общинного строя, где при сильных пережитках родовых отношений, сильно уже и имущественное расслоение, доходящее даже, по Геродоту, до огромного разрыва (похоронные обычаи), рабство, как военное, так и в результате господства одного племени над другими.

Власть царя и его двух соправителей наследственна с VII в. в одной семье царских скифов; она весьма деспотична. Но царь легко может быть убит или смещен за нарушение обычаев религии. Сохраняется обычай побратимства. Похороны царя—только более роскошные похороны главы, родоначальника всех скифов; и для рядовых родичей в каждом племени они сохранялись в том же виде, вплоть до самокалечения и гостеприимства, оказываемого погребальному кортежу. Господствует культ домашнего очага с его женскою богинею, пережитком материнского рода.

Наконец, во всех туземных версиях мифа о происхождении скифов земледельческое начало неразрывно слито с кочевым, а это есть результат общего происхождения всех или почти всех племен от ставшего единым этнического начала. Власть эта ограничена собранием войска, обсуждающего поведение отдельных лиц, даже смещающего царей. Это тот строй первобытной догосударственной политической организации, который Энгельс назвал военною демократией.

Территория царства очерчена точнее прежнего. От Дуная она простирается до далекого Дона. Впрочем, в устьях последнего живут меоты. На западе границы скифов сходятся с агафирсами и неврами. На севере земли скифов ограничены неврами, номом Герр и землями андрофагов, меланхленов, савроматов. Будины с землей скифов непосредственно не соприкасаются. В состав страны входит Крым. Земли царских скифов простираются до Таврики, т. е. страны тавров, на востоке Крыма скифы граничат с Боспором и в северной части достигают самого пролива. Попутно замечу, что нет никаких данных видеть в населении Крыма эпохи Геродота земледельцев: именно к этой территории приурочены рабы, применяемые в скотоводстве при обработке молочных продуктов. Но центром всей территории Скифского царства-союза являются земли по Днепру. Между нижним Дунаем и нижним Днепром находится древняя Скифия — ἀρχαία Σκυθίη. В ней, в Гилее, живет богиня-родоначальница, дочь Борисфена. По Днепру вперемежку живут земледельцы и номады, к западу от него тянутся племена алазонов и пахарей, на его берегах находится Герр с царскими могилами и через него из своих, может быть, зимних кочевий прикочевывают к Ольвии царские скифы. Центром греческой торговли является Ольвия, тяготеющая к Днепру. Роль Кремн, упоминаемых Геродотом на Меотиде, в земле царских скифов, как и их локализация, неясны. Боспор еще не играет своей позднейшей роли для всей территории.

Скифы ведут широкую торговлю с Востоком. От Ольвии на северо-восток, через земли савроматов и будинов, идет проторенный торговый путь. Скифские купцы вынуждены в пути пользоваться переводчиками, но они хорошо знают этот путь. Существование этого пути легко прослеживается археологически [1]. Появляется новая фигура скифа-купца. Как рано она появилась,— не ясно. Но торговля хлебом со стороны земледельческих племен, распространение ольвийских товаров на Кавказ, в Поволжье и Приуралье, свидетельствуемое археологически, и т. п. указывают на торговые интересы части скифов. Свидетельства керамических аттических надписей, описи имущества гермакопидов, наименование скифами общественных рабов в Афинах, — все это говорит о невольниках скифского или соседнего происхождения, — правда, не очень многочисленных,—

[1] Б. Граков. Имела ли Ольвия торговые сношения с Поволжьем и Приуральем в архаическую эпоху? «Археологія», I, стр. 37 и сл. Київ, 1947 (на украинском языке).

в собственной Греции, вероятно, вывозившихся через рынки Ольвии [1].

Не один раз писалось о несостоятельности концепции М. И. Ростовцева о феодальной степной державе скифов в эпоху Геродота. Аргументы против нее очевидны: в геродотовом описании нет ясных данных об установившемся классовом обществе, уже принявшем какие-либо отчетливые государственные формы. Но прогресс вполне ощутим. От разрозненных вождей, вторгавшихся в VII в. в Ассирию, где мы вправе говорить лишь о намеках на объединение, при полном неумении организовать что-либо похожее хотя бы на завоевательную державу, мы приходим уже в VI в. до н. э., а тем более в V в. до н. э. к сильному племенному союзу с тремя царями, подчиняющемуся одному племени, но сохраняющему племенные номы с их вождями и народными собраниями военного характера. Много говорится о рабстве у скифов. Скифы приносят каждого сотого из взятых в полон в жертву богу войны. Употребляют рабов в хозяйстве. Калечат некоторых из них. Наконец, цари имеют слуг-товарищей — θεράποντες, — нечто вроде личной дружины,— часть которых идет за ними в могилу наравне с виночерпием, наложницей, конюхом, оруженосцем и т. д. Но велика ли роль этих рабов и слуг в хозяйстве,— неясно.

В конце VII в. и первой половине VI в. до н. э. появился новый стимул в жизни северо-западного Причерноморья — торговля с основными в это время греческими городами. Товары — хлеб в Ольвию и через Ольвию, рабы и меха (по Геродоту) — потребовались скифскому военному слою и, особенно, племенной аристократии и аристократии господствующего племени в большем, чем ранее, количестве. Это неизбежно влекло за собой усиление эксплуатации как рабов, так и экономически слабых соплеменников, обязательное закабаление некоторых из них. О какой-то скифской бедноте, которая могла и должна была подвергаться эксплуатации со стороны аристократии, говорит псевдо-Гиппократ, позднейший современник Геродота, сообщающий, что эта беднота вынуждена ходить пешком [2]. Еще раньше о подобном явлении говорит Пиндар. Ниже мы подробнее остановимся на этом.

Концепция М. И. Ростовцева о феодальном характере социального строя скифов и их государства в VII—V вв. до н. э. базировалась на сведениях Геродота и их сопоставлении с остальными текстами VI—V вв. до н. э. Его точка зрения принималась многими русскими и иностранными учеными, иногда даже советскими. Этому вопросу, его критике и обоснованию своей точки зрения, не допускающей племенного союза шире царских скифов, целую главу посвятил Д. П. Каллистов [1]. Он считает, что не было ни этнического, ни политического единства припонтийских скифов. Геродот для него в этом отношении не авторитет. Сославшись на точность и объективность Фукидида, Д. П. Каллистов приводит очень важную характеристику скифского военного союза, данную Фукидидом (II, 97), сопоставляющим его с царством одрисов. Сопоставление связано с событиями 429 г. Сильное царство (το ἀρχή, το βασιλεία) одрисов противопоставляется царству скифов, как более богатое и экономически развитое. Зато царство скифов (тоже βασιλεία) сильно превосходит его ἰσχύι μάχης καὶ στρατοῦ πλήθει. С этим царством (βασιλεία) не может равняться ни один народ Европы; да и ни один народ Азии не может противостать скифам, когда они все придерживаются одного и того же мнения. Из этого места Д. П. Каллистов сделал наиболее важный вывод: он приписывает Фукидиду мнение, что создаваемые скифами военные объединения недостаточно прочны (стр. 147). Он произвольно заменяет при этом фукидидово противопоставление царства царству противопоставлением царства народу. Еще неожиданнее его толкование 17—19 глав Геродота, в которых с наибольшей ясностью говорится об этническом и политическом единстве скифов. Его не смущает, что в противовес собственно скифским племенам,— земледельческим и кочевым,— именно здесь андрофаги называются «ἔθνος ἐὸν ἴδιον καὶ οὐδαμῶς Σκυθικόν», т. е. «особое и совсем не скифское племя».

Д. П. Каллистов в первой своей книге, не будучи лингвистом, непроизвольно попал в этом смысле на удочку учения Н. Я. Марра. Он считал тогда скифское общество находящимся на такой стадии развития, «когда еще только начинает слагаться общность племен и общий язык возникает из самых разнообразных в этническом отношении компонен-

[1] Б. Граков. Материалы..., ВДИ, 1939, № 3, стр. 290 и сл., № 70—119.
[2] См. SC, I, стр. 64, гл. 30.

[1] Д. П. Каллистов. Ук. соч., стр. 101 и сл.

тов». В своей новой книге, вышедшей в 1952 г., он отказался от этого неверного взгляда и учел свидетельства авторов об этническом и языковом родстве собственно скифских племен. Однако он попрежнему неверно толкует свидетельство Фукидида. В этом чувствуется явное противоречие [1]. Таким образом, после дискуссии и работ И. В. Сталина по языкознанию Д. П. Каллистов критически пересмотрел со стороны влияния школы Н. Я. Марра свои позиции об этнической разобщенности скифов.

Трудно, конечно, понять, почему до нас дошло так мало сведений о скифах после Геродота, однако в работе Эфора, известной более всего по Страбону, этого материала было достаточно: слишком много из него повторено позднейшими писателями. После филологического анализа М. И. Ростовцева легко расплести конкретное и идеализированное в каждом отдельном случае.

Почему послегеродотовская традиция дошла до нас в отрывках? Не потому ли, что ни один центр Греции эпохи эллинизма так и не создал себе никогда такого централизованного престижа, как классические Афины, к которым тяготел Геродот? Как бы ни было велико, например, значение Александрии, она была все же слишком далека от скифской окраины. Отрывочные сведения авторов дают, однако, не такое уж нестройное представление о состоянии собственно Скифии в IV в. до н. э.

В конце V в. или в начале IV в. до н. э., по сообщению псевдо-Гиппократа, савроматы находятся уже по сю сторону Дона. Немного спустя эти сведения подтверждает псевдо-Скилак, называя их сирматами, а уже за Доном—савроматами. Повидимому, под сирматами разумеется какое-то разветвление савроматов. Евдокс, по Стефану Византийскому, даст это название савроматам в III в. до н. э.[2] Когда началось это движение первых сарматов на запад,— не вполне ясно. Неясно и точное расположение этого племени на карте. Впрочем, псевдо-Скилак поместил их вслед за скифами на восток по европейскому побережью Меотиды. Что заставило их нарушить старые союзные отношения со скифами и захватить их территорию?

В то же время мы наблюдаем около половины IV в. нажим скифов на границы Фракии. Нажим этот, вероятно, длился значительно дольше. Биография Атея известна мало, но весьма красочна.

В 339 г. завершается эпопея объединителя Скифии Атея. Этот царь прожил длинную, девяностолетнюю жизнь. К концу сороковых годов он уже закончил объединение всей страны от Меотиды до Истра; иначе он, конечно, не начал бы попыток расширения владений за Истр. Из передачи Полиэном известного анекдота о битве Атея с трибаллами видно, что власть Атея распространялась и на внутренние скифские племена. Очень возможно, что к его времени относится рассказ Страбона [1] о постепенных переходах скифов через Дунай и занятии скифами позднейшей задунайской Малой Скифии. Во всяком случае, не заняв земли трибаллов, Атей стал угрожать Истрии и истрианам (вероятно, соседнему с этим городом местному племени) и грозил Византии. Он считал себя прочно стоящим на левом берегу Дуная. Дипломатические переговоры с Филиппом Македонским и непомерные требования последнего стать наследником Атея, оплатить расходы бесполезной и ничтожной военной помощи, отосланной Атеем назад, и, наконец, требование пропустить Филиппа на Дунай для водружения статуи Геракла — взорвали Атея, и он отказал Филиппу во всех требованиях. В 339 г. Филипп вторгся в придунайские владения Атея, разбил его в бою, где сам Атей был убит, и погнал обильный полон в количестве 20 000 женщин и детей и 2000 племенных жеребцов. Но по пути трибаллы отняли у него значительную часть добычи.

Фигура девяностолетнего царя скифов, лично ведущего в сражении свои войска и гибнущего в этом сражении, не могла не лечь в основание тех морализирующих писаний, которыми так изобилует с самого начала эпоха эллинизма. Таковы слова Атея Филиппу и его послам о терпеливости скифов к физическим лишениям и о том, что он сам предпочитает ржанье коней игре на флейте. Энергия девяностолетнего витязя разбилась о военную хитрость Филиппа, содержание которой, по Юстину, очень несложно: сзади фаланги были поставлены

---

[1] Д. П. Каллистов. Северное Причерноморье в античную эпоху. Учпедгиз, М., 1952, стр. 23 и 47.

[2] Гиппократ, гл. 24=SC, I, стр. 59; Псевдо-Скилак, там же, стр. 85; Евдокс у Стефана Византийского, там же, стр. 256.

[1] Страбон, VII, 4, § 5.

самые преданные из кавалеристов, возвращавшие в строй беглецов и убивавшие не подчинявшихся этому требованию.

Я уже пытался однажды показать, что как раз ко времени Атея, с рубежа V—IV вв. до н. э., в скифском искусстве, связанном с погребениями царей и скифской аристократии, появилась очевидная тенденция воскресить генеалогические предания древности: связать царствующую с эпохи Атея фамилию с Колаксаем и его предками. Для чего это было нужно? Царская власть при устранении остальных царей становилась своего рода узурпацией. Могло даже быть, что Атей был и фактическим узурпатором. Тем более нужно было бы связать себя с генеалогическими преданиями далекого прошлого. За предыдущие три столетия царская власть и аристократия усилились; владея лишь парой волов, многие рядовые общинники превратились в «восьминогих»; рабство имело все три формы рабства древности—завоеванных рабов в Крыму, рабов, захваченных на войне, рабов-должников. Известно достаточно много случаев господства первого вида рабства. Ему, как особому виду рабства общественного, отведено немало места в советской литературе по истории древнего мира. Царь-военачальник, совет, народное собрание воинов—органы военного союза (βασιλεία) скифов. Разные конкретные обстоятельства вызывали разные формы закрепления новых форм производственных отношений и органов власти.

Что же стало беспокоить ранее дружественных савроматов и как раз в эпоху Атея заставило их захватить часть царских владений? Разгадка этого таится в их курганах за Доном и Волгою. В погребениях собственно савроматской ступени есть припонтийский, даже прямо ольвийский импорт. В погребениях же раннесарматской (прохоровской) стадии возникает в Заволжье и Приуралье, взамен черноморского, раннепарфянский импорт, несомненно, идущий через Среднюю Азию. Может быть, объяснения этого следует искать в том, что повышенный интерес греческой метрополии к черноморскому хлебу в конце V в., IV в. и половине III в. до н. э. вызвал прекращение функций геродотовского торгового пути. Более отдаленным сарматским племенам Заволжья удалось найти выход в торговле с Востоком; задонские племена искали его в приближении к Боспору и поэтому перешли Дон, спустились к Меотиде и заняли часть царских владений. Это произошло к середине IV в. до н. э., т. е. в эпоху Атея. Рассматривать ли это, как нарушение традиционного союза, что возможно, или Атей, во избежание затруднений, удовлетворил притязания савроматов, что тоже не лишено вероятности, — не так уже важно. Это могло произойти и в результате пограничных столкновений, причем Атей предпочел уступить небольшую, желательную савроматам территорию. Его деятельность по объединению Скифии была более неотложной задачей. Несколько путаное изложение скифских преданий Диодором имеет нечто общее с традицией Помпея Трога; его этногенез скифов, вполне сходный с этногенезом скифов Геродота, ведет их, однако, не с Днепра, а связывает их с Араксом и Танаисом, с которым связан у него миф о распространении отсюда власти скифов на запад до границ Фракии. Не отзвук ли здесь старых преданий о передвижении на запад с новым завоевательным актом Атея? Скифы царские из старшего племени стали полными владыками, хотя и в несколько сократившихся пределах.

Неизвестно, откуда взято Страбоном интереснейшее описание взаимоотношений номадов северных степей и земледельцев Крыма. М. И. Ростовцев непрочь отнести ее за счет Посидония, но тут же оговаривается, что эта версия была найдена Посидонием в его собственных источниках [1]. Все отрывки о событиях в Скифии, особенно в Крыму в IV—III вв. до н. э. (образование Малой Скифии и Гетской пустыни, переворот и завоевание Атея, земледельческое население Крыма взамен старого кочевого) у Страбона восходят к двум источникам, хорошо осведомленным о местных событиях. Один из них — это Феопомп, источник Помпея Трога, Фронтина, Полиэна, Юстина и Оросия. Второй источник прошел руки Посидония, но он много древнее этого писателя и очень осведомлен о прежних событиях.

По этому источнику, с начала IV в. до н. э. Крым был населен скифами, носившими название земледельцев,—γεωργοί, т. е. в специальном смысле, как противоположность материковым νομάδες — скифам, бывшим кочевниками. Эти последние отдают землю

[1] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 101.

для обработки ἐθέλουσι, т. е. привыкшим (а вовсе не «желающим») заниматься земледелием. Взамен они требуют φόρους, т. е. определенных взносов, дани или, вернее, оброка. Невзнос его вызывает карательную войну. В этих отрывках нечто большее, чем данничество эпохи Геродота. Самое население Крыма было в VI—V вв. до н. э. кочевым, как господствующее, так и покоренное. Трудно предположить, чтобы за несколько десятилетий это население само по себе осело на землю. Единство названий племен у Геродота и в этих отрывках, противоположение у обоих авторов номадов земледельцам, при другой, однако, территории тех и других, — все это заставляет думать о переселении, — вероятно, искусственном,— части земледельцев на территорию Крыма. Зачем это было нужно? Самым основным источником дохода еще до Атея было господство над группой земледельческих племен; теперь, с конца V в. до н. э., Боспор и его владения стали основными экспортерами хлеба. Сама скифская аристократия еще этим не занималась. Вероятнее всего, надо думать, что такое переселение было результатом необходимости приблизить производителей к наиболее мощным портам вывоза. Хорошо известно из данных археологии наводнение скифских «царских» могил ценнейшими изделиями боспорских мастерских.

Местоположение материковых скифов определяется указанием того же Страбона на протяжение царства Атея от Меотиды до Истра и тем, что, в противоположность Таврике, эта страна от Перекопа до Днестра носила имя Малой Скифии. Впрочем, это название вследствие экспансии скифов за Истр было перенесено на часть задунайской Фракии. Скифы вторгались туда в течение какого-то значительного времени, и фракийцы оставили эти места частью под воздействием силы, частью потому, что земли были неудобны (?!)[1]. Отсюда особенно ясно, что в эпоху Атея центр царства лежал в пределах степей от Перекопа до Истра, тяготея в основном к Днепру, до которого первично и считалась Малая Скифия. Когда происходили эти события? Они могли иметь место только между ослаблением царства одрисов около 424 г. до н. э. и гибелью Атея. По изложению Страбона, при длительности царствования Атея, большая часть этих событий имела место при его жизни, вероятно, с 357 г. по 340 г. до н. э.[1]

Акт завоевания и объединения стал актом окончательного порабощения. Скифское общество знало уже в предыдущем столетии рабство военное и рабство в виде дани людьми. Единственно возможной формой рабства завоевательного является закрепощение земледельца или скотовода по типу, близкому к положению гелотов, пенестов и т. п. При этом положение последних, как общественных рабов особой категории, определенное в таком смысле Энгельсом, было тщательно разработано советскими историками Греции. Напомню, что греки сами рассматривали гелотов именно как рабов, например, в договоре по Никиеву миру, где гелоты прямо названы δουλεία и афиняне обещают помогать в подавлении их восстаний. Не менее интересно, что афинский демос в наказание митиленцам постановил разбить их территорию на ряд клеров между своими колонистами, по отношению к которым лесбосцы были поставлены в положение гелотов. Эта форма завоевательного рабства ограничивает рабство в отношении произвола временного хозяина: раба (гелота, пенеста) нельзя было освободить, продать, обложить большим оброком или убить[2].

Обычно возможность такого рабства упускается из вида при рассмотрении скифского строя. О ней не говорит М. И. Артамонов в статье «Общественный строй скифов». Он постулирует кабальное и военное рабство для больших аристократических хозяйств, обращаясь к аналогиям недавних кочевников. Д. П. Каллистов вовсе этим вопросом не занимается. Он отвергает рабовладельческий строй в эпоху Геродота и затем строит неубедительную концепцию специального денежного обращения для расплаты с варварами — мелкими производителями за хлеб. С. А. Жебелев не решается высказаться о характере рабовладения сколько-нибудь прямо даже в отношении Боспорского царст-

[1] Рассматриваемые отрывки см. Страбон, VII, 4, § 5 и 6=SC, I, стр. 125—126.

[1] Т. В. Блаватская. Ук. соч., стр. 80 и сл.

[2] См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1949, стр. 73; Р. В. Шмидт. По истории Фессалии. Известия ГАИМК, вып. 101, стр. 75 и сл.; В. С. Сергеев. История древней Греции, стр. 156; Фукидид, V, 23; VIII, 40; III, 50 (о судьбе митиленян)

ва. Но по поводу пелатов [1] именно он подтвердил своими выкладками господство на Боспоре этой формы специфического рабства, хотя и с оговорками и колебаниями [2].

Мы видели скудные известия от IV в. до н. э., которые позволяют предполагать этот тип рабства в Скифии, как основной, подобно тому, как было в Спарте. Конечно, он имел отличия от этой формы у греков. Можно думать о наличии имущественного расслоения внутри таких оброчников. Могли быть тут и своеобразные скифские «периэки», особенно среди кочевников. Таковыми же, кажется, были и крымские земледельцы. Но, судя по описанию взаимоотношений между господствующими скотоводами и земледельцами, оброк вносился (конечно, не в денежном виде) в это время всем кочевникам и, очевидно, потом делился между ними. Чертой сходства, — конечно, внешней, если на нее смотреть формально, — является то обстоятельство, что подобное порабощение и в Лакедемоне с Мессенией, и в Скифии происходит у родственных между собой племен и самое завоевание не требует далеких походов, а совершается на одной и той же или близко соседящих территориях. Источником основных доходов правящего класса у скифов был экспорт хлеба через греков. Едва ли разрозненные производители могли бы его обеспечить. Рабский труд типа труда гелотов был, вероятно, основной силой, производительной формой для обеспечения такой торговли. Свидетельство Пиндара говорит, что обедневшие, часто не имевшие даже повозки, неполноправные общинники появились в VI—V в. Имевшие пару волов и повозку — «восьминогие», по сохраненному Лукианом названию, совпадают м. б. и под ходящей пешком беднотою псевдо-Гиппократа. В V—IV в. до н. э. и в эпоху Атея это и был, конечно, источник кабального рабства.

Полиэн и Фронтин рисуют безоружную толпу земледельцев и коневодов, очевидных рабов кочевого и земледельческого происхождения, при войске Атея. Данники Крыма — земледельцы, подчиненные племена — и есть, думается, подобие гелотов и периэков или чего-то подобного. Эксплуатация этих рабов и обедневших общинников с целью получения товарного хлеба на вывоз намечалась еще в V в. до н. э.; уже тогда, при разделе земель в пользование, члены аристократического слоя получали огромные угодья, пригодные для кочевого и земледельческого хозяйства. Хотя М. И. Артамонов прав, видя в предании о священном золоте указание на сохранение постоянных переделов и отсюда — основу хозяйства в семейной общине, но он не учел, что о г р о м н ы й надел получался аристократическим, — в частности, жреческим, — слоем. Об этом именно наделе трактует предание о священном золоте. Такой надел в любом хозяйстве, кочевом или земледельческом, не мог обрабатываться только руками большой семьи родственников и немногих рабов; в нем неизбежно должны были применяться руки зависимых в большем числе. Это зародилось еще в эпоху военной демократии, как явствует из Геродота; эпоха атеева царства закрепила это положение. Немногочисленные сведения об этом приведены выше.

Усиление в IV и III вв. до н. э. экспорта скифского хлеба, его сосредоточение в руках аристократии, характер эксплуатации внутри общества заставляют, с большой долей вероятия, предполагать, что царство эпохи Геродота — союз племен — в царстве Атея превратилось в первичное государство, в основу которого легли усилившееся рабовладение в аристократических хозяйствах и эксплуатация обедневших общинников. *Mutatis mutandis* положение вещей в Скифии напоминало положение на древнем Востоке [1]. Соседство кочевых племен с земледельческими задерживало развитие хозяйства. Здесь также упорно держалась хозяйственная община. Господство в союзе племен одного племени создало уже в эпоху военной демократии сильную царскую власть, позднее ставшую деспотической. Аристократия (об этом говорит более всего археология) всюду в Скифии придерживалась военно-кочевого образа жизни. Это противополагало ее земледельческому, притом уже от древности общинному населению подчиненных племен. Результатом всего этого явилось

[1] Надписи IPE, II, 353.

[2] М. И. Артамонов. Общественный строй скифов. ВЛГУ, 1947, № 9, стр. 81 и сл.; Д. П. Каллистов. Очерки..., стр. 137 и сл.; С. А. Жебелев. Экономическое развитие Боспорского царства. ИАН, 1934, стр. 597 и сл.

[1] Ср. В. И. Авдиев. История древнего Востока. Госполитиздат, 1948, стр. 3—7, 39—41, 147—156 и passim.

превращение союза племен в конце V в. — в первой половине IV в. до н. э. в первичное рабовладельческое государство. Конечно, это только гипотеза, но представляющаяся весьма вероятною.

Распалось ли Скифское царство после смерти Атея? Очень охотно думают об этом и сейчас (М. И. Артамонов, П. Н. Третьяков). Иначе думал В. В. Латышев, который писал: «Поражения, нанесенные скифам Филиппом и потом Лисимахом, без сомнения, значительно ослабили их силы, но едва ли содействовали полному их распадению»[1]. Мне кажется, что эти слова знаменитого русского филолога совершенно верны, хотя его дальнейшие аргументы не относятся к нашему вопросу и отчасти ослаблены протекшим временем, например, — ссылка на монеты. Может быть, отпадения частей и бывали; но уже интерпретированный выше отрывок из Страбона говорит, что от Атея до Асандра Крым, ставший земледельческим, непрерывно входил в возглавляемое кочевыми владыками рабовладельческое царство. Роскошь погребений IV—III вв. до н. э. и в степях, — от Приднепровья до Обиточной косы, — и в степном Крыму говорит об огромных выгодах от торговли хлебом через греческие порты. Экономическая основа оставалась той же, и очень крепкой.

Это царство с центром на Днепре после поражения Атея сохранилось в течение около полутораста лет (IV—III вв. до н. э.), несколько сократившись в пределах. Геты перешли на левый берег Дуная, и в их владения вошла так называемая Гетская пустыня, т. е. степи между Прутом и Днестром. Самая же Скифия отныне получила, по ясному указанию Страбона, название Малой Скифии. Декрет в честь Протогена говорит о том, что власть царских скифов (саев) простиралась по крайней мере до Ольвии. Часть скифов после Атея осталась за Дунаем, также под именем Малой Скифии, по тому же свидетельству Страбона, но о ее связях с собственно послеатеевской Скифией ничего не известно. После поражения и гибели Атея начались попытки со стороны сильных в военном отношении соседей нападать на границы Скифии. Осенью 334 г. до н. э. Александр ходил походом к устью Дуная, разбил при Лигине трибаллов и даже ради демонстрации переправлялся на его левую сторону, уже занятую гетами. В страхе геты бежали в степи (первое указание на Гетскую пустыню). Против собственно Скифии Александр не предпринимал никаких мер. Важнейшим событием этого времени было вторжение оставленного здесь наместником александрова полководца Зопириона осенью 331 г. до н. э. в Скифию с 30-тысячным войском. Поход Зопириона задел и гетов, и скифов. Зопирион прошел через их землю и достиг Ольвии, которую неудачно осаждал. Приняв все меры, вплоть до отмены долгов и отпуска рабов на волю, ольвиополиты выдержали осаду. На обратном пути Зопирион, по Юстину и Оросию, был уничтожен скифами со всем войском, по Курцию Руфу, — погиб от неожиданных бурь, что совсем невероятно[1].

После этого похода только одно событие говорит об интересе Македонии и диадохов к стране за Дунаем. В 313 г. Лисимах Фракийский при восстании Каллатии разбил помогавших ей скифов. Из контекста Диодора Сицилийского (XIX, 73) кажется вероятнее, что это скифы балканские, отделившиеся после поражения Атея от основного ядра и отмежевавшиеся от родины утвердившимися вплоть до Днестра гетами. Этот степной промежуток (Гетская пустыня) не дал Лисимаху пройти в 292 г. до н. э. в собственно Скифию. Гетский царь Дромихет захватил в плен Лисимаха со всем его войском и отпустил его, вероятно, за серьезные территориальные уступки[2]. Довольно сильное при Дромихете гетское царство сделало Скифию недоступной македонянам, отныне более не угрожавшим ей с запада.

Придется в то же время вернуться несколько назад, к крымской части Скифии. Мы отмечали общее ее состояние и зависимость от степняков, но не говорили специально о происходивших в ней событиях. Между тем контекст Страбона об этой зави-

[1] В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, стр. 136.

[1] О походе Александра см. Страбон, III, 3, § 8 и Арриан. Анабасис Александра, 1, 1—5. О походе Зопириона см. Юстин, XII, 1, § 4 и XII, 2, § 16; Курций Руф. История Александра Великого, X, 1, § 43 = SC, II, стр. 131; Макробий. Сатурналии, 1, 11, 33 = SC, II, стр. 392; Оросий, 18, 4 = SC, II, стр. 399. Об этом см. особенно В. В. Латышев. Исследования об истории... Ольвии, стр. 71 и сл.

[2] Страбон, II, 3, § 8 и 14.

симости, упомянутой выше, заканчивается рассказом о боспорцах и Асандре, не платящих дани скифам за землю, когда они чувствуют себя сильными. Так, Перисад I воевал с каким-то скифским царем [1]. Источник Страбона о начале таких войн восходит к IV в. до н. э. Вполне возможно, что война была вызвана установленными скифами порядками уплаты дани за землю. То обстоятельство, что Страбон связал свой рассказ, начинающийся с IV в. до н. э., с известием о деятельности Асандра, захватившего часть скифской земли и проведшего новый вал, показывает, что в глазах традиции земледельческий Крым оставался в составе державы степняков все это время.

Через короткий промежуток времени мы застаем иную картину. Скифское войско в количестве 20 тыс. пехоты и 10 тыс. конницы сражалось на стороне боспорского царя Сатира в его междоусобной войне с братом Евмелом. Когда, в конце концов, Сатир умер от раны под Гаргазою, верх взял Евмел, а сын Сатира, юноша Перисад бежал к союзному скифскому царю Агару [2]. Эти события развернулись в 309 г. до н. э. Агар мог быть или только крымским царем или одним из преемников Атея во всем царстве. После смерти последнего и сокращения его царства ни то, ни другое не исключено. Однако дальнейшая судьба Крыма, о которой только что сказано, весь ход данных Страбона о Крыме IV в. до н. э. и сообщаемое традицией единство этого царства со степным позволяют, скорее, видеть здесь царя сокращенной, но попрежнему единой Скифии.

Можно, кажется, считать, что отсюда начинается история Малой Скифии, в страбоновом смысле слова. Она могла получить такое название вследствие сокращения территории после падения Атея. События после 339 г. относятся именно к ней в целом. Самое начало развития на Боспоре рабства в виде пелатов может восходить к этому времени и быть хотя бы отчасти результатом принятия там социального института скифского образца, тем более, что от Перисада I до Асандра все больше и больше территорий Скифии входило в состав Боспорского царства.

Мы не затрагивали вопроса о мирных или военных отношениях между скифами и греческими городами до этого момента. Теперь ясно, что взаимоотношения между разными греческими городами и скифами были различны. Между тем особенно среди сторонников преувеличения роли местных элементов в греческих городах-колониях установилась неправильная точка зрения на этот предмет. Считается, что с начала своего появления греки жили мирно с соседними скифами. Эту точку зрения passim повторяют М. И. Артамонов, А. А. Иессен и др. В основу такого представления легло прямое утверждение С. А. Жебелева. Он пишет: «До второй половины III в. до н. э. мы ничего не слышим о каких-либо враждебных столкновениях между греками и туземцами» [1]. Он даже отрицает всякую конкретность за известием Афинея по Эфору о победах милетских колонистов над скифами [2] в эпоху основания колоний. Мне пришлось в связи с очевидной предвзятостью этой точки зрения в экскурсе «Термин Σκύθαι», хотя и вскользь, но специально остановиться на этом вопросе [3]. Ольвия, повидимому, традиционно находилась в мирных отношениях со скифами до III в. до н. э. включительно. Об этом говорят и свободное пребывание в ней Скила, и ранние торговые сношения через упоминавшийся уже торговый путь, и враждебное отношение к ней Зопириона, и, особенно, весь контекст декрета в честь Протогена, речь о котором впереди. В отношении Херсонеса трудно что-нибудь сказать определенное в этом смысле.

Употребление имени «Скиф» в среде херсонесской аристократии, засвидетельствованное надписями с IV в. до н. э., говорит даже, возможно, о родственных связях. Частое упоминание враждебных варваров в херсонесских надписях IV—III вв. до н. э. свидетельствует о враждебных отношениях, основанных на захвате ряда прибрежных мест Скифии херсонесцами. Из текста херсонесской присяги явствует давность таких отношений. Под этими «варварами» разуме-

[1] Демосфен. Речь против Формиона, № 8= = SC, I, стр. 367 (произнесена около 328 г. до н. э.).
[2] Диодор Сицилийский, XX, 22—26=SC, I, стр. 474—477.

[1] С. А. Жебелев. Народы Северного Причерноморья..., ВДИ, стр. 157.
[2] Его же. Экономическое развитие Боспорского царства, стр. 594. Афиней (по Латышеву) — SC, I, стр. 628, абзац 2-й.
[3] КСИИМК, вып. XVI, стр. 80—82.

лись, конечно, и тавры, и скифы; поэтому, надо думать, и употреблен этот безличный термин. Ономастика говорит о вполне конкретном представлении херсонесцев о соседних скифах и об их связях друг с другом. Мы уже видели, что нет никаких оснований считать, что возникновение Пантикапея и соседних городов Боспора было мирным. Помимо Ольвии, вышеприведенное известие Эфора может относиться только к городам Боспора, где более, чем где-либо на северном Понте, было милетских колоний. С IV же века спорадически велись войны из-за хлебородных угодий Крыма и даней за них. Скифы то жили мирно с боспорцами, то вели войну с ними, то за них. Д. П. Каллистов прав в том смысле, что толкование С. А. Жебелева нельзя принимать для первичного времени колонизации и толковать для всех мест одинаково. Но аргументация его неосновательна в той части, где он ставит это в связь с той разобщенностью племен Скифии в раннее время, которой в действительности он доказать не смог [1]. Правильная же постановка вопроса в целом проистекает у Д. П. Каллистова из его верного понимания этнической противоположности греческих полисов и местных племен, при которой никакие изменения не могли лишить греческие города роли форпостов греко-римского мира, в известной степени несшего прогрессивное начало и в то же время неизбежно враждебного местному «варварству».

Вернемся к Ольвии в III в. О ней после осады Зопириона точных сведений нет. Но вот перед нами знаменитый декрет в честь Протогена [2]. В. В. Латышев доказал принадлежность этого документа к 280—213 гг. до н. э., приняв галатов в Паннонии и Фракии за народ кельтского корня. Я не вдаюсь в подробности относительно этой надписи. В столбце А нас ближайшим образом интересует фигура царя Сайтафарна. Он, прибыв в соседство с Ольвией, требует даров гостеприимства в такой форме, что эти дары скорее похожи на обязательную дань. Город входит в тяжелые долги. Затем появляются какие-то саи и скептухи (скипетродержцы), которых приходится удовлетворять дарами. Появление тех и других связано с приготовлением посольства к царю; и саи, и скептухи прочно с ним связаны. К царю были отправлены в царскую ставку (βασίλεια) послы. Он остался недоволен дарами и разгневался, даже пошел было походом, потом как-то «недостойно» обошелся с архонтами. Ольвийцы отправили послов (лакуна), вероятно, к нему же, с новыми дарами, конечно, данными тем же Протогеном. М. И. Артамонов несколько раз повторяет восходящее к Брауну толкование саев, как «царских» скифов. Последний, впрочем, относил это выражение к царским сарматам.

Я уже пытался показать в связи с разным значением слова «скифы» у Страбона, что «царские» у Страбона это те же царские скифы [1]. Сайтафарн — имя их царя, вполне арийское по строю и восходящее к тому же туземному названию. Об основах, входящих в состав этих слов, отсылаю к относительно новой, методологически шаткой, но с фактической стороны точной работе В. И. Абаева [2]. Я оставлю в стороне бесплодные попытки этого автора соединить марровские нормы с проверенными нормами сравнительного языкознания. Надо отдать справедливость М. И. Артамонову в том, что в данном случае он пошел по верному пути. Я вполне разделяю после дальнейшего обдумывания такое толкование саев и связанных с ним терминов замечательного декрета. В. В. Латышев не сомневался в единстве Сайтафарна, саев и скептухов и называет последних подвластными Сайтафарну князьками [3].

Особенно существенна в этом отношении сторона А, строки 40 и 41, в которых говорится о выдаче Протогеном 1500 золотых на дары скептухам и царю. Сам Латышев еще в «Исследованиях...» указал на фрагментарный декрет в честь Гелланика-родосца, в котором говорится о τῆς Χώρας βασιλεῖς, которых он отождествляет со скептухами Сайтафарна [4].

Вслед за Бекком и В. В. Латышевым М. И. Артамонов считает этих скептухов вождями мелких объединений [5]. Возможно,

---

[1] Д. П. Каллистов. Очерки..., стр. 189 и сл.
[2] IPE, I², 232 = SyllI³, 495.

[1] Ф. И. Браун. Расследования в области готославянских отношений. СПб., 1899; Б. П. Граков. Термин Σκύθαι. КСИИМК, вып. XVI, стр. 85.
[2] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, стр. 164, 189 и 190.
[3] В. В. Латышев. Исследования..., стр. 94 и сл.
[4] Там же, стр. 95. Ср. IPE, I², 30.
[5] М. И. Артамонов. Скифское царство в Крыму. ВЛГУ, 1948, № 8.

однако, и еще одно дополнительное понимание этого слова, как оно употреблялось греками как раз в IV в. до н. э.: по отношению к личной страже персидских сатрапов и персидского царя; стража эта состояла из молодежи знатных семей. Противоположение общей массы саев скептухам вполне может говорить за такое значение термина [1]. Именно так я и понимаю это слово декрета; скептухи помогают царю в Ольвии при взимании дани; они приходят в большом числе, т. е. они составляют нечто вроде его ближайшей доверенной стражи. Их оплата дарами входит в θεραπεία, как и дары царю, и уплачивается из тех же сумм и т. д.

Из столбца В мы узнаем, что Ольвии и соседним племенам грозит нападение галатов и скиров. Соседние с Ольвией фисаматы, скифы и савдараты ищут в ней убежища от врагов. В то же время миксэллины (конечно, эллины-скифы Геродота) на сей раз враждебны ольвиополитам. Фисаматы и савдараты, как видно из их племенных названий, — того же арийского корня. Многие думали, что это сарматские племена. Но едва ли это так. Скорее, это скифы или какие-то северные или западные соседи скифов. Из надписи явствует, что Ольвия стала данницей саев (вероятно, «царских» скифов). По декрету, это племя жило к востоку от Ольвии, т. е. на Днепре. О том, где, может быть, находились βασίλεια Сайтафарна, мы скажем в заключительной главе. Внутренние отношения этого племени рисуются в виде разных степеней воинов в этом племени — от рядовых, но свободных, через скептухов к самому царю. Взаимоотношения отдельных племен, упоминаемых декретом, между собою в этой надписи не уточняются. В этом смысле она ничего к уже известному не добавляет. Из всего контекста декрета в то же время ясно, что Ольвия сохраняла свою автономию, но подпала под данничество скифам. Это была первая эпоха ее зависимости от них.

Позднее мы находим в Ольвии надпись Афродите от имени некоего Посидея, сына Посидея, несомненного моряка. Он же сделал посвящения в Неаполе на Салгире Зевсу Атабирию, Афине Линдской и Ахиллу Понтарху, владыке острова (конечно, Левки) после победы над сатархеями [1]. Эти надписи относятся ко II в. до н. э. по палеографическим данным,— вероятно, незадолго до Скилура или ко времени Скилура. Они говорят о роли Ольвии, как поставщицы моряков для скифского царства, о внешней политике нового направления у скифов, приведшей к организации флота, о перенесении центра царства с Днепра на Салгир в Неаполь уже в начале II в. до н. э., о значительном притоке туда греков и т. п.

Я не вхожу здесь в рассмотрение специального вопроса о том, был ли царь Канит в Истрии царем скифов Приднепровья и Крыма, или, скорее, царем скифов, отделившихся от атеева царства и основавших свое царство во Фракии. Последнее более вероятно. Нумизматы относят его монеты к III—II вв. до н. э., как следует датировать, несомненно, и надпись из Одесса с его именем [2].

Остаются неизвестными имена царей II в. до н. э. до Скилура. Выше уже указывалось, что допосидониевская традиция связывает воедино степное царство и Крым. Естественно, что с перенесением центра в Крым мы услышим больше о событиях, связанных с ним, нежели с нижним Приднепровьем и Ольвиею. На рубеже III и II вв. до н. э. Херсонес, повидимому, подвергался постоянным нападениям скифов. К этому времени относится, конечно, новелла о царице сарматов Амаге, вступившейся за херсонесцев против скифов [3]. К 179 г. до н. э. относится договор между Херсонесом и Фарнаком I Понтийским, по которому последний клялся: «...если соседние варвары выступят походом на Херсонес или на подвластную херсонесцам страну или будут обижать херсонесцев, а эти последние призовут меня, буду помогать им, поскольку будет у меня время...» [4]. Конечно, под варварами здесь разумеются и тавры, и скифы, но в первую голову — скифы; они ведь именно отнимали или грозили иногда отнять ту или иную часть владений у Херсонеса. Р. Лепер, впервые издавший текст

[1] Thesaurus linguae Graecae. Paris, 1829 (под словом „Σκηπτοῦχος").

[1] IPE, I², 168 и 670—672 и В. В. Латышев. Исследования..., стр. 121 и сл.

[2] А. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, стр. 117 и ВДИ, 1939, № 3, приложение № 17.

[3] Полиэн, VIII, 56=SC, I, стр. 568.

[4] IPE, I², 402.

этого договора [1], убедительно сопоставил его с известием Полибия (XXV, 2) о мирном договоре, который был заключен в 180/179 г. до н. э. В числе сторон, заключавших его, упоминаются Гераклея Понтийская, Херсонес и другие дорические города Причерноморья. На чьей стороне они были — неясно. У Полибия назван еще сарматский царь Сатал или Гатал (первое упоминание в историческом источнике сарматов вместо савроматов). Из рассказа об Амаге, вероятнее всего, следует заключить, что сармат стоял на стороне херсонесцев.

Археологические данные согласно говорят о новой культурной эпохе, начавшейся на рубеже III и II вв. до н. э. Предполагаемые погребения роксоланов появляются на Днепре во II в. до н. э.[2] Приведенные известия о сарматах значительно увеличиваются свидетельством дельфийских надписей, относящихся, главным образом, к первой половине II в. до н. э.[3] Начавшись в IV в. до н. э., поступательное движение сарматов на запад усилилось во II в. до н. э. и привело к занятию ими значительных степных пространств между Доном и Днепром. Об этом подробнее придется говорить ниже. Диодор Сицилийский (источник его здесь неясен) рисует два сарматских переселения: одно остановилось у реки Танаида, а другое, более позднее, было внезапным и разрушительным. Последнее переселение, при сопоставлении его с действиями Амаги и Сатала, может относиться только ко II в., точнее — ко времени до 150 г. до н. э. Если верить новелле об Амаге, то кочевья сарматов находились в ее время в 1200 стадиях (иначе в 30 парасангах, или 180 км) от Херсонеса, т. е. скифы уже были ими сильно потеснены с востока. Этот полумифический эпизод, конечно, — только деталь того, что описывает Диодор. Он говорит: «Эти последние (сарматы.— *Б. Г.*) много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» [1]. Союзные отношения VI—V вв до н. э. к этому времени превратились в свою противоположность и закончились кровавою драмою, о характере которой мы знали бы много меньше, если бы не эти несколько строк древнего энциклопедиста. Уже выше вкратце указывалось, что в эпоху псевдо-Гиппократа, псевдо-Скилака и Атея савроматы, позднейшие сарматы, обитали уже по обе стороны Дона, причем мирным или военным путем захватили часть скифских земель. В. В. Латышев, к богатому наследию которого приходится так часто обращаться, лишь очень условно говорит о том, что среди племен в декрете в честь Протогена могли быть сарматские племена. Его же эксцерпты из авторов говорят о продвижении через Дон и на Меотиду именно в IV в. до н. э. Данные об Амаге относятся к более позднему времени, когда уже термин «савроматы» сменился названием сарматов, т. е. ко II в. до н. э.[2] Короче говоря, считать, что сарматы в эпоху Сайтафарна были уже у Ольвии, нет никаких оснований.

Прямых указаний о ведении хлебной торговли прямо самой царской семьей и аристократией Скифии в литературе нет. Но монеты Канита с колосьями пшеницы откровенно говорят об этом. То же происходило и в Малой Скифии Страбона. На монетах Скилура, битых в Ольвии, наряду с изображением кочевой повозки, свойственной в эту пору быту скифа-аристократа, находятся Гермес, Деметра — символы торговли и земледелия. Монеты его медные, следовательно, назначенные для внутреннего обращения. Но в то же время они указывают символически на источник его богатств — торговлю хлебом. В его время или немного раньше заводится флот, и скифское правительство, хотя и руками греков, очищает море от пиратов. Такое изменение в торговой политике от посредничества греков к прямой организации торговли и ее защиты должно было привести к агрессивному нажиму на греческие города. Последовательно нажим ведется в обеих частях царства.

Ольвия, по всем данным, сохраняя юридически автономию, становится и монетным двором, и базой флота (оттуда — Посидей), и портом вывоза хлеба. Это вторая эпоха ее

[1] Р. Лепер. Херсонесские надписи. ИАК, вып. 45, стр. 23—39, № 1.

[2] К. Ф. Смирнов. О погребениях роксолан. ВДИ, 1948, № 1, стр. 213.

[3] ВДИ, 1939, № 3 — приложения № 93 (150—140 гг. до н. э.), № 94 (то же время), № 95 (после 140 г. до н. э.). № 96 (около 100 г. до н. э.), № 97 (170—157 гг. до н. э.) и № 98 (150—140 гг. до н. э.).

[1] Диодор Сицилийский, II, 43, § 7 (перевод П. И. Прозорова в SC, I, стр. 459).

[2] В. В. Латышев. Исследования..., стр. 88 и сл

зависимости, но в совершенно новой форме. Ведется систематический нажим на Херсонес; конечно, не без внешнего скифского влияния некоторые волнения передаются и на Боспор. Из херсонесской надписи в честь Диофанта мы узнаем, что ко времени упоминаемых в ней событий, когда-то,— может быть, еще в первой половине II века до н. э.,— Херсонес лишился всех своих прибрежных владений, Керкинитиды, Прекрасной гавани, Стен и т. п.[1] О тех же событиях повествует и Страбон passim в книге VII. Мы узнаем, что Скилур вел войну против херсонесцев, что Митридат VI направил своего стратега Диофанта против скифов. Судя по отсутствию имени Скилура в декрете в честь Диофанта, он уже умер к этому времени, и войну вел только Палак. Как бы то ни было, но Диофант не сразу одолел скифов. Он провел против них два похода, один за другим. Ему пришлось затем подавлять на Боспоре скифское восстание (рабское или нет,— в данном случае неважно) во главе с Савмаком. Он занял скифские города в Крыму. Были освобождены и захваченные скифами херсонесские порты: Керкинитида, Прекрасная гавань и Стены. События эти имели место между 110 и 107 гг. до н. э. Важным обстоятельством является привлечение роксоланов с царем Тасием во главе (по Страбону) или ревксиналов (по декрету) Палаком на свою сторону. Ранее враждебные сарматы вновь выступают теперь в роли скифских союзников.

Из Страбона же мы узнаем, что около этого времени роксоланы окончательно захватили себе все кочевья геродотовских царских скифов по Меотиде от Дона до Днепра[2]. В последней главе мы увидим, что возможно несколько точнее определить границы сокращенного этим скифского царства. Нередко считают, что Диофант окончательно разгромил Палака. М. И. Артамонов совершенно прав, когда он пишет, что «после разгрома Скифского царства в Крыму скифы, как этническое образование, не исчезли и в течение еще нескольких столетий сохраняли свою политическую независимость и активность»[3]. В одной книжке об этом писал и автор этой работы[1]. Но главное здесь то, что полного разгрома не было и не могло быть. Митридат не мог быть фантазером в такой степени, чтобы надеяться захватить всю территорию царства. Скифы от него сначала о т л о ж и л и с ь, а потом вступили с ним в совещание о своей судьбе. Диофанту и Митридату не ставится нигде в заслугу окончательная победа над скифами, а только постановка над ними трофея и проникновение до «середины» Скифии (т. е. всего-навсего до окрестностей Симферополя). Реальность победы была очевидна, но это было не более, чем утверждение на приморских окраинах Скифского царства.

Ольвия находилась в другой части царства, но тоже вошла в сферу понтийского влияния. Либо сразу за походом Диофанта, либо около 95/94 гг. до н. э. последовали походы полководца Неоптолема, соорудившего оборонительные башни у Тиры, может быть, занявшего Ольвию и дважды разбившего скифов (варваров — по контексту) в конном сражении и в морском бое в Боспоре Киммерийском. К этому же или близкому времени относится и ольвийский декрет[2], повествующий о митридатовом гарнизоне в Ольвии[3]. Все это указывает на длительность борьбы и тактическое превосходство армии Митридата над скифской, но не на разгром Скифского царства. Оно продолжало жить, лишь ненадолго примирившись с создавшимся положением. Скифы были даже союзниками Митридата в его попытке покончить с Римом, даже вмешались в борьбу между Фарнаком и Асандром на стороне первого. Против них он, по Страбону, усилил новым валом оборону на Керченском полуострове[4].

Это-то царство Скилура и Палака, ослабленное напором сарматов, сильно нажимавшее на колонии, но не захватившее их, а уступившее даже Ольвию Митридату, признается, с легкой руки С. А. Жебелева и М. И. Артамонова, первым скифским и при этом рабовладельческим государством[5].

---

[1] IPE, I², 352.

[2] С т р а б о н, VII, 3, § 17.

[3] М. И. А р т а м о н о в. Скифское царство в Крыму. ВЛГУ, 1948, № 8, стр. 75.

[1] Б. Н. Г р а к о в. Скифы, стр. 27.

[2] IPE, I², 35.

[3] См. С. А. Ж е б е л е в. Ольвия и Митридат Евпатор. «Ольвия», I. Киев, 1940, стр. 281.

[4] А п п и а н, гл. 119 и 120; С т р а б о н, VII, 4, § 6. Ср. М. И. А р т а м о н о в. Скифское царство в Крыму, стр. 75.

[5] История СССР, ч. II, изд. ИИМК, 1939, passim; М. И. А р т а м о н о в. Ук. соч., стр. 69 и сл.; Е г о ж е. Общественный строй скифов. ВЛГУ, 1947. № 9 (в од-

Однако напрасно мы стали бы искать в известиях авторов и тем более в современных нам литературных данных доказательств рабовладельческого строя для этого государства. Их нет для этого времени даже в той туманной и отрывочной форме, в которой мы находим их для эпохи Атея. Это только новая, более городская по форме, ступень того же царства. Рабовладельческий характер этого государства может быть виден лишь из предшествующих его судеб и из аналогии с Боспорским царством. Если присмотреться к обстановке, создавшейся в Скифии перед понтийскими походами, приходится думать, что их победоносные результаты базируются не только на военном искусстве митридатовых войск, но и на сильном потрясении, испытанном Скифией вследствие сарматских вторжений II в. до н. э.

В начале I в. до н. э. Ольвия, вероятно, после ослабления власти Митридата, была постоянно тревожима какими-то враждебно настроенными варварами. Перед нами фигура Никерата, сына Папия. Он ольвиополит, но едет в Херсонес для наведения там гражданского мира, он в Гилее охраняет ольвиополитов от врагов. Во всем этом чувствуется отношение эпохи Митридата, когда греческие города были объединены его властью и интересами. Враги же, нападающие на ольвийцев в Гилее, по самой местности, скорее всего,—скифы [1]. Это лишь значит, что скифы были активны и в эпоху временного угнетения после поражений рубежа II—I вв. до н. э. и временно враждовали с Ольвией.

В середине I в. до н. э. гетский царь Бурбиста взял и сжег Ольвию. Дело дошло до того, что сами скифы просили греков вновь отстроить город, игравший столь важную роль в их торговле и жизни [2]. Поскольку Ольвия находилась на западной границе Скифского царства, это вторжение в какой-то мере не могло не коснуться и окраины его. Но об этом источники ничего не говорят, разве когда-нибудь на соседних скифских городищах уже археологическим путем будут открыты следы этого вторжения. Царство все более и более клонилось к упадку. Ольвия с этого времени то входила в состав Римской империи, то была автономна и лишь недолго подчинялась скифам в середине I в. н. э. С эпохи Нерона Ольвия окончательно стала склоняться к римскому протекторату. И даже в годы временного оставления ее римлянами при Домициане отбивалась от своих бывших добрых соседей и прежних владык, как это ярко описано в уже упоминавшейся речи Диона Хрисостома. С эпохи Антонина Пия она уже окончательно вошла в состав империи. Не лучший ли это показатель,— как и действия греческих городов при Митридате VI,— неосновательности трактовки этих городов как греко-скифских, скифогреческих и т. п.?

К началу нашей эры в представлениях средиземноморских греков и римлян, в силу действительного хода исторических событий, имя скифов стало обобщающим для названия любых северочерноморских насельников. Скифы стали одной из этнических групп, окруженных различными сарматами. Пройдя насквозь скифские земли, некоторые сарматские племена оказались уже на Дунае. Для Овидия это уже Сарматское побережье [1]. Плиний Старший указывает, что имя скифов переносят то и дело на сарматов и даже на германцев [2]. Но скифы, как нечто реальное по территории, выступают в ряде источников, особенно эпиграфических. Об этом со всей ясностью говорит Август, сообщая о прибытии послов от скифов, причем последние помещены между бастарнами и сарматами, находящимися по сю сторону Дона [3].

У Страбона говорится, что к востоку от тирагетов живут иазиги, «царские» и урги. Но в страбоновской хрестоматии «царским» присвоено название скифов [4]. Считаю очевидным, что здесь имеются в виду вовсе не царские сарматы, а те самые скифы, о которых говорит Август. По Страбону, их следует поместить где-то на Днепре. Тот же автор помещает земледельцев на Крымской равнине; из его текста можно заключить, что до его времени это население там с IV в. до н. э. оставалось попрежнему [5]. Аспург, современ-

ном случае это государство названо рабовладельческим, в другом — варварским); ср. также П. Третьяков. Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И. В. Сталина о языке и языкознании. «Вопросы истории», 1950, № 10, стр. 16; Д. П. Каллистов. Ук. соч., стр. 149.

[1] IPE, I², 34.

[2] Дион Хрисостом, XXXVI=SC, стр. 173.

[1] SC, II, стр. 86 и 87.

[2] Plin., NH, IV, 80 = SC, II, стр. 101.

[3] Res gestae Divi Augusti, 31=SC, II, стр. 41.

[4] SC, I, стр. 120 и 166.

[5] Там же, стр. 166.

ник Августа и Тиберия, как явствует из надписи на базе его статуи, подчинил себе скифов и тавров [1]. Здесь речь может идти лишь о захвате Боспором еще части скифской крымской территории, что и ранее бывало не один раз.

Между 56 и 66 гг. н. э. легат Мезии Плавций Сильван с войсками дошел до Херсонеса Таврического, чтобы заставить какого-то скифского царя снять осаду с Херсонеса. Это было достигнуто, вероятно, путем соглашения. В надписи Плавция Сильвана чрезвычайно важно то, что скифы локализованы весьма точно на нижнем Днепре и в Крыму. Может быть, прав А. Н. Зограф, предполагающий в царе Фарзое этого современника Плавция [2]. Их пределы после вторжения роксоланов фактически остаются неизменными в отношении степи, но их приморские владения подпали под протекторат Рима. Это не помешало, однако, роксоланам в 67 г. через них вторгнуться в Скифию. На это время падает третья зависимость Ольвии от скифских царей.

Следом за Фарзоем в Ольвии чеканит свои монеты царь Инисмей. Этот факт и нажим Фарзоя (?) на Херсонес говорят о временном усилении в середине I в. н. э. Скифского царства и о возобновлении попыток подчинения греческих колоний — попыток, после Палака надолго прекратившихся. В царствование Саврамата I (93—123 гг. н. э.) и Котия II (123—132 гг. н. э.) были одержаны боспорцами победы, конечно, на крымской границе Скифии [3]. В 193 г. н. э. в одной танаитской надписи говорится о победе Саврамата II над скифами [4]. Таким образом, до конца II в. н. э., пусть редко, но скифы и их цари упоминаются в источниках. Их территория стала меньше и все урезается с боспорской стороны; но в целом она остается прежнею. М. И. Артамонов допускает, что иногда это царство могло даже дробиться [5]. За это соображение нет никаких определенных данных, но отрицать этого, конечно, тоже нельзя. Такие моменты, как поход Плавция, говорят за единство царства, а не наоборот.

[1] IPE, II, 36.
[2] CIL, XIV, 3608; см. об этом: Т. Д. Златковская. Мезия в I—II вв. н. э. М., 1951, стр. 57 и сл.
[3] IPE, II, 26 и 27.
[4] Там же, 423.
[5] М. И. Артамонов. Скифское царство..., стр. 77.

Скифское царство слабело под внешними ударами. Мы видели их последовательность. Сами скифы подверглись сарматизации в культурном отношении. Одни думают, что «Скифское царство исчезло потому, что оно прежде всего было военной организацией» [1]. Здесь, повидимому, склонность видеть в Скифском царстве непрочное военно-административное объединение. Но мы видели уже, как крепкий союз племен превратился в сильное степное царство Атея. В этом царстве основа была еще очень близка к эпохе Геродота — не было еще попытки встать в ряд торговых античных государств. Кочевое военное царство стало превращаться в торговое государство, но внешние удары и недостаточная гибкость военной организации сначала сократили территорию государства, а затем подготовили его гибель. Это ослабевшее общество погибло постепенно. Но обстоятельства его гибели не вполне еще ясны. В изучении их нам поможет археология.

П. Н. Третьяков писал, что «в состав Скифии входили различные кочевнические и земледельческие племена, имевшие неодинаковое происхождение. Скифия являлась, несомненно, конгломератом племен, хотя и не таким пестрым, как, скажем, империя Кира» [2]. Такой взгляд на этнический состав скифов является пережитком устаревших представлений. И кочевые, и земледельческие скифы этнически и по языку составляли нечто целое. Скифия являлась не конгломератом племен, как империя Кира, а государством народности, имевшей свой издавна сложившийся язык, свою экономическую базу, свою культуру. Такие народности иной раз входили в военно-административные объединения типа непрочной монархии Кира. Но степная Скифия не вошла в состав какой-либо из таких империй. Сам Рим остановился на ее границе. От начала союза племен она, более или менее единая, прожила в виде самостоятельного царства около 800 лет. Нельзя усматривать такую империю и в царстве Атея. Мы видели, что это государство основывалось на этнически едином массиве. Конечно, кое-какие чуждые племена вошли, может быть, на короткое время в это царство. Но и после гибели своего основателя

[1] М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 77.
[2] Вопросы истории, 1950, № 10, стр. 14.

оно продолжало существовать на той же этнической основе и на той же, в основном, территории.

Скифия была чем-то промежуточным между «варварским» и греческим миром. Греческие города, даже Боспор, всегда в той или иной мере были форпостами античного Средиземноморья. С эпохи Нерона даже Ольвия отрывалась от Скифии и ждала спасения от Рима. Скифское царство было враждебно и колониям, хотя и взяло от них многое по культуре, было враждебно и сарматам. Эта промежуточность между соседними мирами его подтачивала. С севера на него все более и более наступал славянский мир. Скифское степное царство сошло со сцены вместе с античными городами Северного Причерноморья. Надо думать, что славяне, аланы, готы стерли это царство, дожившее почти до начала средневековья. Славяне в Приднепровье, они же или другие племена в Крыму, тюркские племена на Волге и в Приазовье ассимилировали этнические остатки населения этого одряхлевшего многовекового царства и родственных ему племен.

Если для нижнего Приднепровья раскопки на Каменском городище и соседних поселениях могут заполнить немало лакун письменной традиции, то для последнего периода, со II в. до н. э., многое может дать работа П. Н. Шульца и его сотрудников в Неаполе на Салгире и на иных городищах скифского времени в Крыму, да и многое уже дала.

ГЛАВА I

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О КАМЕНСКОМ ГОРОДИЩЕ. ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДИЩА. ЕГО ТЕРРИТОРИЯ ОТ НЕОЛИТА ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Каменское городище находится против города Никополя, на левом берегу Днепра, и занимает так называемые Каменские кучугуры, т. е. дюнную песчаную степь между Днепром и Белозерским лиманом, северо-восточную часть села Б. Знаменки и юго-западную часть села Каменки. Это городище известно давно. В 1594 г. немецкий дипломат и путешественник Эрих Лясота из Стеблева, при плавании вниз по Днепру, побывал на этом городище и написал о нем следующее:

«2-го июля. Повидавшись предварительно с Московским посольством, я около полудня отплыл из Базувлука на турецком сандале вместе с запорожскими послами: Саськом Федоровичем и Ничипором и с двумя сопровождавшими их казаками; в ту минуту, когда мы отчаливали от берега, войско запорожское приветствовало нас звуками войсковых барабанов и труб и пушечными выстрелами. В тот же день мы проехали мимо Мамай-Сурки, древнего городища (т. е. валов, окружавших древнее укрепление), лежащего на татарской стороне; затем мимо речки Белозерки, текущей из Татарской степи и образующей озеро при впадении своем в Днепр, при котором также находится городище и земляная насыпь, окружавшая в древности большой город. Далее мимо Каменного Затона, залива Днепра также на татарской стороне с очень скалистым берегом, от которого и получил свое название. Здесь татары обыкновенно переправляются через Днепр в зимнее время, когда реки покрыты льдом; здесь же производится выкуп пленных. Отсюда начинается высокий вал, который тянется по степи вплоть до Белозерки, а подле него лежит большой каменный шар, свидетельствующий, что в древности здесь происходило большое сражение» [1].

В XIX и даже XX вв. о городище писалось более или менее случайно в разных статьях и публикациях. В них делались иногда очень странные, не заслуживающие в наше время внимания догадки о древних валах. Поэтому здесь мы остановимся только на важнейших известиях и замечаниях.

В дальнейшем это городище упоминается в книге Большого Чертежа. Г. И. Спасский, комментируя соответствующее место книги Большого Чертежа, отмечает на поверхности песков значительное количество находок каких-то древних черепков и других предметов, в особенности фрагментов греческих амфор; упоминает также о поднятых римских и греческих монетах и о большом числе металлургических остатков, в частности слитков меди; говорит о встречающихся здесь наконечниках стрел, наконец, о находках у пристани русских копеек и турецких монет [2].

У С. И. Мышецкого говорится, что на Каменном Затоне в 1696 г. была построена крепость.

---

[1] Эрих Лясота. Мемуары, относящиеся к истории южной России, вып. 1. Киев, 1890, стр. 184.

[2] Г. И. Спасский. Книга, глаголимая Большой Чертеж. М., 1846, стр. 160, прим. 260.

Рис. 1. Выкопировка территории Каменского городища из плана середины XVIII в.

По сведениям, почерпнутым Н. Вертильяком и А. Афанасьевым-Чужбинским из Истории о казаках запорожских С. И. Мышецкого, на Белозерке был в 1736 г. построен ретраншемент с редутами. На карте, опубликованной А. Шмитом и относящейся к XVIII в., имеется крепость «Каменный Затон» — там, где она находилась в петровское время. К сожалению, карта не датирована. Стоял ли ретраншемент здесь, или где-то в другом месте, — неясно (рис. 1 и 2). Однако почти очевидно, в соответствии с Мышецким, что редуты 1736 г. располагались в Знаменском городке по лиману и его гирлам, если судить по планам Л. Падалки, Вертильяка и Сердюкова (рис. 3, 4 и 5).

Рис. 2. Выкопировка той же территории из плана 1801 г.

Тогда несомненно использование и древних валов в качестве укрепления. В наши дни никаких следов укреплений 1736 г. не сохранилось; они, конечно, срыты огородами и садами.

В 1852 г. городище посетил А. С. Уваров. Он также отмечает на том же пространстве большое количество разнородных находок, среди которых особенно останавливается на золотых нашивных бляшках, найденных местными мальчиками. Находки эти поступили в коллекцию Уварова и хранятся в настоящее время в Историческом музее. А. С. Уваров правильно определил время этого поселения в целом от IV в. до н. э. до конца II в. н. э., однако неправильно счел его за греческое поселение и приурочил к птолемеевскому Серимy [1].

Вслед за Уваровым довольно подробное описание этого городища дал А. Терещенко в «Очерках Новороссийского края» [2]. На основании небольшого количества находок татарских и польских монет Терещенко считает это поселение средневековым татарским и относится отрицательно к мысли о том, что здесь находилось какое-либо более древнее поселение, более древний город. Ценные сведения сохранили члены Одесского общества истории и древностей А. Чирков и Н. Вертильяк. А. Чирков, описав вкратце городище по Днепру и его лиману, отмечает, что описываемый им памятник — крупнейший среди всех, не исключая и Ольвии. Н. Вертильяк дает важные сведения о городке в Знаменке и его план, частью теперь непонятный (см. рис. 3) [3].

На этом плане акрополь опоясан по крайней мере двумя валами, причем внутри второго помечен еще ров, выложенный камнем. Очевидно, второй вал был очень незначителен, так как на межевом плане самого начала XIX в. (см. рис. 2) никаких следов этого вала нет. Впрочем, в 1952 г. Н. Н. Погребовой удалось проследить на этом месте небольшое возвышение, где были произведены раскопки, давшие слабые признаки стоявших здесь каменных построек. Еще своеобразнее следы прерывистого вала по берегу лимана и гирл. Этот вал никаких следов не оставил. На упомянутом межевом плане вал, идущий от акрополя к лиману, так же выходит к нему, напротив каменского вала, как и теперь.

Наиболее компетентный из исследователей середины XIX в., автор многочисленных работ по исторической географии Причерноморья, Ф. Брун останавливается на описании Каменского городища, но не приходит ни к какому определенному выводу, с сомнением относясь к отождествлению Уваровым этого города с птолемеевским Серимом [1].

Из других описаний следует отметить статью Л. Падалки [2]. Автор различает отдельно городок, т. е. западную часть Каменского городища на территории села Б. Знаменки, подробно описывает его вал и дает схематический план городка (см. рис. 5). На его плане показаны по крайней мере два опоясывающих акрополь вала (в действительности имеется только один вал, как это доказывается межевым планом конца XVIII в. — начала XIX в.; см. рис. 2). Автор говорит о множестве рассеянных по Знаменскому городищу курганов. На самом деле такие курганы имеются только на участке между улицей Заря и выходом внешнего вала городища к озеру; в других местах ни целых, ни распаханных курганов нет. Что же касается остальной части Каменского городища, то он считает ее за особое поселение.

Наиболее правильное заключение было выведено геологом В. В. Соколовым, посвятившим Белозерскому городищу на Днепре, как он его называет, большую статью [3]. В. В. Соколову принадлежит совершенно правильная оценка, — первая в литературе, — громадного археологического комплекса Каменского городища как единого целого. Он правильно считает, что так называемый «Турецкий вал», пересекающий село Каменку между Белозерским лиманом и Конкою, а также валы в селе Знаменке и примыкающий к Конке в этом же селе акрополь, принадлежат одному и тому же древ-

[1] А. С. Уваров. Исследование о древностях южной России и берегов Черного моря. СПб., 1851, вып. 1, стр. 20—30, табл. V и VI.

[2] СПб., 1854.

[3] А. Чирков. Краткий очерк городищ, находящихся по Днепру и его лиману. Записки Одесского об-ва истории и древностей, т. VI. 1867, стр. 546; Н. Вертильяк. Описание Белозерского городища. Записки Одесского об-ва истории и древностей, т. IV. 1858, стр. 143—145.

[1] Ф. И. Брун. Черноморье, ч. II. Одесса, 1880, стр. 65—67.

[2] Л. Падалка. Каменный Затон и Белозерское городище на Днепре, «Киевская старина», т. XXXV. Киев, 1891, стр. 384—390.

[3] В. Соколов. Белозерское городище на Днепре. «Киевская старина», т. XXXVIII. Киев, 1892.

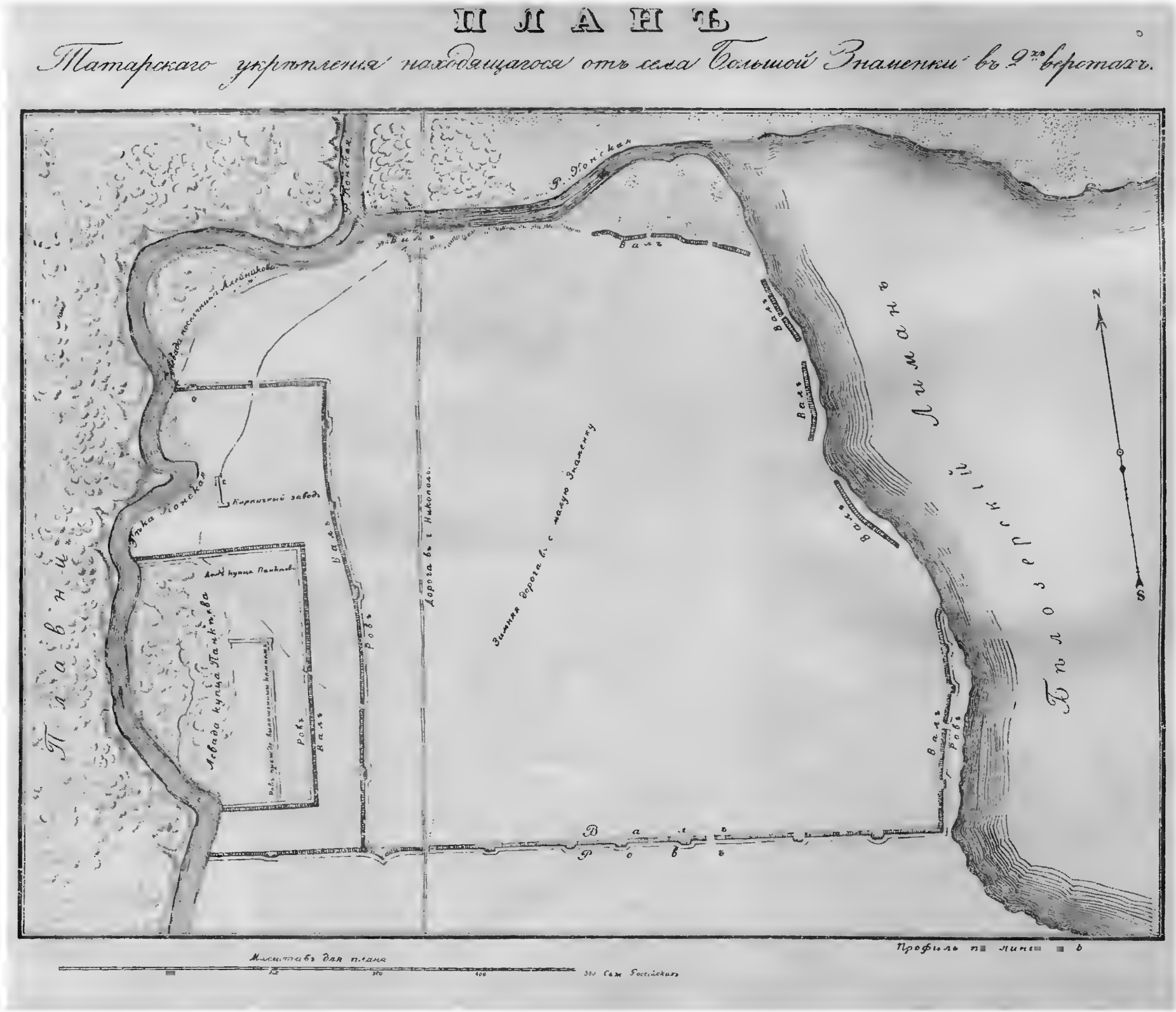


Рис. 3. Схематический план Знаменского городка, по Вертпльяку, в середине XIX в.

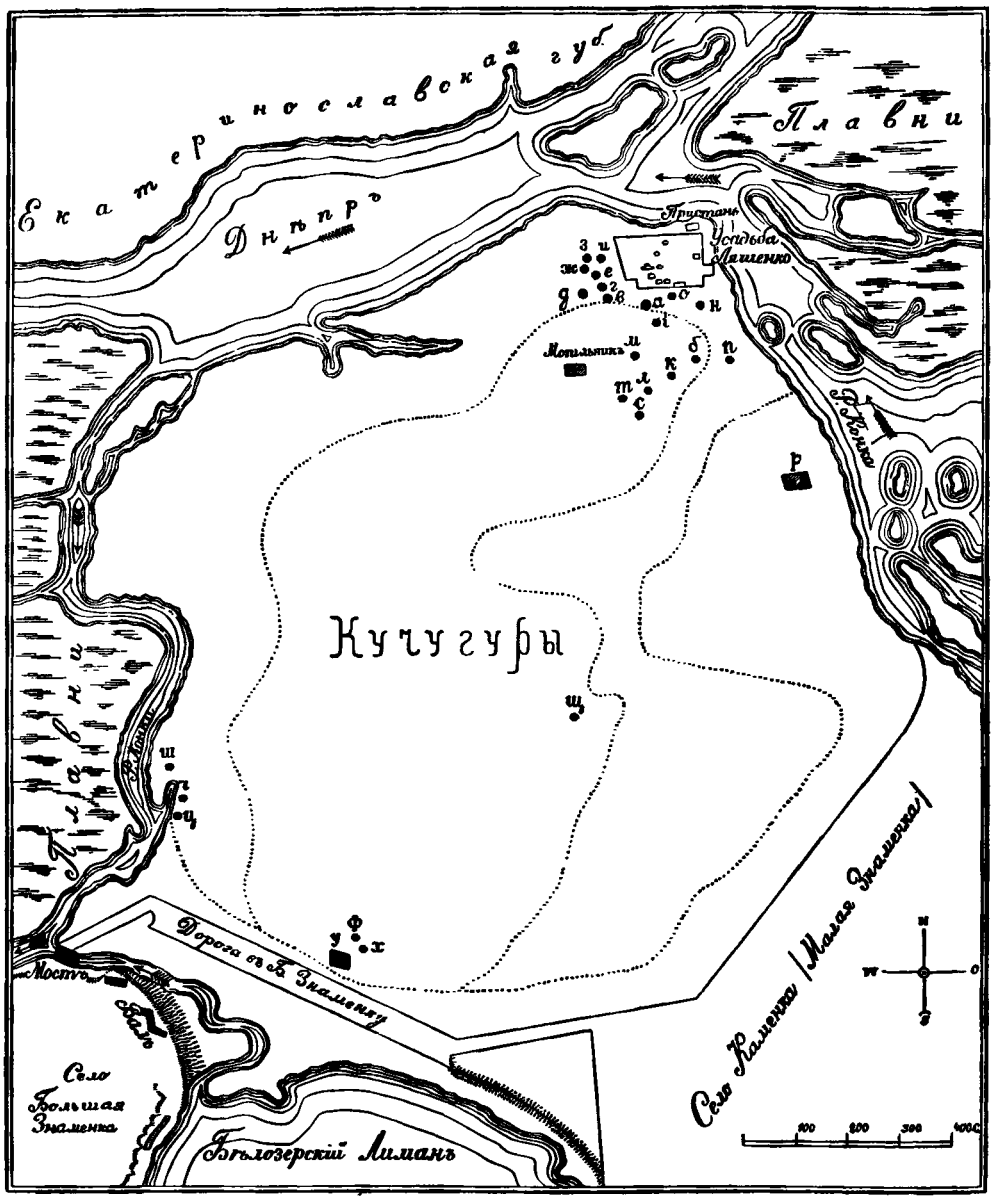


Рис. 4. Схематический план раскопок Сердюкова на Каменском городище в 1899 и 1900 гг.

нему городу и в целом одному и тому же времени. В своих выводах Соколов присоединился к мнению А. С. Уварова о принадлежности этого городища грекам, но допускает возможность того, что этот город был скифским, и категорически отрицает неосновательное мнение А. Терещенко о татарской принадлежности этого древнего поселения. Повидимому, В. В. Соколовым были произведены тщательные осмотры и обследования. Подробное перечисление находок доказывает, что Соколов правильно оценил время этого поселения и его обширность. Особенно же важным является его заключение о том, что центральная часть городища, находившаяся на дюнных песках, представляла

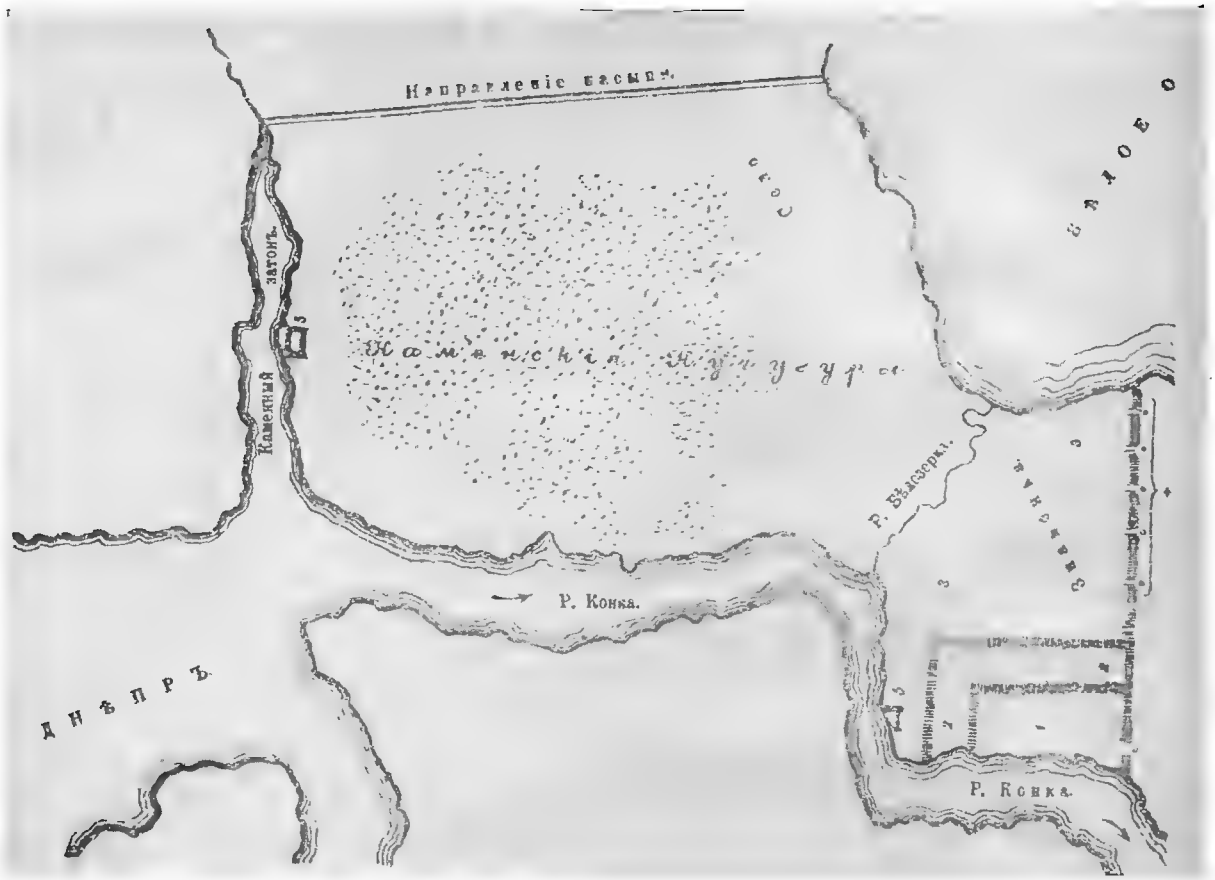


Рис. 5. Схематический план Каменского городища (по Падалке) в 1891 г.
1 — внутренний окоп в городке; *2* — городок; *3* — городище; *4* — перерывы в валах с курганами с наружной стороны; *5* — следы редутов

собою как бы город мастеров — литейщиков и кузнецов. Он отмечает находки многочисленных кусков оплавленной бронзы, обломков свинца, несомненных остатков целой литейной мастерской, а также присутствие в ряде мест болотной железной руды. Дальнейшие, производившиеся в последние годы раскопки показали, что во всех отношениях В. В. Соколов, по внешнему осмотру, определил это поселение правильно.

В 1898 г. Ф. А. Браун, производивший раскопки Чмыревой могилы близ села Б. Белозерки, посетил Каменское городище и отнес это городище к скифо-греческому времени, предположив, что здесь находился город Азагарион, упоминаемый у Птолемея. Этот последний вывод не может считаться правильным в силу того, что на дюнах Каменского городища до настоящего времени нет никаких находок римского времени [1].

Начиная с 1896 г. учитель школы села Каменки Д. Я. Сердюков, позднее бывший директором Мелитопольского музея и умерший в 30-х годах, сначала производил многочисленные сборы вещей на кучугурской части городища, а вслед затем, в 1899 и 1900 гг., произвел по поручению Археологической комиссии довольно значительные раскопки. В 1898 г. он сделал ряд шурфов на дюнной части городища, а в 1899 г. — и в Знаменской части городища (см. рис. 4). Его выводы в общем правильны, поскольку он полагал, что здесь находились поселения

[1] Ф. А. Браун. Разыскания в области готославянских отношений. СПб., 1899, стр. 213, 214, 224, 371 и 372.

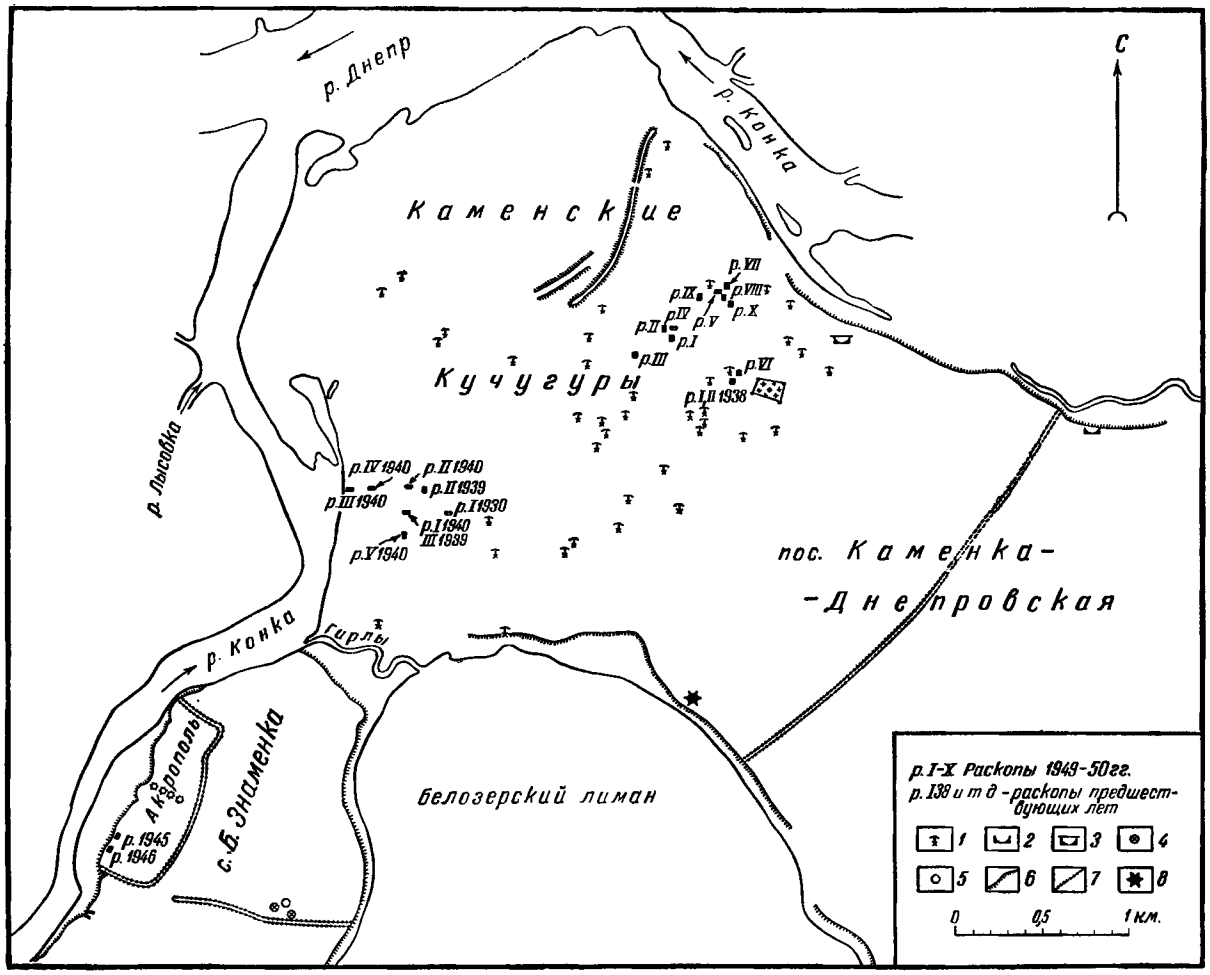


Рис. 6. Схематический план Каменского городища в настоящее время

1 — скифский слой с остатками металлургии; *2* - грунтовый могильник; *3* — землянка; *4* — раскопанные курганы; *5* — нераскопанные курганы; *6* — вал XVIII в.; *7* — вал скифского городища; *8* — предскифские селища

скифского времени. Однако он сделал шаг назад, сочтя дюнную часть Каменского городища поселением, отдельным от Знаменской его части. Кроме посвященной этому специальной статьи, Сердюков в 1929 г., за несколько лет до смерти, прислал директору Никопольского музея весьма тщательно составленное письмо, в настоящее время, к сожалению, погибшее, в котором он приводил ряд новых ценных данных по топографии этого городища и монетным находкам на нем. В дальнейшем изложении материалы Д. Я. Сердюкова найдут свое место в описании этого городища [1].

До 20-х годов текущего столетия Каменское городище было оставлено без внимания, и только в 1929 г. там были произведены небольшие, но важные раскопки ныне покойным сотрудником Никопольского музея Ф. Н. Кирановым [1]. Вслед за тем вплоть до смерти Киранов производил тщательные и регулярные разведочные работы, в результате которых в Никопольском музее скопилось

[1] Д. Я. Сердюков. Каменские кучугуры и их древности. Газета «Крымский вестник» от 3 апреля 1896 г., № 73; Его же. Раскопки в Каменке. ОАК за 1899 г., стр. 28—37, и за 1900 г., стр. 33—36 (с планами расположения шурфов на территории дюн).

[1] К сожалению, после смерти его в 1935 г. дневника этих раскопок на квартире обнаружено не было, и об их месте (в первом перерыве вала русской крепости) мне сообщил и показал его директор музея Г. С. Шапошников.

большое количество подъемного материала. Работе Ф. Н. Киранова мы обязаны установлением существования на месте теперешней Каменской пристани небольшого татарского поселения. В 1935—1936 гг. осмотры кучугур производил сотрудник Института археологии Академии наук УССР Л. Д. Дмитров [1]. Начиная с 1937 г. по 1950 г., с перерывом с 1941 г. по 1943 г. и в 1947 и 1948 гг., раскопки на этом городище производились мною (рис. 6)[2]. Многое сделал для изучения городища ныне покойный директор Никопольского музея Г. С. Шапошников, которому я обязан привлечением меня к изучению городища после смерти Ф. Н. Киранова.

После войны значительную помощь в изучении городища приносят научный сотрудник районной мелиоративной станции В. Г. Скрипниченко и ответственный секретарь районной газеты И. П. Грязнов. В. Г. Скрипниченко передал основную часть собранных им вещей экспедиции ИИМК и Запорожскому музею. Собрание И. П. Грязнова, отличающееся очень большой систематичностью, находится в настоящее время у него в с. Каменке Днепровской и послужило очень хорошим пополнением к добытому раскопками материалу.

В 1952 г. ИИМК присоединился к раскопкам в зоне Каховского строительства. Произвести охранные раскопки в зоне строительных работ на Каменских кучугурах было поручено П. Д. Либерову, а на акрополе — Н. Н. Погребовой, моим неизменным сотоварищам по Скифской степной экспедиции. В свое время их отчеты будут опубликованы. В настоящей работе, с их согласия, мною использованы некоторые важнейшие данные.

Находки доскифского времени на территории Каменского городища. Во время раскопок Сердюкова в крайнем восточном из его шурфов по берегу Конки был найден кремневый наконечник стрелы. Форма его неизвестна, в коллекциях ГИМ в Москве он отсутствует.

В 1937 г. в самом центре дюнной площади Каменского городища, справа от грунтовой дороги через кучугуры, ведущей от Лепетихинского тракта к Каменской пристани, в котловине выдувания, занимавшей несколько сот квадратных метров, среди тысяч обломков черепков скифской и греческой керамики были найдены два фрагмента стенок сосуда ямной культуры. Там же был найден кварцитовый наконечник стрелы с черешком.

В 1938 и 1939 гг. в юго-западной части дюн между Конкою и Белозерским лиманом было найдено на поверхности несколько мелких ножевидных пластинок. В дальнейшем эти находки повторялись в том же месте несколько раз.

В 1947 г. у самого выхода улицы Дзержинского села Каменки на дюнное плато был обнаружен кремневый конический нуклеус. Однако ни многолетнее обследование этого городища, ни раскопки нигде культурного слоя бронзовой эпохи в сохранном виде не обнаружили.

Находки продолжались в столь же малом количестве и в 1949 г. На склоне песчаной покрышки с западной стороны котлована современных каменоломен, находящихся очень близко от пристани, сотрудник Запорожского музея В. Ф. Пешанов нашел три двушипные кремневые стрелки и небольшой скребочек (рис. 7). Во время раскопок он привел нас на это место, и там студентом А. А. Формозовым были найдены еще два кремневых отщепа.

В том же году в раскопе V среди множества скифских вещей были найдены два малых фрагмента с орнаментом срубной культуры. Других вещей этого же времени не попалось.

В 1950 г. одна небольшая кремневая пластинка была обнаружена в чисто скифском слое раскопа X.

Среди находок в раскопках П. Д. Либерова 1952 г. было также обнаружено несколько фрагментов керамики бронзовой эпохи.

Зарегистрированное в 1946 г. селище № 5 на Белозерском лимане находится между Каменскими кучугурами и валом городища на его территории. Оно расположено на правом берегу Белозерского лимана между выходом к лиману Лиманной улицы села Каменки и первым переулком с этой улицы к берегу озера и начинается от конца дюнных песков в 700 м вверх по берегу озера. Таким образом, оно приходится между заселенной частью Каменского горо-

[1] Л. Д. Дмитров. Археологическое изучение Никопольщины в 1935—1936 гг. (на украинск. языке). «Археологія», Київ, 1950, III, стр. 73 и 74.

[2] В начале этой главы лишь частью упомянуты литературные сведения о городище. В конце книги помещена в приложении 2 вся известная мне литература вопроса.

дища и его внешним валом, т. е. на той части городища, которая в целом в скифское время заселена не была. На всей поверхности селища находится ряд приусадебных огородов колхозников и их фруктовых садов. Общая протяженность селища — около 150 м вдоль по берегу озера. Сказать точно, насколько оно уходит вглубь плато, — в настоящее время невозможно. Находки на поверхности поля почти совершенно отсутствуют. Зато в обрыве берега, в многочисленных береговых осыпях и межевых канавах

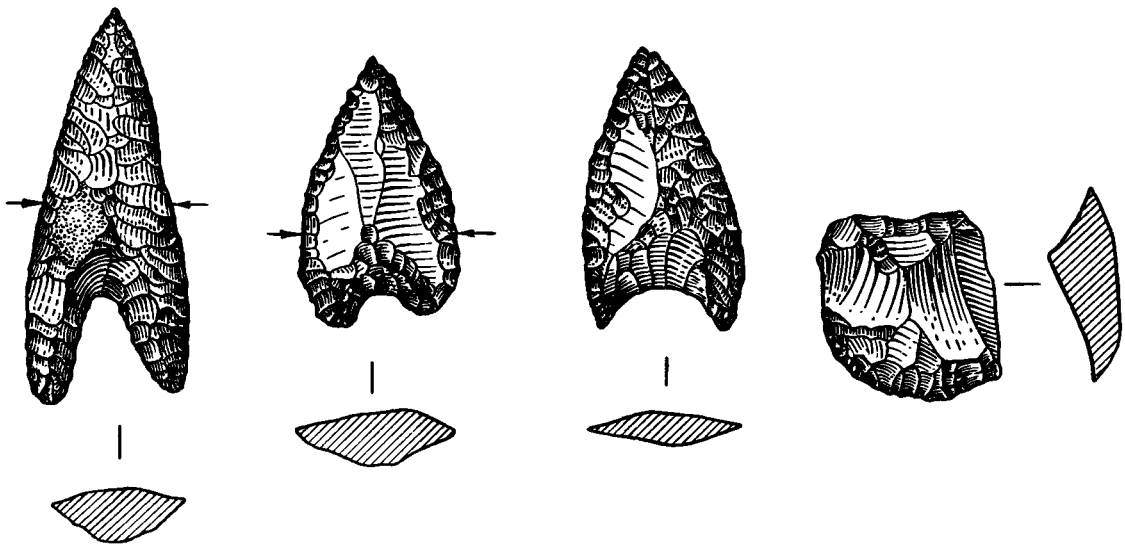


Рис. 7. Каменные орудия с кучугур из сборов В. Ф. Пешанова (н. в.)

находки попадались при осмотре в большом количестве. Черноземный слой, в котором залегают находки, имеет мощность от 40 до 50 см, но находки начинаются на глубине около половины слоя и идут до поверхности материкового лёсса. Фрагменты встреченной здесь лепной посуды очень многочисленны. Многие из них носят штампованный гребенчатый и ямочный орнамент. На некоторых встречается налепной валик по плечикам и сглаживание гребенчатым штампом. Однако среди поверхностных находок была найдена боковина остродонной греческой амфоры. При первых осмотрах, на основании многочисленных фрагментов керамики, было предположено, что селище № 5 относится к предскифской (киммерийской) эпохе. На этом основании в 1947 г. здесь были произведены довольно обширные раскопки [1]. Эти раскопки обнаружили здесь, действительно, поселение предскифского времени с остатками большой, обычной для этого времени, землянки. Однако в то же самое время оказалось, что в верхнем слое залегают в значительном количестве фрагменты лепной скифской керамики позднеклассического и раннеэллинистического времени, многочисленные обломки остродонных амфор того же времени и отдельные железные предметы, среди которых, между прочим, была обнаружена одна черешковая трехлопастная железная стрела раннесарматского типа.

Вопреки создавшемуся в предшествующие годы предварительному выводу, что между древней, эллинистического времени, заселенной частью городища и его внешним валом все пространство было необитаемо, приходится заключить, что в этом пространстве кое-где находились отдельные заселенные места малой площади. В настоящее время на основании раскопок 1947 г. можно констатировать, что от бытования здесь киммерийского селища и до скифского поселения прошел значительный промежуток времени, не менее четырех веков. Таким

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Поселение бронзового века на Белозерском лимане. КСИИМК, вып. XXVI, стр. 76 и сл.

образом, можно сказать, что на громадной дюнной площади, составляющей основную часть Каменского городища, и до времени возникновения здесь в конце V в. до н. э. обширного скифского поселения существовало несколько селищ бронзовой эпохи, остатки которых, однако, или совершенно стерты скифским поселением, или развеяны передвижением дюн.

В скифское время здесь находилось огромное, около 12 кв. км, городище. Территория, занятая им, указана в начале этой главы. Ввиду того, что настоящая работа посвящена скифскому городищу, мы здесь ничего о нем более говорить не будем.

Памятники послескифского времени на территории Каменского городища. Из многочисленных архивных и литературных свидетельств [1] известно, что, начиная по крайней мере с конца XVI в. и до наших дней, на месте теперешней Каменской пристани находится перевоз на Никопольскую сторону. В 1929 г. археологом Никопольского музея Ф. Н. Кирановым были произведены у самой пристани небольшие раскопки, давшие остатки сырцовой постройки из квадратного кирпича татарского типа, и найдено несколько генуэзских, татарских и польских монет. Во время Запорожской Сечи это место носило название Никитинского перевоза, по имени запорожца, державшего здесь паром не то в конце XVII в., не то в начале XVIII в. Возможно, что к татарскому же времени, если судить по формату обожженных кирпичей, относятся и четыре курганообразных холма, скрывающие остатки построек, которые находятся в середине внутренней площадки акрополя.

Мышецкий, Вертильяк и Афанасьев-Чужбинский сохранили разные варианты предания, по которому Знаменский городок был построен некоею Суркою или Белозеркою против Мамая, претендовавшего против ее воли на ее руку. Мамай осадил ее в крепости; оттуда она ночью бежала на кораблях. Эта легенда сильно повлияла на позднейшее понимание этого памятника. Его в XIX в. не раз были склонны считать за татарское укрепление. Но так невелики остатки татарского времени, что поселение, здесь тогда бывшее, надо думать, бывало кратковременным местом охраны торговой переправы, но уж во всяком случае никакого города тысячи мечетей здесь никогда не существовало.

Соображения С. И. Мышецкого о том, что это городище было в свое время основано франками, ушедшими затем в Германию, ничего, кроме склонности автора к псевдоисторической отсебятине, конечно, не представляют.

Из курганообразных насыпей акрополя в старину местное население извлекало в большом количестве обожженный кирпич. Раскопки одного из этих холмов произведены Н. Н. Погребовой в 1952 г. Они показали, что здесь стояло какое-то строение на оригинальной глиняной субструкции и деревянных сваях. Кирпич по большей части представлял собою уже развал. Ниже был обнаружен хорошо сохранившийся скифский слой II—I вв. до н. э. Его публикацию готовит Н. Н. Погребова.

В конце XIX в. и вплоть до революции на месте теперешней пристани села Каменки находился хутор братьев Лященко. Так как при распашке единственного на всей этой песчаной площади черноземного участка Лященко в большом количестве находились как древние скифского времени, так и более поздние средневековые и русские вещи, Д. Я. Сердюков большую часть своих раскопок 1899 г. сосредоточил именно на этом месте и вокруг него. До настоящего времени, вследствие того, что здесь находятся большие, фундаментальные постройки Заготзерна, раскопки Сердюкова являются не вполне в деталях определенным, но достаточно прочным свидетельством о позднем заселении этого места.

Из архивных данных XVIII в. известно, что в самом конце XVII в. именно в этом месте была построена Петром I крепость «Каменный Затон» для защиты от турок. Крепость эта была срыта в 1711 г. по Прутскому мирному договору с Турцией, как и другие крепости, находившиеся в Запорожье.

В 1736 г. при Минихе здесь вновь был построен редут, о котором речь шла выше. Совершенно непонятно, на каком основании такой внимательный исследователь как Сердюков, счел за миниховский редут валы древнего городища в знаменской его части. Именно с петровскими укреплениями в XVIII в. или с какими-то более ранними запорожскими поселениями связан ряд остат-

[1] См. приложение 2.

ков, открытых Сердюковым в 1899 г. вокруг хутора Лященко, в особенности к югу и западу от него. На самой территории хутора в раскопке № 1 Сердюковым были обнаружены остатки глубокого погреба, содержащего полную железную оснастку дверей, ручной жернов и чугунное ядро. В остальных пяти раскопах было обнаружено множество кованых железных гвоздей, железных скоб, кирпичей, украинской и русской глиняной посуды, а также битой стеклянной посуды.

В раскопах IV, V и VI Сердюкова оказались остатки каких-то жилых строений, погибших от пожара и состоявших из кусков обожженного квадратного кирпича (татарского или запорожского?), известкового цемента, обгорелых бревен и углей. В раскопе V было найдено значительное количество разбитых глазированных изразцов начала XVIII в. По определению покойного В. К. Лукомского, изображенные на некоторых из этих изразцов двуглавые орлы с сердцевидным щитом на груди и стреляющим из лука кентавром на этом щите, являются не чем иным, как гербом Калужского пехотного полка, изображавшимся на знаменах этого полка по царскому повелению с 1709 г. Возможно, таким образом, что мы имеем здесь остатки казармы или другой постройки этого полка, хотя указания на то, что он был здесь расквартирован, в архивных документах В. К. Лукомскому не удалось обнаружить.

В 400 саженях на юг от хутора Лященко, на площади 50 кв. м было обнаружено 21 православное погребение. Многие из покойников имели медные или деревянные кресты начала XVIII в. Возможно, что и здесь мы имеем остатки населения тех же петровских и елизаветинских укреплений.

К юго-востоку от хутора Лященко, в 150 саженях от Днепра, обнаружен ряд жилищ, построенных из обожженного кирпича, камня и дерева (подробности отчет не сообщает).

Среди многочисленных находок автор отчета отмечает глиняные трубки, медные кресты и несколько обломков замков от кремневых пистолетов. Можно отнести эти постройки к началу XVIII в.

В 640 м от днепровского берега у хутора Лященко, в раскопках Сердюкова «к», «л» и «м», были исследованы остатки трех валов, отнюсящихся, очевидно, к одному из этих укреплений первой половины XVIII в., каждый высотою несколько более 2 м, длиною более 300 м. Два вала идут параллельно в 85 м с юга на север, а третий — перпендикулярно к ним с запада на восток. На поверхности валов встречались в значительном количестве щебень булыжника и черепки древних глиняных сосудов. Под песком, покрывавшим поверхность вала на глубину от 0,35 до 0,70 м, валы состояли из больших каменных глыб, положенных на грунтовой песок, а промежутки между этими плитами заложены мелким щебнем. Извести в облицовке этой кладки не замечено. Лучше всего эта кладка уцелела в третьем из этих валов. Первоначальная его ширина была 3,90 м, а толщина — от 0,35 до 0,70 м. Местами эта кладка прерывалась на большие промежутки. Кладка эта представляла, таким образом, фундамент крепостных земляных валов. Толщина песчаного покрова достигала в наиболее сохранных местах до 1,40 м. В этом песке попадалось большое количество древних греческих и скифских сосудов.

В 1938 г. мною и Г. Д. Смирновым была сделана попытка разыскать место этих крепостных валов. Приблизительно на полпути между пристанью и теперешним северо-западным концом села Каменки по направлению на юго-запад по площади кучугур идет ровный песчаный вал на протяжении не менее 1100 м. Идет он по довольно прямой линии, имеет основание около 3 м и высоту от 1,5 до 2,5 м. В нескольких местах на его поверхности находятся кучи битого камня. Вероятнее всего, если судить по обоим планам крепостей XVIII века, данным выше (см. рис. 1 и 5), конечно, приходится предположить, что это остатки внешнего юго-восточного вала укрепления. Во всяком случае ни в какой связи с древними укреплениями Каменского городища эта насыпь стоять не может. Ни планы начала XIX в., ни планы 1899—1900 гг., ни современные планы этого вала не отмечают. Считать его остатком какой-нибудь дороги едва ли приходится, поскольку карты второй половины XIX в., тщательно отмечающие дороги, не останавливаются на этой насыпи. Все же отчасти вероятным остается сердюковское предположение о том, что это вал миниховского редута, поскольку площадь петровской крепости могла быть значительно меньше.

В общем следует думать, что за исключением открытых Д. Я. Сердюковым построек, относящихся частью, может быть, к XVII в., а большей частью — к XVIII в., никаких других поселений на площади Каменского городища со скифо-сарматского времени до возникновения сел Большой Знаменки и Каменки не было. Эти последние села возникли в конце XVIII в. после ликвидации Запорожской Сечи.

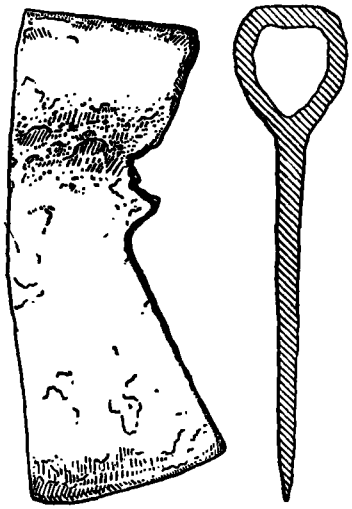


Рис. 8. Русский топор XVII в. с кучугур. (1/4 н. в.)

В 1949 и 1950 гг., когда раскопки на Каменском городище были наиболее обширны, остатки позднего средневековья были встречены неоднократно. Такие же находки были и среди подъемных предметов. У западной околицы с. Каменки были подняты медные солиды Яна-Казимира и шведской королевы Христины. В раскопе VI обнаружен был совершенно неожиданно плотничный железный топор, по определению Б. А. Колчина, относящийся к XVII в. (рис. 8). Слой и остатки древних жилищ раскопа V были потревожены большой канавой, заметной на поверхности песков в виде слабой борозды. Канава затянулась песком, в котором оказались медная монета Елизаветы Петровны и черепок глазурованного сосуда того же времени. Наконец, в балластном песке на площади раскопа IX попались три глиняные трубки XVII—XVIII вв. и серебряная копеечка Петра I, относящаяся ко времени до его денежной реформы. Все это, однако, лишь отдельные находки на территории, заселенной сплошь только в скифское время.

Киранов и Терещенко находили золотоордынские монеты самого разного времени. Сердюков упоминает о находках русских копеечек XVII в. и т. п.

Указанный выше восточный вал русской крепости был прослежен и в 1949 г. в направлении на юго-юго-запад от дороги из Каменки на пристань на протяжении около 1100 м. Дальше он теряется в песках. Он имеет разрез в виде полукруга, состоит сплошь из песка. У его подошвы с запада тянется заросшая травою, вероятно, современная крепости дорога около 3 м шириною, очень твердая и слегка выгнутая в середине. Теперь она совершенно заброшена и не используется, очевидно, уже очень давно. К северо-западу от этого вала до берега Конки и до бечевника вся поверхность кучугур покрыта своеобразными холмами — четырехугольными, пирамидальными и в форме полушарий — вероятно, покрывшими остатки построек внутри русской крепости. На этой площади после отъезда экспедиции в начале июля 1950 г. были открыты остатки порохового погреба XVIII в.[1]

[1] Об этом И. П. Грязнов поместил обстоятельную заметку в «Большевике Запорожья» от 5 октября 1950 г. № 198 (2157). К ней я и отсылаю читателя, интересующегося поздней историей Приднепровья.

ГЛАВА II

КАМЕНСКОЕ ГОРОДИЩЕ — В ОСНОВНОМ ПАМЯТНИК СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Конфигурация городища в скифское время. Каменское городище занимало в скифское время площадь около 12 кв. км на дюнной степи, носящей ныне название Каменских кучугур, и еще часть земли в селах Каменке и Знаменке (см. рис. 6).

С конца XVIII в. по 1950 г. села отняли у территории древнего поселения немногим менее 300 га. С северо-востока к городищу вплотную подходит русло р. Каменской Конки. Начиная от стрелки на крайнем северном пункте городища и вплоть до выхода из Днепра р. Знаменской Конки, городище выходит на Днепр на протяжении около 2 км. Западная сторона омывается Знаменской Конкою, где на северо-восточной границе с. Знаменки дюнная степь отделена от черноземного плато «гирлами», т. е. узким протоком из Белозерского лимана в Знаменскую Конку. С южной стороны на протяжении нескольких сот метров дюнная часть городища выходит на северный берег Белозерского лимана. Юго-восточная сторона дюнной степи застроена ближайшими к Днепру кварталами с. Каменки.

На расстоянии 1 км от дюнных песков, считая по берегу Белозерского лимана, от этого последнего через с. Каменку к северо-востоку идет земляной вал, выходящий на обрывистый берег над пойменными лугами Каменской Конки. Между заселенными в скифское время кучугурами и этим валом располагается почти не заселенное в скифское время пространство шириной около 700 м. Впрочем, раскопки 1947 г. показали, что и на этом пространстве в скифское время отдельные небольшие участки были заселены.

Этот вал более или менее верно изображен на межевом плане 1801 г. (см. рис. 2, стр. 35), разысканном в одном архиве покойным Г. С. Шапошниковым, и на плане при статье Л. Падалки, на котором он лишь неправильно распрямлен (см. рис. 5). Именно этот вал последним по счету описан у Лясоты.

В северо-восточном конце села Б. Знаменки, за упомянутыми выше гирлами, на берегу лимана, приблизительно в 1400 м вверх от гирл начинается другой вал, доходящий в северо-западном направлении до обрыва над Знаменской Конкою. В 337 м от обрывов над Конкою внутрь городища от первого вала отделяется второй вал, идущий вдоль берега Конки, тянущийся к северо-востоку на протяжении 800 м с небольшим и затем резко поворачивающий на северо-запад опять к обрывам над Знаменской Конкою. Этот вал вместе с упомянутым 337-метровым отрезком первого вала образует П-образный план акрополя Каменского городища, причем короткие ножки «буквы П» обращены к Конке.

Эти валы, т. е. валы акрополя и всего Знаменского городка, Н. Вертильяк счел татарскими. На его плане (см. рис. 3, стр. 36) вал, соединяющий Белозерский лиман и Знаменскую Конку, изображен, как имеющий загиб по берегу лимана в сторону кучугур и ряд останцов вплоть до гирл. Между тем на упомянутом межевом плане и планах Падалки и Сердюкова (см. рис. 4 и 5) такие останцы

почти отсутствуют, т. е. до Вертильяка и после него этот вал не был замечен. Это заставляет думать, что Вертильяк принял за валы какие-то и ранее слабо заметные следы, очевидно, остатки редутов времен Миниха.

Особенно существенно то обстоятельство, что валы межевого плана с точностью совпадают с данными Лясоты и данными Падалки и современной нам конфигурацией валов. Внутри П-образного вала акрополя на планах и Вертильяка, и Падалки (см. рис. 3 и 5), отделяясь от внешнего вала, параллельно двум внутренним валам акрополя, т. е. перекладине и второй ножке «буквы П», идет еще вал. У Вертильяка он имеет даже ров вовне, а внутри него показана канава, ранее выложенная белым камнем. Этот внутренний вал характеризуется Н. Вертильяком, как очень низкий. Никаких следов его мы проследить не смогли. Однако Н. П. Погребова весною 1952 г., в связи с мелиоративными работами на территории акрополя, обнаружила в этом месте слабое сплошное возвышение. Летом на небольшом, свободном от посевов, пространстве этого возвышения был заложен раскоп, давший немало остатков IV—II вв. до н. э. и отески строительного камня. Место это явно сильно перекопано. Не стояли ли здесь основные каменные здания скифских времен? Дальнейшие раскопки этого места совершенно необходимы.

Укрепления Каменского городища. Всюду, где Каменское городище выходит на берег Каменской Конки, Днепра, Знаменской Конки и Белозерского лимана, нет никаких искусственных фортификационных сооружений. По берегу Каменской Конки и Днепра крутые обрывы, высота которых колеблется от 8 до 11 м, являются естественной защитой этого городища. По Знаменской Конке такие же обрывы местами достигают 18—20 м высоты, по Белозерскому лиману — от 4—5 до 11 м. Всюду, где застроенная площадь этого громадного городища соприкасается с водами, она оказывается почти совершенно неприступной благодаря этим обрывам; ее уязвимыми местами являются юго-восточное всполье со стороны Каменки и юго-западная вспольная сторона на территории Б. Знаменки.

Юго-восточный вал городища, проходящий через село Каменку от лимана до Каменской Конки, сохранился далеко не полностью (см. рис. 6). Часть вала, когда-то доходившего до лимана, срыта, и вал начинается сейчас приблизительно в 80—90 м от берега лимана на дальней от озера стороне улицы Дзержинского (бывшей Лиманной). Он начинается в усадьбе колхозника Арсентьева, сначала идет на протяжении 265 м, сохраняя в общем северо-восточное направление и представляя собою слабо выгнутую к юго-востоку дугу; ее ширина в основании — от 2 до 4 м, высота в большинстве случаев ниже метра. В 10 м от начала вал приобретает более сохранившуюся внешность, здесь ширина его равняется 11,30 м, ширина рва — 11 м. От этого места вал постепенно начинает повышаться. В 125 м от начала насыпь достигает 19 м ширины при высоте около 2 м, ров имеет ширину около 9 м. В 215 м от начала вал имеет высоту 2,65 м. На 265-м метре — широкий прорыв в 30 м в виде постепенно понижающейся с обоих концов этого прорыва седловины. Стенки этой седловины не имеют никаких повреждений и хорошо задернованы. Может быть, именно в этом месте находились те «железные ворота», о которых рассказывают местные старожилы. В 378 м сделан в недавнее время узкий прорез.

От вышеупомянутого первого прорыва вал сохраняет в среднем то же направление и размеры, что и раньше, вплоть до улицы Шевченко (бывшая Подвальная). На всем этом протяжении вал слабо выгибается наружу, повсюду слегка срыт от вершины по внутренней стороне. На расстоянии 538 м от начала находится второй прорыв в виде крутой седловины шириной 12 м. Начиная от этого второго прорыва до улицы Шевченко, вал срыт полностью от внутренней стороны, от самого гребня до основания. В 95 м от улицы Шевченко вал срыт почти полностью, а по краю улицы срезан вертикально. Здесь с внутренней стороны вала находится усадьба Москаленко—дом № 10/а. По всей стороне улицы вал отсутствует (ее ширина — 12 м). На противоположной стороне улицы вал начинается в усадьбе Шубина. В пределах этой усадьбы на протяжении 50 м вал интенсивно разрушается, почти срыт и частью покрыт огородом. На расстоянии 70 м от улицы Шевченко ширина вала вновь достигает 21 м, при прежней ширине рва всего 8—10 м. Попрежнему

вал сохраняет северо-восточное направление.

На расстоянии 220 м от улицы Шевченко вал идет без всяких повреждений, но в этом месте находится четвертый прорыв, достигающий основания вала и имеющий ширину 30 м. Высота вала в этом месте — около 2,20 м.

В 100 м от улицы Шевченко на вершине вала найден фрагмент стенки греческой амфоры. На расстоянии 39 и 150 м от четвертого прорыва сделано два недавних прореза для тропинок. В 197 м от четвертого прорыва вал резко поворачивает выгнутой наружу дугою к северо-северо-востоку (20—21°). Дальше на протяжении 560 м он сохраняет это же направление до улицы Ленина (бывшая Зеленая) и выходит на нее между домами № 8 и 10, стоящими по сторонам вала. Далее до Конки вал почти не сохранился. Он имеет здесь вид низкой, едва возвышающейся над поверхностью земли дороги, постоянно прерываемой канавками и тропинками, идет по садам правой стороны Советского переулка и, пересекая дворы между улицей Ежикова и улицей Сталина, выходит на крутой, имеющий высоту около 20 м, обрыв над Каменской Конкою во владении конторы Заготзерно.

Длина вала от улицы Дзержинского до улицы Ленина — 1525 м, от улицы Ленина до Каменской Конки — около 850 м. Таким образом, общая его протяженность по дуге приблизительно 2375 м, средняя высота вала в более сохранившихся частях — от 2,20 до 2,80 м, средняя ширина основания — 21 м, ширина рва — от 8 до 11 м. Всюду, где есть разрезы вала в его сохранной части, профиль имеет форму почти равностороннего треугольника. Первоначальное направление его — на северо-восток, потом на северо-северо-восток. Везде по вершине вала идет узкая тропинка. Вал, пересекающий Каменку, известен под названием «Турецкого». Он состоит в разрезе из довольно чистого лёссового суглинка; при его срывании никаких вещественных остатков не найдено.

Часть Каменского городища, выходящая в Знаменку по берегу лимана по прямой линии от моста через гирла до выхода вала к лиману, т. е. между песками и этим валом, занимает расстояние около 1220 м. По берегу Конки от устья гирл до выхода внешнего Знаменского вала городища к Конке — по прямой линии около 1400 м. Пространство между гирлами и внешним валом, за исключением внутренней площади акрополя, в древности не было заселено, как и пространство между песками и Каменским валом; по крайней мере в многочисленных имеющихся здесь разрезах и колодцах культурного слоя не заметно. Однако не исключена возможность, что в отдельных местах были какие-нибудь постройки. Так, например, на левой стороне гирл, при их впадении в Конку, в осыпях обрыва нередки находки отдельных фрагментов керамики и в 1940 г. была найдена монета императора Адриана, а в 1939 г. в обрыве над Конкою у самого выхода к ней вала акрополя был зачищен обрез какой-то ямы хозяйственного назначения с обломками амфор и костями животных на дне. При раскопках в 1944 г. небольшого кургана близ лиманного вала справа от улицы Заря, считая от дороги на с. Верхний Рогачик, под насыпью кургана, в почвенном слое, было обнаружено небольшое количество мелких амфорных обломков. Равным образом при производстве осенью 1940 г. раскопок крепостных валов в подошве валов неизменно оказывались мелкие обломки амфор и местной керамики. В 1946 г. непосредственно за выходом внешнего вала городища к обрыву над Конкою в 20 м за валом было обнаружено на поверхности вспашки приусадебных огородов небольшое количество обломков амфор и местной керамики.

Юго-западный подступ к городищу защищен, как сказано выше, валом, идущим от берега лимана, прямо напротив выхода Каменского вала к лиману, до Знаменской Конки. На берегу этой речки имеется дополнительный акрополь, вал которого образует фигуру в виде очень вытянутой в длину буквы П на низких ножках, упирающихся в Конку (см. рис. 6). Внешняя из этих ножек составляет в то же время ближайшую к Конке часть основного, идущего от лимана, вала. Протяжение вала от обрыва над лиманом до угла акрополя — 1043 м. На этом протяжении — 9 прорывов разной величины. Это по большей части места дорог и тропинок, пересекающих вал; поэтому прорывы эти не особенно велики. Однако один из них, образованный столбовою дорогою на с. Верхний Рогачик, с частью вала от нее до угла акрополя, где вал почти начисто срыт,

имеет около 100 м. Далее протяжением этого вала служит внешний вал акрополя, тянущийся от Конки на 337 м. Итак, внешний вал городища в Знаменке равняется примерно 1480 м.

Внутрь городища параллельно Конке идет причудливо выгибающийся вал акрополя на протяжении 1046 м. Отсюда он вновь круто поворачивает к Конке до обрыва на протяжении 285 м. Вся протяженность валов акрополя — 1667 м. Этот вал имеет 26 прорывов различной величины. Частью его и теперь разбирают на кирпичи. Вдоль наружной стороны внешнего вала тянется заплывший ров 8—10 м шириной, местами и теперь довольно глубокий. Тот же ров идет и по внешней стороне вала акрополя внутри городища. Высота сохранившегося вала очень различна — от 1 до 5 м [1]. Основание вала — 20—30 м. Его разрез близок к треугольнику. Вал и здесь называется «Турецким». Юго-западная часть городища и в Знаменке захватывает относительно небольшую и мало заселенную часть этого огромного села и слывет просто под именем «городок». У стариков акрополь называется «Татарский городок». Площадь акрополя — 32,5 га.

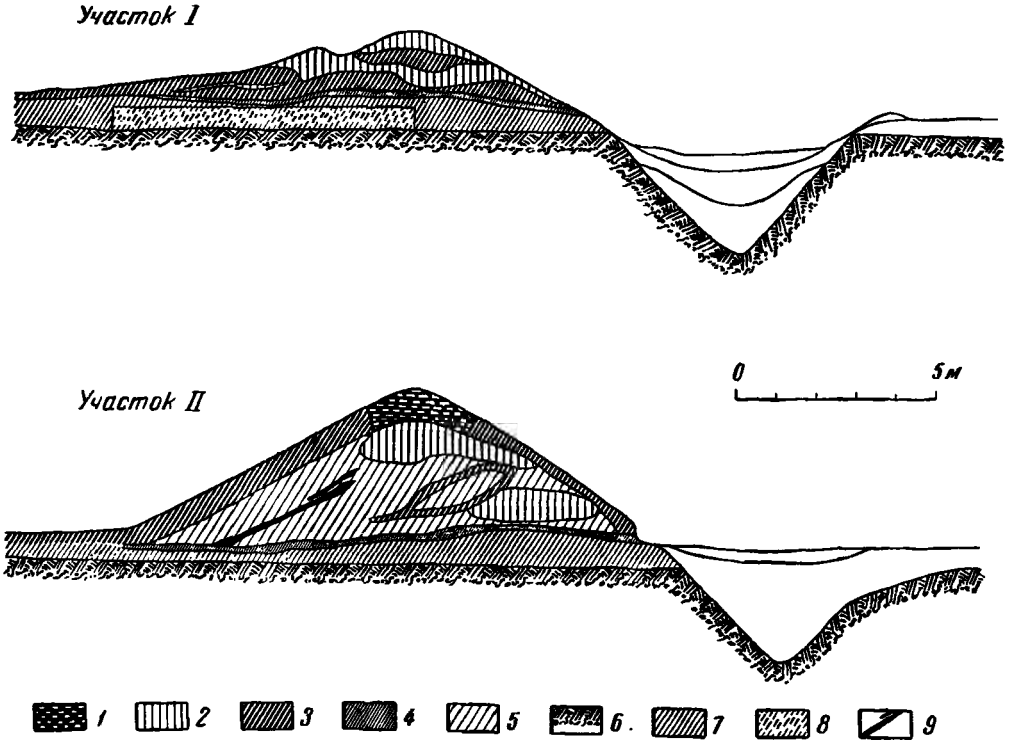


Рис. 9а. Разрез валов Знаменского городка на участках I и II раскопок 1940 г.

1 — кладка из сырцового кирпича; *2* — лёсс; *3* — чернозем; *4* — погребенная почва — подошва вала; *5* — чернозем темносерого цвета; *6* — материк (лёсс); *7* — слой чернозема под подошвой вала; *8* — нераскопанная часть чернозема; *9* — зольные прослойки

Вскрытие укреплений Знаменских валов было произведено в двух местах. Оно было поручено Г. Д. Смирнову и им проведено в 1940 г.

Участок I (рис. 9а) находился на внешнем валу в 424 м от обрыва над лиманом. Вал и ров были перерезаны поперек. Высота вала от древнего горизонта — всего 1,50 м при поперечнике основания около 11 м. Верх вала на 0,50 м в глубину состоит из лёсса,

[1] Показания Л. Падалки о длине валов в шагах совершенно не отвечают действительности — они слишком преуменьшены. Н. Вертильяк пишет, что валы в Знаменке, — и внешний, и относящийся к акрополю, — в его время имели около двух и двух с половиной сажен в высоту, а рвы — от 1 до 1,5 аршина в глубину.

ниже, на глубину 0,45—0,50 м,— из чернозема с незначительной примесью лёсса и далее до горизонта — из смешанной почвы. В насыпи вала попалось немного мелких обломков амфор и очень мелких кусков местной керамики. Ров начинается прямо от подошвы вала. В результате вскрытия оказалось, что его ширина по верху — 5,85 м, глубина от древней подошвы вала — 3,90 м, уклон стенок — около 45°, совершенно гладкий, дно сведено в слабо округленное острие. Мощность заплыва рва — 2,40 м. Во рву найдено 10 фрагментов амфор и 7 обломков местной скифской керамики.

Участок II (рис. 9а и 9б) был выбран на внутреннем валу акрополя у прорыва X. Вал оказался высотою над древним горизонтом около 3,40 м, при поперечнике основания около 12 м. Его разрез имел форму почти равнобедренного треугольника. Ров — в разрезе той же формы, что и на участке I, но заплыл почти полностью. Наружная стенка рва вверху частью разрушена. Поперечник устья рва — 4,75 м, глубина — 2,80 м. Много сложнее оказалась структура вала. Верх его оказался укреплен пятью рядами сырцового кирпича в толщину 0,70 м. Этот кирпич был залит глинистым раствором. Кирпичи верхнего ряда лежали плоско; внешние ряды наружу и внутрь городища — в длину, внутренние — большею частью поперек. Второй слой кладки состоял из кирпичей, поставленных на ребро поперек насыпи, частью наискосок (у внешнего края слоя); он обрамлен снаружи продольными рядами поставленных на ребро кирпичей, по одному ряду с каждой стороны. Третий, четвертый и пятый слои кладки похожи на первый, но кирпич положен неодинаково: в третьем слое два наружные ряда кирпичей шли вдоль вала, затем три ряда — поперек и внешний внутрь городка — снова вдоль насыпи; в четвертом слое внешний ряд — поперек вала, второй — вдоль, затем еще три ряда — поперек, внешний ряд — внутрь городка; в пятом слое все расположение кирпичей совпадает с четвертым. Ширина слоев везде равномерная, кроме верхнего слоя: он имел ширину 2,20 м, остальные — по 2,40 м. Кладка покоилась на слое утрамбованного лёсса толщиною до 0,20 м.

Этот слой был укреплен по обеим сторонам рядом кирпича, продольно лежавшего по валу. Размер кирпичей — 0,40×0,23×0,06 м (большинство) и 0,45×0,25×0,06 м (меньшинство). Кирпич-сырец, без видимой примеси соломы, довольно прочен: его трудно рубить сильным ударом лопаты. Кирпичи в слоях лежали не вплотную друг к другу; слои тоже не приходились друг на друге. Промежутки между кирпичами и между слоями были залиты глиною того же серого цвета и состава, что и материал кирпичей. Между нижним слоем кирпича и утрамбованной подстилкой его лежал еще слой этой глины. Все промежутки — в среднем 5 см. Склоны вала были покрыты неравномерным, но значительным (до 0,50 м) слоем чернозема. Под кирпичною кладкою — слой лёсса до 0,75 м толщиною. Ниже вал состоял из чернозема, в одном месте он имел наклонно шедшую до горизонта зольную прослойку. В насыпи вала найдено около 30 мелких фрагментов амфор и 9 обломков местной скифской посуды. Во рву найдены три фрагмента амфор, несколько черепков местной керамики и немного костей животных. Произведенным обследованием установлено, что вал акрополя сплошь укреплен наверху кирпичом, который торчит из него, хотя и почти незаметно, на всем протяжении. Вал от угла акрополя до лимана и вал в Каменке такого укрепления, как ясно видно в разрезах, не имеют.

Взаиморасположение валов в Каменке и в Знаменке говорит за единство всего комплекса этих сооружений. Они закрывают подступы к древнему поселению со стороны степи. Вместе они образуют значительную, выгнутую к югу дугу, прикрывающую южную сторону города,— дугу, прерываемую красивою гладью лимана на протяжении 2,25 км. Дуга эта идет так правильно, что точно соединяет концы прерванных озером валов. Об этом же единстве укреплений говорит и одноструктурность вала и рва, видная и в разрезе его на улицах Ленина и Шевченко в Каменке, и на береговых обрывах лимана и Конки, и в искусственном разрезе рва и вала раскопок 1940 г. Акрополь по плану составляет одно целое с валом. Одновременность его сооружения с валом подтверждается и совершенно сходным разрезом и устройством рва. Находясь с краю городища, акрополь все же, очевидно, должен был служить последним оплотом в случае взятия главной части города, лежащей на территории Каменских кучугур. Также расположение акро-

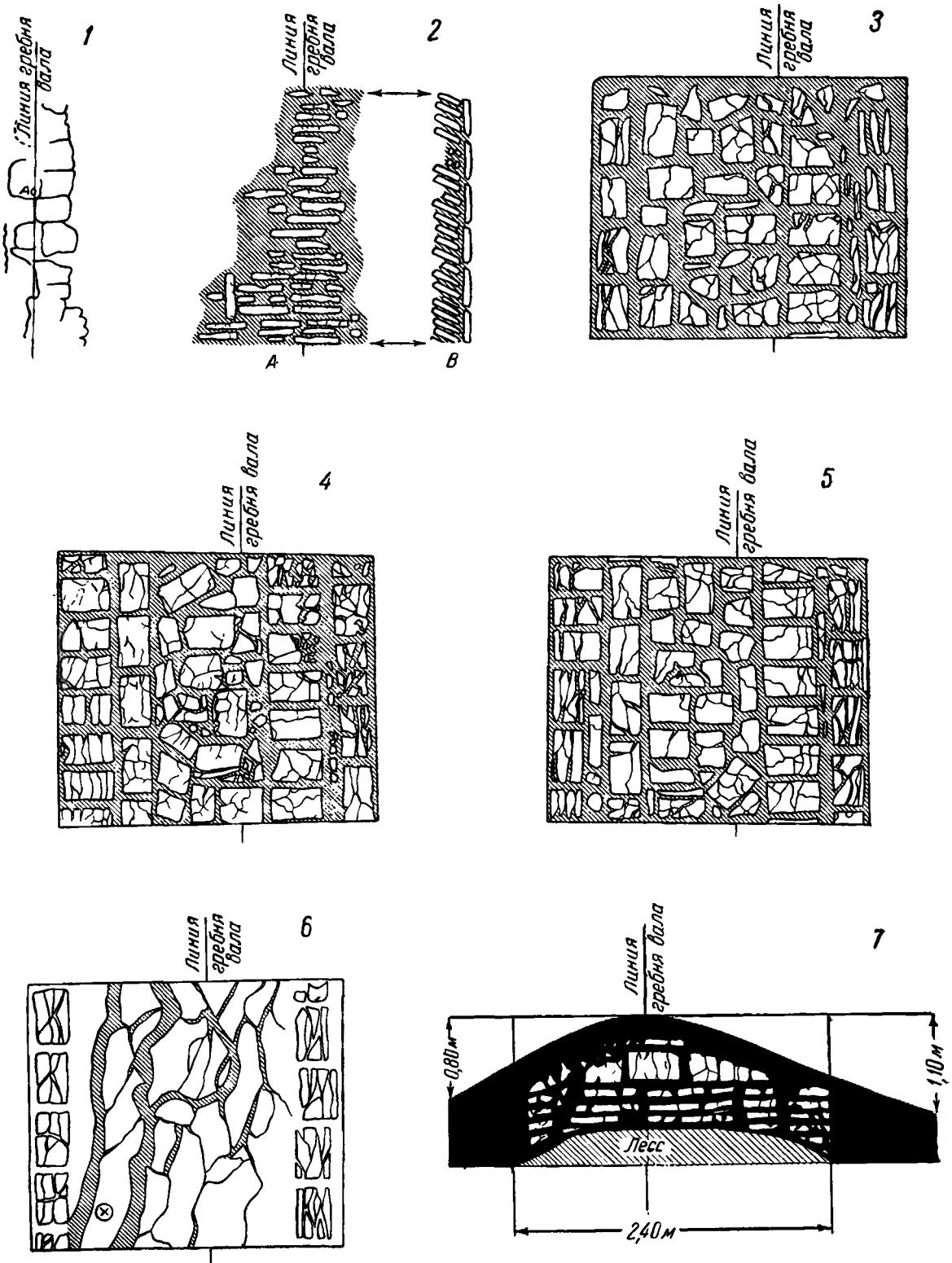


Рис. 9б. Знаменский городок, участок II. Кирпичная кладка на гребне вала

1 — 1-й ряд кладки (глубина 0,16 м); *2А* — 2-й ряд кладки (глубина 0,23 м; план); *2В* — *2* и 3-й ряды кладки (разрез); *3* — 3-й ряд кладки (глубина 0,53 м); *4* — 4-й ряд кладки (глубиа 0,63 м); *5* — 5-й ряд кладки (глубина 0,72 м); *6* — фундамент кладки (глубина 0,80 м) и 6-й ряд кладки (глубина 0,90 м); *7* — разрез кладки вала

поля может объясняться и большею опасностью нападения с этой стороны и тем, что в случае взятия кучугур меньшая Знаменская часть города была защищена со стороны кучугур гирлами лимана и их довольно крутым левым берегом. После преодоления этого препятствия врагу приходилось еще штурмовать валы акрополя, опоясанные рвом и внутри городища. Конечно, этот вал и ров могли при случае оградить владык города и от возможных внутренних столкновений с собственными горожанами.

Кирпичная кладка наверху вала усиливала этот последний оплот безымянного скифского города. Мне кажется, что эта кладка—основание невысокой стены, шедшей над валом. Сырцовый кирпич необычен в северно-черноморской Скифии. Но как раз в 18 км от акрополя на границе земель Знаменки и Верхнего Рогачика лежит курган Солоха, одновременный нашему городищу. В нем южная конская могила была разгорожена надвое стеною из сырца. К сожалению, ни кладка, ни внешность кирпича Н. И. Веселовским не описаны. Сырцовый кирпич не был встречен и В. А. Городцовым в валах Бельского городища, и И. В. Фабрициус и Г. В. Смирновым в валах Шарповского и Немировского городищ. Основою скифской степной фортификации был земляной вал. Сырец мог быть заимствован из Ольвии для этой цели и начал постепенно входить в употребление в коренной кочевой Скифии. Сырец лежит в основании стен городища около Петуховки, по данным копавшего его К. А. Раевского; в Ольвии он известен в остатках стены VI в. до н. э. Ров Каменского городища был сухим, расположенным высоко над всякими источниками воды и выходившим концами на обрывы высоко над озером и Конкою. Находки в валу городища немногочисленны и довольно безличны. В них нет ничего, точно определяющего дату постройки укреплений. Постройка этих защищающих именно скифское городище валов, конечно, несколько позже возникновения поселения, но не может быть позднее первой половины IV в. до н. э.

Произведенные мною наблюдения лишь подтверждают и дополняют соображения некоторых из прежних наблюдателей. Высказанное Вертильяком соображение о том, что «Белозерское» городище — Геррос, где хоронили скифских царей, ничего, кроме улыбки, теперь вызвать не может, но время им понято верно. Падалка бесхитростно и с интересом описывает городище и, видимо, понимает, что оно античного времени.

Различия в хронологии, быте, хозяйстве и постройках между кучугурской частью городища и акрополем. Во время работ Д. Я. Сердюкова в 1899 и 1900 гг. на территории городища большая часть шурфов и раскопов его приходилась на площадь Каменских кучугур. При его раскопках, судя по весьма доброкачественному отчету, на площади песков не было сделано никаких находок, которые могли бы относиться к римскому времени. Все его находки относятся или к скифскому времени, или к XVI—XVIII вв. Его раскопки сосредоточены прежде всего на территории и вокруг хутора Лященко, стоявшего на северном мысу кучугур. Здесь Сердюковым было найдено большое количество фрагментов местной керамики и обломков остродонных амфор, в том числе одна клейменая ручка и одно горло гераклейской амфоры с клеймом.

На восток и на юг от хутора (см. его раскопы от «к» до «н») была найдена какая-то каменная кладка, содержавшая в культурном слое громадное количество обломков древней посуды эллинистического времени, а в раскопе «р» вверх по Конке, в 60 саженях от нее, были найдены черепки чернолаковой посуды, 15 типичных скифских бронзовых наконечников стрел, множество медного шлака и горло амфоры с гераклейским клеймом.

Совершенно те же результаты принесли и его раскопки в южной и юго-западной частях кучугур. Эти раскопки приходились где-то вблизи от наших раскопок 1939—1940 гг. и 1946 г. В краткой характеристике этих находок он отмечает наличие, наряду с керамическим материалом, семи бронзовых скифских наконечников стрел и одного железного наконечника (по форме этот наконечник совпадает с наконечниками стрел из Ульского аула кургана № 1 и с наконечником из кургана А-12 близ нижневолжского села Краснухи).

К сожалению, судьба коллекций Д. Я. Сердюкова неясна. Они, судя по указаниям в ОАК, были переданы в ГИМ в Москве. До сего времени их там обнаружить не удалось. При существовавшей в Археологической комиссии системе распределения нередко

оказывалось иначе, чем указано в отчете. Очень может быть, что они в ГИМ так и не попали.

Значительные обследования, произведенные покойным А. А. Потаповым и мною в 1937 г. на всем громадном протяжении Каменских кучугур, не дали ни одной находки, восходящей к римскому времени. Все подъемные находки относятся к тому же времени, что и в раскопках Сердюкова.

Во время этих обследований в полном соответствии с тем, что было отмечено выше со слов В. В. Соколова, нами не встречено почти ни одной котловины выдувания, в которой не оказалось бы ощутительных остатков металлургии скифского времени. Мелкие капли бронзы, небольшие обломки тиглей и льячек со следами зеленой окиси на внутренней стороне, куски бронзового шлака, железной руды, железных шлаков и мелкие обломки кричных печей находились повсеместно. В 200 м с небольшим к юго-западу от раскопа 1938 г. были обнаружены остатки совершенно развалившегося на мелкие куски кричного горна квадратной формы в большой котловине выдувания, изобилующей множеством различных находок.

В 1940 г. примерно в 250 м от дороги из Знаменки к Конке, вправо от проселочной дороги, пересекающей кучугуры по направлению к Каменской пристани, были обнаружены мелкие остатки подобного же горна. Во всех раскопах, вскрытых с 1938 г. по 1950 г., и при детальном обследовании городища в 1949 г., почти во всех раскопах и котловинах выдувания находились всякие остатки бронзолитейного, кузнечного ремесла и кричного промысла в огромном числе.

В главе, посвященной металлургии, все такие находки рассмотрены со всею возможною полнотою. Таким образом, категорически можно утверждать, что вся огромная площадь кучугур была сплошь заселена и представляла собой своеобразный городок металлургов [1].

Все раскопы 1938, 1949 и 1950 гг. были произведены в восточной стороне кучугур близ села Каменки; все остальные 6 раскопов с 1939 г. по 1946 г. были расположены в юго-западной части кучугур. Большинство раскопов дало остатки однообразных наземных столбовых и плетнёвых жилищ; были в разных местах встречены также обширные землянки. На всей площади городища древние жилые постройки носили одинаковый характер. От впадения гирла Белозерского лимана в Конку до затона Фурштадка тянется мощный древний слой. Этот слой, вскрытый частично Сердюковым, частично нами в 1940 г., показывает, что городской мусор вывозился на берег реки у Фурштадки.

Во время Великой Отечественной войны пески от моста через гирла до домика лесничества были вертикально срыты. На всем этом протяжении в 1945 и 1946 гг. ясно был виден упомянутый выше интенсивно черный культурный слой с мусорными остатками скифского времени.

Именно здесь в 1952 г. было заложено 7 раскопов П. Д. Либеровым. Эти раскопы показали, что здесь над гирлами жизнь всегда шла весьма интенсивно, и следы обнаруженных здесь столбовых жилищ указывают на очень частые перестройки, благодаря которым планы этих жилищ трудно восстановить. В то же время остатков металлургии здесь гораздо меньше, чем в большинстве прежних раскопов.

По нашим разведкам 1937—1950 гг., по произведенным раскопкам и многолетним поискам и сборам Д. Я. Сердюкова видно, что на всей этой площади попадались, кроме уже описанных выше вещей, севернобалканские, пантикапейские и ольвийские греческие монеты IV и III вв. до н. э. Позднейших монетных находок обнаружено не было. По Сердюкову, ни одной римской монеты в этих местах не найдено. Однако в отчете А. С. Уварова о его поездке в южную Россию в 1853 г. значатся, в числе вывезенных им с Каменского городища находок, помимо греческих монет позднеклассического и эллинистического времени, несколько римских императорских денариев. Между тем, как уже указывалось, находок римского времени на кучугурах не было.

Кроме монет V—III вв. до н. э., нужно вспомнить несколько десятков клейм, найденных на городище и описываемых ниже в главе, посвященной керамике. Древнейшие из них — это фасосские клейма первой и второй половины IV в. до н. э., гераклейские клейма второй половины IV в. и первой половины III в. до н. э., синопские клейма от

[1] См. об этом также КСИИМК, вып. XXII, стр. 38 и сл.

половины IV в. до рубежа III и II вв. до н. э. и, наконец, херсонесские клейма этого же времени. За это же говорит основная масса лепной керамики, очень близкой к посуде Елисаветовского городища, где она твердо относится к V—III вв. до н. э.—не позднее. О том же говорят определенно формы амфор и малочисленная чернолаковая посуда. Скифские вещи почти все IV и III вв. до н. э. Это указано ниже при их подробном рассмотрении. Древнейшая монета Истрии из коллекции Уварова, по А. Н. Зографу, относится к концу V в. Среди стрел есть одна середины V в., и туда же относится изумительный бронзовый псалий с конским копытом на конце. Итак, скифское Каменское городище начало существовать в середине или конце V в. и ко II в. до н. э. сократилось по площади от 12 кв. км до 32 га (территория акрополя).

Уже производившийся нами в 1939 и 1940 гг. внешний осмотр внутренней площадки акрополя показал наличие здесь чернолаковых и краснолаковых обломков мегарских чашек, т. е. можно было заранее предполагать, что акрополь был заселен несколько дольше, чем кучугуры, а именно до II—III вв. н. э. включительно.

Еще более определенные результаты были получены в процессе небольших, но достаточно обильных находками раскопок 1945—1946 гг. на территории той же площадки акрополя, над самыми обрывами над Конкой. К сожалению, и древнее строительство, и многолетние огороды, и сменявшие друг друга виноградники и сады настолько повредили культурный слой акрополя, что он оказался испорченным в ряде наших квадратов, хотя кое-где он все же сохранил некоторую последовательность. Это до сих пор не дало достаточной точности в изучении культурных наслоений акрополя.

Раскопками Н. Н. Погребовой и Н. Г. Елагиной в 1952 г. вскрыта довольно большая площадь. Хорошо прослежен слой эллинистического времени. Кое-что относится еще к IV в. до н. э. Отмечу обломки хорошего краснофигурного кратера, много черного и красного лака, роскошных мегарских чашек. К IV или III в. до н. э. относится отличный костяной псалий с двумя отверстиями (см. табл. XIX, 3; стр. 133). Отмечу в эллинистическом слое находку двух родосских клейм II в. до н. э. Родосские клейма из столь глубокого степного района до сей поры не были известны.

Общая характеристика находок на акрополе может быть дана в следующих примерных рамках: во-первых, часть находок совпадает с тем, что дали раскопки на площади кучугур, т. е. здесь найдено большое количество лепной керамики тех же типов и с теми же орнаментами, что и на кучугурах. Поскольку на кучугурах эта керамика сопровождалась многочисленными обломками греческих эллинистических амфор, часть которых носила клейма от второй половины IV в. до самого начала II в. до н. э., остатки керамики, совпадающей с кучугурской лепной, должны быть датированы одинаково в обеих частях городища. Кроме того, во всех раскопках 1945 и 1946 гг. на акрополе обнаружены немногочисленные, но в значительно большем числе, чем на Каменских кучугурах, фрагменты позднеклассической и эллинистической чернолаковой керамики, фрагменты мегарских чашек II в. до н. э., фрагменты ранней краснолаковой керамики II—I вв. до н. э. Наряду с этим найдено не очень большое количество, но все же довольно характерных обломков черных и бурых лощеных остроребериых мисок различного размера, а также какие-то большие лепные сосуды, по типам своим близко напоминающие керамику полей погребения Зарубинецкого и Корчеватовского могильников. В небольшом числе были найдены фрагменты остроребериых мисок — черных лощеных, но сделанных уже на кругу, приближающихся к Черняховскому типу керамики полей погребений. В небольшом же количестве были найдены также фрагменты стенок реберчатых сосудов эпохи позднеримской империи II—III вв. н. э. Однако большая часть обломков греческих амфор относится, несомненно, и здесь к позднеклассическому и раннеэллинистическому времени.

В противоположность кучугурской части, в раскопках на акрополе не было обнаружено никаких остатков построек, если не считать одной небольшой вымостки квадратной формы, необработанных обломков известняка, нескольких обломков небольших плит и нескольких ям в раскопках 1946 г. Однако в раскопе 1946 г. было найдено несколько обломков отполированных известняковых плит и в обоих же раскопах на площади акрополя обнаружены в значительном количестве

обломки глиняной обожженной обмазки со следами отпечатков прутьев и кольев на обратной стороне. Подобного рода обломки обмазки хорошо известны на скифских городищах лесостепной полосы, в особенности на городищах Немировском, Бельском и Басовском (последнее на р. Суле, раскопки В. А. Ильинской 1946 и 1947 гг.). Такая же обмазка известна на ряде городищ в окрестностях Ольвии и в Елисаветовском городище в дельте Дона.

Поскольку в раскопе II 1946 г. на акрополе часть таких обломков лежала однородным слоем на прежнем уровне поверхности почвы начала времени существования акрополя, можно считать, что эта обмазка восходит ко времени основания городища, т. е. к концу V в. — началу IV в. до н. э. В то же самое время обмазка, как и обломки каменных плит, указывают на то, что в течение всего времени существования городища постройки населения кучугур отличались от построек акрополя: тогда как первые были исключительно деревянные, плетневые и столбовые дома, отличавшиеся, впрочем, иногда очень большой, свыше 150 кв. м площадью,— постройки акрополя, судя по их разрозненным остаткам, были частью каменные, частью с применением глиняной обмазки. Не совсем ясным является ряд четырехугольных продолговатых ям, идущих через ритмические промежутки, почти у самого обрыва над Конкою, в раскопе I 1945 г. на акрополе. Вероятно, это основание каких-то столбов. Старые сведения также говорят о наличии в прежние времена на акрополе древних каменных построек [1].

Сердюков в 1899 г. в шурфах от «к» до «н» обнаружил каменную кладку, лежавшую на одном уровне и состоявшую из больших необработанных плит. Культурный слой над этими плитами заключал в себе обломки эллинистической керамики. Разведки в 1937—1938 гг. на месте этих раскопок Сердюкова дали только наличие небольшой кучи битого камня. Повидимому, после раскопок камень был выбран населением.

Близ старого моста не используемой теперь дороги с Каменки на Знаменку, у устья гирл (см. план Сердюкова, рис. 4) в реке Конке, благодаря низкому уровню вод Сердюковым были обнаружены под водой остатки высокой (до 3 м и шириной в основании до 4,25 м) насыпи из мелкого камня. Повидимому, это остатки древнего мола, по словам крестьян, видного хорошо и сейчас в годы низкого стояния воды в Конке. Однако в засуху 1946 г. нанесенные на это место речные пески не позволили нам увидеть эту насыпь.

Из всего сказанного вытекает, что после того, как в начале II в. до н. э. заселенная часть кучугур была покинута, жизнь сосредоточилась на значительно меньшей площади (32,25 га) внутренней площадки акрополя и что здесь она продолжалась с большей или меньшей интенсивностью до II—III вв. н. э.

Как отметил А. Чирков в своей упомянутой выше статье, Каменское городище представляет собою единственное в своем роде явление. По его огромной площади А. Чирков, прекрасный знаток тогдашней Новороссии, считал его возможным сравнить с одной только Ольвией и ее громадным некрополем. Многочисленные городища, лежащие вниз по течению Днепра между Каменским городищем и Днепровским лиманом, в основном, как показали исследования Гошкевича, относятся ко времени не раньше II в. до н. э. и окончили свое существование в I—II вв. н. э.[1]

Ни одно из этих городищ по своей площади не может быть ни в какой степени сравниваемо с Каменским городищем. Его площадь равняется приблизительно 12 кв. км. По своему плану оно совпадает с самыми большими городищами лесостепной полосы Скифии. Совершенно так же, как в Бельском городище, его обитаемая часть находится в середине площади, на значительном расстоянии от внешнего оборонительного пояса, представленного и там, и здесь земляными валами. Совершенно так же заселенным оказывается и его акрополь, находящийся на внешнем краю, как оба акрополя Бельского городища, как акрополь Пастырского городища и как акрополь Шарповского городища. М. И. Артамонов, в течение 1945—1947 гг. исследовавший Немировское

[1] В 1952 г. весной в связи с мелиоративными работами на территории акрополя Н. Н. Погребова вскрыла остатки очень интересного каменного дома, как раз под одним из четырех «курганов» акрополя.

[1] В настоящее время экспедицией Института археологии Академии наук УССР и экспедицией ИИМК производятся раскопки Любимовского и Гавриловского городищ и селища у Золотой Балки. Предварительные данные говорят о правильности таких хронологических соображений.

городище Винницкой области на Буге, установил, что и там была обитаема только центральная часть городища в пределах акрополя, пространство же между валами акрополя и внешним обводным валом было в скифское время не заселено. То же самое он утверждает и о ряде городищ, открытых им в окрестностях Немировского городища по течению Буга. Но по площади Каменское городище может сравниваться только с Бельским городищем, внешний обводный вал которого имеет протяжение более 30 км, и с Немировским городищем, занимающим площадь свыше 100 га. По своей площади Каменское городище, таким образом, стоит между Бельским городищем, площадь которого равняется более нежели 40 кв. км, и Немировским городищем. Типологически же сходство всех этих городищ несомненно.

Существенным обстоятельством является хронологическая разница между городищами лесостепной полосы, из которых Немировское городище относится к VII—VI вв. до н. э., Бельское — к IV в.— началу IV в. до н. э., Пастырское — к VI—IV вв. до н. э., и Каменским городищем, существование которого начинается тогда, когда северные городища прекращают свое существование.

Каменское городище — древнейшее из городищ скифской эпохи по нижнему течению Днепра — является молчаливым подтверждением геродотовского свидетельства о том, что в V в. до н. э. в степных районах кочевой Скифии не было укрепленных поселений. Весьма вероятно, что М. И. Артамонов прав, когда он предполагает, что не заселенная часть этих огромных городищ назначалась для загона стад на случай военных действий. Впрочем, деревянные постройки, засвидетельствованные как основная форма жилищ скифского времени, в случае осады города могли быть сожжены при помощи зажигательных стрел — прием, достаточно хорошо известный из осадной техники различных народов Европы. Примером может служить осада эбуронами лагеря Квинта Цицерона во время завоевания Галлии. Поэтому нет ничего невероятного в том, что значительное—в 700 м в Каменской части и почти в 1000 м в Знаменской части Каменского городища — пустое пространство между внешним валом и заселенной кучугурской частью городища, изобиловавшей древними постройками, имело не только назначение убежища для стад и населения соседних открытых селищ, но могло иметь и стратегическое назначение. Правда, хорошо известно, что прицельная стрельба из лука — не дальше обычного прицела современного охотничьего ружья. Но при огромном количестве стрел, выпускавшемся каждым отдельным стрелком, и при дальности полета стрелы из сложного скифского лука массовая стрельба зажигательными стрелами легко могла привести к воспламенению построек. Единственное прочное свидетельство о дальности полета скифской стрелы мы имеем в стихотворной надписи из Ольвии в честь некоего Анаксагора, сына Демагора, относящейся к концу IV в. до н. э.[1] По свидетельству этой надписи, Анаксагор выстрелил на расстояние 82 оргий, т. е. 521,6 м. Таким образом, расстояние в 700 м от валов до жилых построек вполне обеспечивало Каменское городище от зажигания стрелами. Что количество стрел, необходимых для массового обстрела на большом расстоянии, могло быть колоссальным, можно судить по десяткам тысяч скифских стрел, хранящихся в наших музеях. Единственным обеспечением от такой уплотненной стрельбы и могло быть расстояние, превышающее предельный полет стрелы.

Погребальные остатки на территории городища. На поверхности и в различных местах Каменских кучугур находится небольшое количество древних курганов и погребений. Около раскопа «р» Д. Я. Сердюкова на Каменских кучугурах им был вскрыт небольшой песчаный курган, заключавший в себе одиночное погребение вытянутого костяка с западной ориентировкой, без каких бы то ни было вещей. Вероятнее всего, это средневековый кочевнический курган. В 1939 г. при строительстве школы-десятилетки в юго-западной части с. Каменка, недалеко от выхода села на кучугуры, был разрушен курган. Точных сведений о его содержании от строителей получить не удалось, но в Никопольский музей поступила из этого кургана глиняная амфоровидная фляга типа, свойственного раннему средневековью и известного из Херсонеса, Керчи, поселений салтово-маяцкого времени и некоторых погребений Северного Кавказа.

Во дворе дома № 53 по Лиманной улице с. Каменки, против упомянутого выше

[1] IPE, I², 1916, № 195.

селища № 5, находится один небольшой земляной курган высотою менее 2 м и диаметром 10—12 м. Других курганов при осмотре садов на городищенской площади пока не обнаружено.

В 1945 г. при обследовании со студентами котловины выдувания справа от дороги из Каменки в Знаменку, в нескольких десятках метров к северу от первого поворота этой дороги на запад, было обнаружено погребение подростка, судя по остаткам черепа и зубов, сопровождаемое 13 бронзовыми наконечниками стрел, типичных для позднего V или раннего IV вв. до н. э. Что эти стрелы, лежавшие пучком, несомненно, относятся к погребению, можно констатировать по характерной окиси, встречающейся на стрелах, только происходящих из древних погребений.

Было ли это погребение грунтовым, или песчаный курган был развеян, — в настоящее время сказать затруднительно.

Что какие-то погребения скифского времени встречались в различных местах кучугур, можно констатировать по тому, что в раскопе № 5 1940 г. был найден обломок человеческой челюсти, а в самом конце грунтовой дороги через кучугуры к пристани, почти перед последней, в 1937 г. были найдены обломки длинных костей ног и человеческого черепа.

В раскопе VI 1949 г. были найдены довольно хорошей сохранности грунтовые погребения скифского времени. К скифскому же времени, вероятно, относится совершенно сохранное погребение ребенка в раскопе IX 1950 г.

Наконец, в культурном слое акрополя было обнаружено погребение в квадратной яме, в которой ребенок лежал по диагонали. Все это указывает на то, что в скифское время существовал обычай погребения маленьких детей в грунтовых ямах прямо на территории городища.

Неясного происхождения могилы были вскрыты при копке траншей под виноградник на средней части акрополя. За валом во дворах изредка попадаются такие же могилы. Одна небольшая мисочка была нами получена от находчиков в 1940 г. (табл. IX, *13;* 1940 г., № 745). Характер этого некрополя остается совершенно неясным, так как до сих пор подвергнуть его раскопкам не представилось возможности. Об этом некрополе сообщили сторожа виноградника на акрополе [1].

Там, где вал в Каменке выходит на обрыв над Конкою, у внешней стороны конца вала находится некрополь неясного содержания. Занятый огородом во время нахождения в Каменке экспедиции в 1949 и 1950 гг., он не был подвергнут раскопкам. Мы обнаружили его по торчащим из обрыва человеческим костям двух особей. Покойники, повидимому, лежали головами на запад. В 1950 г. прежняя владелица огорода сообщила нам, что весною они нашли миску с сожженными костями, покрытую другою мискою. Отношение двух последних некрополей друг к другу и к городищу пока совершенно неясно. Но, по предварительным данным, следует предполагать, что они принадлежат черняховской культуре [2].

Уже выше было упомянуто о сомнительности свидетельства Падалки, что вся площадь так называемого «городка», т. е. юго-западная часть городища, находящаяся на территории Б. Знаменки, сплошь покрыта небольшими курганами. Многократный осмотр городка показал, что небольшая группа из 8—10 земляных курганов обычного степного типа (т. е. высотою до 1 м при диаметре 15—20 м) находится между южным концом улицы Красная Заря, лиманом и концом выходящего сюда внешнего вала на площади менее 2 га. В этой же части городища на правой стороне той же улицы находятся 3—4 таких же кургана, но почти совершенно распаханных. Самый большой из

---

[1] При раскопках 1952 г. на акрополе Н. Н. Погребова обнаружила ряд погребений взрослых без всякого инвентаря. Нет никакого сомнения, что обнаруженный ею могильник позднее бытования на акрополе позднескифского городища и моложе постройки на курганообразном возвышении. Это часть только что описанного, вероятно, средневекового кладбища.

[2] В 1952 г. в связи с тем, что этот некрополь будет затоплен, его раскопки были поручены мною сотруднику Государственного артиллерийского музея Э. А. Сымоновичу, который и вскрыл здесь площадь около 600 кв. м. Им обнаружено приблизительно около 50 погребений. Большая часть из них — вытянутые трупоположения на запад головою, относящиеся по немногочисленному инвентарю к XII—XIV вв. н. э. Кроме того, встречено около десятка трупосожжений и одно трупоположение типично черняховского обряда с соответствующей лощеной и простой посудой. Это первый такой могильник в степном Поднепровье. С нетерпением ожидаем его научной публикации.

этих курганов был нами раскопан в 1946 г. и дал разграбленную скифскую катакомбу, достаточно типичную для этих мест, с латенскими вещами II в. до н. э. Эта катакомба — с дромосом в западном ее конце. Вся она расположена широтно.

Производственно-хозяйственное и социальное различие населения акрополя и кучугур. Я упоминал свидетельство А. Чиркова, отличного знатока края, тогда еще заселенного очень мало, о том, что ни одного городища, подобного Каменскому, нет по Днепру. Даже сравнение с Ольвией, сделанное тем же автором, становится вполне понятным, если учесть, что под Ольвией подразумевается не только скромных размеров ее городище, но и окружающий его громадный некрополь.

Некрополь Каменского городища, в сущности, неизвестен; только в 1950 г. П. Д. Либеров вскрыл курганы в нескольких километрах выше городища по Белозерке, у поселка Харчевик, и смог установить там наличие нескольких могил в катакомбах римского времени. Они, как и курган в черте городища, открытый нами в 1946 г., могут быть связаны только с позднейшим временем заселения акрополя.

Мы видели выше, что акрополь возник в ту же пору, что и ремесленное поселение на кучугурах. Отличительные черты — каменное строительство, большее богатство импорта, охота и рыболовство (последнее, может быть, заимствовано от греков), самая обособленность и удаленность этой части от ремесленной, ее неоспоримо бо́льшая укрепленность (обрывы над Конкою от 10 до 20 м), сырцовая стена на валу,— все это, как и почти полное отсутствие остатков ремесла[1], говорит об ином в социальном отношении, чем на кучугурах, населении. Мы не нашли здесь роскошных вещей, но слишком мала площадь раскопок.

Большие землянки и наземные столбовые жилища на кучугурской части городища (очень большой площади, до 150 кв. м) все окружены остатками не отделенных еще друг от друга ремесл: литье, добывание крец, ковка, оружейное дело — все в одних и тех же руках. Большая патриархальная семейная община объединяется в этом труде. К нему присоединяются земледелие и скотоводство. Обиход незатейлив: много своей лепной посуды, сходной почти полностью с керамикой поселений того же времени от Ольвии до устьев Дона. Нож, шило, игла, простенькое украшение из меди или железа, вроде серьги или булавки, — вот и все. Крюки, гвозди, скобки, прибитые в столбовых стенах, служили для подвешивания нехитрого инвентаря. Этот ремесленник, скотовод и земледелец, не беден. Изобилие греческого вина свидетельствуется амфорами и тем, что марки одного и того же происхождения находятся и в хижине металлургов, и в Александропольском кургане. По всему городищу попадаются многочисленные, отнюдь не только бракованные в процессе производства, но и бывшие в употреблении наконечники стрел. Это металлург-артист, он ковал и лил все — от вещей звериного стиля и больших котлов до шила и иголки. Он обслуживал и себя, и степняка-соседа; его изделия сохранились для нас в огромных и роскошных царских погребениях соседних степей.

Ниже при описании разных ремесл, домашних работ и отдельных категорий вещей даются ссылки на то, какие вещи встречаются в рядовых курганах Никопольстроя и в знаменитых Царских курганах и что совпадает с находками на Каменских кучугурах. Таковы ножи, шилья, стрелы, псалии, удила, бляхи, панцыри, пряслица, керамика, импортные амфоры, бусы и пр. Некоторые вещи, как котлы, панцыри, предметы звериного стиля, не попадали в руки рядового населения. Они шли исключительно в руки аристократии. Очень понятно, что при всесокрушающем обычае отправлять с покойником наиболее ценные для него вещи, на кучугурах так мало высоко ценившихся простым скифом-ремесленником предметов вроде украшений и особенно чернолаковой греческой посуды, лишь в нескольких экземплярах представленной наряду с тысячами амфорных обломков. Мастер обслуживал всех, начиная с себя, получая за это недорогие блага греческой культуры: вино, дешевые бусы и плохонькую керамику. Он ценил многое из этого и даже уносил с собою в могилу. Но

[1] Н. Н. Погребова в эллинистическом слое раскопок 1952 г. на акрополе обнаружила бракованные крицы и шлак, но все это в небольшом количестве. Ею была найдена также верхняя подвижная часть эллинистического жернова-зернотерки, двигавшейся по плоскому основанию. Такие зернотерки, хорошо известные в греческих городах Северного Причерноморья и в скифском городище, прямо свидетельствуют об эллинизации мукомольного дела.

он был слишком занят своим ремеслом: связь всех жилищ на кучугурах с очень обширной металлургией говорит об этом вне всякого сомнения. Принимали ли женщины такой домашней общины-мастерской, состоявшей иной раз из нескольких домов и на придачу еще и святилища (см. раскоп IX 1950 г. и главу III о жилищах) богини домашнего огня, участие в металлургии или нет,—неясно. Но они несли огромную и тяжелую домашнюю работу. Множество пряслиц говорит о прядении, отпечатки тканей от кисеи до дерюги — о сильно развитом домашнем ткачестве, иглы и шилья, резаки для кожи и пр. — о шитье обуви, торб, сум и т. п. Обширное стадо лошадей и коров, одинаково употреблявшихся в пищу, повествует нам об изобильной мясной и молочной пище, о приготовлении которой им приходилось заботиться; огромные зернотерки с курантами и зерна ячменя — о тяжелом мукомольном труде и приготовлении из этого продукта неведомого по форме хлеба, вероятно, лепешек. И, кроме всего этого,— забота о постоянно мрущих малых детях, которых тут же в домах и погребали.

Мужчины постоянно должны были строить легко разрушавшиеся столбовые дома и быть плотниками. Топор в их руках служил не только для этого, но и для изготовления повозок и для себя (подоски в раскопках 1939 и 1949 гг.), и для воина-аристократа (шины повозок и оковки дышл из Чертомлыцкого, Краснокутского и других курганов). То обстоятельство, что изделия кучугурских типов, каковые, конечно, оттуда и происходили, одинаково встречаются и в соседних курганах вроде Солохи или Чертомлыка, и в отдаленных на многие десятки километров, как Шульговка, Огуз, курганы вокруг Белозерского городища и т. п.,— указывает на размах экспорта. Конечно, это могло служить источником относительного благополучия этих древних тружеников, и относительное благополучие их очевидно.

Но насколько продукты их производства принадлежали им? Многое из их произведений шло только в руки аристократии. Об этом, безусловно, сообщают находки все в тех же царских курганах. Но и рядовые изделия поглощались обиходом аристократии в огромном числе. Один-два ножа обычного рядового кургана—и двадцать ножей Чертомлыка; один-два коня, и то в тризне рядовой могилы—и одиннадцать коней в Чертомлыке; двести с лишним пар удил в его же насыпи при пяти парах удил на все скифские курганы Никопольстроя. Наконец, вооруженные и, следовательно, доверенные, но все же убитые слуги-конюшие из Чертомлыка и Козла и оруженосец из Солохи, захороненные, чтобы обслуживать своего хозяина в его потустороннем существовании. Все это говорит о значительной зависимости этих семейных трудовых общин от аристократии.

И земледелие, и скотоводство одинаково засвидетельствованы для Каменского городища. Скотоводством занимались более, чем земледелием. Это видно хотя бы по относительно небольшому числу зернотерок, малому числу серпов и зерна. Да и когда этим труженикам-металлургам и кузнецам было возможно отдавать достаточно времени сельскому хозяйству? Много вероятнее, что их собственное хозяйство было не так уж значительно, а больше скота и зерна они получали от своих степных соседей. 900 га, заселенные металлургами! И эти металлурги обслуживали всех своих соседей — и землепашцев, и кочевников.

Самое поселение их обосновалось у того перевоза, который от них через все средневековье сохранился до наших дней. Через него шли их изделия и на правый берег (Чертомлык), и, конечно, вниз по Днепру к тамошним скифским городкам, а может быть, и в самую Ольвию. Это поселение металлургов жило своею жизнью на самой границе оседлого земледельческого правобережья и кочевого левобережья Днепра. Все три основные формы первобытного разделения труда между родственными племенами здесь налицо. Наряду с разделением племен Скифии на скотоводов и земледельцев, на Каменских кучугурах налицо поселок, может быть, даже племя ремесленников, прежде всего металлургов и оружейников.

Немногочисленные отличия раннего населения акрополя от населения кучугур в бытовом отношении были достаточно ясно перечислены выше. Можно категорически считать, что здесь обитало совсем не ремесленное и имущественно более мощное население. Свидетельства Геродота, может быть, современные раннему периоду существования этого городища, а особенно сравнение Царских и Никопольстроевских курганов и курганов Белозерского городища под Херсо-

ном, наглядно говорят о громадном имущественном неравенстве скифской аристократии и рядового населения степи и городов. Те же свидетельства и наличие продуктов каменского производства в указанных памятниках в разных количественных пропорциях, распределенных между обоими типами социально различных могил, говорят о царских семьях, о военной аристократии, наконец, о свободных воинах-общинниках, но уже настолько подчиненных, что бо́льшая часть их продукции поступала в распоряжение знати в форме различных даней и повинностей [1]. Население кучугур было, конечно, именно таким. Распоряжаясь частью своей продукции, оно, как видно по инвентарям могил, отдавало очень много своей продукции натурою аристократии и царской династии, если только между тем и другим хотя бы в некоторой части не приходится уже поставить знак равенства. Среди всяких обломков и мусора ремесленного поселения на кучугурах в раскопах I—III 1939—1940 гг. рядом с остатками значительного кричного и кузнечного производства была найдена хорошо сглаженная каменная плитка (см. табл. XIV, *12*; стр. 117). На ней краскою начертано пять небольших квадратиков с крестом в середине. Конечно, то, что я сейчас выскажу,— только предположение, но все же довольно вероятное. Не бирка ли это со счетом внесенной натурою дани?

Свидетельства V в. до н. э. (Геродот) очень отчетливо говорят о данях и повинностях, которые взимаются кочевыми племенами с покоренных земледельцев. Но лишь письменные (Эфор и др.), нумизматические, археологические, эпиграфические источники говорят о том, что в IV—III до н. э. и последующих веках огромные массы скифского хлеба и других товаров сосредоточились в руках аристократии и даже при войске появилась лишенная оружия прислуга, очевидно, рабы. Они — в то же время пастухи и земледельцы. От конца V в. до 30-х годов IV в. до н. э. сложилось уже единое, основанное, вероятно, на завоевательном рабстве, типа, сходного с пенестами и гелотами, кочевое царство Атея. Конечно, и в это время социальные градации от раба до зависимого общинника были очень велики. Пусть даже такой общинник должен был следовать за своим вождем в могилу,— конечно, один-двое из среды многих,— но в своей собственной одиночной могиле он почти всегда воин. Его зависимость пошла от новых рабовладельческих отношений, усиливших и укрепивших подчинение от эпохи военной демократии VI—V вв. до н. э. Но оттуда же и воинственная свобода такого общинника.

Именно на первое столетие существования Каменского городища падает образование Атеева царства. Хозяйственный и бытовой уклад жизни города за это время не меняется, несмотря на всю очевидность переворота. Только к концу III в. или началу II в. до н. э. происходит нечто, совершенно ломающее весь быт. Ремесленный городок в кучугурах заброшен. Размеры всего городища уменьшаются до площади акрополя. И в это же самое время вместо одного большого города вниз по Днепру возникает десятка полтора-два таких же, как акрополь, небольших городков, или даже меньших, чем он, по большей части описанных Чирковым и Гошкевичем [1]. Много их возникает в это время и в Крыму, и по Ингульцу, и вверх по Южному Бугу. В чем бы ни заключалась внешняя причина этого изменения, но на рубеже III и II вв. надобность в обширном едином ремесленном центре на Днепре исчезла. Сейчас можно только предполагать, что интересы аристократии сосредоточились на новом способе эксплуатации, что порабощение еще более усилилось и что, с одной стороны, стремление овладеть портами вывоза хлеба, скота и рабов, с другой стороны, засвидетельствованный археологически и литературно натиск сарматов, уже во II—I вв. до н. э. достигший окрестностей Днепропетровска и Никополя [2], заставили перенести центр царства в Крым. Только раскопки возможно большего числа нижнеднепровских и южнобужских городищ смогут вполне осветить этот вопрос.

---

[1] О данях и повинностях, как основе зависимости рядовых общинников от царской власти, см. мою статью «Скифский Геракл» в КСИИМК, вып. XXXIV, стр. 9 и 10.

[1] А. Чирков. Краткий очерк городищ, находящихся по Днепру и его лиману. Зап. Одесского об-ва истории и древностей, т. VI, 1867; В. И. Гошкевич. Древние городища низового Днепра, ИАК, вып. 47 (1913), стр. 117—145, и его же статьи в разных выпусках «Летописи» Херсонского музея.

[2] К. Ф. Смирнов. О погребениях роксолан. ВДИ, 1948, № 1, стр. 213 и сл.

ГЛАВА III

ПОСТРОЙКИ, СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ПРИЕМЫ. ДЕРЕВООБДЕЛОЧНОЕ МАСТЕРСТВО. ЖЕЛЕЗНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ. ВЕЩИ, СВЯЗАННЫЕ С ОБСТАНОВКОЙ ДОМА И ОБРАБОТКОЙ ДЕРЕВА

I. ПОСТРОЙКИ НА КАМЕНСКИХ КУЧУГУРАХ

Эти постройки были обнаружены в первый же год раскопок, т. е. в 1938 г., но лишь после пяти сезонов, особенно в 1949 и 1950 гг., мы имеем представление о разных типах построек. Да и то землянки до настоящего времени не выяснены полностью.

а) **Столбовые и плетневые дома.** Может быть, этот термин неверен, тем более, что в археологии он применяется не очень удачно к лужицким каркасным домам. На самом деле следы находимых при раскопках построек, за исключением землянок, отличаются всегда одними и теми же признаками. По снятии культурного слоя на фоне материкового песка обнаруживаются темные, заполненные гумусом, чаще всего без всяких находок в них, полосы. При удалении заполнения из этих полос они неизбежно превращаются в канавы. При хорошей сохранности эти канавы имеют от испода культурного слоя глубину 35—50 см, при ширине 25—30 см, иногда больше, когда эти канавы были так или иначе разрушены. Их разрез — или округленный, или трапециевидный. Первый бывает, когда канава оползла и сгладилась, второй — при лучшей сохранности. Такие канавы образуют замкнутые контуры, внутри разделенные такими же канавами на отдельные помещения. Из помещения в помещение ведут дверные проемы в виде перерывов от 0,50 до 1 м шириною. Стороны прорывов — или просто округленные концы канавы, или заканчиваются с одной либо с обеих сторон большими круглыми цилиндрическими в разрезе ямами, диаметром до 40 см, вероятно, от косячных столбов, служивших для подвешивания дверей. Сначала я предполагал, что этими канавами отмечены бывшие стены домов и комнат, сделанные из зарытых в эти канавы плетней [1]. Однако со временем пришлось отчасти изменить это мнение: в разрезах раскопа I в 1940 г. были обнаружены кое-где столбы с плоским низом, закопанные в эти канавы (см. рис. 18, *б*, стр. 191). Это совпадает и с некоторыми имитациями жилищ в погребальных сооружениях более северных районов, где облицовка деревом стен в ямах чаще устроена по каркасному типу, а иногда в виде рядов столбов, вертикально поставленных в вырытые вдоль стен канавы [2].

Все эти данные заставили предположить такое же устройство стен и у части каменских жилищ, хотя они, несомненно, были наземными. Еще добавлю: наличие вертикально поставленных стен у могильных камер, сооруженных на горизонте (в той же Киевской области и в северных районах), предполагает жилища наземные с таким же

[1] ВДИ, 1938, № 1, стр. 271 и сл.

[2] Не так давно М. И. Артамонов обнаружил в Немировском городище круглое жилище — землянку, стены которой были обставлены вертикальными столбами, установленными в канаву по внутренним контурам землянки. (Доклад на отчетном пленуме ИИМК в 1948 г.)

устройством стен[1]. Не исключена, впрочем, и возможность параллельного существования плетневых стен. Так как жить в таком жилище зимою было бы невозможно, то нужно было бы ждать остатков глиняной обмазки. Никаких, даже минимальных следов ее нет. Возможно предположить обтяжку стен кошмами.

Неправильные — овальные и подовальные — жилища и постройки на Каменском городище очень напоминают по плану частью летние жилья (чарбах уй), частью служебные, крытые тем или иным способом, постройки северо-восточных казахов[2]. Стены их делаются из двойного плетня и порой обмазываются глиной (см. табл. XXI, *1, 2, 3*, стр. 231). Более теплый климат Поднепровья позволял использовать эти жилища отчасти как летние, отчасти как зимние. Стены их, может быть, обмазывались глиной и завешивались кошмами. Но основное отличие состояло в том, что плетни на кучугурах зарывались нижней частью в канавы. Это, надо думать, делалось для большей устойчивости и для большего тепла. Как видно из положения глинобитных очагов в таких жилищах прямо на песке, полы в них были земляные и ничем не покрывались. Удается наметить несколько типов таких наземных жилищ.

Тип 1-й (см. рис. 17 и 23; стр. 185 и 217) — двух- и трехкомнатные меридионально расположенные жилища. Они вытянуты по длине с севера на юг. Их северная стена глухая. Контуры их неправильные подчетырехугольные. Задняя комната, северная, имеет на земляном полу небольшой глинобитный очаг. К югу от этой комнаты помещены последовательно еще одна или две комнаты с дверными проемами из одной в другую. Эти комнаты не имеют очагов. Общий выход направлен на юг. Южные комнаты представляют собою очень обширные передние. Каждая из комнат очень велика: имеет от 50 до 80 м². Длина жилищ в целом до 20 м, при ширине 8—10 м. Лишь основа жилища состоит из этих трех комнат. Внутри них иногда отделены чуланы. Снаружи могут быть присоединены добавочные комнаты или коридоры. К жилищам этого типа принадлежат жилища № 1, 2 и 3 раскопа IX 1950 г. и жилище в раскопе II 1939 г. Лишь в жилище № 2 раскопа IX были две, а не три комнаты, и коридор вдоль всей западной части его снаружи, а вторая комната служила оградою для зольной кучи. Очень вероятно, что это жилище служило храмиком богини домашнего огня. Что каждый дом имел такую богиню, видно из прямых указаний Геродота. Конструкция этого своеобразного домика подробно описана в приложении I о раскопках 1950 г. Жилище в раскопе II 1939 г. существенно отличается тем, что оно расположено по оси с северо-запада на юго-восток. Глухая стена на север — округлена. Очаг — в средней из трех комнат, в виде ямы до 0,80 м диаметром, заполненной древесными углями. Третья комната — вестибюль или дворик — здесь не с юга и не в общей цепи комнат, а сбоку, и открывается на северо-восток. Комнаты внутри соединены дверями с косячными столбами, причем двери находятся всюду в углах. К этому же типу следовало бы отнести два смежных здания служебного назначения в раскопе I 1938 г. Но первое (западное) имело четыре в цепь расположенных помещения, а восточное — два. При этом сохранность обоих очень неполна.

Тип 2-й (см. рис. 23; стр. 217) имеет единственного представителя в жилище № 4 раскопа IX 1950 г. Оно состоит из трех широтно расположенных комнат в один ряд. Северная стена всех трех комнат глухая. В одной, а именно в восточной комнате был очаг в виде ямы с глинобитным кругом на дне. Две другие комнаты не имели очагов. Между средней и западной комнатами находился узкий коридор. Первая (восточная) комната имела выход на юг и сени перед выходом. Длина жилища с севера на юг — 9,5 м, ширина с востока на запад — до 17 м. Жилища 1 и 2-го типов имели двускатные кровли, как можно судить по ряду столбов, пересекающих каждое такое жилище вдоль с севера на юг и также восточную комнату жилища 2-го типа.

Тип 3-й (см. рис. 17, 20, 21, 22) — яйцевидное в плане сооружение. Это — яйцевидных контуров жилище, в большинстве случаев не разделенное на комнаты. Таких жилищ довольно много: в 1949 г. они были вкрыты — одно в раскопе I, два — в раскопе V,

[1] Ср. Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли, стр. 115 и сл., курган № 1.

[2] С. И. Руденко. Очерк быта северо-восточных казаков. Казаки (сборник статей). Л., 1930, стр. 34; стр. 38, рис. 32; стр. 42, рис. 36; стр. 44, рис. 40.

остатки двух почти разрушенных — в раскопе VI, одно — в раскопе X (жилище № 5) и одно в раскопе IX[1]. Это жилища, расположенные по длине более или менее с севера на юг. Их выход идет чаще на юг, нежели на север, и обрамлен косячными столбами. Иногда наружная дверь отделена от всей комнаты небольшими сенцами. Размеры их — 10—14 м в длину и 7—10 м в ширину, т. е. от 70 до 140 кв. м. Устройство крыш неясно. Иногда по бокам такого помещения есть добавочные комнаты, но его центральный смысл всегда очевиден. Явных очагов обнаружить не удалось, если не считать ям, наполненных золою и обломками глины.

Следует отметить, что жилище раскопа II 1939 г. первоначально имело общие контуры двух меридионально расположенных, также яйцевидных комнат, т. е. это жилище было первоначально 3-го типа. Но позднее южная (вернее, юго-восточная) комната была переделана на правильную четырехугольную, и жилище приблизилось к 1-му типу. К жилищу 3-го типа присоединялись часто с боков разные добавочные помещения.

б) **Землянки** (см. рис. 18, *а*; 21; 25, *а*). Встречены в 1940 г., но не удалось ни одной землянки вскрыть полностью. Ладьевидно углубленные в землю, они имели подчетырехугольные очертания. Наибольшая их глубина достигала 1,80 м в середине. Единственная вскрытая целиком землянка № 1 имела размеры 11×7 м, а землянка № 3, вскрытая далеко не полностью,— около 150 кв. м только в раскопанной ее части. Северная часть землянки № 2 и южная землянки № 3 были отделены столбовою стенкою с выходом от другой части. В землянке № 2 отделенная северная часть делилась на четыре комнаты и имела глинобитный овальный очаг более метра длиною. В землянке № 3 такой же очаг находился в южной части ее, но деления на комнаты в ней не было. Здесь же была еще и обширная яма-очаг. Безочажные части этих землянок представляли собою нечто вроде обширных служебных помещений, где явно сосредоточивались металлургические работы. Всего землянок нам известно четыре. Их характерной особенностью является то, что, кроме культурного слоя на их дне, над каждой имеется второй слой, плоско расположенный. В землянке № 2 он имеет в одном месте даже четырехугольное пятно, заполненное светлым песком. По составу находок верхний слой ничем или почти ничем не отличается от нижнего. Приходится считать, что он накопился на плоском покрытии землянок, а пятно, указанное выше, является спуском сверху в это нижнее помещение. Стояла ли на этом перекрытии наземная постройка, и если да, то какой характер она имела,— сказать трудно.

в) **Комплексы построек** (рис. 16, *а*, 18, *а*, 20, 21, 23; прилож. 1). Оба вида строений — и наземные, и землянки — исполняли и жилые, и служебные функции. Большинство их было жилыми. Но жилища 1938 г. и землянка № 1 служили для хозяйственных (см. описание раскопок), хотя и не совсем ясных целей.

За стенами почти каждого жилища совершались все виды металлургических работ, и лишь мелкие из них допускались внутри помещения. В обширных отапливаемых комнатах и во всем жилище в целом объединялись в одну большую патриархальную семью, ячейку общины, металлурги и сельские хозяева.

У многих домов мы находим мусорные ямы, порой очень большие, чаще у западной их части или к югу (жилище раскопа II 1939 г., жилище раскопа I 1949 г., ямы при жилищах № 1, 4 и 5 раскопа IX 1949—1950 гг.). Ямы эти наполнялись самыми разнообразными отбросами ремесла и быта.

Всякие жилища составляли не отдельные единицы, а части особых комплексов. Два здания 1938 г. составляли одно целое из двух хранилищ. Жилой комплекс раскопа II 1939 г. служит отчетливою картиною дома, окруженного сложным металлургическим комплексом.

Раскоп I 1940 г. дает комплекс из двух землянок: металлургической и одновременно жилой — № 2 и служебной, вероятно, хозяйственно-продуктовой землянкой № 3. Сохранился отрезок общего забора, окружавшего когда-то весь этот жилой двор.

Раскоп V 1949 г. обнаруживает два одинаково поставленных выходом к северу овальных жилища, обращенных, конечно, или к улице, или к выходу с общего двора.

Но наиболее интересен комплекс раскопа IX 1949 и 1950 гг. Здесь стояли два больших многокомнатных меридиональных жилища, открытых на юг и глухих к северу. Их юж-

[1] В раскопе V 1952 г. стали намечаться два неполных жилища таких очертаний.

ные концы соединялись забором. Между этими домами стоял четырехугольный домик из двух комнат с выходом и сенями к северу. В его южной комнате находилась большая куча чистой золы, а в северной — обычный круглый глинобитный очаг. К югу от этих жилищ располагалось очень близкое и по плану связанное жилище № 4. Весь этот комплекс объединен огромным комплексом всех возможных работ по металлургии (кричная выплавка, кузнечное и литейное дело и особо оружейно-бронное мастерство). В целом этот комплекс охватывает не менее трех семей металлургов, объединенных еще общим храмиком богини огня. Думаем, что здесь жили большие патриархальные семьи, объединенные в одну семейную общину с общим культом очага.

Комплекс раскопа IX 1950 г. делает более чем вероятным предположение, что все ранее раскопанные жилища — части таких же комплексов жилья больших семейных ремесленных общин; только комплексы эти не сохранились полностью. Свидетельством тому является обилие разорванных канав вокруг сохранившегося в раскопе II 1939 г. дома, раскоп I 1949 г. с его остатками двух жилищ, раскоп V того же года со следами сложного строительства и двух уцелевших жилищ, обращенных выходами в одну сторону, и служебные помещения в раскопе I 1938 г.; все они могли быть общинными службами в усадьбе такой же общины, как и в раскопе IX.

Жилища строились на месте ранее существовавших. В раскопе II 1939 г. целое жилище окружено массою канав от стен других, ранее существовавших домов. По ладьевидному разрезу мусорной ямы при жилищах раскопа I 1949 г. заметно, что для для нее была использована ранее бывшая тут же землянка. В раскопе IX 1950 г. только что упомянутый большой комплекс разрушил яйцевидное в плане жилище № 5.

Судя по переделке жилища раскопа II 1939 г. из яйцевидного в жилище 1-го типа и по разрушению яйцевидного жилища № 5 подчетырехугольным жилищем № 3 в раскопе IX, приходится думать, что от овальных однокомнатных жилищ начала IV в. до н. э. уже во второй его половине совершился переход к подчетырехугольным и даже правильным четырехугольным многокомнатным домам 1 и 2-го типов. Но и тут, и там одинаково бытовала манера пристройки боковых служб и комнат, не сообщавшихся дверями с главным помещением. Землянки же существовали и в IV в. (№ 3), и в III в. до н. э. (№ 2).

Очень часто мы видим, что стена канавы двоится и троится, отражая перестановку стены и расширение, сужение и даже изменение формы жилища. Старая стена гнила внизу. Ее выдергивали и вырывали новую канаву рядом. Иногда стену подпирали наискось подпорками, врытыми основанием в новую канаву, отчего появлялись канавы вроде лука, стянутого тетивою (см. землянку № 2, жилища в раскопах II и III 1939—1940 гг. и жилище № 4 в раскопе IX 1950 г.). Иногда уничтожались целые комнаты (юго-восточная — в жилище № 1 раскопа IX, западная — там же, в жилище № 4 и т. п.). Эти утлые жилища строились и перестраивались, но сохраняли свой общий план и основные принципы строительства без серьезных изменений.

Из рассмотрения мест раскопок видно, что и наземные жилища столбовой конструкции, и землянки попадались одинаково в разных частях городища. Особенно ярко это отражено землянками: три из них вскрыты в юго-западном конце кучугур, а одна обнаружена на крайнем их юго-востоке на улице Сталина в с. Каменке.

2. СТРОИТЕЛЬНЫЕ ОСТАТКИ НА АКРО ПОЛ

На акрополе нам не пришлось обнаружить сколько-нибудь серьезных остатков построек. Но картина носит явно иной характер, чем на кучугурах. Здесь, несомненно, серьезную роль играл камень, при этом с самого основания культурного слоя, т. е. с IV в. до н. э.[1]

Впрочем, может быть, основанием каких-то столбов служили 10 продолговатых овальных ям, шедших подряд вдоль обрыва над Конкою через 1—2 м, длиною 0,90—1,50 м, при ширине 0,40—0,60 м и глубине 0,30 м. В одной яме стенки были обложены небольшими обломками ракушечника.

Применение рваного ракушечника и гранита (до 25 см в поперечнике) свидетельствуется прямоугольною вымосткою столь же

[1] Раскопки Н. Н. Погребовой весною 1952 г. обнаружили нижнюю часть каменного дома.

раннего времени. Ракушечник лежал на древней почве в 2—3 слоя и образовывал прямоугольник 0,90×1,10 м. Его назначение неясно. Ракушечник попадался во всех слоях и раскопах, но в небольшом числе [1].

В 1946 г. было найдено, но не in situ, несколько небольших обломков известняковых плит со сглаженной поверхностью. По Бруну, ров внутреннего вала акрополя был выложен тесаным камнем. Этот камень был вырыт местным населением и употреблен на постройку церкви в Большой Знаменке. По Вертильяку, такой же камень добывался из четырех курганообразных возвышений в акрополе.

Разнообразие строительных приемов и материалов на акрополе выражено еще и в применении сырцового кирпича для укрепления верхней части вала. Вероятно, до нас дошло лишь основание стены, кирпичи которой скреплены глиняным раствором, толщиною до 5 кирпичей.

3. УСТРОЙСТВО ОЧАГОВ НА КУЧУГУРАХ И В АКРОПОЛЕ

Во всех слоях снизу доверху попадается на акрополе много обломков глиняной обожженной обмазки, довольно толстой (5 - 7 см). Одна ее сторона совершенно гладкая; по обратной стороне обмазка покрыта параллельными отпечатками прутьев в палец толщиною. На некоторых отпечатались куски брусков дерева. Иногда край обмазки образует угол. Она всегда хорошо обожжена и содержит очень обильную примесь какой-то травы, повидимому, из рода Scirpus. На некоторых обломках сохранились следы сажи и копоти. Не было найдено in situ ни одного сооружения из такой обмазки. В раскопе II 1945 г., недалеко от упомянутой каменной вымостки, оказалось много кусков такой обмазки на древней почве, но они, находясь близко друг от друга, не образовывали ничего целого. В раскопе 1946 г. такими обломками плотно была набита яма в грунте. Все состояние обмазки заставляет предполагать, что это обмазка печей на деревянном каркасе, может быть, наружных. Иной материал, употребленный на строительство акрополя, дает основание считать, что здесь жило другое по положению население, чем в кучугурских столбовых домах. На кучугурах за все время лишь в свалке, вскрытой в 1940 г., в раскопе III, был найден всего один кусок такой обмазки с травянистой примесью. Вся основная масса очагов,—а их известно около десятка (землянки № 2 и 3 1940 г., жилище раскопов VI и X 1949 г., землянки 1949 г. на улице Сталина, все жилища раскопа IX 1949 и 1950 гг.),— на кучугурах состоит из круглой или овальной глиняной площадки прямо на земляном полу (рис. 25, *в—д*). Реже встречаются четырехугольные или круглые ямы-очаги (жилище 1939 г., 2-й очаг землянки № 2, очаг жилища в раскопе X 1939 г.), обычно заполненные древесным или костным углем.

Глиняные очаги кучугурских домов редко превышают квадратный метр. Они имеют четырехугольную или продолговато-овальную форму. Слой глины, толщиной всего в несколько сантиметров, всегда сильно прокален и покрыт черной копотью. Под глиною песок прокален, сух и образует сросшиеся от жара комочки; он к тому же часто черен. Такие очаги, очевидно, помногу раз разрушались, остатки их легко и бесследно выбрасывались.

Большим своеобразием является почти полное отсутствие золы. Кроме храмика в раскопе IX, где имеется очень небольшой зольничек, зола почти всюду отсутствует (и в свалках, и в мусорных ямах, и в очагах). Ее, очевидно, тщательно сгребали и куда-то отдельно ссыпали. Судя по большим зольникам Любимовского и других, более поздних городищ нижнего Днепра, таких зольников можно было бы ждать и в Каменском городище,— где-нибудь на берегах Днепра или Конки,— но пока их нигде не удалось найти. Они могли, конечно, обвалиться в реку, так как обрывистые берега очень часто здесь подмываются.

Итак, основное различие между акрополем и кучугурами заключается в плетневых, столбовых домах и землянках простого ремесленного населения и в каменном строительстве с особыми печами на деревянном каркасе у аристократической части населения. Впрочем, характер этого каменного строительства остается нам пока что почти неизвестным.

[1] Летом 1952 г. Н. Г. Елагина обнаружила на акрополе еще одну такую же вымостку неясного назначения.

4. МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ ДЕРЕВА В БЫТУ, В ОСОБЕННОСТИ В ДЕРЕВЯННЫХ ПОСТРОЙКАХ

Дерево у жителей Каменского городища имело довольно широкое применение. Хотя песок не сохраняет его совсем, но кое-какие конструктивные детали жилищ, дошедшие до нас, говорят о столбах, как основе стен. Упоминаемые подоски от колес с городища, наряду с шинами от них же в Царских курганах, указывают на употребление деревянных повозок. Наконечники стрел, наконечники и подтоки копий требовали очень искусно высушенных и обточенных древков. Косвенные доказательства того, что мастера-оружейники, повозочники и плотники хорошо изучили свойства этого материала, заключаются и в самих металлических изделиях, применение которых возможно только в связи с работой по дереву.

Орудия работы по дереву сохранились в малом числе. В 1949 г. было найдено наверное лезвие топора (табл. I, *1*; 1949 г., IX, $\frac{2}{2}$ № 1437), явно неполное, но достаточно все же широкое для плотничной работы (6 см). В 1950 г. был обнаружен округлый обух от топора (табл. I, *2*; IX, 17 д, № 310) со значительной частью круглого (диаметр 2,8 см, толщина его стенок 4 мм) проуха. Сохранившаяся часть одной щеки показывает, как топор делался из полосы и, по сгибе его, к лезвию приваривался так, что только одна щека имела след сварки.

Наличие распиленных рогов на акрополе и по прямой срезанных концов столбов у стен жилищ говорит о наличии пил и для кости, и для дерева.

В раскопе V 1952 г. был найден небольшой обломок пилы (табл. I, *3;* нах. № 2), узкой, с большими треугольными зубцами, совершенно без разводки. Форма этой пилы близко напоминает римские лучковые пилы.

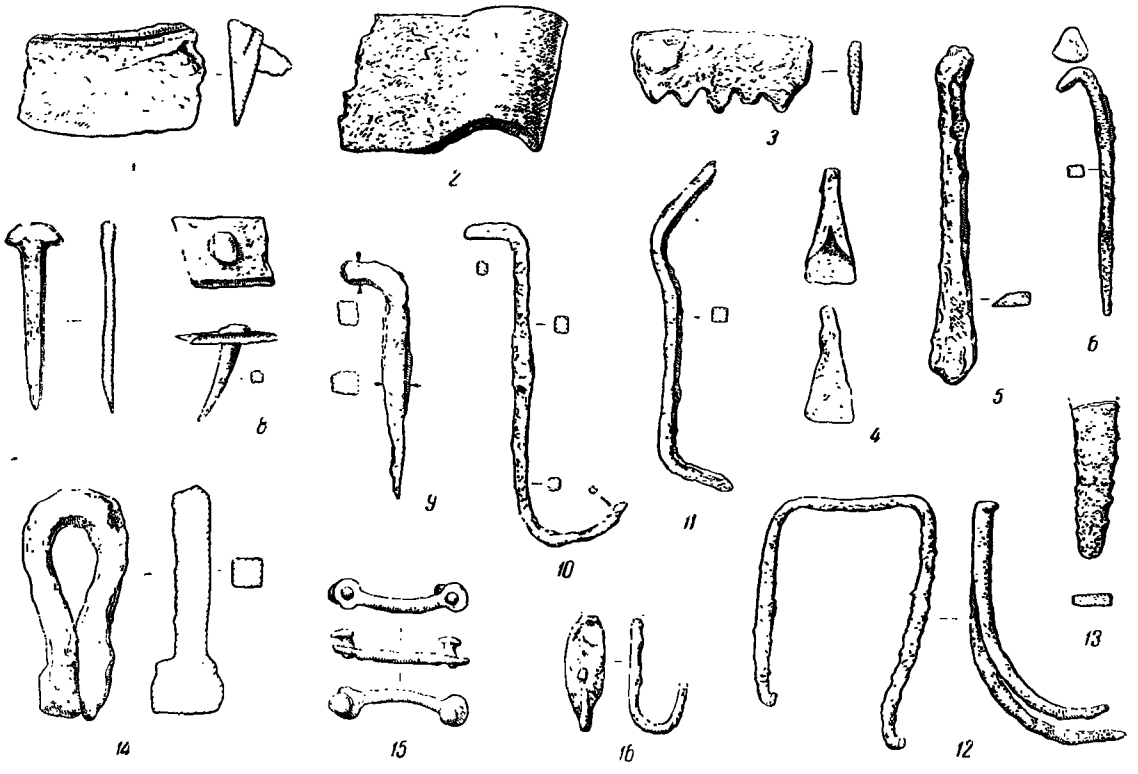
Найдено небольшое втульчатое долотце (табл. I, *4*; 1950 г., IX, № 1404) и стержень с ромбовидным, имеющим ложок, концом (табл. I, *5;* 1940 г., III, $\frac{8}{3}$, № 281). Это, вероятнее всего, пёрка от сверла. Длина ее равна 7 см.

Очень странное железное орудие в виде обрезанного спереди совочка (1950 г., IX, бровка кв. 19 в, 19 б и 20 в) могло служить для оскабливания древков стрел или чего-либо подобного. Оно сделано из пластинки. Эта пластинка на противоположном лезвию конце скручена в очень острый конус-черешок, очевидно, вставлявшийся в ручку.

Наконец, ниже будут описаны универсальные ножи и шильи и оригинальный резак латенского типа. Массивные — без насада — шильи могли служить, возможно, для проделывания отверстий в дереве.

В связи с наличием деревянных построек среди находок затронутой группы весьма интересно наличие железных гвоздей и костылей. Гвозди четырехгранные, обычно со шляпкой, раскованной в виде отогнутой вбок пластинки (табл. I, *6*; 1946 г., VIII, $\frac{2}{5}$), почему при забивании гвоздь вверху слегка сгибался. Всего таких гвоздей в раскопках найдено 11, особенно из раскопок 1950 г., и один находится у Н. П. Грязнова. Гвозди эти чаще (всего таких пять) крупные — до 8 см длины; длина одного даже 14,5 см. Мелких гвоздей всего шесть. Они неизмеримо тоньше первых, не более 1—1,5 мм. Длина их: одного — 2,5 см, пяти других (все из раскопа IX 1950 г.) — около 5 см. Они имеют своеобразной формы шляпку в виде отогнутой под прямым углом правильной лопатковидной пластинки. Что это не булавки, а именно гвозди, видно и по четырехгранному сечению, и по погнутости верхней части их при забивке. Этот тип гвоздей вполне мог играть роль наших мелких костылей. Встречены и гвозди с обычной для нас шляпкой круглой формы. Всего таких гвоздей найдено восемь. Семь из них — массивные, четырехгранные с очень толстой шляпкой до 2 см диаметром. Размер их — около 7 см и более. Впрочем, все они в обломках. Восьмой гвоздь очень маленький, целый, всего 2,2 см длиною, при диаметре шляпки 1,1 см. Все гвозди этой формы найдены в раскопе IX 1950 г., в 4—5-м штыках. Один из них согнут около шляпки под прямым углом и, может быть, играл роль костыля. Строительное назначение этих гвоздей определяется их массивностью; форма, может быть, колониального греческого происхождения. Наконец, есть два железных гвоздя, вырезанных из толстой пластинки, со шляп-

Таблица I



Деревообделочные орудия и различные, связанные с деревом, приспособления из железа

1 — лезвие топора; *2* — обух топора; *3* — обломок пилы; *4* — долотце; *5* — пёрка; *6* — гвоздь с боковой шляпкой; *7* — гвоздь из пластины; *8* — обойный гвоздь; *9* — костыль; *10* — крюк стенной; *11* — соединительная скоба; *12* — скоба для укладки орудий; *13* — ножевидный стенной шип; *14* — дверная петля; *15* — скрепка с клепками; *16* — овальная скрепка с шипами. (Все вещи 1/2 н. в.)

кою в виде поперечной планочки (табл. I, *7*; 1950 г., IX, $\frac{17}{3}$ и 1952 г., V).

На акрополе был найден небольшой железный четырехгранный гвоздь с овальною шляпкой-наверши́ем; под шляпкою приржавела железная четырехгранная пластинка-накладка (табл. I, *8*; акр., 1940 г., № 469); гвоздик этот явно обойного назначения. Его длина 2,2 см. Костыли поразительно сходны с современными (табл. I, *9*; 1949 г., V, $\frac{17}{4}$). Они четырехгранные, с перпендикулярно отогнутым верхним концом. Этот конец иногда сплющен с боков в пластинку, чаще — четырехгранный. Их найдено всего восемь.

Крючки железные (табл. I, *10*; 1950 г., № 890), для вбивания в стену и для подвешивания, встречены в четырех экземплярах (1938 г., I, $\frac{22}{4}$, № 17; 1950 г., IX, $\frac{7в}{4}$, $\frac{17з}{4}$ и $\frac{18б}{1}$, № 890). Все они очень простого устройства. Стержень четырехгранного сечения имеет на верхнем конце обращенный назад (к стене) шип для забивки, на конце сплющенный в острие, которое и забивалось в стену. Нижний конец отогнут в виде очень открытого крючка. Длина их 6—10 см. На такой крюк могла вешаться и одежда, и многое другое.

Очень интересна железная скоба (табл. I, *11*; 1940 г., III, $\frac{8}{2}$, № 281) из четырехгранного стержня. Концы ее полого отогнуты в одну сторону от основного тела и имеют заострения для забивки в стену. Вещь эта ближайшим образом напоминает скобы, которыми сшиваются друг с другом соседние бревна, но она неизмеримо меньше наших современных скоб и имеет всего 5,5 см в длину. Ее середина так же, как у современных, вогнута ударами молотка при забивке. Кроме целей скрепления, она могла служить и для

привязывания чего-либо к стене и т. п. Еще такие же две скобы были найдены в 1950 г. (IX, выброс кв. 17а и IX, $\frac{7е}{4}$). Их размер тот же.

Близка к ним еще одна скоба (табл. I, *12*; 1949 г., X, $\frac{6}{5}$) своеобразной формы: от тела (4,5 см длиною) отогнуты в одну сторону два параллельно сильно искривленных и заостренных, как у вил, конца. Тело слегка выгнуто от ударов. Вбитая в стену обоими остриями, вверх телом, эта скоба служила для накладывания чего-то, может быть, инструментов, стрел и т. п., на эту своеобразную воздушную полку. Такого рода приспособление известно и теперь, особенно в кошарах и местах хранения сбруи.

Наконец, к этой же категории забиваемых в дерево вещей относится плоский пожевидный шип (табл. I, *13*; 1949 г., V, $\frac{43}{3}$), с 6 зубцами с каждой продольной стороны. Длина его — 5 см. Наружная часть совсем не сохранилась. Это — приспособление для прочной забивки: зубья обращены наружу. Такого рода шипы обычны и в наше время.

Еще упомянем три петли из железа. Одна (табл. I, *14*; 1940 г., V, $\frac{6}{3}$, № 380) — из толстого прута квадратного сечения 7×7 мм. Сведенные концы ее сильно утолщены; высота всей петли — 4,8 см. Эта петля могла служить и для замка, и для подвешивания двери. Есть еще одна половинка совершенно такой же петли (1940 г., V, $\frac{8}{1}$, № 41). В том же 1940 г. была подобрана на поверхности земли в акрополе небольшая петля из железного стержня (1940 г., подъемн. материал, № 464). Ее концы сведены таким образом, что один из них явно служил для забивки в дерево; что привязывалось к такой петле, — совершенно неясно.

К числу скреп для деревянных вещей относится узкая железная полоска с двумя кружками на концах (табл. I, *15*; 1949 г., V, $\frac{40}{3}$). Сквозь дырки в кружках продеты круглые кленки, разбитые в большие шляпки внизу. Вся длина вещи — 4 см. Несомненно, что такой скрепочкой сшивались две очень тонкие планки. Интересны овальные пластинки (длиною около 3 см, шириною 1—1,5 см). От их концов загнуты прямо вверх или немного внутрь шипы круглого сечения. Такие скрепки для довольно тонких дощечек были находимы в курганах Никопольстроя, где оказались подносы или помостики под жертвенным мясом, сбитые из этих дощечек. Для них же служили, вероятно, и первые скрепы. Вообще говоря, они могли скреплять, судя по длине стержней, досочки и бруски от 1,5 до 3 см толщиною. В 1949 г. была найдена одна такая скрепочка (V, $\frac{30}{3}$), в 1950 г.— 13 экз. (табл. I, *16*; все в раскопе IX).

Дважды встречены совершенно такие же, но очень небольшие скобочки-скрепки из бронзы (1950 г., IX, $\frac{7а}{4}$ и IX, $\frac{18д}{3}$). Их назначение, конечно, то же, что и у железных, но для предметов гораздо меньшего размера.

Найдена одна обойма (1950 г., IX, $\frac{17п}{5}$) из узкой замкнутой железной ленточки (ширина и толщина — 1 мм). Размеры ее — 3,3×0,8 см. Прозор внутри — всего 7 мм. Такая обоймочка могла охватывать тонкие ножны или что-нибудь подобное.

Несомненные части железных оковок каких-то деревянных предметов представлены небольшим числом пластинок. Из них особенно примечательны две. Одна (IX, $\frac{17е}{4}$), размером 5,2×2,8 см, гладкая, довольно толстая (1,5 мм), имеет с двух сторон вырезы в виде неполных кругов (с широким вырезом к концам пластинки). Другая пластинка (IX, $\frac{16}{5}$) очень тонкая (менее 1 мм); ее размеры — 3,3×2,2 см. Это скорее обломок большой пластинки. По ее длинным сторонам немного отступя идут попарно, с каждой стороны, выпуклые продольные валики. Орнаментальный характер полоски очевиден, но к чему она прибивалась,— сказать трудно.

Таким образом, кузнецы Каменского городища выковывали много железных гвоздей, крюков, скоб и петель для столбовых домов.

ГЛАВА IV

КЕРАМИКА МЕСТНОЙ РАБОТЫ И ИМПОРТНАЯ АНТИЧНАЯ КЕРАМИКА

1. МЕСТНАЯ КЕРАМИКА С КУЧУГУРСКОЙ ЧАСТИ ГОРОДИЩА

Жителям Каменского городища было совершенно неизвестно употребление гончарного круга. Все сосуды делались ленными жгутовою техникой, из трех-четырех жгутов. Расслаивание по месту смыкания жгутов редко бывает заметно. Чаще всего оно наблюдается по линии соединения шейки с плечиком (рис. 10, *1*). По сырой поверхности сформованного сосуда смоченною рукою производилось сглаживание. Поверхность обычно неровна и шишковата. Лишь всего два раза были встречены ничтожные фрагменты лощеных сосудов, по окраске и тесту ничем не отличающиеся от основной массы, представленной тысячами фрагментов. Сосуд из жгутов начинал формоваться со дна. На дне нередко встречаются отпечатки ткани, то вроде не очень грубой мешковины, то рядна из очень тонких нитей, то (единично) чего-то вроде цыновки (рис. 10, 2*а* –2*в*). На очень многих донышках следы ткани едва заметны. Изредка вместо этого попадаются отпечатки песка или мелко изрубленной соломы или травы. Такая подсыпка делалась, очевидно, для того, чтобы сосуд легче отставал от столбика и дощечки, на которых он формовался. Совершенно ясно, что сначала формовалось нечто вроде блюдца, составлявшего донышко и нижнюю часть всего сосуда.

Примитивной лепке этих сосудов предшествовало промешивание глины, к которой для придачи должной вязкости добавлялись в порядочном количестве разные примеси. Наиболее обычною примесью является песок. Вместе с ним, или отдельно, появляется шамот, впрочем, не составляющий особенно обычной примеси. Шамот иной раз имеет совершенно специфический характер, а именно он состоит из амфорной крошки, довольно мелкой, но легко узнаваемой по твердости и яркокрасному цвету. Однако это не становится особенно обычным. Наконец, нередко встречается примесь дресвы, как от гранита, обожженного на огне, так и подвергшегося на воле процессу выветривания более мягких частей. Возможно, что изредка попадающиеся при расконках на кучугурах рыхловатые мелкие куски рассыпающегося гранита служили исходным материалом для целей отощения глины. Все эти примеси обычны у местной ленной посуды любой формы. Очень редка и встречается только в глине сосудов горшечной или баночной формы примесь растительная, может быть, от хлебных злаков. По крайней мере в обломке стенки одного сосуда с такою примесью было обнаружено перегоревшее зерно ячменя [1]. Примеси к тесту делались тщательно; их изучение не производит впечатления небрежности и безразличного отношения к этому делу; даже напротив, каждый данный сосуд всегда имеет однообразную, хотя бы и неоднородную примесь.

До обжига на поверхность сосуда наносились применявшиеся в это время виды орнамента, о которых будет сказано ниже.

Специальных печей для обжига сосудов в Каменском городище не обнаружено. В гла-

[1] Сборы 1950 г. Определение произведено А. В. Кирьяновым в лаборатории ИНМК.

ве, посвященной описанию жилищ, указано на основной характер очажных сооружений. Это были глинобитные площадки, иногда довольно большого размера, на поверхности которых разводился огонь. Можно думать (и это очень вероятно), что на поверхности этих плоских очагов обжигались устанавливаемые здесь сосуды. Обычно излом стенок сосудов кучугурской части городища как бы трехслойный. Снаружи уплотненная корочка с серовато-коричневой, серой или, реже, оранжево-красной поверхностью; излом корочки того же цвета. Иной раз поверхность сосуда носит темные, даже черные пятна, то у дна, то где-нибудь сбоку. Под наружною корочкою стенка сосуда в изломе черна, иногда хрупка и более или менее ноздревата. Внутренняя поверхность сосуда — тоже корочка сероватого цвета, реже с пятнами. Но все же стенки довольно плотны и крепки. Весь характер фрагментов говорит за то, что обжиг повсеместно производился именно на упомянутых очагах. Нам ни разу не пришлось встретить заготовок сырой глины или примесей, но все-таки вся обстановка говорит за домашний характер труда горшечника. Мы не можем с полной ясностью установить все градации форм сосудов. Слишком фрагментарна, по большей части в мелких кусках, найденная посуда. Если не считать трех целых сосудов и двух половинок сосудов, из которых три происходят из наших раскопок и два из сборов И. П. Грязнова, то составить представление о целых сосудах было бы очень трудно. Однако, базируясь на приеме Т. Н. Книпович, оказавшейся в таких же условиях при изучении керамики Елисаветовского городища в дельте р. Дона, мы можем разделить сосуды на три типа, по ее определению [1].

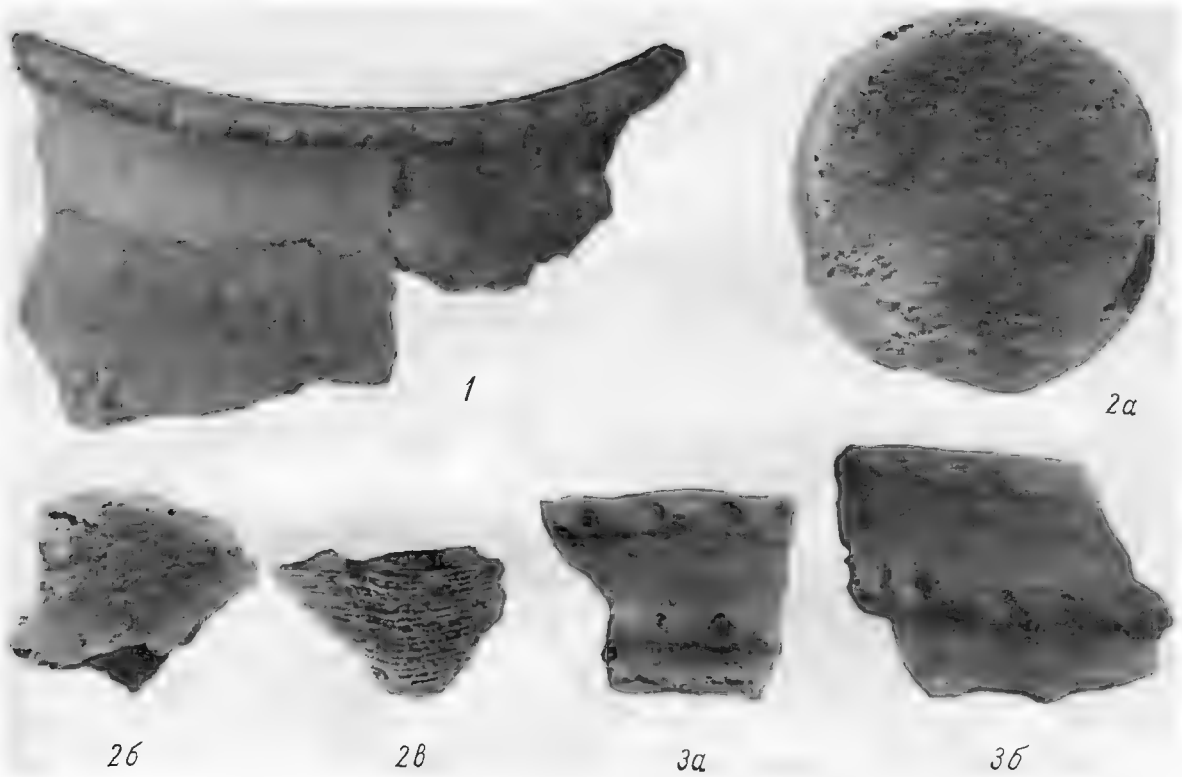
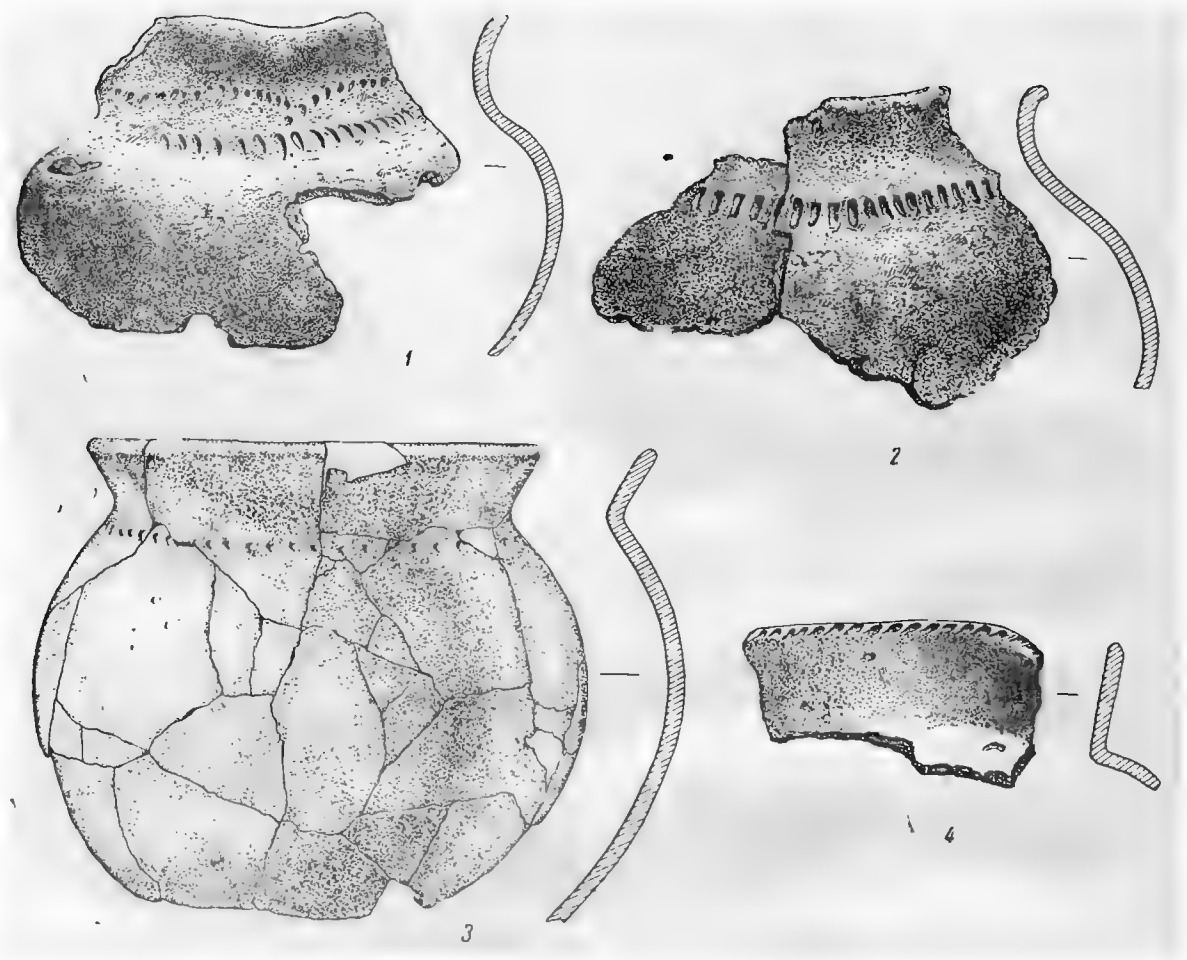


Рис. 10. Лепная посуда с Каменских кучугур

1 — фрагмент с признаками жгутовой техники, 1940 г., № 425 (1/2 н. в.); *2а — 2в* — отпечатки ткани на донышках, 1950 г., № 548; 1949 г. № 1223 и 644 (1/2 н. в.); *3а — 3б* — налепные валики с ямочным орнаментом, 1949 г., № 424 и 430. (1/2 н. в.)

[1] Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции ГАИМК в 1928 г. ИГАИМК, вып. 104, стр. 111.

Таблица II



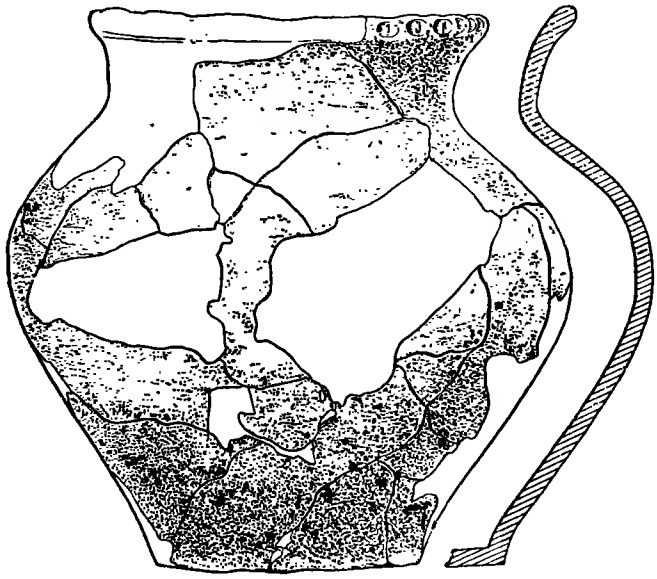
Типы горшков с Каменского городища
1 и *2* — горшки 1-го типа (³/₈ н. в.); *3* — горшок 2-го типа (¹/₈ н. в.); *4* — горшок 3-го типа (²/₈ н. в.)

Исходным материалом для такого деления служат верхние части сосудов — одни только шейки или шейки с частью плечика. Разница между керамикой Каменского и Елисаветовского городищ, несомненно, есть, однако она не так велика. Но на нашем городище есть формы, отсутствующие у Т. Н. Книпович или не вполне сходные. Поэтому нумерация форм не совпадает с ее нумерацией по типам, кроме первого.

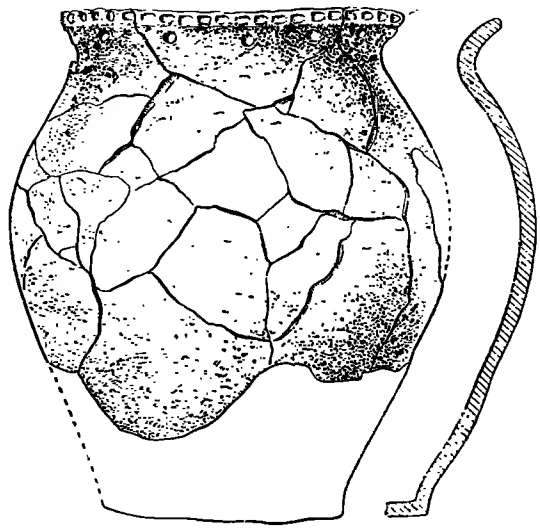
1. Горшок (табл. II, *1, 2;* 1949 г., V, *4,* № 607 и VI, $\frac{11}{3}$, № 922) с шейкою, отогнутою наружу таким образом, что от ее основания у плеча она непрерывно дуговидно вогнута. Однако ее бортик никогда не дает такого выделенного раструба вверху, как верхний профиль рисунка 45 у Книпович. Наша форма сходна со средним и нижним профилями на том же рисунке. Край или округлен, или сглажен сравнительно плоско, или срезан. Этой форме свойствен чаще, чем следующей, бортик в виде оттянутого островатого валика. Плечики такого сосуда чаще округлены, но бывают совершенно скользящими, хотя и редко.

2. Горшок (табл. II, *3;* 1949 г., VI, 7, погр. 1, № 762), у которого шейка не вогнута, а в разрезе прямая. Она образует кверху равномерный раструб. Ее край всегда такой же, как и у 1-го типа. Плечики также округлены.

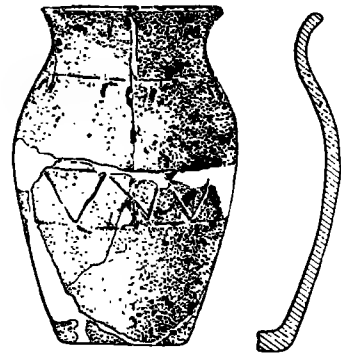
Таблица III



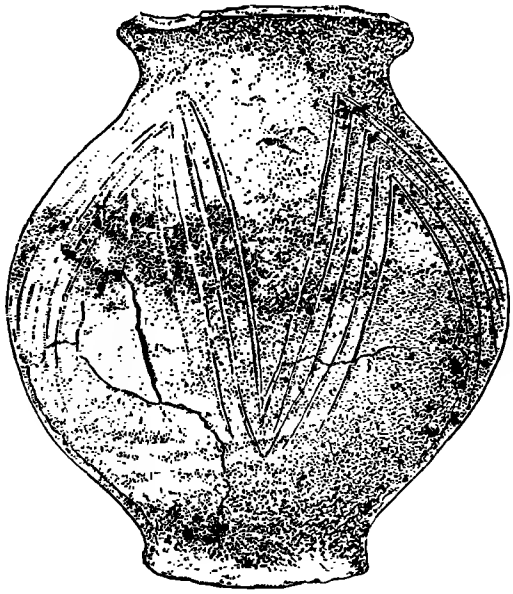
1



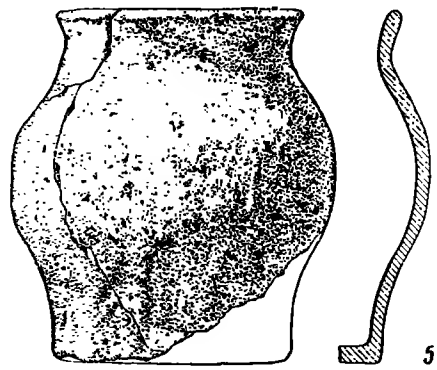
2



3



4



5

Целые сосуды с Каменского городища

1 — тип 1-й, широкий вариант (1/2 н. в.); *2* — то же, высокий вариант (1/3 н. в.); *3* — то же, малых размеров (1/2 н. в.); *4* — тип 4-й (1/2 н. в.); *5* — то же (1/2 н. в.)

3. Горшок (табл. II, *4*; 1949 г., III, $\frac{1}{5}$, № 299) характеризуется чаще вертикально стоящею шейкою, реже — почти вертикальною шейкою или почти без выгиба края наружу. Оформление края такое же, как у 1-го типа. Оттянутый островатый валик по краю очень редок. Плечи расположены иногда почти под прямым углом к шейке; они поэтому кажутся более крутыми, чем у 1-го типа.

Кроме описываемого ниже орнамента, у всех этих трех типов общим является еще диаметр горла, имеющий от 10 до 40 см. Наибольшее число сосудов имеет диаметр горла от 10 до 26 см, причем больше всего от 16 до 18 см; в других направлениях их число более или менее одинаково. Зато выше 25 см и до 48 см имеются лишь единицы сосудов этих форм. Нет сомнения, что ко всем формам этих горшков относятся кусочки донышек, к сожалению, гораздо менее обычные в находках, чем части шеек. Донышки встречаются двух типов. Стенка горшка у 68% их начинается не от перелома дна, а на 0,5—1,5 см выше, отчего ниже нее сосуд как бы окружен невысоким уступчиком или поддонцем; на самом деле это толщина дна. Реже (32%) стенка начинается прямо от перелома дна, образуя тупой угол. Разница эта едва ли носит только случайный характер. Но отнести к какому-либо из описанных типов сосудов тот или другой тип донышек невозможно. Донышки диаметром меньше 10 см единичны; донышки более 20 см тоже единичны. Таким образом, очевидно, что донья горшков лишь немного меньше их устьев.

Между первым и двумя следующими типами сосудов по ряду данных имеется совершенно иное числовое соотношение, чем наблюдаемое Т. Н. Книпович в Елисаветовском городище[1]. Во всяком случае число горшков 2 и 3-го типов больше, нежели первого. Однако нами замечено, что чем больше рост одновременно вскрытой площади раскопок, тем меньше эта разница. При больших площадях вскрытия она почти стирается. Особенно ясно видно это при рассмотрении раскопов IX и X 1950 г., где на 91 фрагмента 1-го типа пришлось 105 фрагментов 2 и 3-го типов. Это позволяет думать, что со временем количество сосудов 1-го типа несколько растет: содержимое раскопов IX и X в общем позднейшее и почти одновременное (III в. до н. э.).

Несмотря на исключительную бедность наших раскопок целыми сосудами, если присоединить к ним формы одновременных целых сосудов из памятников близких районов, то представление об основной внешности всех трех типов будет в целом составлено. Это тем более понятно, что типы, по существу, отличны только формой шейки и ее расположением по отношению к плечикам. Плечики же и донья всех трех типов по большей части друг от друга не отличаются.

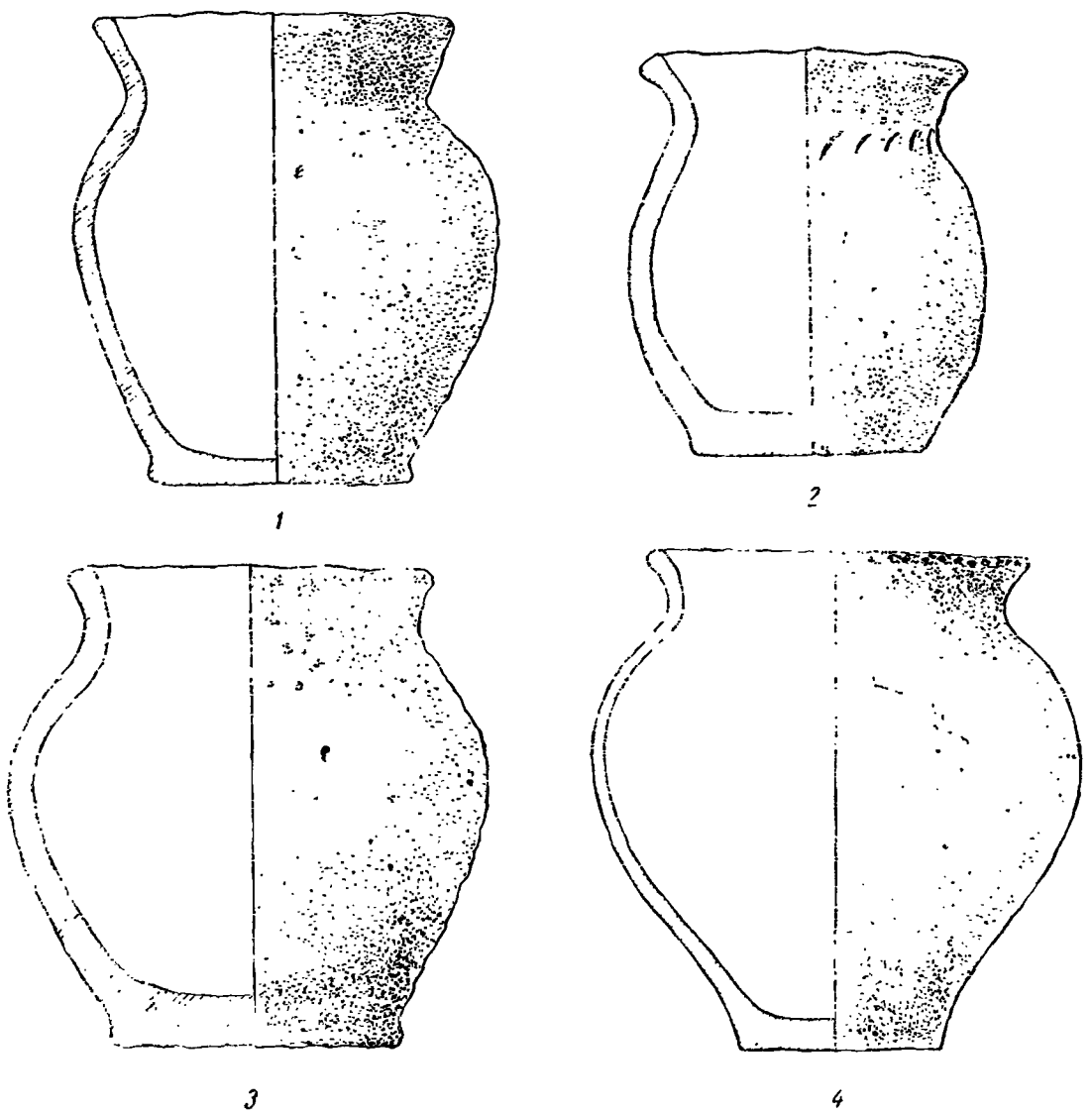
На табл. III представлены три сосуда с Каменского городища: два — более или менее обычных размеров из сборов И. П. Грязнова (табл. III, *1* и *2*), третий — небольшой из раскопок 1949 г. (табл. I, *3*; I, $\frac{4}{5}$, № 169—176). Назначение последнего, судя по обстоятельствам находки его при винной амфоре, служить кубком. Питьевые сосуды просто повторяли форму больших горшков. Малый сосуд — 1-го типа, большие тоже. Сосуды из собрания Грязнова совершенно обычных размеров. К этому мы присоединяем два горшка 2-го типа из двух скифских погребений кургана № 5 раскопок Д. Т. Березовца в 1951 г. у с. Кут, еще сосуд того же типа и один — 1-го типа из поселения у Нижнего Рогачика из его же раскопок в том же году (табл. IV, *1—4*). У всех этих сосудов низкие шейки, округленные плечи, наибольшее расширение тулова чуть повыше половины высоты, дно обычно лишь немного уже горловины. Примеси и орнаменты обычные. Курган — одного времени с кучугурским городищем, поселение возникло немного раньше. Приношу Д. Т. Березовцу благодарность за предоставление мне этого материала для публикации.

Несомненно, к этой же категории принадлежит горшок из кургана № 3 (IV в. до н. э.) в урочище Кичкас, относящийся к 1-му типу[1]. Есть они в немалом количестве и среди находок из Ольвийского городища в слоях V—III вв. до н. э., и в ряде поселений по Бугскому лиману. Развиваясь из частных форм конца бронзового века, три основных

[1] Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 164.

[1] Дніпродзержинський краєвий історично-археологічний музей. Збірник, т. I, Дніпродзержинськ, 1929, стр. 5, рис. 2.

Таблица IV



Целые горшки того же времени из соседних районов

1 и *2* — горшки 2-го типа из курганов у с. Кут (1/3 н. в.); *3* — горшок 2-го типа из поселения у с. Нижний Рогачик (1/3 н. в.); *4* — горшок 1-го типа, оттуда же (1/4 н. в.)

типа Керамика Каменского городища получают свои законченные формы с начала обитания Каменских кучугур. Конечно, как намечаются местные отличия керамики Каменского городища и Елисаветовского, так есть отличия и от керамики Ольвии. Но сходство с последней еще сильнее. А. М. Славин дал нам возможность ознакомиться с лепною посудою из раскопок 1946, 1947 и 1948 гг. Среди нее немало сходных, даже тождественных форм. Сходство всех трех типов исключительно и по форме, и по примесям, и по орнаменту. Встречаются в Ольвии и в соседних туземных городищах и отпечатки ткани на донышке. Исключительным сходством с основными каменскими формами отличается целый сосуд из одного ольвийского погребения, относящегося к III в. до н. э. (шифр 046. В-20) из раскопок Ольвийской экспедиции в 1946 г.

До настоящего времени не удалось установить на кучугурах эволюции 1 и 2-го типов. Лишь раскопы IX и X 1950 г. как будто позволяют предположить, что 1-й тип к середине III в. до н. э. догоняет 2 и 3-й типы в количественном соотношении.

4. Этот тип горшка совершенно отсутствует в упомянутой работе Т. Н. Книпович. Может быть, он и был среди ее керамики. Нам удалось выделить его только по наличию двух целых экземпляров в находках наших раскопок. Один имеет обычную величину среднего горшка двух первых типов (табл. IV, *4*; 1940 г., III, $\frac{6}{3}$, № 267), отличается архаизмом, узким дном; второй — малых размеров (табл. IV, *5*; 1949 г., IX, $\frac{3}{5}$, № 1459), повторяет некоторые формы «узкогорлых» сосудиков поздней бронзы, но имеет обычное для своего времени широкое дно. Особенность этих сосудов состоит в слабо выраженной шейке 1-го типа, в почти шаровидном корпусе и в нижней части почти цилиндрической формы, спускающейся к обычному дну в $^3/_4$–$^5/_8$ диаметра устья. Этот тип мало распространен. Всего, кроме этих двух сосудов, учтено 19 донышек указанного типа во всех раскопах и 5 стенок шаровидных сосудов. Их орнаментика иногда заметно богаче обычной для 1 и 2-го типов. Богатый узор из опрокинутых, вдетых друг в друга, острых углов на упомянутом целом сосуде дополнен на одном неполном сосуде неглубокими надрезами по плечу (1949 г., IX, $\frac{4}{1}$, № 1369). В остальных случаях сосуды украшены простыми ямками или даже гладкие. Встречены эти сосуды в раскопах всего кучугурского времени.

5. Этот тип (табл. V, *1*) близок, но не тождественен 3-му типу горшков Т. Н. Книпович [1]. Это, как и ее 3-й тип, вариант сосудов баночной формы; но В. А. Городцову — вариант со слабым изгибом стенок вовнутрь. В нашей коллекции фрагменты этих сосудов исключительно редки; их всего два (1950 г., № 887 и 1949 г., № 1378). Это наиболее прямой «потомок» баночных сосудов срубной культуры.

6. Этот тип (табл. V, *2*) встречен всего один раз (1949 г., № 1422) и представляет собою не что иное, как чашку 4-го типа Т. Н. Книпович [1]. Как и 5-й тип, это опять вариант баночной формы, идущей от срубного времени. Вопреки указанию Книпович на обычность этого рода сосудов в Елисаветовском городище, они, как мы видим, очень малочисленны в Каменском городище. В этом — еще существенное локальное отличие от Елисаветовского городища.

Но О. А. Гракова отмечает, что в поздней бронзе конца II тысячелетия до н. э. баночная форма на Днепре, в частности, на Белозерском лимане, была довольно обычна [2].

7. Нечто вроде плоской сковороды; сосуд имеет низкую, совсем вертикальную стенку или слабо отклоняющуюся наружу стенку. Таких неглубоких сковород учтено всего две.

8. Оригинальный сосуд, от которого сохранилась только ручка (табл. V, *3*; 1949 г., IX, $\frac{1}{3}$), представлял собою глиняную имитацию бронзового котла на ножке в натуральную величину.

9. Очень своеобразен поддон, напоминающий ножку амфоры, происходящей из центрального погребения кургана Солоха (1946 г., V, $\frac{2}{3}$, № 322). Из того же раскопа происходит край горла, тоже лепной, с черным изломом, но с гладкой коричневатой поверхностью, который, безусловно, принадлежит сосуду, сделанному в подражание остродонной амфоре. Такие же подражания, но уже в виде цельных сосудов с узким плоским дном вместо ножки, известны мне в литературе всего трижды; два из них изучены мной лично: эти сосуды лепные, и все качества работы обычны для Скифии. Повидимому, такие подражания возникли из того простого обстоятельства, что амфора глубоко вошла в быт скифского населения. Но в то же самое время амфоры имитировались не часто, так как амфор было вполне достаточно. Отметим еще, что в нашем примере поддон также подражает амфорному, а не заменен плоским дном, как в трех параллельных случаях.

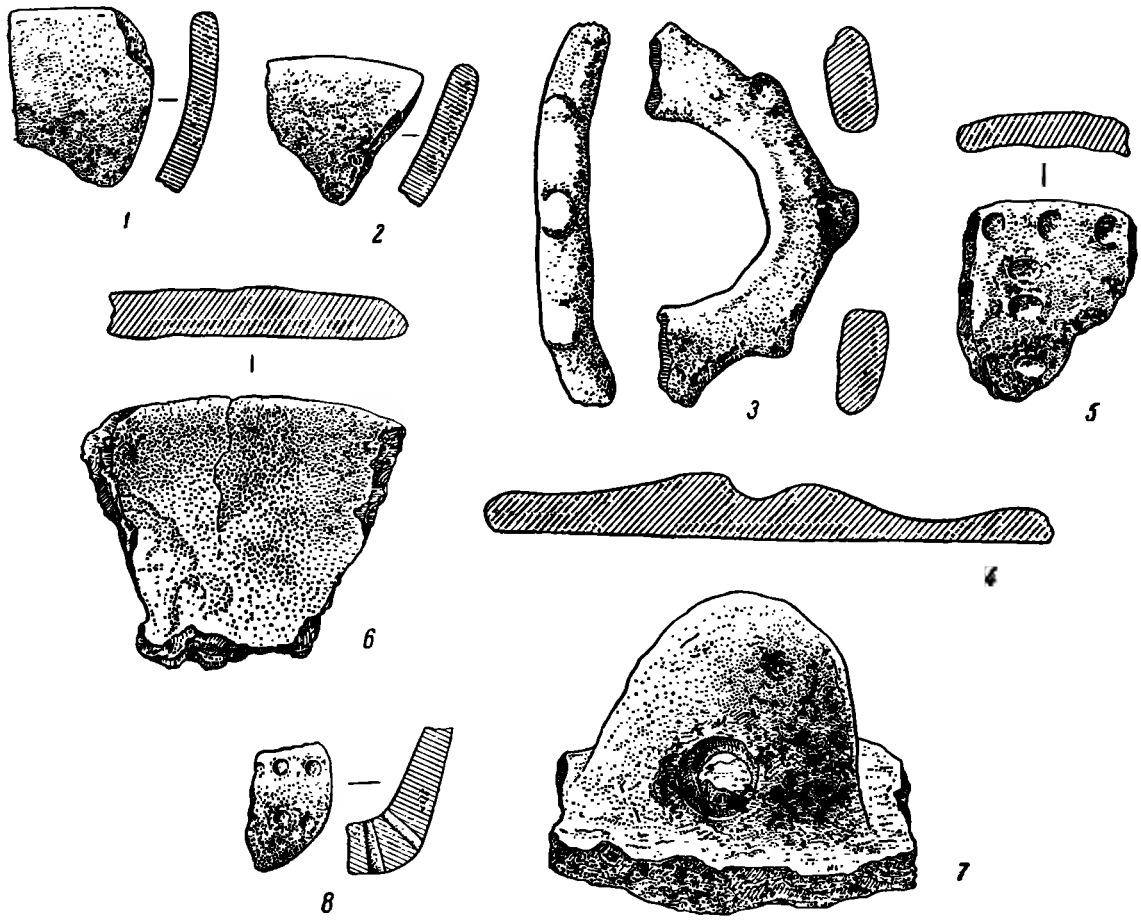
[1] Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 164, рис. 47.

[2] Там же, стр. 166, рис. 48, *1*.

[3] О. А. Кравцова-Гракова. Поселение бронзового века на Белозерском лимане. КСИИМК, вып. XXVI, стр. 76 и сл.

[4] Древности Приднепровья, вып. III, табл. 54, рис. 840; СА, IX, стр. 20, рис. 9. У этого последнего сосуда ручки посажены не вполне как у амфор, но его прототип все-таки очевиден. «Археологія», Київ, 1947, I, стр. 108, рис. 8 к статье И. М. Самойловского «Корчеватовский могильник».

Таблица V



Прочие типы сосудов с Каменских кучугур

1 — профиль 5-го типа (1/2 н. в.); *2* — профиль 6-го типа (1/2 н. в.); *3* — ручка глиняной имитации бронзового котла (1/2 н. в.); *4* — крышка сосуда (1/2 н. в.); *5* — то же (1/2 н. в.); *6* — то же (1/2 н. в.); *7* — ушко от крышки (1/2 н. в.); *8* — цедилка (1/2 н. в.)

10. Казалось бы, что Каменскому городищу в скифское время совершенно не свойственны сосуды с ручками. Однако на все множество найденной при раскопках керамики обнаружена одна единственная миниатюрная ручка (1940 г., V, $\frac{2}{3}$, № 376) с ушком полукруглой формы, 2,5 см длиной, очень слабо изогнутая и, несомненно, располагавшаяся вертикально. Такая же точно отдельная ручка была найдена нами в 1945 г. в курганной группе «Сірко» (курган № 2, погребение № 2).

Сравнительно редким явлением были крышки (табл. V, *4*—*7*; 1949 г., № 369, 433 и 1630) на сосуды, более всего, вероятно, соответствовавшие первым 4 типам описанных выше сосудов. Это определяется прежде всего тем, что наибольшее их число имеет диаметр от 14 до 18 см, т. е. они назначались для покрытия обычнейших сосудов. За все время нами был найден 41 обломок разных крышек. Все они круглые, диаметром от 8 до 23 см. Это плоские лепешки, их толщина — от 0,8 до 2,2 см. Обычно их край просто округлен или покато и мягко сходит к плоскому исподу. Изредка край слегка загнут наружу и вниз, еще реже он наискосок срезан вниз вовнутрь. В первом случае крышка просто покрывала сосуд до краев, во втором — обнимала этот край, в третьем — плотно входила в устье сосуда. Если боковой край имел достаточную ширину, то он иногда украшался круглыми ямками,

сделанными пальцем или палочкою. Изредка на поверхности из небольших круглых ямок делался поясок по периферии верхней стороны, а от этого пояска к центру, вероятно, крест-накрест шли спицы из таких же ямок (табл. V, *5*). Крышки к середине более или менее сразу утолщаются, образуя основания массивных ушков. Но ни одно из них не сохранилось вместе с крышкою. Отдельно сохранилось ушко от очень массивной крышки: оно полуовальной формы с отверстием для продевания пальца или палочки. Под ним идет сквозное вертикальное отверстие, очевидно, для выхода паров, чтоб блюдо «не задыхалось». Это ушко очень массивное (табл. V, 7). Никакой хронологической градации для крышек не намечается. В предшествующую эпоху поздней бронзы употребление крышек на этой территории довольно спорадично: я могу указать накрытие срубного горшка большим фрагментом в одном из погребений, вскрытых мною в группе «Сірко», и большой обломок крышки, подобранный мною на поселении эпохи Белозерского лимана 5, в устьях балки «Куцая Бердынка», немного к западу от гор. Осипенко у самого Азовского моря. Крышка эта от скифских не отличается [1].

11. Всего один раз встречен кусочек цедилки или друшлака. Сосуд имел вид глубокой миски или, скорее, чего-то вроде глубокого цветочного горшка, в дне которого были в сырой еще глине проткнуты вертикальные отверстия диаметром в 2—3 мм (табл. V, *8*; 1949 г., X, $\frac{2}{5}$, № 1475). Дырки располагались рядами в 5 мм друг от друга и до 1 см между рядами. Назначение такого сосуда совершенно очевидно. Но он не может считаться обычным, так как на такое множество посуды других типов подобная цедилка встречена всего-навсего однажды.

Орнамент на лепной посуде Каменского городища не применялся постоянно. В ряде случаев он, повидимому, отсутствовал.

Чаще всего это ямочный орнамент. Больше всего он встречается под самым краем сосуда. Много реже он переходит на верхний обрез. Всего у нас в результате раскопок, при самом исчерпывающем сборе, оказалось 53,7% сосудов, по бортику не орнаментированных, и 46,3% сосудов с орнаментом.

На плечике ямочный орнамент вообще довольно редок и идет у самого основания шейки. На многие сотни гладких плечиков едва 67 из них орнаментированы ямками. Ямочный орнамент на плечике в 4,5 раза реже, чем по краю сосуда. Еще реже (всего 10 раз) ямочный узор шел вокруг дна у самого основания сосуда. Самое же дно никогда не орнаментировалось.

Из всего этого следует,— несмотря на отсутствие целых сосудов,— что из них орнаментировалось не более половины, и то только по краю сосуда; менее пятой доли их имело еще орнамент по плечику, причем в таких случаях бортик чаще тоже орнаментировался. Исключительно редкое ямочное украшение вокруг дна едва ли являлось самостоятельным. Оно, вероятнее, сопровождало декорировку верхней части сосуда.

Ямки наносились очень примитивно (см. табл. II, III, V). В основном они наносились преимущественно концом пальца, отчего в громадном большинстве случаев в середине ямки видна вертикальная лунка от ногтя, повернутая то в одну, то в другую сторону. При защипывании самого края над каждым углублением получался неизменный округленный выступ, отчего край сосуда часто имеет волнистый вид. Если ямки делались чуть ниже края, то эта волнистость или заметна очень слабо, или совсем отсутствует. Когда такой пальцевый узор идет по верхнему обрезу, он иногда слегка сползает наружу; при этом появляется слабая волнистость. Обычно и по краю сосуда, и по плечику,— все равно — по гладкому и по имеющему налепной валик,— ямки от пальца делаются с промежутками немного меньше 1 см или в 1,5—2 см. В небольшом числе случаев пальцевые отпечатки сплошным рядом опоясывают верх шейки или плечо. Еще реже одиночные, чаще по 2, 3 и 4 ямки от пальцев чередуются с пустыми промежутками в несколько сантиметров. Если такой орнамент идет по валику, то разделяет

[1] Обломки крышек сосудов бронзового века оказались на поселении раскопок Буракова в 1852 г. близ Берислава. При повом осмотре коллекции И. П. Грязнова в ней нашлось несколько таких ушков: некоторые с поперечным отверстием, некоторые той же формы, но сплошные. Это же собрание доказывает, что сквозные отверстия в крышке под ушком далеко не обязательны. Ряд крышек и несколько ушков найдены при раскопках Либерова в 1952 г., но они еще не учтены и не описаны. Крышки есть на некоторых поселениях по Бугскому лиману и на поселении у Нижнего Рогачика (см. выше).

его на более высокие пустые участки, которые могут иметь форму продолговатых призмочек. Особым вариантом пальцевого орнамента, встречающимся и на шейке, и на плечике, и на гладком месте, и по налепному валику, являются очень своеобразные вдавления, сходящие в нижней части на нет, не образующие полного кружка. Из них получается ряд как бы арочек, закругленных наверху. Такой орнамент идет или через очень малые промежутки, или сплошь - - одна арочка около другой. Самый ранний известный мне случай такой орнаментики есть в поселении у Широкой балки около Ольвии.

Почти так же часто ямочки в тех же местах сосуда наносились палочкой или дощечкой. Такая палочка бывает изредка толщиною с соломинку, а чаще от 3- 4 мм до сантиметра и больше; 62,6% ямок нанесены пальцем и 37,4% – палочкой. Ямки, нанесенные палочкой, чаще имеют форму овала (палочка погружалась в глину наискось, снизу вверх). Палочка при этом ставилась чаще наискось, вправо или влево, гораздо реже вертикально: соответствующее направление имели ямки. Величина таких ямок очень разнообразна, но не превосходит 1,5 см в высоту. Чаще они имеют едва несколько миллиметров в длину и очень узки. Если палочка ставилась плотно, то ямка приобретала прямо обрезанный низ, реже — верх; в этом случае ее очертания имели округленный верх или низ, а если палочка имела грани, то получались треугольные очертания. При глубоком погружении конца палочки край прилегания к ее бочку как бы затушевался, и заметны хорошо только ее боковые контуры. Относительно редки простые круглые ямки; редко они близки по величине к пальцевидным ямкам, гораздо чаще, – и этот узор несравненно обычнее предыдущего, - - они образуют довольно частый ряд ямок диаметром в соломинку. По большей части такой ряд идет совершенно ровно. В единичных случаях он перемежается редкими ромбовидными расширениями, отмеченными по углам такими же ямками. Столь же случайны орнаменты из двух рядов таких ямок, идущих по плечику и разделенных опоясывающею бороздкой, сделанной концом той же самой палочки. Редкою орнаментальною особенностью является налепной или реже оттянутый от поверхности валик, опоясывающий сосуд у самого края шейки или по плечику. В первом случае, он имеет характер простого бортика, но генетически восходит к валику, во втором — он почти всегда налепной. Он имеет в разрезе чаще пологий верхний край и округленный нижний, его поверхность округлена, реже он островат. Ширина такого валика не превышает 1- -1,5 см. Если он орнаментируется, то совершенно теми же ямочными узорами, что и гладкий край шейки или гладкое же плечико (рис. 10, *3а -3б*). Валик много чаще фигурирует на плечике (38 раз) и реже по краю в виде бортика (6 раз). Из этого числового взаимоотношения видно, насколько вообще редок валиковый орнамент. К этому еще следует добавить, что островатый узкий валик на плечике встречается единично.

В виде исключительно редкого лепного орнамента отмечу ряд ямок от пальца, прерванный двумя рядом стоящими коническими налепами. Есть и еще один очень своеобразный случай орнамента: одинокая перевернутая лепная «галочка» (табл. VI, 7). Это прототип обычного в римское время украшения.

Один из упоминавшихся сосудов в собрании И. П. Грязнова носит на себе орнамент, очень обычный в одновременной лесостепной культуре и так же редко встречающийся в скифскую эпоху в степи, как и лощеная посуда, может быть, даже еще реже. Под шейкою у него идут сквозные проколы изнутри с налепною лепешкою (табл. III, 2). Орнамент этот явно заимствован с севера.

В тех редких случаях, когда любой вид ямочного орнамента по краю горла комбинировался с таковым же по плечикам, эти комбинации, благодаря разнообразию ямок, наносившихся палочкой, представляют собой относительное разнообразие. Край шейки может быть украшен либо пальцевыми ямками, либо ямками, сделанными палочкой; по плечику тоже возможен любой из ямочных узоров, бывших более или менее в общем употреблении. Вот несколько примеров их. Самый простейший — пальцевые ямки по краю и такие же по плечику. Затем обычен пальцевой орнамент по краю с тем или иным крупным ямочным пояском на плечике. С пальцевым орнаментом или крупными ямками другого типа комбинируются мелкие круглые ямки на плечике и т. п. Более сложные комбинации очень редки, почти единичны. Один из сосудов, могущий

служить примером такой комбинации, был найден в мусорном слое раскопа II сезона 1938 г. Он представляет собою один из вариантов 1-го типа по Т. Н. Кипович (табл. VI, *1а*; 1938 г., II, $\frac{10}{5}$, № 220; ср табл. VI, *1б*; 1950 г., IX, $\frac{20в}{3}$, № 510). У него по самому краю идут косые овальные ямки от бочка палочки. На плечике — ряд мелких круглых ямок, идущих несколько волнообразно, как бы довольно низкими дугами, состоящими каждая из восьми ямок. Этот ряд подчеркнут опоясывающей бороздкой, сделанной концом той же палочки. Сразу под этой бороздкой идет ряд удлиненно-овальных ямок, нанесенных бочком кончика той же палочки. Ниже этого ряда, не менее, чем через десять, а скорее, через 14—15 таких ямок,— корпус сосуда был покрыт резным орнаментом в виде елочек с редкими лапами. Елочки эти не сохранились сколько-нибудь полностью. Одна из них, наиболее сохранившаяся, начинается в виде спускающейся вниз бороздки, от которой немного ниже вершины отходят наискосок вниз две лапы, а на 2,5 см ниже — еще две. Были ли еще лапы,— неясно. Вполне возможно, что верхние лапы соединялись с верхними же лапами соседних елок. Этот резной орнамент покрывал корпус сосуда.

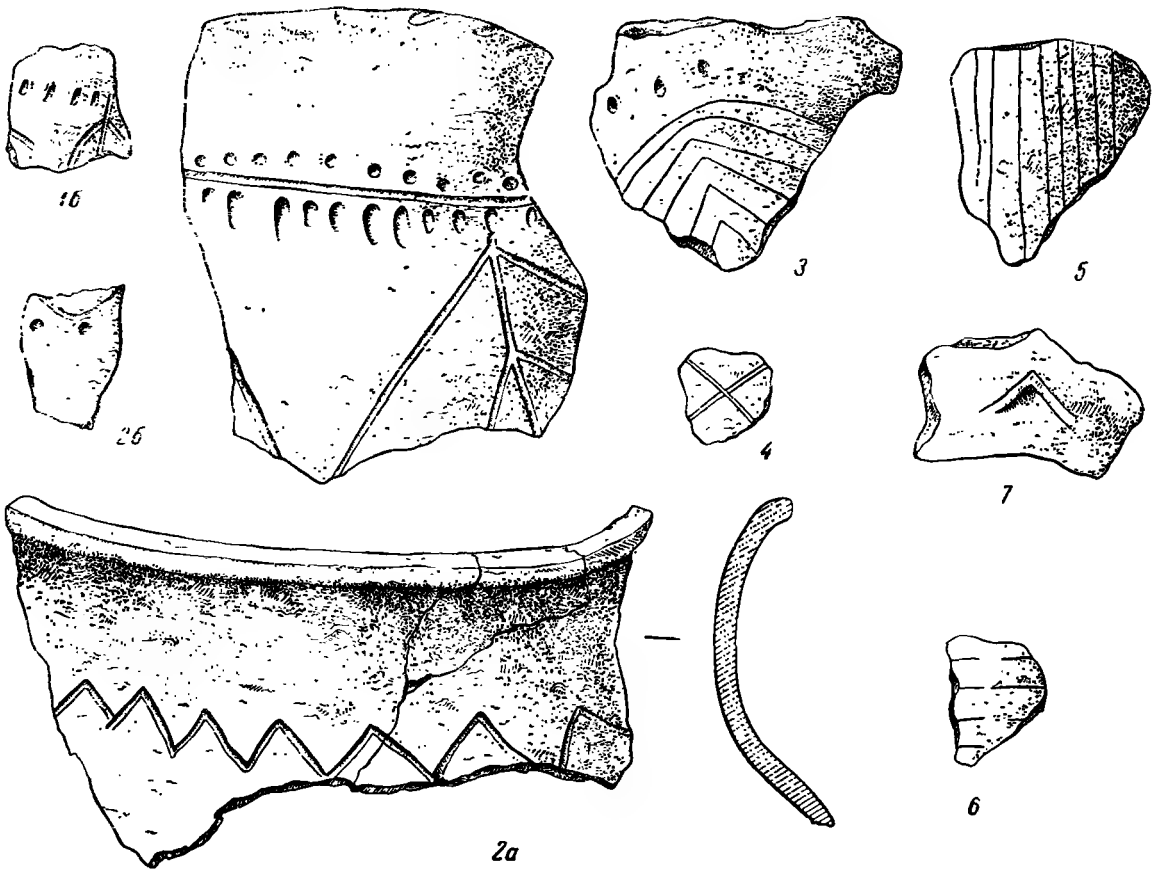
Из немногочисленных примеров резного орнамента совершенно очевидно, что он никогда не украшал ни шейки, ни плечиков лепных сосудов с Каменского городища. Он наносился на корпус непосредственно под границей шейки и плечика. Таких обломков за все пять лет найдено всего 26. При этом резной орнамент никогда не подходил близко ко дну: на многочисленных нижних частях донышек, происходящих с кучугур, ни разу не встречен доходящий до дна резной орнамент. Обычны опоясывающие по плечику резные полоски — то одна, то две; зигзаги то сплошные, то прерывающиеся (табл. VI, *2а*; 1949 г., I, $\frac{15}{2}$, № 90 и табл. VI, *2б*; IX, $\frac{15б}{3}$, № 113). На одном миниатюрном сосудике такой зигзаг, очень аккуратно сделанный, помещен ниже перегиба корпуса между двумя опоясывающими бороздками, а на границе шейки и плеча выше этого орнаментального пояса помещен пояс круглых мелких ямок, ниже которых в трех местах оказалось по точке в междурядье этого пояса, так что получаются три угла, обращенные вертикально вниз (табл. III, *3*; 1949 г., I, № 177). Чаще всего попадается орнамент в виде низбегающих бороздок, то вертикальных, то наискосок разбегающихся, то даже пересекающихся (табл. VI, *5*; 1950 г., № 594). Есть бороздки, низбегающие попарно или по три, также то параллельные, то расходящиеся. Только один раз это ряд косых крестов (табл. VI, *4*; 1949 г., № 51), шедших вокруг сосуда и ничем не обрамленных ни сверху, ни снизу. Своеобразен орнамент сосуда № 1369 из раскопок 1949 г. (табл. VI, *3*; IX, $\frac{4}{3}$), на котором по разделу между шейкой и корпусом идет ряд овальных ямок, нанесенных палочкой, а под ним — обращенные вниз углы, образующие фестоны не менее, чем из шести углов каждый. Углы входят один в другой, стоят вертикально кверху и потому становятся книзу все острее и острее. Мало понятен узор в виде рядов коротких надрезов, располагающихся через 12 мм друг под другом (табл. VI, *6*; 1949 г., IX, $\frac{5}{1}$, № 1431) [1].

Резной орнамент известен на обоих, к счастью, целых сосудах, найденных во время раскопок. Один из них описан выше (табл. III, *3*); другой выделяется не только оригинальной формой, впрочем, встречающейся, несомненно, на кучугурах, хотя и не слишком часто, но и своеобразным резным орнаментом: от линии раздела шейки и плеча он украшен четырьмя клеймами из вдетых друг в друга пяти острых углов, обращенных кверху вертикально и уменьшающихся книзу. Нижние части этих клейм между собой не соединены (табл. III, *4*).

Таковы в самых общих чертах основные приемы нанесения орнамента на простые лепные сосуды кучугурской части Каменского городища, основные элементы узора и комбинации этих элементов. Если ко всему этому поближе приглядеться, то станет совершенно очевидным значительное обеднение орнамента к этому времени в сравнении с поздней бронзовой эпохой нижнего Приднепровья. Но в то же время будет не менее ясно, что во многом эта орнаментика как раз

[1] В 1952 г. П. Д. Либеровым найдено еще несколько экземпляров с резным орнаментом.

Таблица VI



Редкие орнаменты

1—6 — линейные орнаменты; *7* — случай рельефного орнамента. (Все вещи — 1/2 н. в.)

и продолжает заложенное еще в том же бронзовом веке.

Важным является вопрос о происхождении керамики скифского времени от более ранней. В начале и середине двадцатых годов наиболее изученной в степных районах Северного Причерноморья, исключая Кубань, являлась дельта Дона. А. А. Миллер сообщал ряд данных о сходстве и различиях посуды предскифского времени в этой местности и посуды собственно скифского времени (станица Елисаветовская). Ему удалось в таких важных деталях, как разрез шейки, диаметр горла и расширение дна, установить наличие сходства донской посуды предскифского и раннескифского времени. Он отмечает большее сходство внешнего и внутреннего профилей сосуда, более небрежную обработку поверхностей, особенно отсутствие гребенчатой штриховки и почти полное отсутствие лощения, но считает все эти признаки значительно отличающими обе эпохи [1]. Однако более детальное изучение Т. Н. Книпович лепной керамики Елисаветовского городища привело ее, при наличии более богатого материала, к совершенно иному убеждению. К чертам сходства, отмеченным Миллером для керамики поздней эпохи бронзы и раннескифской, она прибавляет доживание первой в слоях второй эпохи, постепенное, а не стремительное исчезновение лучших способов обработки поверхности. В орнаментике обеих групп отмечается также гораздо больше черт сходства, чем казалось А. А. Миллеру. Особенно

[1] Сообщения ГАИМК, вып. 1, стр. 126 и сл.; вып. 2, стр. 86 и сл.

показательно наличие на плечике налепного валика, казавшегося первому из этих двух авторов совершенно чуждым собственно скифскому времени. Свой в общем очень детальный анализ этого вопроса Т. Н. Knпович заканчивает достаточно обоснованным заключением: «Итак, основной наш вывод будет значительно отличаться от вывода, к которому пришел на основании находок 1927 года А. А. Миллер: местная керамика, изготовлявшаяся в Елисаветовском городище в античную эпоху, составляет продолжение керамики предшествующей эпохи «доскифской» и является, таким образом, продукцией не какого-то нового племени, пришедшего в данную местность незадолго до появления в ней греков, а коренного местного населения, обитавшего здесь задолго до греков» [1].

Огромную пользу в разрешении этого вопроса оказали работы О. А. Кривцовой-Граковой. В ряде работ она показала, как в конце II тысячелетия до н. э. срубная культура постепенно передвинулась с Волги во все Приазовье и даже далеко за нижний Днепр и Буг. В начале I тысячелетия до н. э. на всем этом огромном пространстве стали распространяться понемногу, один за другим, признаки, свойственные затем скифскому времени в степи: исчезли обработка поверхности и орнаментирование гребенчатым штампом, почти совсем исчезло лощение, выработалось (еще в конце II тысячелетия) округление плечиков и появилась более или менее ясно выраженная и сузившаяся немного шейка, налепной валик перешел под самый край горла, и стали появляться изредка сосуды с почти вертикальной шейкой. Исчезла к концу эпохи бронзы остроребрная форма горшка и почти перестала бытовать баночная.

Однако именно от баночных сосудов приобрели донышки, почти равные по диаметру устью, и округленные плечики первые три типа обычных сосудов скифской эпохи. Первый признак для баночных сосудов поздней эпохи бронзы обычен от Волги до Днестра, а последний сначала спорадически, а потом все возрастая количественно, встречается у баночных сосудов почти с самого их появления. В разных частях обширной степной зоны от нижнего Дона до нижнего Буга развитие шло в общем одним и тем же путем. Но всюду оно имело также свои очевидные местные варианты, приведшие к различиям и в скифское время. Не замеченный Миллером и Книпович подъем валика на верхнюю часть шейки, свойственный концу эпохи бронзы и началу скифского времени, нашел свое место также и в восточной, ближайшей к Дону части Приазовья, как показали раскопки О. А. Граковой в 1949 г. в устье речки Обиточной и наши раскопки на селище у станицы Буденновской в 1951 г.[1]

Сходный путь со всеми вариантами прошла от поздней эпохи бронзы, развившейся из срубной культуры, и керамика раннескифского времени на нижнем Днепре и в низовьях Южного Буга. Локальное развитие привело здесь, однако, к некоторым отличиям от Приазовья, и к концу V в. и началу IV в. до н. э., как раз в то же время, на которое приходится основное развитие посуды Елисаветовского городища, мы, при большом общем сходстве, находим на Каменских кучугурах отнюдь не господство первого типа Книпович; он встречается несколько реже 2 и 3-го типов. Формы, связанные происхождением с простейшими баночными сосудами эпохи бронзы, здесь очень малочисленны, тогда как на Елисаветовском городище, по свидетельству Т. Н. Книпович, они представляют собой заурядное явление. Но зато обработка поверхностей, форма донъев и плечиков, соотношение высоты шеек, их диаметра и ширины горлышек — все это совершенно то же самое. Достаточно взглянуть на орнаментику сосудов Елисаветовского городища, приведенных в тексте и особенно на рисунках Книпович, чтобы увидеть тождество основных орнаментальных элементов и их комбинаций. Это касается и валиков, и там, и тут снова спустившихся с верхней части шейки на плечико.

Отсутствие у Т. Н. Книпович цифровых данных не дает возможности судить о том, одинакова ли частота употребления того или иного узора в обоих городищах. У этого ав-

[1] Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 167—175, особенно стр. 173 и 174. Прошло едва 5 лет от высказываний А. А. Миллера (1929 г.), и то, на что он боялся даже намекнуть, оказалось прочно обоснованным.

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. 17 (1948), стр. 147—164. Раскопки на р. Обиточной и у ст. Буденновской не опубликованы.

тора приведены «архаические» мотивы, а именно узкие вертикальные налепные выступы под бортиком горшков [1]. Их совершенно нет в кучугурском материале. Но они представлены в Ольвии и на Широкой Балке близ нее. Отсутствие этого орнамента на каменской керамике и присутствие ее в Елисаветовском городище и других указанных пунктах объясняется исключительно тем, что Каменское городище в самых древнейших своих находках скифского времени не восходит ранее, чем к самому концу или к середине V в. до н. э. По той же причине в нем совсем нет обычной лощеной керамики раннескифских форм верхнего Побужья и среднего Днепра, которая, хотя всегда только единицами, но все же встречается в западных причерноморских степях до конца VI в. до н. э.

Перечисленные выше элементы ямочного орнамента свойственны концу бронзового века независимо от того, сделаны ли они пальцем, палочкой или лопаточкой. Но их размещение иное: они располагались по валику, шедшему или на шейке, или на плечике. В скифское время валик почти исчез, а рядок орнамента на его месте оставался и стал обычнейшим явлением. При этом на шейке он подошел к самому краю и превратился в защипы. Ямки и насечки на верхнем обрезе,— обычное в поздней эпохе бронзы явление, – наоборот, довольно редки. Отличие — в ямках, сделанных палочкою или лопаточкою; они наносятся теперь не только наискось, но и вертикально, что керамике бронзового века несвойственно. Новость — узкие насечки и мелкие ямки. Почти исчезли резные орнаменты. Из них к бронзовому веку восходят елки и зигзаги. Резной орнамент спустился на плечики. Основное нововведение все же заключается прежде всего в том, что мотивы, украшавшие прежде валики, вытеснили эти валики и, став основными, совершенно изменили внешность сосудов. Редкие же валики сохранились на плечиках, причем они теперь украшались обычными уже для нового стиля небольшими ямками и узкими, косыми или прямыми насечками.

Таким образом, и скифская керамика Каменских кучугур, если приглядеться внимательнее к лепным сосудам, оказывается аналогичной керамике устьев Дона. Если ориентироваться только на отдельные формальные признаки, то лепная керамика степной Скифии не кажется генетически прочно связанной с поздней эпохой бронзы. Но прослеживая ее от позднесрубной керамики до скифского времени, видим, как эти формальные отличия в фактуре, типах и орнаменте оказываются органически развившимися из посуды срубной культуры.

Следует еще упомянуть, что характер посуды и техника ее изготовления не позволяют предполагать здесь гончарное ремесло. Есть и кое-какие отличия нехронологического характера: например, в жилищах раскопа IX 1949 и 1950 гг. довольно обычное явление — ямочный орнамент у дна. Одновременные обитатели жилищ, исследованных в 1938 г., предпочитали неорнаментированную посуду и т. п., что особенно указывает на домашний характер этого производства. При общинно-семейном производстве, которое так ясно прослеживается в металлургии и, особенно, в комплексе жилищ раскопа IX 1950 г., внутреннее самообслуживание было особенно уместным. Применение оригинального подстилания тряпок под формуемый сосуд—тряпок самого разного достоинства и тонкости—позволяет думать, что подобно прядению и ткачеству домашнее гончарное производство было делом женщин.

2. ИМПОРТНАЯ АНТИЧНАЯ КЕРАМИКА С КУЧУГУРСКОЙ ЧАСТИ ГОРОДИЩА

Импортная греческая керамика на Каменских кучугурах, если не считать амфор, представлена в ничтожном количестве. Не будет в раскопочном материале и полутора десятков чернолаковых черепков. Они встречены в 1938 г. в раскопе II, в 1940 г.— в раскопе V, в 1946 г.— в соседней с ним разведочной траншее, в 1949 г.— в раскопе V и в 1949—1950 гг.— в раскопе IX. Всюду по 1—2—3 мелких осколка (рис. 11, *1—3*). По этим осколкам можно судить только об одном: все это кусочки стенок открытых сосудов вроде киликов, канфаров и чаш. Только один раз в раскопе V (кв. 13) в 1949 г. сохранился небольшой обломок бортика чернолакового канфара или чашечки из Ольвии, типа, найденного Б. В. Фармаковским [1]. Этот тип относится к рубежу IV—

[1] Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 174, рис. 53.

[1] ИАК, вып. 8, стр. 34, рис. 20; ср. Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 128, рис. 20, *2*—IV в. до н. э.

III вв. до н. э. Вообще в отношении лака и глины нет никакого сомнения, что все эти фрагменты принадлежат IV—III вв. до н. э. Несколько особняком стоит фрагмент бочка котилы с краснофигурною пальметкою (рис. 12, *1*), найденный в 1946 г. в траншее, рядом с раскопом V 1940 г., где нет вещей позднее второй половины IV в. до н. э. Близки к этому фрагменту фрагмент и целая котила из Елисаветовского городища, относимые к этому именно времени [1].

ком, прежде чем он попал в руки скифа с Каменских кучугур, владел грек из Гераклеи Понтийской. Если там был изготовлен и сам этот килик, то к числу малоазиатских центров вывоза мелкой обиходной керамики прибавляется еще Гераклея. Впрочем, я и по сей час не отвергаю возможности изготовления амфор с энглифическими клеймами и в другом городе Черноморского периплa, а именно в Каллатии.

В том же раскопе была сделана необыч-

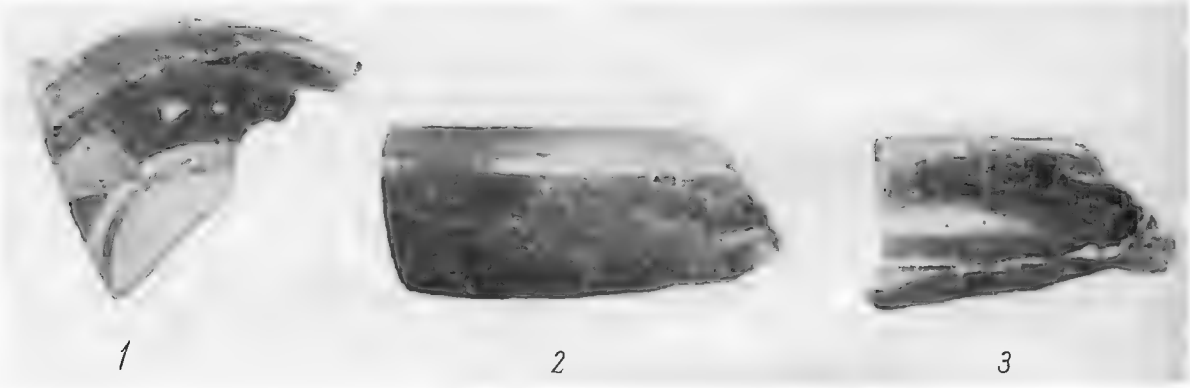


Рис. 11. Чернолаковая посуда с Каменских кучугур

1 — 1949 г., № 1727; *2* — 1949 г., № 1775; *3* — 1950 г., № 1199. (Все вещи — н. в.)

Раскопки П. Д. Либерова в 1952 г. дали около двух десятков мелких фрагментов чернолаковой посуды того же времени и 2—3 мелких фрагмента с краснофигурными овами. Это обстоятельство, вероятно, обязано своим существованием интенсивной жизни и частым перестройкам на берегу гирл, о чем однажды уже говорилось.

В 1940 г. в раскопе V $\left(\frac{7}{4}, \text{№ } 404\right)$, только что упомянутом, был найден поддон сероглиняного килика или чашки, профиль которого точно совпадает с поддонами чернолаковых сосудов малоазиатского происхождения, изображенных Т. Н. Книпович в ее неоднократно упоминавшейся превосходной работе, посвященной керамике, найденной на Елисаветовском городище [2]. На исподе этого килика выцарапано собственное имя Κερκίδου (табл. VIII, *3*). Если верно определено место производства амфор с вдавленными клеймами на горлах, а только в этих клеймах встречается имя Κερκίδας, то килиная для кучугурской части городища находка — резко профилированное узкое горлышко красноглиняного кувшинчика гончарной работы. Полной или почти полной аналогией к нему является такой же кувшин из основного погребения кургана № 4 раскопок 1909 г. около Елисаветовского городища. Весь набор сопровождающей чернолаковой посуды, на мой взгляд, говорит о рубеже IV—III вв. до н. э., т. е. несколько позднее большинства датирующих вещей, найденных на площади этого раскопа и землянки [1].

Это все, чем богаты в отношении греческой импортной керамики, — если не считать остродонных амфор, — Каменские кучугуры. Амфоры составляют, можно сказать, основной фон, хотя отнюдь не основную массу керамических находок на кучугурах. Так получалось потому, что эти огромные сосуды, иногда разбиваясь, иногда расслаиваясь в сыроватом песке, дают множество осколков — несколько сот от одного сосуда. Стремясь в свое время обратить вни-

[1] Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 128, рис. 30, *8* и стр. 129, рис. 31.

[2] Там же, рис. 36, *4—6*.

[1] ИАК, вып. 35, стр. 105, рис. 12 (в описи неправильная ссылка на рис. 11) к статье А. А. Миллера «Раскопки в районе древнего Танаиса».

мание на остродонные амфоры, как на хороший датирующий материал, я попытался дать хронологические определения некоторых групп клейм, а именно — синопской и предполагаемой гераклейской. При этом я слишком общо трактовал, как оказалось, форму сосудов каждого отдельного центра, полагая, что они мало изменяются во времени и очень стандартны по форме. Типологический анализ позднеклассических и эллинистических амфор, найденных на Елисаветовском городище, был дан Т. Н. Книпович в неоднократно цитированной работе. Однако в большинстве случаев ею констатированы основные формы ножек амфор и частично полные типы амфор, а не дано полной картины их смены [1]. Это отчасти объясняется тем, что Т. Н. Книпович имела не очень обильную коллекцию и, очевидно, не могла тогда сличить ее с материалом, хотя бы с Боспора. В целом, однако, данный ею типологический и стратиграфический анализ передает общее направление смены амфор.

В ином плане, хотя и исходя из тех же принципов, этот вопрос ставит И. Б. Зеест. В течение нескольких лет тщательно изучая целые амфоры городов обоих берегов Боспорского царства, она установила развитие во времени типов из отдельных центров, клеймивших свои амфоры, а также и не клеймивших их. Этим последним она условно дает те или другие, ныне часто ставшие общеупотребительными, наименования. Она сумела при этом в ряде случаев на основании стратиграфических данных городов Боспорского царства установить для одних центров очень быструю, кое-где, наоборот, относительно медленную, смену типов или даже сосуществование в одном и том же центре нескольких типов одновременно. Может быть, не со всеми ее положениями можно согласиться, но в целом это огромный шаг вперед. В двух статьях сконцентрирован ею опыт в этом смысле для части Боспорского царства [2]. К обеим этим статьям приложены превосходные таблицы профилей целых сосудов или их бортиков и ножек. Кроме того, И. Б. Зеест удалось проследить вместо двух вариантов, выделенных мною еще в 1926 г., в гераклейской группе пять типов, как она выражается, частью последовательных во времени, частью одновременно бытующих [1].

Еще изучая синопские клейма, я убедился в разнице импорта в Ольвию и на Боспор вина и масла в клейменых амфорах из Малой Азии и со Средиземного моря, — а именно родосский импорт преобладал над синопским в Ольвии и равнялся ему на Боспоре [2]. Это же может быть применено и к тому, что

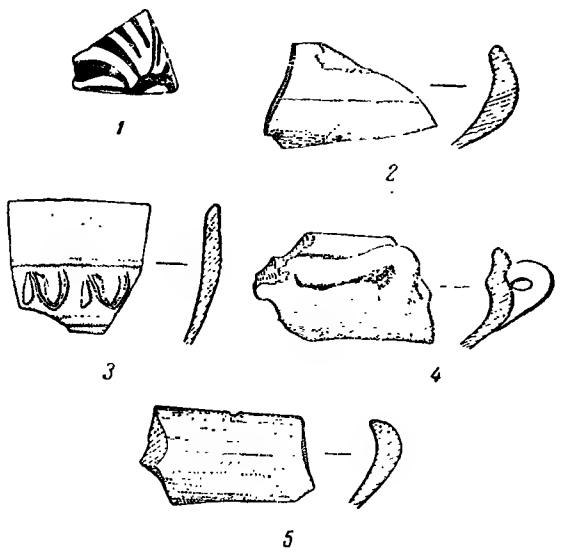


Рис. 12. Чернолаковая и краснолаковая керамика с Каменского городища

1 — фрагмент котила с 1916 г., № 453, с Каменских кучугур; *2–5* — фрагменты, с акрополя. (Все вещи — 1/2 н. в.)

найдено на кучугурах. Общее число ножек винных амфор на кучугурской части Каменского городища — более 300; к сожалению, мы сразу не учли всего их значения и поэтому не изучили в полной мере находок 1938 и 1939 гг. Поэтому количество рассматриваемых амфор несколько меньше того, что было в начале работы: часть их, несмотря на все старания работников музея, при фашистской оккупации депаспортизировалась, а части вовсе не оказалось налицо. Всего сохранилось 260 ножек сосудов. Этот набор не может дать окончательного представления о взаимоотношении всех привозившихся типов амфор в количественном

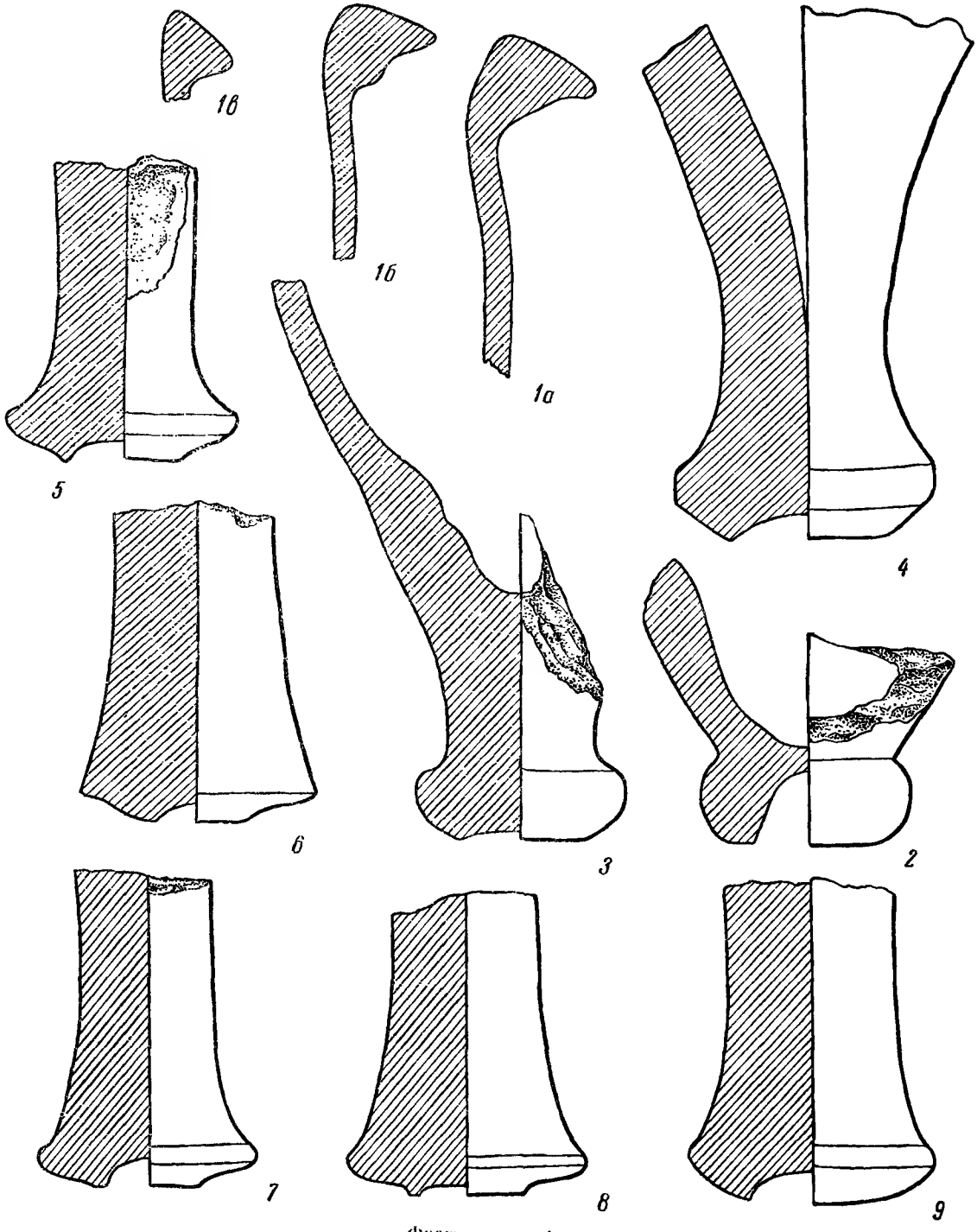
[1] Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 126—134.

[2] И. Б. Зеест. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией. МИА, № 19, 1951, стр. 107—118; Ее же. Керамическая тара Елисаветовского городища и т. д. Там же, стр. 119—127.

[1] И. Б. Зеест. О типах гераклейских амфор, КСИИМК, вып. XXII, стр. 48—52.

[2] Б. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929, стр. 17.

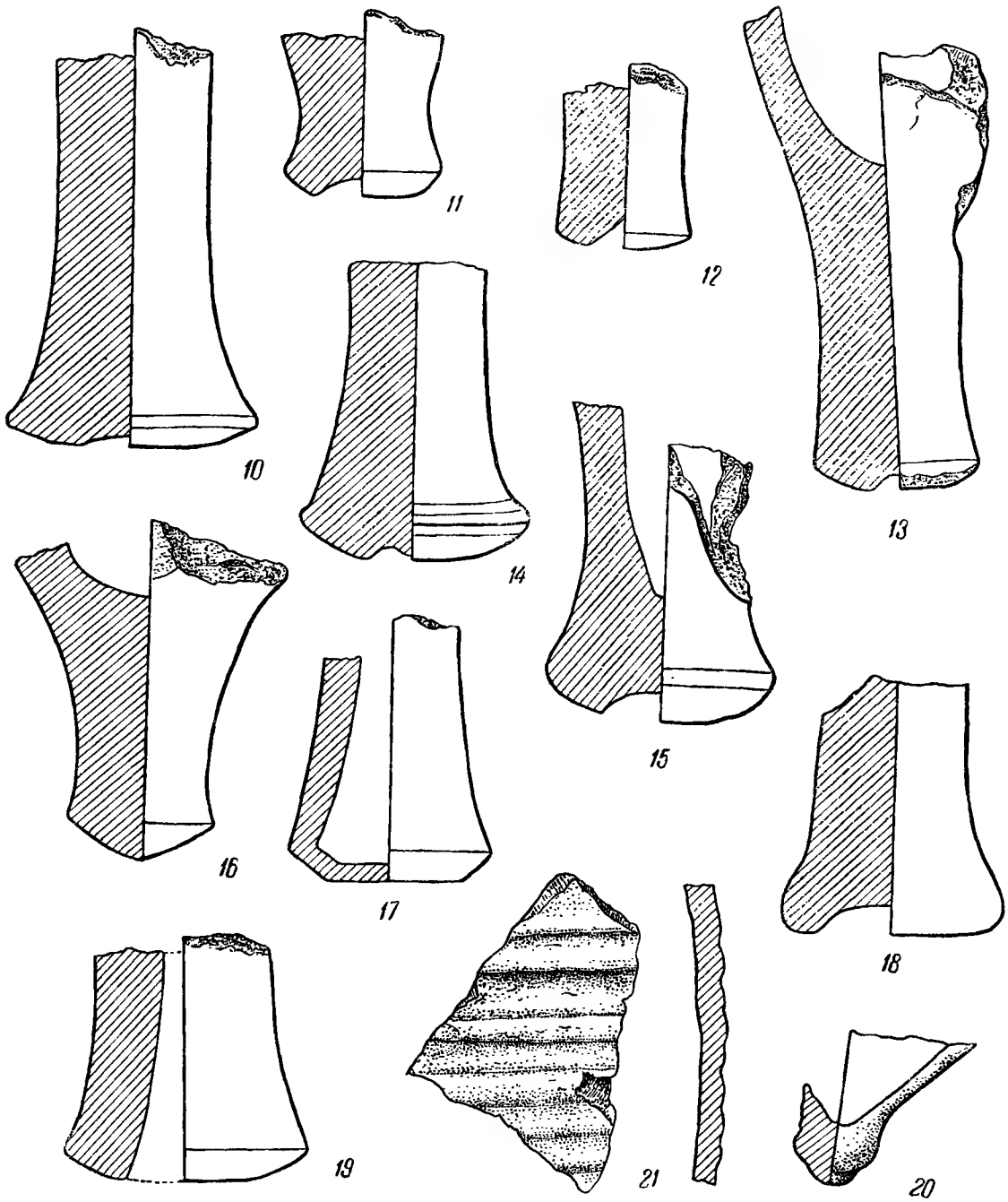
Таблица VII



Фрагменты амфор

1а—1в — разрезы бортиков типа „Солоха I"; *2* — ножка амфоры V—IV вв.; *3* и *4* — то же, боспорских амфор; *5—9* — то же, фасосских амфор;

Таблица VII (продолжение)



Фрагменты амфор

10 — „рюмкообразный" тип; *11–13* — гераклейские типы; *14* и *15* — тип „Солоха II" (?); *16* — синопский тип; *17* — „пустотелая" ножка; *18* — ножка с глубоким каналом; *19* — косской (?) тип; *20* — почти пустотелая ножка с туповатым выпуклым концом; *21* — реберчатая стенка. (Все около 1/2 н. в.)

отношении, а лишь приблизительное. Тысячи обломков стенок и горлышек указывают на еще более широкое распространение амфор в быту, чем можно судить по одним ножкам. Есть, например, такой случай: обломки бортиков амфор типа, встреченного при центральном погребении кургана Солоха, были найдены почти во всех раскопах 1940, 1949 и 1950 гг., а ножек и 1 и 2-го типов — всего две, и не очень характерные. При этом бортики и более выраженные, и кажущиеся результатом позднейшего их развития встречаются вместе, например, в раскопе VI, в квадрате 10, штык 3 (табл. VII, *1а—1в*). Правильная хронологическая схема, данная И. Б. Зеест, встречается на материале Каменского городища с некоторыми изменениями и дополнениями, в соответствии с другим районом греко-скифских связей.

Как и во всем остальном материале, Каменское городище и в смысле амфорного комплекса начинается не раньше конца V в. до н. э.: в нем полностью отсутствуют пухлогорлые хиосские амфоры [1]. Есть только две-три ножки сходных амфор, несомненно, конца V в. — начала IV в. (табл. VII, *2*; 1950 г., № 1289) [2]. Я уже отмечал наличие во многих раскопах типа амфор, названного И. Б. Зеест «первым солохинским» [3]. Уже по находке амфор этого типа при центральном погребении Солохи, с одной стороны, и в Зеленском кургане, — с другой, диапазон их существования определяется с конца V в. и вплоть до начала III в. до н. э., с изменениями в форме, но, как мы видели выше, несомненно, существовавшими одновременно. Встречается и группа амфор боспорского (по Зеест) происхождения, также IV и III вв. до н. э., на которых в какой-то степени отразились влияния и хиосско-солохинского, и фасосского типов (табл. VII, *3* и *4*; 1950 г., № 709 и 1940 г. п. м.). Их, впрочем, не очень много; найдено всего около трех-четырех десятков ножек, особенно в раскопах IX и X 1949 и 1950 гг. [4] Все типы амфор, кроме шестого типа, отмеченные И. Б. Зеест для Фасоса IV—III вв. до н. э., у нас налицо; их найдено, считая по ножкам, до трех десятков (табл. VII, *5—9*; 1950 г., IX) [1]. Тип шестой их, по вероятному мнению И. Б. Зеест, в какой-то мере подражает синопским амфорам III века до н. э.[2]

К числу подражающих фасосским типам IV—III вв. до н. э. следует отнести еще амфоры с так называемой рюмкообразной ножкой, глина которых содержит много песка с кварцевыми окатанными комочками (табл. VII, *10*; 1950 г., № 189). Поддон их уплощен от краев к середине и имеет в центре небольшое округленное углубление [3]. Эта группа распространена почти так же, как фасосская: найдены 22 ножки. Из числа обычных, по Зеест, типов встречены варианты колпачковых ножек (плохой сохранности, всего 2) [4]; очень часты гераклейские всех типов (до 40 ножек; табл. VII, *11- 13;* 1950 г., IX), кроме подражающих Фасосу.

Особенно распространенными являются амфоры, высокая ножка которых очень близка и фасосским, и боспорским, и даже к рюмкообразной форме, но имеет свои существенные отличия. У этих амфор ножка внизу сильно расширена, образует широкий выпуклый поясок, от него вниз поддон ножки — покатый, низкий конус, имеющий в середине мелкое углубление в $^1/_3$ диаметра пояска; часто эта ямка округлена, но порой имеет в середине умбонообразную выпуклость. Глина ее оранжевато-коричневого цвета с примесью мелкого песка, содержащего большое количество слюды и беловатые крупинки мергеля (?). Этот тип мне кажется близким к типу амфор, встреченных в боковом погребении Солохи. Сужу о них по рисунку И. Б. Зеест и изданию А. П. Манцевич [5]. Рисунок ножки, приводимый здесь, кажется мне наиболее типичным (табл. VII, *14* и *15;* 1950 г., IX, $\frac{14а}{4}$ и $\frac{19д}{7}$). Я отношу эти амфоры, пока что условно, к какому-то дорическому причерноморскому городу (Византий), так как опубликованные А. П. Манцевич знаки краской на горлах этих амфор

[1] Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 127, рис. 29, *1* и И. Б. Зеест. К вопросу о внутренней торговле..., рис. 1, *1*.

[2] Т. Н. Книпович. Ук. соч., рис. 1, 2. В 1952 г. была найдена среди подъемного материала одна ножка хиосской амфоры конца V в. до н. э. по И. Б. Зеест — Ук. соч., рис. 1, *1*.

[3] И. Б. Зеест. Ук. соч., рис. 2, *3*.

[4] Там же, рис. 2, *2* и *4*.

[1] Там же, рис. 3, *1—5*.

[2] Там же, стр. 122.

[3] Там же, рис. 2, *6* и стр. 116.

[4] Там же, рис. 2, *5*.

[5] И. Б. Зеест. О типах гераклейских амфор...; А. Манцевич. Амфоры Солохи. Сообщения Гос. Эрмитажа, Л., 1947, вып. IV, стр. 4, рис. 3.

передают, между прочим, буквы мегарско-коринфского алфавита. Ножек таких амфор встречено до 60 экземпляров, т. е. на 3—4 другие ножки приходится по одной такой. Не особенно много синопских амфор. По крайней мере за все время их найдено не более двух-трех десятков, хотя клейма их и встречаются. Ножки синопских амфор есть в слоях IV и III вв. до н. э. В раскопе IX 1950 г. $\left(\frac{18а}{4}\right)$ были найдены три такие ножки сразу на одном уровне (табл. VII, *16*).

Своеобразно напоминают по глине синопские амфоры особые пустотелые ножки, на Боспоре пока не известные, очертания которых имеют нечто общее с фасосскими, но по большей части у них низ плоский, только одна из них имеет небольшое углубление. Глина их содержит очень много черных туфовых включений. Наряду с этими ножками встречаются совершенно такие же, глина которых напоминает фасосскую по множеству блесток слюды, но и туфовые включения, хотя бы одиночные, в ней все же есть. Число тех и других невелико — всего 11; четыре из них по глине напоминают синопские, семь — фасосские. Полную форму таких амфор представить себе трудно. Но сходство этих ножек по форме поразительно (табл. VII, *17;* 1950 г., № 1530). Это заставляет считать их одновременными. В стратиграфически ясных условиях они встречены в мелком слое раскопа I 1938 г.; в раскопе IX они обе обнаружены с упоминавшимися синопскими ножками в кв. 17 и 18, в штыках 4 и 5. В грубых чертах это указывает для них хронологические рамки от второй половины IV в. до рубежа II в. до н. э. Не очень выразительные, плохой сохранности, ножки херсонесских (по Зеест) амфор найдены в числе около 10 (табл. VII, *18*; 1949 г., V, $\frac{1}{3}$, № 314); есть в ограниченном числе и клейма этого города.

Из стоящих особняком амфорных ножек отмечу 4 экземпляра (три из раскопа I 1938 г.), по глине отчасти напоминающие Фасос, но содержащие, наряду со слюдою, белые крупинки и резко отличающиеся большим и узким коническим углублением, достигающим 12—14 см. Этот тип у И. Б. Зеест отсутствует (табл. VII, *19;* 1950 г., IX, № 1422).

Особняком стоит также очень толстая ножка амфоры из небольшой ямы в раскопе II 1938 г. В ее глине содержится очень много туфа, углубление же имеет странную форму — углубление меньше наверху (1938 г., II, яма 3—1, № 196).

В общих чертах совершенно ясно, что Каменское городище отражало общую судьбу Приднепровья в отношении импорта вина. Его ввозили много, в основном из тех же центров, что и на Боспор. Но типы «Солоха I» и «Солоха II», пустотелые ножки двух сортов глины, малое количество импорта из Синопы и некоторые из последних в нашем перечне типов — представляют собою отличия вполне ощутимые, и их вероятного объяснения нужно, думается, искать в Ольвии. Частично отличие отражается еще и в почти полном отсутствии косского импорта: за все время среди подъемного материала оказались три двуствольные, собственно косские ручки III в. до н. э.: две изогнуты округленно, одна — под углом в духе родосских. Только один раз в мусорной свалке было встречено основание косской ручки (1940 г., III, $\frac{9}{3}$, № 255).

Клейма на остродонных винных амфорах — явление на Каменских кучугурах весьма обыкновенное. Часть из них была собрана сотрудниками музея на поверхности дюнных выдувов за время с 1928 по 1937 г. Ниже в списке они обозначены словами «сборы музея». С 1938 г. по 1950 г. они поступали из систематических раскопок. При них приводятся указания места находки по дневникам и описям. Расположены эти клейма в произвольном порядке известных центров, при общей нумерации по алфавиту в каждой группе.

Фасосские клейма

1. Клеймо на ручке амфоры. Сборы Никопольского музея в 1928 г.

Ἀριστο.
Θασίων.

275—200 гг. до н. э.

2. Клеймо круглое, на верхней части ручки амфоры, найдено в 1940 г. в раскопе V (табл. VIII, *1;* $\frac{6}{5}$, № 388).

В кружке голова бородатого Сатира вправо; по краю клейма перед лицом, нижней частью букв к лицу очень мелко: Σα[τ]ύρου. Рядом справа половина меньшего круглого, совершенно стершегося клейма, которое, несомненно, читалось: [ἐπὶ Σατύρου].

Таких клейм очень много; ср. IPE, III[1] — в числе 45 экземпляров. Оно по всем признакам относится к 350—325 гг. до н. э.

3. Клеймо на ручке амфоры. Сборы Никопольского музея[2] в 1928 г.

. . . . ν . . . .
Θασίων.

Клейма этого типа относятся к последним трем четвертям III в. до н. э.

4. Клеймо на ручке амфоры. Сборы музея в 1932 г. Высокий кратер с волютными ручками.

От надписей по трем сторонам надписи следов не сохранилось. Вероятно — начало III в. до н. э.

5. Клеймо на горле амфоры. Сборы музея 1931 г. Надпись не поддается прочтению.

6. Клеймо на фрагменте ручки амфоры. Оно неясно; читается Θασίων. В правой части — изображение лиры. Найдено в 1940 г. Раскоп V, $\frac{6}{7}$, № 383.

Гераклейские клейма (все вдавленные)

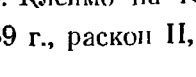
Те из них, в которых сохранилось только второе имя, поставлены все же по его началу в алфавитный порядок.

7. Клеймо на горле амфоры. Найдено в 1949 г. в раскопе VI, $\frac{19}{2}$, № 845.

Λιγεύς.
ἐπ'|Εὐκ|λε|ῦς.

Клеймо 1-й группы, но из последней четверти IV в. или даже начала III в. до н. э.

8. Клеймо на горле амфоры. Найдено в 1939 г., раскоп II, $\frac{7а}{3}$, № 144.



'Λ|πολλώ|νιος(?)
'Λμφίτα|ς.

По шрифту это клеймо должно относиться к рубежу IV—III вв. до н. э. В IPE, III — 2 экземпляра.

9. Клеймо на горле амфоры. Сборы музея. Точнее неизвестно.

Βοτάχο(υ).
Σκύθα.

Клеймо явно рубежа IV—III вв. до н. э.

10. Клеймо на горле амфоры. Найдено в 1938 г., раскоп I, $\frac{27}{1}$, № 129.

'Ετύ
μου.

Относится к первой половине III в. до н. э. В IPE, III — 7 экземпляров. Есть в Александровском кургане.

11. Клеймо на горле амфоры.

Ἡρακλέ|ος(sic!)
'Επ . . . . .

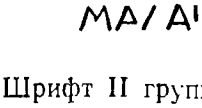
Найдено в 1940 г., раскоп V, $\frac{2}{3}$, № 320. Конец IV в. до н. э.

12. Клеймо на горле амфоры. Найдено в 1940 г., раскоп I, $\frac{3}{1}$, № 7.

Θε|οτένεος.
Κρ|ωμ(ίτης).

В IPE, III — 1 экземпляр.

13. Клеймо на горле амфоры. Найдено в 1950 г., раскоп IX, $\frac{19г}{4}$, № 932.



. . . . . .
Μ|αλ|αχοῦ.

Шрифт II группы; первая половина III в. до н. э.

[1] Сокращение IPE, III здесь и в дальнейшем обозначает рукопись в архиве ИИМК, являющуюся неизданным третьим томом IPE.

[2] В дальнейшем — сокращенно «Сборы музея».

Таблица VIII

Надписи и монеты

1 — клеймо фасосское № 2; *2* — синопское клеймо № 21; *3* — граффити на дне килика; *4* — монета Гестиеи № 1; *5* — монета Александра Великого № 2; *6* — монета Тиры № 4; *7* — монета Пантикапея № 9; *8* — то же № 11; *9* — денарий Адриана № 16; *10* — гераклейское клеймо № 15. (Все в н. в.)

14. Клеймо на горле амфоры. Найдено в 1949 г., раскоп I, $\frac{4}{4}$, № 43.

ΟΚΑ< . . . . όχας.
<ΟΣ Μαλα|χός(?).

Шрифт конца IV в. и начала III в. до н. э.

15. Клеймо на горле амфоры. Найдено в 1949 г., раскоп I, $\frac{7}{6}$, № 233 (табл. VIII, *10*).

ΣΑΜ Σάρ.
ΥΟΣ υος.

В IPE, III такого клейма нет.

16. Клеймо на горле амфоры. Найдено в 1940 г., раскоп III, $\frac{9}{3}$, № 292.

Γ Ἐ . . . . . .
ΣΩ Σω|τῆρος.

По характеру письма — III хронологической группы, т. е. второй половины IV в. до н. э.

17. Клеймо на горле почти целой амфоры. Найдено в 1949 г., раскоп I, $\frac{11}{5}$, № 116. Буквы слабо утолщены на концах.

- - - -Κ- - - - . . χ . . . .

Относится к первой половине III в. до н. э. С амфорою найдена раздавленная ее падением глиняная стопочка (табл. III, *3*).

18. Клеймо на горле амфоры. Найдено в 1939 г., раскоп II, $\frac{66}{5}$, № 126.

– – – – – – . . . . . .
– – –Ο– – . . . ο . . . .
– – –ΠΟΥ . . π|που.

Письмо первой половины III в. до н. э.

Синопские клейма

Основным здесь является алфавит по именам астиномов. Но в тех клеймах, где есть только имя гончара, ввиду малочисленности клейм, они идут в общем алфавите с астиномами.

19. Клеймо на ручке амфоры. Сборы музея.

ΑΙΣΧΙΝΟ Αἰσχίνο(υ)
ΑΣΤΥΝΟ *Венок* ἀστυνό(μου).
ΦΙΛΟΚΡΑ Φιλοκρά(τη)ς).

Вторая половина IV в. до н. э. В IPE, III 10 экземпляров.

20. Клеймо на фрагменте ручки амфоры. Найдено в 1940 г., раскоп I, $\frac{14}{3}$, № 117.

ΟΛ ΟΔΩΡΟ *Лист.* *Тирс вертикально* Ἀπ|ο(λ)λοδώρο(υ).
ΝΟ ἀστυ|νό(μου)
ΥΣΙΟ *Гроздь.* Διον|υσίο(υ).

В IPE, III — 1 экземпляр. По моей классификации — II хронологической группы; по изяществу исполнения напоминает родосское письмо конца III в. до н. э.

21. Клеймо на ручке амфоры. Найдено в 1940 г., раскоп V, $\frac{3}{3}$, № 333 (табл. VIII, *2*).

ΜΙΟΣΛΟ *Орел на дельфине влево* Μίος.
ΕΠΙΑΠΟΛ ἐπὶ Ἀπολλο-
ΛΩΔΣΤΥ διώ(ρου) ἀστυ(νόμου).

Думаю, что покойный Е. М. Придик (Эрмитажный каталог, № 403) неверно читал первое имя, как Μιοσλο (?), в чем я следовал за ним [1]. Клеймо содержит ряд ошибок. Первое имя принадлежит керамевсу; оно — новое; λο в конце первой строчки — вставка пропущенного сначала резчиком слога в имени астинома Аполлодора. Клеймо, несомненно, третьей четверти IV в. до н. э.[2] В IPE, III — 2 экземпляра.

22. Клеймо на фрагменте ручки амфоры. Найдено в 1940 г., раскоп I, $\frac{5}{1}$, № 30. Буквы с концевыми чертами.

ΔΙΟΝΥΣ Διονυσί[ου
ΚΕΡΑΜΕ κεραμέ[ως.

[1] Б. Граков. Древнегреческие керамические клейма..., стр. 118.
[2] Там же, стр. 118 и 119.

В IPE, III такого клейма нет. По моей классификации — начало III хронологической группы, после 220 г.

23. Клеймо на ручке амфоры. Найдено в 1950 г., раскоп IX, $\frac{18\text{и}}{\text{вост.}}$, № 1373.

ΑΙΞΤΙΟΥΤΟΥ *Гроздь*	[Ἀφ]αιστίου τοῦ
ΞΕΙΔΩΝΙΟΥ *Гроздь*	Πο[σειδωνίου
ΑΡ ΕΩΞ	χερ[αμέως.

В IPE, III - 11 экземпляров. Принадлежит последней четверти III в. до н. э.

24. Клеймо на ручке амфоры. Сборы музея.

ΜΝΗΞ	Μνησι[κλέους
ΑΞΤΥΝΟΜΟ	ἀστυνόμο[υ.

Рубеж III и II вв. до н. э. В IPE, III — 5 экземпляров.

25. Клеймо на обломке ручки амфоры. Найдено в 1949 г., раскоп VI, $\frac{7}{1}$, № 698.

ΑΜΕΩΞ	*Колос.*	Κερ[αμέως
ΞΙΔΩΝΙΟΥ	*Лист или гроздь*	Πο[σειδωνίου
ΤΟΥΝΕΥΜΗΝΙΟ		τοῦ Νευμηνίο(υ).

Весьма обычное клеймо III группы по моей классификации.

В IPE, III — 4 экземпляра. Мелкий и изящный шрифт живо напоминает родосское письмо конца III в. до н. э. Скорее, относится к началу группы, так как во II группе есть гончар Νουμήνι(ος) Πο(σειδωνίου), — может быть, его отец.

26. Клеймо на ручке амфоры. Найдено в 1938 г., раскоп I, $\frac{27}{4}$, № 129. Одного штемпеля с № 25.

Κεραμ[έως
Ποσιδων[ίου
τοῦ Νευμη[νίο(υ)

Ср. № 25, там же см. о времени этих клейм.

27. Клеймо на ручке амфоры. Сборы музея.

---ΟΞ	. . . ος.

28. Клеймо на ручке амфоры. Сборы музея.

----Ξ	. . . . . ς
---ΝΟΜΟ	ἀστυ[νόμο(υ).

Середина III в. до н. э.

29. Клеймо на ручке амфоры. Сборы музея.

---Ξ	. . . ς
-ΤΟΥ	. . . του
--- *Кувшин*	. . .

Конец III в. — начало II в. до н. э.

30. Клеймо на ручке амфоры. Сборы музея.

---Ω--	. . . ω . . . .
--ΥΝ--	ἀστ[υν]όμου.

31. Клеймо на ручке амфоры. Сборы музея в 1931 г. Гроздь, под ней канфар. Надпись, шедшая вокруг, не сохранилась. Начало III в. до н. э.

32. Клеймо на ручке амфоры. Сборы музея. Не читается. Прямоугольное.

33. Клеймо правильной удлиненно-прямоугольной формы на горле амфоры. По составу глины и профилю бортика амфоры — синопское. Найдено в 1949 г., раскоп I, $\frac{1}{4}$, № 30. Надпись совсем не читается.

Херсонесские клейма

Расположены в порядке имен астиномов.

34. Клеймо на ручке амфоры. Сборы музея.

ΑΟΑΝΟΔΩΡΟΥ	Ἀθανοδώρου
ΙΟΥΝΙΚΕΑ	τοῦ Νικέα
ΑΞΤ	ἀστ[υνόμου(?),

III в. до н. э.

35. Клеймо на ручке амфоры. Найдено в 1949 г., раскоп X, $\frac{5}{6}$, № 1504.

--ΛΛΟΔΩΡΟΥ	Ἀπο]λλοδώρου
ΥΝΙΚΕΑΑΞ	το]ῦ Νικέα ἀσ-
ΤΥΝΟΜΟΥΝΤΟΣ	τυνομοῦντος.

Довольно обычное имя. В IPE, III — 5 экземпляров. По шрифту я склонен отнести это клеймо к половине III века до н. э.

36. Клеймо на ручке амфоры. Сборы музея в 1931 г.

῾Η[ρ]οξέν[ου ἀστυνόμου.

Ср. ниже клейма № 37—40. В IPE, III — 32 экземпляра.

37. Клеймо на обломке ручки амфоры. Найдено в 1950 г., раскоп IX, $\frac{8x}{3}$, № 265.

῾Προ[ξένου ἀστυνόμου.

Часто встречается. По шрифту — конец III в. до н. э.

38. Клеймо на ручке амфоры. Сборы музея.

῾Προξ[ένου ἀστυ[νόμου.

39. Клеймо на ручке амфоры. Сборы музея.

῾Προξ[ένου ἀστυ[νόμου.

40. Клеймо на ручке амфоры. Сборы музея.

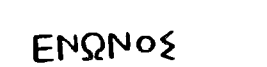
῾Προ[ξένου ἀσ[τυνόμου.

41. Клеймо на ручке амфоры. Сборы музея.

Θεοκλέος ἀσ(τυνόμου) Ἀ]πολλωνίδα.

Конец III в. до н. э.

42. Клеймо на ручке амфоры. Сборы музея в 1928 г.



Μ]ένωνος ἀστυνό(μου).

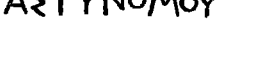
Рубеж III и II вв. до н. э.

43. Клеймо на ручке амфоры. Сборы музея в 1937 г.

Μέ]νωνος ἀσ]τυνόμ[ου.

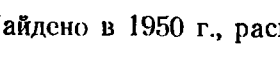
См. выше.

44. Клеймо на ручке амфоры. Сборы музея в 1931 г.



. . . . κλέος ἀστυν]όμ[ο]υ.

45. Клеймо на ручке амфоры. Сборы музея.



. . . . ος ἀστυνό]μο[υ.

Шрифт самого конца III в. до н. э.

Клейма неизвестных центров составляют 25 экземпляров из числа всех найденных. Это, конечно, совершенно случайно: ни в одном большом собрании они не составляют сколько-нибудь серьезного процента. Существенную группу создают клейма, где в кружках или небольших квадратах находится одна буква. Многие из них, судя по глине, могли бы быть боспорскими. Однако разрешить этот вопрос не так уж просто: красная глина с известковыми белыми крупинками и малым числом блесток слюды очень распространена у разных по форме амфор. По существу, предположение И. Б. Зеест об отнесении части амфор к Боспору по глине очень вероятно, но все же не доказано. В этом отношении очень интересны круглые клейма № 49—51. Все они сделаны одним штемпелем, но у двух из них глина по цвету и изобилию слюды ближайшим образом напоминает фасосскую, а у одного — боспорскую. № 58 близок манере гераклейских гончаров и, как добавочный штемпель, имеется у некоторых клейм самой Гераклеи на горлышках[1]. Указания на предполагаемые места производства даны при самих клеймах.

46. Клеймо на ручке амфоры вроде фасосской. Сборы музея.

Ἀν

[1] Е. М. Придик. Каталог Эрмитажного собрания, Птг., 1918, стр. 123, № 87—90.

47. Клеймо на ручке амфоры. Сборы музея.

'Λν

См. № 46.

48. Клеймо на ручке амфоры, прямоугольное. Сборы музея в 1931 г. Прочтению не поддается. Вероятно, то же, что № 46.

49. Клеймо на ручке амфоры. Цвет и состав глины очень близки фасосским. Найдено в 1949 г., раскоп VI, $\frac{3}{2}$, № 745.

Δ

В IPE, III — 7 экземпляров. По стратиграфическим данным это клеймо, конечно, не ранее середины III в. до н. э.

50. Клеймо на ручке амфоры.

Δ

51. Клеймо на ручке амфоры, глина вроде фасосской. Найдено в 1949 г., раскоп I, $\frac{2}{5}$, № 227.

Δ

Ср. № 49 и 50. Может быть, боспорские (?).

52. Клеймо на ручке амфоры. Вдавлено. Сборы музея в 1926 г.

'Ε

53. Клеймо на ручке амфоры. Вдавлено. Глина вроде синопской.

Сборы музея в 1931 г.

'Ε

В IPE, III — 6 экземпляров. Ср. № 52.

54. Клеймо на ручке амфоры. Глина вроде синопской. Сборы музея в 1937 г.

'Ε

В IPE, III — 32 экземпляра.

55. Клеймо на ручке амфоры неизвестного происхождения. Сборы музея.

'Ερμο

В круге

Λ

56. Клеймо на ручке боспорской (?) амфоры. Найдено в 1950 г., раскоп IX $\frac{17и}{5}$, № 1187. В оранжевой глине — редкие белые крупинки.

K

Вероятно, III в. до н. э. Ср. № 49—54.

В IPE, III — 7 экземпляров.

57. Клеймо на ручке амфоры. Вдавлено. Почти наверное — гераклейское. Найдено в 1950 г., раскоп IX, $\frac{19}{20}$, № 1405.

Λε

Относится к первой половине III в. до н. э.

58. Клеймо на ручке амфоры. Вдавлено. Сборы музея в 1928 г.

Νι

Может быть — гераклейское, III в. до н. э. (?) В IPE, III — 1 экземпляр.

59. Клеймо на ручке неизвестного происхождения. Сборы музея.

По

. .

Время — рубеж III и II вв. до н. э.

60. Клеймо на ручке амфоры. Вдавлено. Глина, как у амфор с рюмкообразной ножкой. Сборы музея.

См. знак № 61. В IPE, III — 16 экземпляров.

61. Клеймо на ручке амфоры типа «Солоха II». Вдавлено. Сборы музея. Ст. № 60.

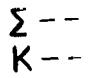
Такие знаки, конечно, вовсе не «сигма» и встречаются с V до III вв. до н. э.

62—63. Клейма на ручках амфор неизвестного происхождения. Сборы музея. Глина грубая, красно-коричневая с множеством блесток слюды.

Σά(μος)

Покойный Н. И. Кивокурцев по буквам ΣΑ, сходным с сокращениями на монетах Самоса, считал эти клейма самосскими IV в. до н. э. Совершенно разделяю его мнение. В IPE, III — 2 экземпляра.

64. Клеймо на боспорской ручке. Сборы музея.



Σ- - -
К- - -

65. Клеймо на ручке неизвестного центра. Найдено в 1950 г., раскоп IX, $\frac{19з}{4}$, № 1003.

Σ . . . .
Μα . . . . .

Характерное письмо первой половины III в., даже, может быть, до 220 г. до н. э.

66. Клеймо на ручке боспорской (?) амфоры. Найдено в 1950 г., раскоп IX, $\frac{18г\text{ и }18а}{\text{бровка}}$.

Время определить по клейму невозможно.

67. Клеймо на ручке амфоры неизвестного происхождения. Сборы музея в 1932 г. Надпись по кругу:

Φιλ|άρ|χ(ου)

В IPE, III такого клейма нет. По глине и форме сходно с колосовидными штемпелями.

68. Клеймо на ручке амфоры. Глина сходна с фасосскою. Сборы музея в 1931 г. Прямоугольное клеймо не поддастся прочтению.

69. Клеймо на сгибе ручки амфоры неизвестного центра. Малое, не читается. Найдено в 1940 г., раскоп V, $\frac{9}{2}$.

70. Клеймо на ручке фасосской или боспорской (?) амфоры в виде малого квадрата. Найдено в 1949 г. среди подъемного материала № 1713а.

Приглядываясь к кругу клейм, найденных на Каменских кучугурах, мы видим, что в целом это все те же центры, клейма которых до конца III в. до н. э. или начала II в. проникали в скифскую среду. Несколько гераклейских клейм найдено в никопольских курганах; синопское клеймо найдено в Чертомлыке и в одном из Серогозских курганов, херсонесское — в Чертомлыцком. Фасосских клейм из курганов нижнего Приднепровья нет, но они есть севернее, под Харьковом. Судить об интенсивности ввоза из того или иного центра по наличным клеймам невозможно. По предыдущему анализу находок амфорных ножек мы видели, что херсонесские и синопские амфоры не очень многочисленны. Клейма как будто говорят другое, но если принять во внимание некоторую случайность нашей цифры и то, что эти 70 клейм[1] приходятся на тысячи обломков шеек и ручек, то ясно, как шатки были бы выводы из этой цифры. Однако есть нечто в клеймах Синопы и Херсонеса с кучугур: большинство из них относится к самому концу существования поселения на кучугурах. К тому же клеймо херсонесского астинома Героксена встречено 5 раз. Это указывает на усиление импорта из этих центров к концу III в. и, несомненно, на ввоз херсонесского вина в год этого астинома в особенно значительном количестве. Вскоре последовало перенесение центра Скифии в Крым и, может быть, Героксен — одно из указаний на постепенное увеличение роли Крыма в торговле и политической жизни степных скифов в это время.

Очень важны хронологические рамки клейм, находимых на кучугурах. Древнейшие из них (Фасос, Синопа и Гераклея) вос-

[1] В 1952 г. найдено около десятка клейм. Они будут включены в работу П. Д. Либерова.

ходят к середине IV в. до н. э., позднейшие — к рубежу III и II вв. Нижняя дата несколько выше действительной, верхняя — уточняется в том смысле, что жизнь на кучугурах окончательно замерла между 200 и 180 гг. до н. э., может быть, впрочем, и несколько раньше. Таким образом, дата, выводимая на основании ряда соображений, приобретает особенно прочные основания. Из 70 клейм: фасосских 6, гераклейских — 12, синопских — 15, херсонесских — 12; среди 25 неопределенных есть предполагаемые боспорские и самосские клейма.

Клейма в общем отражают часть того импорта, который можно установить по общей массе греческой керамики, особенно остродонных амфор. Но все же есть среди них одно клеймо, для которого среди амфорного боя не выделяется определенных типов горлышек и ножек. Это — круглое клеймо № 66 с именем Филарха. Кирпично-красная глина этой ручки содержит множество золотистых крупинок и совпадает с глиною ручек неизвестного центра, на поверхности которых наносились так называемые колосовидные клейма, принадлежавшие какому-то неизвестному черноморскому центру.

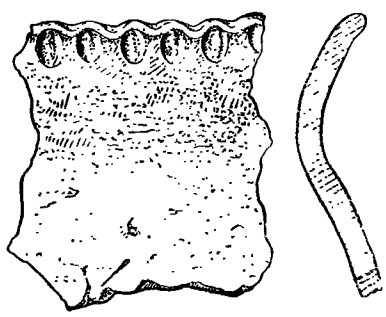
3. МЕСТНАЯ И АНТИЧНАЯ КЕРАМИКА ИЗ АКРОПОЛЯ

Местная или, во всяком случае, неимпортная посуда акрополя разнообразнее, чем в кучугурской части городища. Но это разнообразие несравненно труднее поддается систематизации, так как хронологический размах ее шире, а состояние наслоений в трех небольших раскопах очень плохое. Действительно, отдельные черполаковые или краснолаковые черепки попадаются и в верхних пластах, и в нижних. Их малочисленность не позволяет установить, является ли эта путаница случайной или сплошной. Однако преобладание позднеклассических и раннеэллинистических амфор, таких же, как и на кучугурской части городища, говорит за длительность совместного сосуществования акрополя и его местной посуды с ремесленным городом и его керамикой.

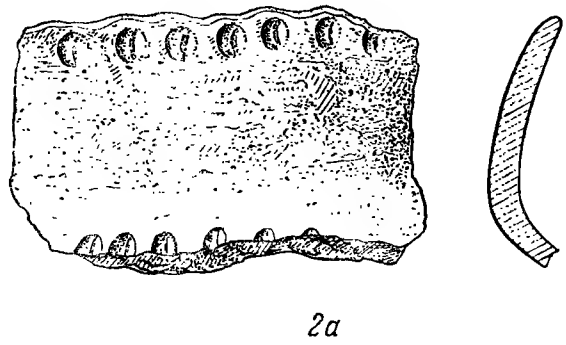
На всей площади небольших раскопов 1945 и 1946 гг. мы столкнулись только с одной ямой от старого фруктового дерева и совсем не обнаружили виноградных траншей. Недавнее, со времени образования русского села, повреждение не заходит явно глубже 20—30 см, т. е. ниже уровня огородного вскапывания. Следовательно, нарушение слоев и перепутанность в них керамики восходит еще к древнему времени. Остается поэтому только один путь: выделить из этой массы все то, что одновременно керамике с кучугур или столь близко к ней по времени, что нет существенных различий. Остальное по необходимости должно относиться к более позднему времени, но едва ли с полным успехом может быть расчленено хронологически. Этому помогли бы материалы того же характера из поздних слоев Ольвии, но ознакомиться с ними достаточно полно мы не сумели. Соответствующей их обработки в ольвийской экспедиции до сих пор еще нет. Отдаленные аналоги с Донской дельты, впрочем, несколько помогают и здесь. Но все это недостаточно, а самая стратиграфия акрополя, как мы видели, не дает прочных оснований деления.

При подробном пересмотре простой лепной посуды оказывается, что и здесь решительно преобладают три первых типа кучугурской керамики (табл. IX, *1, 2а, 2б, 3;* 1946 г., № 407, 91, 96, 441). Но при этом примеси к ее тесту различны: наряду с песком и небольшим количеством дресвы есть примесь в виде то мелко толченого ракушечника, то довольно больших его кусочков; есть фрагменты с большим количеством мелкого шамота. Немало случаев очень небрежного отношения к примесям: они словно случайны, как будто к ним стали относиться небрежнее. Наряду с мелким шамотом нередки случаи попадания в тесто довольно крупных обломочков. При этом бывает, что в лепном сосуде обычной фактуры и формы вдруг попадается кусочек лощеного сосуда корчеватовской выделки. Конечно, могло быть, что эти отличия зависели от иных источников примесей в акрополе, чем на кучугурах. Но более вероятным представлялось при сходстве форм, что эта ракушечниковая примесь и ухудшение фактуры простой керамики отражают хронологическое изменение. Это оказалось вполне ощутительно при стратиграфическом сличении. Фрагменты с ракушечником обычно попадаются во 2 и 3-м штыках, реже — в 4-м, фрагменты с обычными примесями — с 4 и до 5-го штыка включительно. Конечно, кое-где это

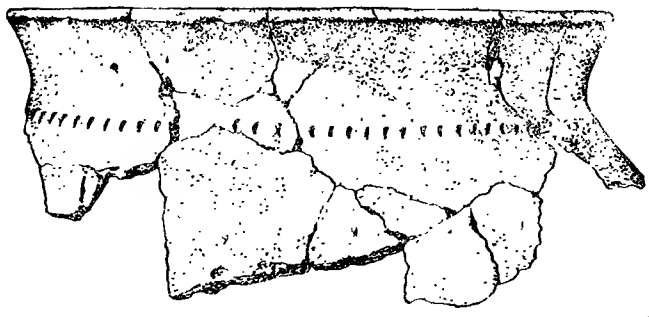
Таблица IX



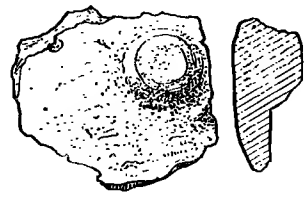
1



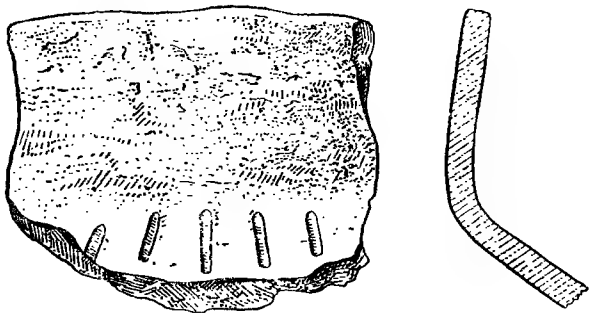
2а



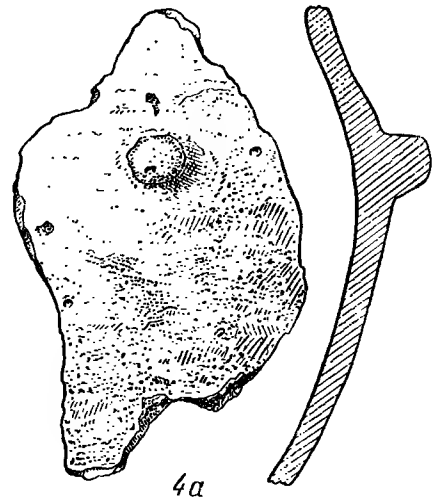
2б



4б



3

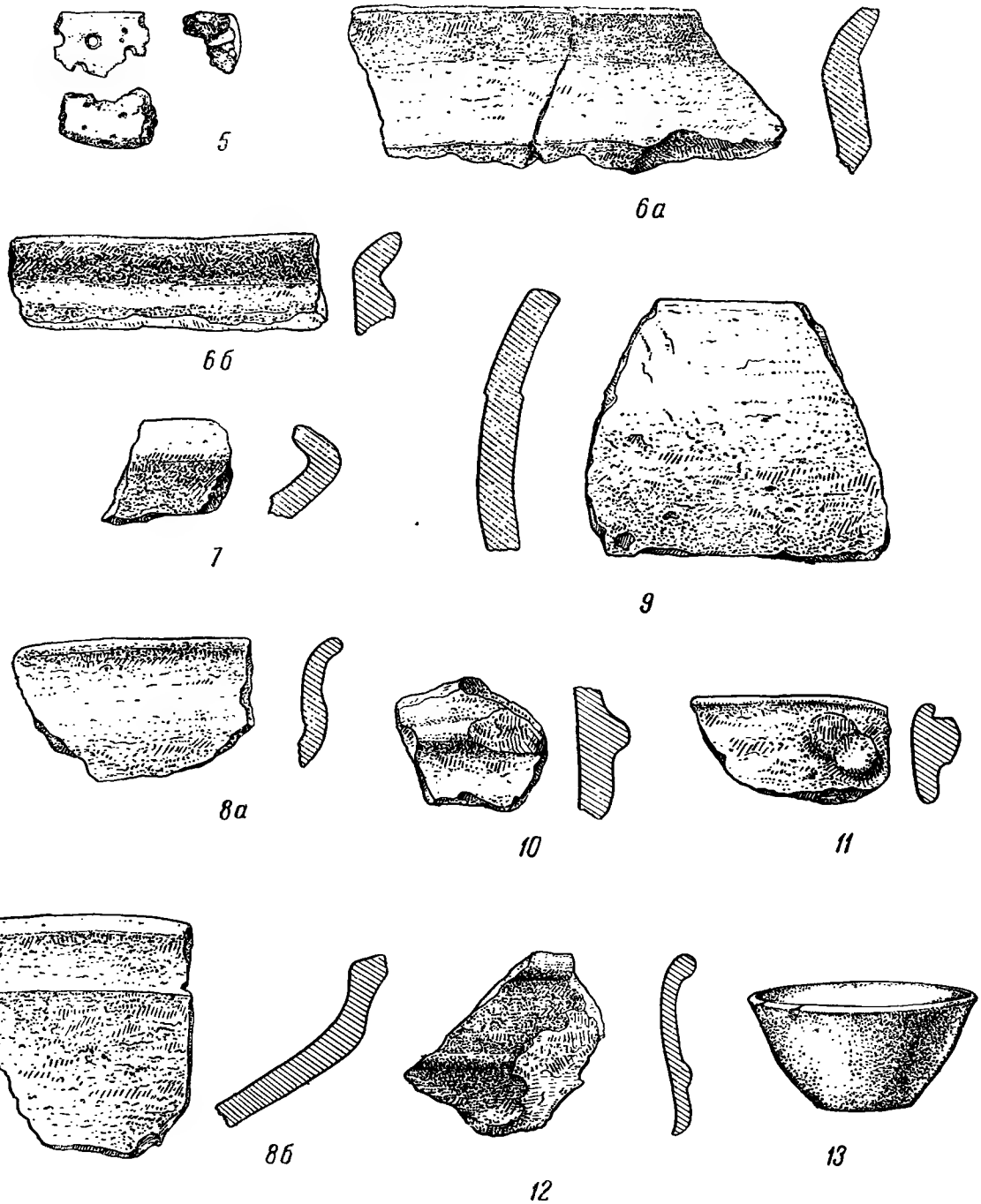


4а

Керамика с акрополя

1—4 — лепная простая;

Таблица IX (продолжение)



Керамика с акрополя

5 — лепная простая; *6–11* — лепная лощеная; *12* — лощеная круговая; *13* — миска из грунтового некрополя (там же). (Все вещи — $^1/_2$ н. в.)

нарушено перекопкою, но не в такой степени, чтобы мешало убедиться в хронологическом значении появления новых примесей.

К этому присоединяется еще одно явление. Оно заключается в возникновении чуть ниже границы плечика усеченно-конических крупных выступов, сверху придавленных пальцем. Эти выступы, совершенно отсутствующие на кучугурской посуде, имеются лишь на сосудах с большой примесью шамота, иногда грубого. На сосудах с последними примесями орнамент становится беднее, не меняясь по существу. Налепной широкий и округленный валик исчезает совершенно. Единично на плечиках попадается очень узкий и низкий валик, иногда острый по гребешку.

Таким образом, сначала на акрополе господствуют три первых типа кучугурской посуды. Некоторые из экземпляров, совершенно сходных с ними, относятся, очевидно, к позднейшему времени. Точное разграничение здесь немыслимо. Безусловно, к более позднему времени относятся те из сосудов этих же типов, которые имеют в массе указанные выше примеси: крупный шамот или ракушечник. Первый тип по классификации Т. Н. Книпович все так же редок. Совершенно отсутствует четвертый тип горшков кучугурского времени. Зато появляется новый тип (табл. IX, *4а, 4б*; 1945 г., № 360 и 361), от него, может быть, зависящий. Именно исключительно на этих сосудах нового типа отмечаются приплюснутые сверху конические выступы. Шейки у них прямые, плечики очень покатые, менее округленные, на краю сохраняются еще обычные ямочные орнаменты.

Много чаще, чем на кучугурах, встречаются миски, все с той же самою примесью ракушечника. Но все же они сильно отстают количественно от горшков.

Продолжают жить все те же плоские крышки. В них не происходит существенных изменений, но они как будто более стандартны в отношении размера, так как имеют преимущественно диаметр 16—17 см.

Встречены три ручки лепных кувшинов, одна — овального разреза и две желобчатые. В двух из них — примеси с ракушечником, но только одна из них, имеющая желобчатый разрез из трех продольных валиков и двух желобков, близко напоминает подобные же ручки кувшинов II в. н. э.

Своеобразен низкий конический пустотелый поддон, вероятно, от кубка на ножке; такие встречаются нередко в городищах нижнего Днепра римского времени. В нем также заметна ракушечниковая примесь.

Особое место занимает небольшой обломочек глиняного решета или цедилки, найденный в 1945 г. (табл. IX, *5*; I, $\frac{7}{3}$, № 80). Он имел четырехугольную форму, отличный обжиг, отверстия были проткнуты снаружи. Подобная же вещь найдена и на кучугурах (табл. V, *8*).

Особняком стоит лощеная, но также лепная посуда. Ее хронологические рамки не совпадают с хронологическими рамками кучугурской посуды. За редкими исключениями, кроме особо нарушенных случаев стратиграфии, она находится только в слоях от 20 до 60 см глубины. Ее отношение к общему количеству лепной керамики акрополя составляет 7,3%, к керамике верхних слоев — до 16%. Таким образом, она не представляет собой основной массы местной посуды, а сохраняет лишь характер более дорогой посуды на фоне сильных переживаний старой скифской традиции. Рассматриваемая керамика не связана происхождением ни с одной формой кучугурского времени. Она имеет тщательно лощеную черную поверхность, причем чаще залощены обе поверхности, так как преобладают открытые сосуды. Примесь — мелкий песок и тщательно измельченный красный шамот.

1-й тип — миски двустороннего черного или розовато-коричневого лощения; острое ребро отделяет горло от нижней части. Далее стенка идет немного внутрь, и край снова затем отгибается наружу. Этот тип — самый обычный. Имеет диаметр от 11 до 30 см. Всего найдено 29 таких мисок; есть небольшие варианты этого типа (табл. IX, *6а* и *6б*; 1946 г., № 247 и 338).

2-й тип — все то же самое; остроребериые миски, край загнут внутрь. Отмечено всего 4 случая (табл. IX, *7*; 1946 г., № 421).

3-й тип — миски двусторонне-лощеные, черные, со слабо отогнутым наружу краем, чаще без острого ребра. Встречено всего 4 экземпляра диаметром от 12 до 22 см (табл. IX, *8а* и *8б*; 1945 г., № 5 и 1946 г., № 387).

4-й тип — все то же; край миски без ребра и отгиба наружу, горизонтально срезан. От-

мечено всего 2 случая (табл. IX, *9;* 1945 г., № 209).

5-й тип составляют два лепных кубка (табл. IX, *10;* 1946 г., № 265) с вертикальными стенками. Они черноло щеные с обеих сторон, имеют наленной островатый валик. Здесь явно соединение новой и старой традиций. В этом, может быть, отразилось местное исполнение этих сосудов.

6-й тип — черные двусторонние кувшины. Сохранились небольшой край горла одного сосуда с основанием круглой ручки и обломок такой же ручки (табл. IX, *11*; 1945 г., № 157).

Особняком стоят 4 фрагмента донъев, из них три — лощеные с обеих сторон, вероятно, от мисок, и один — лощеный только снаружи, может быть, от горшка. Точнее форма не восстанавливается. Лощение такое же, как у перечисленных выше 6 типов, но цвет совершенно другой — светлокоричневый, почти беж.

Совсем уже особняком стоит край миски или, скорее, глубокого двусторонне-лощеного кубка (табл. IX, *12;* 1946 г., № 374). Его поверхность — серого цвета. Край отогнут наружу. На месте прежнего ребра — выпуклый поясок, которому изнутри ритмически соответствует вдавленная бороздка. Этот одиночный экземпляр выполнен на гончарном круге.

Совершенно очевидно, что вся группа лощеной керамики позднее кучугурских форм. Не менее ясно, что она не имеет никаких местных корней, что она пришлая. Источник ее недалеко. По крайней мере первые три типа мисок и кувшинчик имеют прямые параллели в культуре, где они являются основными, т. е. в зарубинецко-корчеватовской ступени культуры полей погребений. К сожалению, Институтом археологии Академии наук УССР материалы раскопок Корчеватовского могильника до сих пор не опубликованы. В коротенькой заметке автора раскопок И. М. Самойловского [1] о керамике сказано мало, а иллюстрации не характерны. Лишь личное, — впрочем, неполное, — знакомство с керамикой этого могильника еще до войны позволяет нам утверждать тождество ряда форм керамики из могильника с описываемой группой лощеной посуды с акрополя. Больше дает в этом смысле публикация В. В. Хвойко материалов Зарубинецкого могильника [1].

Что касается последнего образца, сделанного уже на гончарном круге, то он относится к мискам позднейшего этапа развития этой культуры, т. е. к черняховской группе. Его параллелей много: это один из обычнейших типов мисок этого этапа [2]. Хронология культуры полей погребений на ее раннем этапе все еще мало разработана. Б. А. Рыбаков относил начало ее (Зарубинецкий могильник) к I—II вв. н. э., несмотря на наличие даже в публикации Хвойко фибул II Латена. Я, конечно, не вдаваясь в разработку в общем чуждого мне вопроса, позволю себе присоединиться к мысли И. М. Самойловского и видеть начало этой ранней ступени еще во II в. до н. э. Косвенным подтверждением этого является то обстоятельство, что на акрополе керамика корчеватовских форм стратиграфически совпадает с описанной выше группой лепной посуды, развивающейся непосредственно из местной, кучугурской. Черепок же миски черняховского типа единичен и совпадает с таковыми из самого Черняховского могильника [3].

Импортная античная посуда отличается от кучугурской в той же степени, как местная и лощеная, т. е., главным образом, тем, что ее хронологические рамки много шире к нашему времени. Остродонные винные амфоры представлены: 1) бортиками и ручками фасосских амфор IV и III вв. до н. э.; 2) гераклейскими фрагментами того же времени; 3) херсонесскими фрагментами III—II вв. до н. э.; 4) обломками собственно косских ручек III и II вв. до н. э. и подражаний им I в. до н. э. — I в. н. э. (те и другие встречены в единичных экземплярах, есть одна ножка); 5) немногими обломками боспорских амфор эпохи эллинизма; 6) очень многими черепками от рюмкообразных амфор; 7) довольно многочисленными обломками синопских амфор всей эпохи эллинизма; 8) также довольно многочисленными

[1] И. Самойловский. Корчеватовский могильник (укр.). «Археологія», Київ, 1947, I, стр. 101 и сл.

[1] В. В. Хвойко. Поля погребений в среднем Приднепровье. ЗРАО, т. XII, вып. 1 и 2, нов. серия, стр. 172 и сл. и табл. XXIII.

[2] В. В. Хвойко. Ук. соч., табл. XXII, рис. 22; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 95, рис. 2; Археологические памятники УССР, т. I, табл. I, рис. 1 к статье Е. В. Махно.

[3] Раскопки Н. Н. Погребовой на акрополе в 1952 г., несомненно, внесут много нового в высказанные здесь соображения.

фрагментами амфор типа, встреченного в погребении «Солоха II»[1]. Кроме упомянутых выше подражаний косским амфорам, — может быть, римского времени, — имеется своеобразная, почти пустотелая ножка амфоры с туповатым выпуклым концом, как у позднекосских, и со сходною с ними глиною (табл. VII, *20;* 1946 г. № 323). С акрополя происходят 4 реберчатые ручки амфор по типам II—III вв. н. э. и несколько таких же реберчатых обломочков стенок (табл. VII, *21;* 1946 г., № 16). Но все же, как и в лепной керамике, решительно преобладают изделия поздней классики, раннего эллинизма и I в. н. э. Фрагменты амфор II и III вв. н. э. очень редки, как единичен и черепок черняховской миски.

Очень бедна чернолаковая и краснолаковая посуда[2]. За оба года раскопок ее встречено всего 7 фрагментов. Но если принять во внимание малую площадь произведенных раскопок, то это уже порядочно. Древнейшим является бортик чернолаковой миски или килика. Черный лак ее и профиль могут относиться к концу IV в. или началу III в. до н. э. (рис. 12, *2;* 1945 г., II, $\frac{3}{4}$, № 200). Небольшой осколок сосуда такого же лака был найден в 1946 г. на дне детского погребения, но отношения к нему он не имел. Еще в 1940 г. был нами поднят краешек мегарского чернолакового кубка. Лак его имеет гра-

[1] Уже упоминалось о находке Н. Н. Погребовой в 1952 г. на акрополе двух родосских клейм II в. до н. э.

[2] Количество той и другой посуды значительно возросло в раскопках Н. Н. Погребовой. Есть несколько обломков «мегарских» чаш с рельефными сценками. Очевидна склонность населения акрополя к этому сорту сосудов.

фитный блеск. Такие же фрагменты были подняты на поверхности в 1946 г. (теперь в Запорожском музее). В 1945 г. мы обнаружили такой фрагмент при раскопках на глубине 40—60 см (рис. 12, *3*; 1945 г., I, $\frac{7}{3}$, № 75). Все они имеют однообразный рельефный орнамент — поясков, чередующихся с каплями, ниже гладкого края. Ко II в. или I в. до н. э. следует отнести край чашки коричневого позднеэллинистического лака (1945 г., II, $\frac{5}{9}$, № 311).

Красный лак сплошной (техника погружения), слегка оранжевого оттенка, встречен дважды в 1946 г. (1946 г., I, $\frac{2}{4}$, № 275 и I, $\frac{2}{4}$, № 312) в потревоженном слое (рис. 12, *4* и *5*), Дата его — рубеж нашей эры. Итак, все показывает, что жизнь здесь продолжалась все кучугурское время и была интенсивна до I в. н. э. включительно. От II—IV вв. н. э. мы пока что имеем только очень слабые намеки. Но в целом сравнение с нижнеднепровскими городищами, изучавшимися Гошкевичем, доказывает однородность керамического материала верхних слоев акрополя с керамикой этих городищ. К сожалению, данные раскопок на нем не позволяют достаточно расчленить лепную посуду II в. до н. э. — I в. н. э. Однако совершенно очевидно, что еще во II—III вв. н. э. здесь керамика типов полей погребений хотя и пользовалась спросом, но еще далеко не сменила прочно державшуюся местную лепную посуду, упорно сохранявшую старые традиционные формы и довольно долго даже орнамент.

ГЛАВА V

ДОМАШНИЕ ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАМЕНСКОГО ГОРОДИЩА

Население Каменского городища оставило немало разных предметов в городском мусоре. Часть этих предметов относится к ремеслам, часть — к домашним хозяйственным занятиям. О некоторых из этих занятий нельзя с полной уверенностью сказать, не приняли ли они уже характера ремесл; другие, несомненно, остались еще просто повседневными домашними занятиями. Таковыми были, по большей части, пряденье и ткачество, земледелие и скотоводство, приготовление пищи и т. п. Вероятно, домашнею работою, стоящею на грани с ремеслом, стало изготовление глиняной посуды. О ней подробно говорилось в главе IV. Но, безусловно, ремеслом являлось восстановление железа из руды, литейное и кузнечное дело и связанные с ними вспомогательные работы по дереву, кости, или работы из дерева, кости, кожи и металла вместе (как, например, повозки и части конского снаряжения от седла до повода и другие подобные вещи), или такие, как комплексное и требующее разных материалов и навыков дело оружейника.

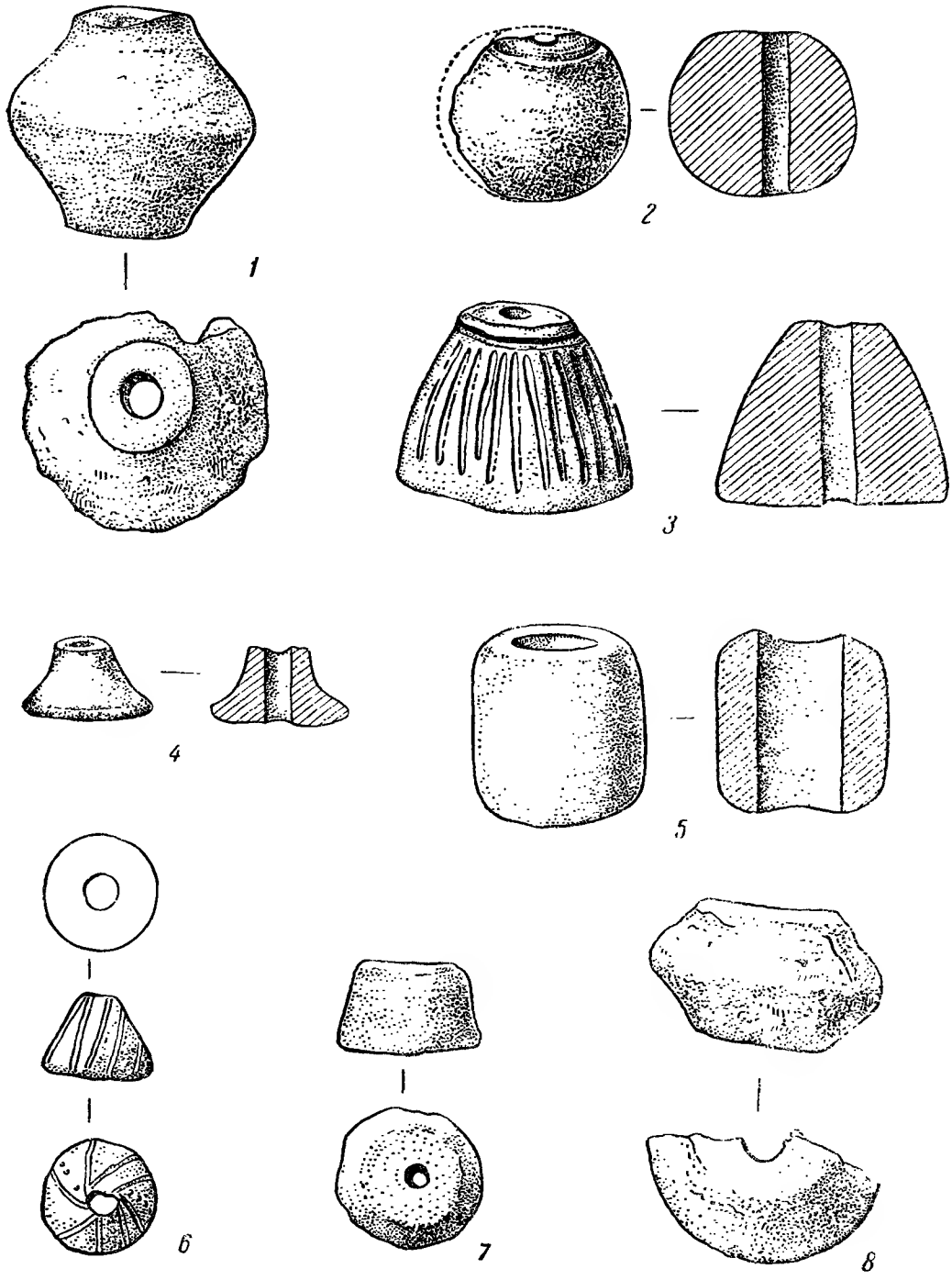
К числу домашних женских работ относились обработка продуктов сельского хозяйства и их переработка. Но данных о последней очень мало. Поэтому мы перенесем их в главу о сельском хозяйстве — по скудости материала самую короткую.

1. ПРЯДЕНИЕ И ТКАЧЕСТВО, ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Пряденье и ткачество были самым привычным трудом женщин Каменского городища. Довольно обычными являются находки пряслиц и на акрополе, и на кучугурах. Пряслица разного материала и разной формы представлены на кучугурах в числе более двадцати, а в небольших раскопках на акрополе в разных слоях их найдено несколько штук — все глиняные. Очевидна привычность этого дела для всех эпох жизни городища. Не следует ли видеть в этом ремесла? Для этого нет, думается, никаких оснований. В женских погребениях лица самого разного социального положения — от рядовых степнячек до погребенных в роскошных уборах спутниц царей — почти все сопровождались пряслицами. Что это именно пряслица, а не что-нибудь другое, явствует из того, что их находили (иногда даже по два) надетыми на веретена или, по крайней мере, с остатком деревянной палочки от веретена внутри. Домашний характер этого вида работы и сосредоточенность его в руках женщин несомненны. Пряслица — молчаливые свидетели прядения и ткачества. Материалом для них служили глина и свинец. Глиняные пряслица, естественно, в 2—2,5 раза больше свинцовых. Диаметр отверстий для веретена — от 4 до 5 мм, независимо от материала пряслиц.

Глиняные пряслица бывают нескольких типов и имеют наибольший диаметр, или среднее сечение, или основание всегда от 3 до 4,5 см; средняя высота — до 3 см. Есть пряслица биконические (табл. X, *1;* 1949 г., X, $\frac{6}{5}$), с очень широкими основаниями (6 экз.), шаровидные, с сильно срезанными концами (2 экз. — табл. X, *2*; 1940 г.,

Таблица X



Глиняные и свинцовые пряслица и грузики

1 — глиняное пряслице биконическое; *2* — то же, шаровидное; *3* — то же, усеченно-коническое; *4* — то же, подражающее свинцовому; *5* — то же, цилиндрическое; *6* и *7* — свинцовые пряслица; *8* — глиняное пряслице. (*1*–*7* — с Каменских кучугур; *8* — с акрополя). (Все вещи — н. в.)

V, $\frac{7}{8}$, № 402), усеченно-конические (4 экз.) и грушевидные, со срезанным широким концом (1 экз.). Одно из усеченно-конических пряслиц покрыто низбегающими бороздками и рядами точек по всей окружности (табл. X, *3*; 1950 г., IX, $\frac{19д}{ума}$, № 1312). Другое пряслице такой же формы по виду и величине совершенно подражает свинцовым пряслицам (табл. X, *4*; 1950 г., IX, $\frac{19д}{3}$, № 551), т. е. по сравнению с другими глиняными кажется совсем миниатюрным.

Может быть, также пряслицем является цилиндрический каменный грузик (табл. X, *5*; 1950 г., X, $\frac{12}{1}$, № 4), имеющий высоту 2.9 см, при наружном диаметре 2,5 см. Внутри него высверлено отверстие диаметром 1,4 см, что для пряслица, может быть, слишком много. Единичность этой находки делает, однако, любые предположения совершенно случайными.

Отдельно упомянем пряслица круглой формы, изготовлявшиеся из стенок амфор и — реже — простых сосудов. Это кружок, диаметром в среднем от 3 до 6 см. Отверстие в их середине совершенно сходно с таким же в больших пряслицах, т. е. равно 5—8 мм. Всего (за 1949 и 1950 гг.) известно 7 таких пряслиц из стенок амфор и одна — из лепного сосуда (1949 г.). Форма обычная, встречающаяся с начала бронзовой эпохи до раннего средневековья (Маяцкое городище и т. п.).

Зато исключительным однообразием отличаются свинцовые пряслица (табл. X, *6*; 1949 г., I, $\frac{1}{2}$). Они всегда конические, с широким нижним основанием около 2 см, при высоте 1,3—1,4 см. Диаметр отверстия — всегда 4 мм. По большей части внешняя сторона гладкая, иногда покрыта редкими (до 10), низбегающими по поверхности, слабо выпуклыми ребрышками. Всего найдено 7 таких пряслиц. Может быть, заготовкою такого пряслица является почти цилиндрический свинцовый столбик (1940 г., III, $\frac{7}{1}$), на одной из плоских сторон которого четырехгранным шилом (еще случай универсального употребления этого орудия) намечено место будущей сверлины. Наконец, есть такой же величины, как обычные свинцовые пряслица, и даже такой же формы усеченные конусы из свинца, но отверстие (2 мм) слишком мало для веретена (табл. X, *7*; 1949 г., IX, $\frac{2}{3}$). Может быть, и здесь мы имеем не вполне отделанное пряслице.

Вскользь остановлюсь на пряслицах с акрополя. Всего их там было шесть. Они не отличаются от основного равнобиконического типа глиняных пряслиц кучугурской части городища (табл. X, *8*; 1946 г., № 179) и являются их современниками [1].

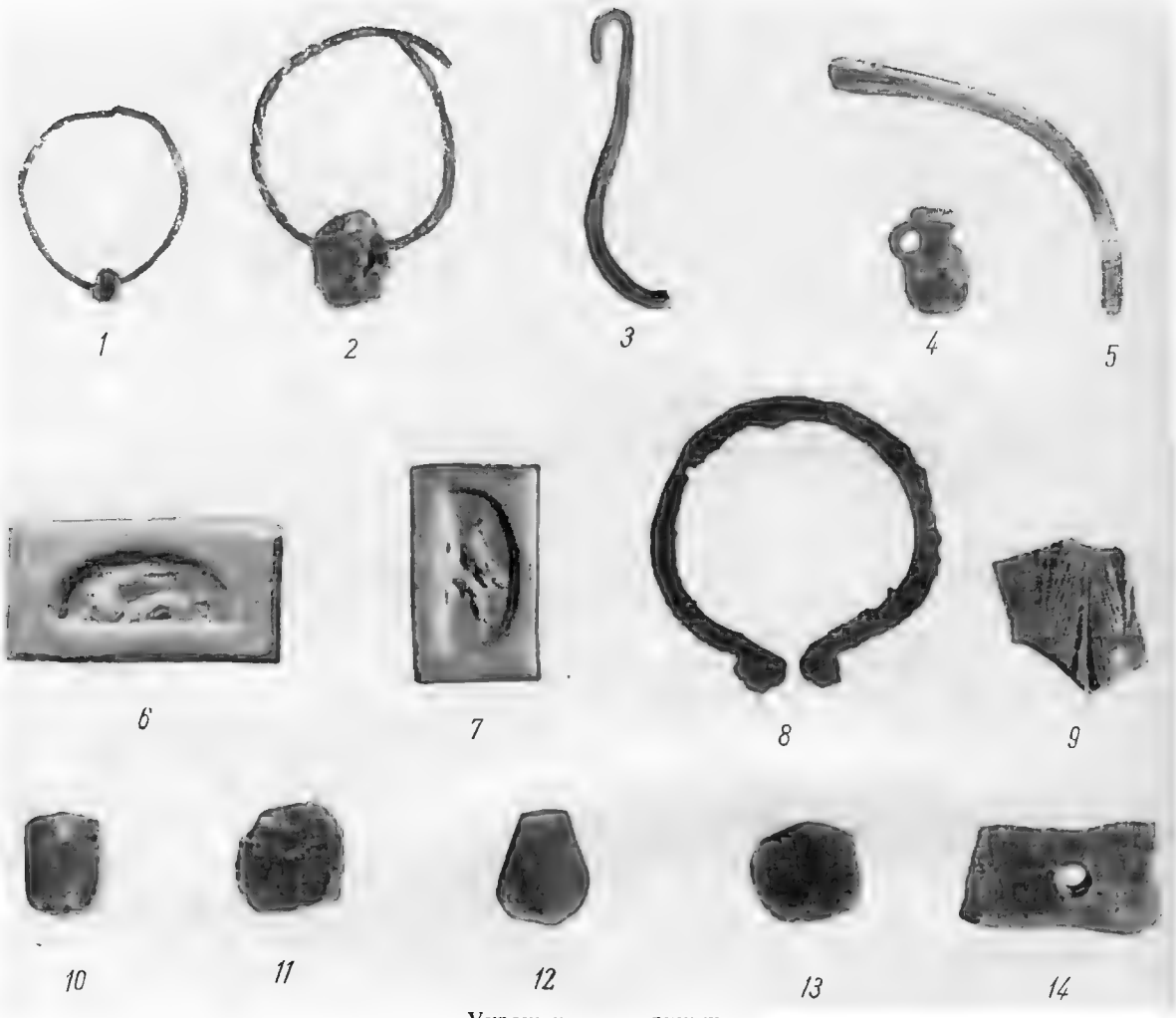
Мы, впрочем, ничего не знаем об устройстве местного ткацкого станка. Он, во всяком случае, должен был быть соответственно примитивен. Ткани, употреблявшиеся в быту, отпечатались на донышках многих простых горшков в результате тогдашнего гончарного приема. Эти ткани очень разного характера, от редкого — вроде марли — рядна до разных типов грубой шерсти и холста и грубого рядна. Грубость большинства образцов ткани позволяет понять относительную редкость иголок вообще и единичность сравнительно мелких иголок. Их с успехом могли заменить разного рода шилья, в таком большом числе и в разнообразном виде встречающиеся на этом городище.

Быт этого городища не мог быть чисто земледельческим. Для аристократической части населения он был кочевым, как явствует из всей обстановки захоронения в курганах типа «Солоха», а в соседней степи кочевники представляли территориально близкий и политически господствующий элемент. В кочевом быту мешки, сумки, торбы из грубой, чаще шерстяной, ткани — неизбежное явление. Именно этим объясняются огромный (до 18,5 см) размер игл и оригинальная искривленная форма костяной иглы с акрополя, которая могла служить только для сшивки грубых тканей вроде шерстяного рядна и очень грубыми нитками. Этим же, вероятно, объясняется очень крупный размер прямых шильев, если они, действительно, употреблялись для шитья из материи.

По находке на акрополе медного вязального крючка можно с уверенностью сказать, что применялись в быту и вязаные шерстя-

[1] В раскопках 1952 г. количество пряслиц значительно возросло и на кучугурах, и на акрополе. Есть среди них своеобразно орнаментированные, но их формы и материал в основном те же самые.

Таблица XI



Украшения и игрушки

1 и *2* — кольцевидные бронзовые серьги с напускными бусами; *3* — бронзовая серьга; *4* — подвеска в виде кувшинчика; *5* — бронзовый браслет; *6* — *7* — скарабеоиды (стекло); *8* — железная пряжка; *9* — обломок стеклянного алавастра; *10* — *13* — игрушки из амфорных стенок; *14* — игрушка-астрагал. (*1* — *9* — в. в.; *11* — *14* — $^1/_2$ в. в.)

ные вещи, но что это были за вещи, — сказать невозможно.

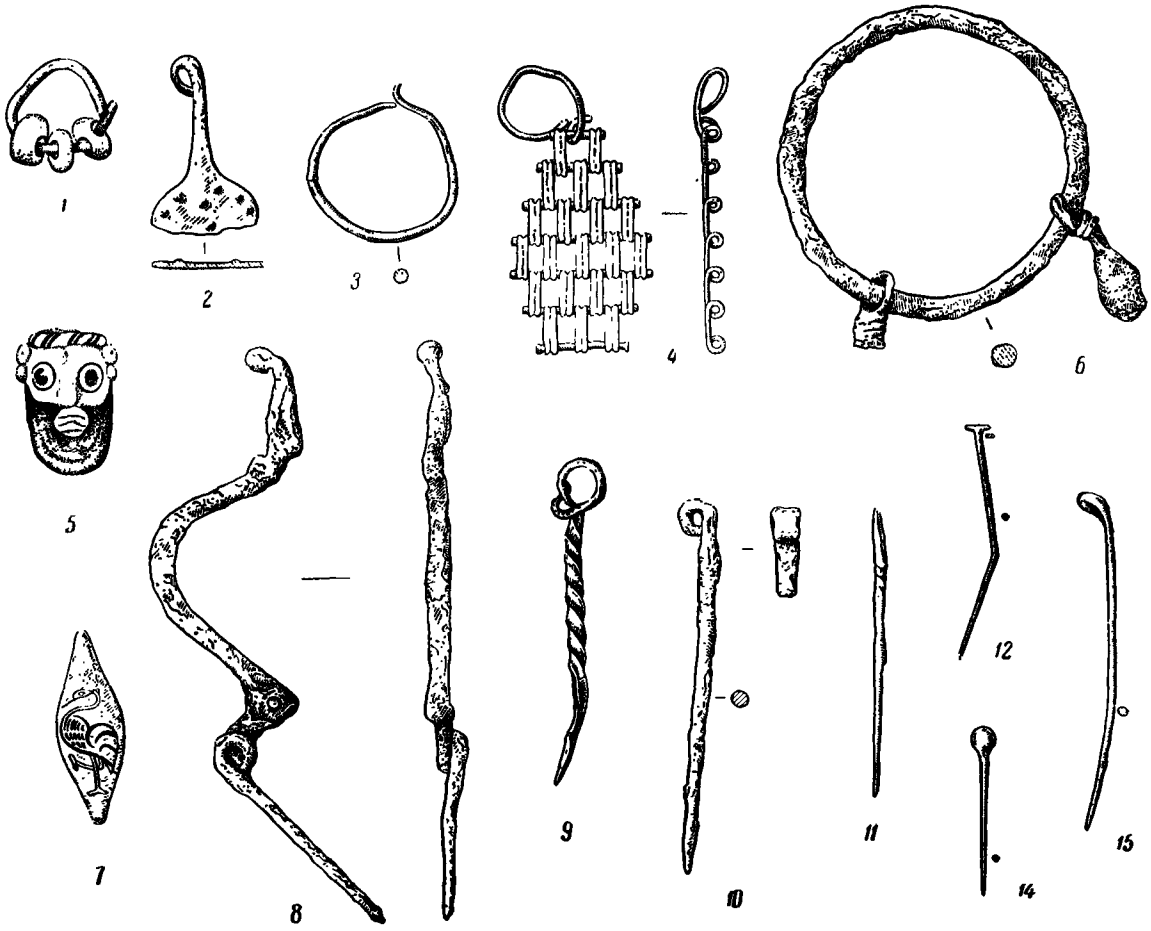
Одеждой из таких тканей были, конечно, и рубахи, надевавшиеся под кожаные безрукавки, как видно на ряде изображений на произведениях торевтики, и то очень широкие шаровары, то узкие обтянутые штаны, о виде которых мы знаем из того же источника. Покрывавшие эту одежду вышивки, как они представлены на этих изображениях, делались теми же руками и теми же грубоватыми орудиями, изготовленными каменскими кузнецами. Тончайшие ткани типа марли, затейливые узоры вышивки указывают на опытные, умелые руки ткачих и швей, одевавших рядового металлурга и изготовлявших для знати роскошные, сиявшие золотыми бляхами одежды, наподобие костюма покойника «Солохи» или покойника и покойницы Чертомлыкского кургана.

Украшения представлены очень небогато (их рассмотрение ведется в порядке ношения — сверху вниз).

Серьги встречаются чаще всяких других украшений.

Наиболее обычной является серьга в виде

Таблица XII



Различные украшения

1 малая серьга 1-го типа с тремя бусами; *2* — бронзовая подвеска; *3* — электровая серьга; *4* — бронзовая подвижная серьга; *5* — пастовая головка мужчины; *6* — железный браслет с привесками; *7* — бронзовый перстень; *8* — железная фибула; *9* — *11* — железные булавки; *12* — *14* — бронзовые булавки. (Все вещи — с Каменских кучугур. *1* — *5* — н. в., *6* — *14* — 1/2 н. в.)

кольца из тонкой, менее 1 мм толщиною проволочки (тип 1-й). Это кольцо сведено вплотную *концами, туповато и гладко обрубленными*; оно легко пружинит и в случае надобности легко может быть введено в отверстие уха. Проволока бывала иногда четырехгранная; тогда ее перекручивали, и получалась перевитая винтообразно серьга; концы оставались в таком случае гладкими. На такую проволочку надевалась бусина, свободно по ней двигавшаяся. Диаметр кольца — 2—3 см. Нам привелось при раскопках найти пять таких серег: бронзовую с напущенной голубой стеклянной бусинкой (табл. XI, *1*; 1939 г., II, $\frac{1а}{1}$, № 15а), бронзовую с *костяной, сильно разрушенной бусинкой* (табл. XI, *2*; 1938 г., II, $\frac{16}{5}$, № 254), две бронзовые, — одна из них реберчатая (1939 г., II, $\frac{3а}{2}$, № 27 и 1950 г., IX, $\frac{141}{3}$), — и серебряную (1950 г. IX, $\frac{17}{3}$), у которых утратились бусины. В собрании И. П. Грязнова есть одна такая миниатюрная сережка из бронзы, на которой напущены три небольшие кремово-желтые бусинки (табл. XII, *1*).

Такие серьги (обычно у женщин и изредка по одной у мужчин), чаще всего бронзовые, реже серебряные и золотые, с разными бусинками, часто встречаются в соседних с Каменкою курганах скифского времени. Мне известно 7 таких серег: две — из Чертомлыка и Башмачков, пять — из Никопольстроевских курганов. Следует упомянуть, что серьги и подвески к гривнам этого типа очень обычны в Латене. Может быть, напуском к серьге 1-го типа служила небольшая своеобразная пластинчатая привесочка в виде полукружка, вверх от которого идет проволочка, согнутая наверху в кружок — петлю. На поверхности пластинки — выпуклый орнамент из точек (табл. XII, 2; 1950 г., IX, $\frac{21}{3}$).

Тип 2-й (табл. XII, *3*) мало отличается от предыдущего. Он представлен всего только одним экземпляром. Это - незамкнутое колечко из тончайшей электровой проволочки. Его концы плотно сходятся, но один согнут назад в широко открытый крючок. Была ли эта серьга (1950 г., IX, $\frac{3}{6д}$) украшена напущенною бусинкой, или нет,— сказать трудно.

Тип 3-й сделан из медного четырехгранного прутика (табл. XI, *3;* 1938 г., № 258). Сохранился верхний конец в виде тонкого крючка. Нижняя часть была согнута в широкий округлый крючок; половины его недостает. Вероятно, довольно близка форма золотой серьги из Частых курганов, но у нее оба крючка одинаковы по величине, и она имеет почти форму латинского S [1].

В собрании И. П. Грязнова находится медная сережка в виде ажурной и подвижной привески из 6 рядов звеньев, в концы которых продеты оси, создающие указанную подвижность (тип 4-й; табл. XII, *4*). В верхнем ряду — 2 звена, в среднем — 5, в нижнем — 3. Таким образом, подвеска на обоих концах суживается. Для продевания в ухо служило тоненькое проволочное колечко-ушко. У того же лица есть еще обрывок такой же подвески. В раскопках такие серьги не встречены.

Бусы и бисер — все импортных образцов, встречаются в раскопках только изредка; несколько десятков известно из подъемного материала. Лучший набор их имеется в собрании Грязнова. В соседних курганах бусы представлены гораздо шире, чем на городище.

Чаще всего встречается бисер от 2 до 6 мм в поперечнике в виде неправильных колечек, цилиндров и сфероидов. Они всегда рублены из палочки. Материалом для них служит синее, желтое, зеленое, голубое, янтарного цвета и черное стекло; больше всего синих. Отверстия в этих бусах большие, не меньше половины поперечника. Всего известно 45 штук, большая часть — из подъемного материала. Одна из них сделана из синего стекла с белыми колечками-глазками.

1. Бусы кольцеобразно-цилиндрические — желтые, черные, зеленые, синие. Диаметр — от $^1/_2$ до 1 см. Всего имеется 6 экземпляров, все в собрании Грязнова. Отверстие — $^2/_3$ поперечника.

2. Бусы цилиндрические—диаметром 1 мм, длиной 1,2 см. Зеленое стекло. Один экземпляр находится в коллекции Грязнова.

3. Бусы боченковидные — синего стекла. Длина - 0,8 мм поперечник в середине — 2 мм. Один экземпляр у И. П. Грязнова, и одна бусинка найдена в раскопках.

4. Бусы неправильно цилиндрические; имеют толщину стенок 2—3 мм, диаметр — 1- -1,5 см. Материал - - синее стекло, черная, желтая и зеленая паста. По этому фону на синих бусах белые кольца-глазки, на черных — желтые; на желтых и зеленых бусах белые колечки с синей серединой, на черных - волнистые желтые разводы. Всего имеется 20 таких бус, из них семь находятся у И. П. Грязнова, остальные - - из раскопок. Обычны в курганах IV—II вв. до н. э. в Приднепровье и на нижнем Буге.

5. Шаровидная бусина — черной пасты и с несколькими поперечными желтыми поясками. Один экземпляр у И. П. Грязнова.

6. Стеклянные прозрачные бусы — с яйцевидным тельцем, невысокою цилиндрическою головкою, сквозь которую проделана дырка для нитки, очень узкая, а на остром нижнем конце — шаровидная капля. Восемь экземпляров, все — в коллекции Грязнова. Найдены в одном месте, у дороги через кучугуры, на осыпи культурного слоя, примерно в 300 м к юго-западу от раскопа IX 1950 г. Вероятно, это — одно рассыпавшееся ожерелье.

[1] С. Н. Замятнин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. СА, VIII, стр. 37, рис. 26.

7. Коническая янтарная бусина, около 0,5 см в поперечнике, имеется в одном экземпляре в собрании Грязнова.

8. Две бусины-арибаллиски (табл. XI, *4*; 1938 г., № 272), из которых один — темно-красного стекла с мелкими голубыми крапинками неправильной формы, другой—темно-синего стекла с зелеными, белыми и желтыми крапинками. Высота «сосудика»— 1,4 см. Найден при раскопках 1938 г. (II, $\frac{17-18}{5}$, № 272) и 1949 г. (IV, $\frac{2}{2}$). В соседних Никопольстроевских курганах найдены два таких «кувшинчика», надетых на проволочные бронзовые серьги 1-го типа, и два других «кувшинчика» — синих, с желтой елочкой на железных проволочках-серьгах 1-го типа. Такие «кувшинчики»-бусы встречены в могилах Ольвии и в Марицынских курганах. Не ввозились ли они в степь через Ольвию? Очень возможно, что оба «кувшинчика» служили для украшения проволочных серег 1-го типа.

Все эти бусы известны для IV—III вв. и в еще большем количестве представлены в курганах, желтый же пастовый бисер встречается еще в V в. до н. э. Особенно обычен он в каменных ящиках Крыма.

Кроме бус, входивших в ожерелья, мы не находим на Каменском городище никаких следов шейных украшений, например, гривен.

В раскопках 1952 г. найдено несколько более или менее обычных бусин. Близкой к бусам по материалу и технике вещью этого сезона, — хотя и не бусиной, а небольшим навершием, — является очень хорошей работы пастовая головка бородатого мужчины (табл. XII, *5*) с синими и кремовыми локонами, с кремовым лицом и губами, с синими круглыми глазами, с синею бородой, с желтыми (имитация золота) серьгами и подвеской на лбу. Этот тип бус, вероятно, навкратийского или карфагенского изделия, хорошо известного по всему античному миру, относится к V или IV вв. до н. э.

Ручные украшения почти совсем не представлены. В 1938 г. нами был найден обломок не очень типичного бронзового, не замкнутого браслета (табл. XI, *5*; I, $\frac{26}{4}$, № 125) из ромбического в сечении прута с обратно-коническим, плавно переходящим в тело браслета концом. Достаточно близких аналогий для этого браслета я не нахожу, несмотря на его очень простую форму.

В 1950 г. был найден кусочек лепточного медного браслета шириною всего 7 мм; по обеим длинным сторонам — мелкий кружковый орнамент (1950 г., IX, $\frac{19в}{4}$). Тогда же и там же (1950 г., IX, $\frac{19в}{4}$) найден конец не замкнутого пластинчатого браслета, слабо расширяющегося к наружной стороне. Вероятно, браслетом же является железное массивное кольцо крупного сечения, диаметром 7,2 см, у которого имеются две железные плоские, яйцевидные привески, соединенные с ним каждая своею отдельною петлею из вытянутого конца такой же привески, перевитого затем вокруг кольца и вновь в 2—3 витка охватывающего тело той же петли (табл. XII, *6*; 1950 г., IX, $\frac{14а}{3}$, № 75). Способ этот обычен и для электровых, медных и железных цепочек, известных в конской сбруе ряда царских курганов (Огуз, Солоха, Козел и т. п.). Такие украшения, как видно, не были редки. По крайней мере, отдельно была найдена привеска той же формы, но с отломанным ушком (1950 г., X, $\frac{11}{4}$ № 1467).

Найден в 1952 г. бронзовый браслет круглого сечения с незамкнутыми концами. Один конец обломан. На другом сохранилось изображение en face головы зверя (льва?) с длинным носом и длинными ушами.

Перстни очень редко, но все же встречаются в курганах степной Скифии. На Каменском городище мы нашли только один (IX, $\frac{19д}{4}$, 1950 г.). Это — пластинчатое медное кольцо; ширина его 1 см, диаметр — 1,5 см. Концы далеко заходят друг на друга. Перстень очень эластичен и может разгибаться до 2,2 см. Это украшение очень нехитрое. Подобные, совсем лишенные орнамента, перстни в виде круглого щитка и двух находящих друг на друга узких пластинок, встречаются в Скифии, причем иногда золотые [1].

Одно такое же бронзовое кольцо представлено в собрании И. П. Грязнова, другое найдено в 1952 г. при раскопках.

[1] Ср., например, ОРИМ за 1906 г., табл. I, рис. 8 и СА, VIII, стр. 48, рис. 40, *3* и др.

Наконец, в 1952 г. найден прекрасный греческий перстень (табл. XII, 7) с узким продолговатым щитком, на котором выгравировано изображение пляшущего журавля. Отношу его к IV в. до н. э., конечно, с приближением. П. Д. Либеров намерен посвятить этой находке специальную заметку.

Однако среди подъемного материала встречены три скарабеоида — печати; два вдоль расколоты пополам. На одном сохранилось изображение задней половины женской головки, на другом — Химера, на третьем—часть фигуры Геракла. Первый погиб в Никопольском музее во время оккупации, его рисунка нет. По определению М. И. Максимовой, эта форма печати относится к половине IV в.; она была снабжена дужкою из драгоценного металла. Ношение таких перстней-печатей с полукруглой дужкою засвидетельствовано кольцом IV в. из Юз-Обы [1]. Как и бусы, эти вещи являются несомненным греческим импортом. Второй и третий скарабеоиды — в коллекции И. П. Грязнова (табл. XI, *6* и *7*).

Среди находок есть ограниченное число застежек разной формы. В 1938 г. при раскопках было найдено незамкнутое кольцо (табл. XI, 8; 1938 г., I, $\frac{27}{4}$, № 131) диаметром 4 см. Сечение — уплощенное. Незамкнутые концы отогнуты наружу в плоские расходящиеся спирали. Эта форма отдаленно связана с средневековыми пряжками в финских могильниках. Что перед нами такая пряжка, явствует из находки нескольких таких вещиц то со спиральными концами, то с концами в виде кабаньих головок в Частых курганах [2]. В районе Каменки такая вещь известна из кургана Большой Козел (№ 1774, коллекции бывш. Румянцевского музея), где от нее сохранилась половинка кольца и язычок. Наша вещица утратила свой язычок. Такие пряжки в Частых курганах относятся к IV—III вв. до н. э.[3] Очень вероятно, что обломками таких же застежек являются две, с такими же завитками, половинки колец, круглые контуры которых, однако, нарушены (1950 г., IX, $\frac{20б}{2}$); они несколько разогнуты. Есть и еще два куска больших колец (IX, $\frac{19а}{4}$ и IX, $\frac{19е}{3}$), сильно деформированные, которые, однако, вполне могут принадлежать таким же пряжкам.

Фибулы, столь обычные в сарматское время, повидимому, начинают входить в общее употребление в степи со II в. до н. э. В собственно скифских курганах в степи и лесостепи фибулы до этой даты встречаются единицами и в высшей степени редко. Тем интереснее факт находки фибулы из железа, м. б. поздней (1950 г. IX, $\frac{17}{3}$, № 283).

Вся фибула железная (табл. XII, 8). Приемник, — удлиненный, но низкий, — спереди украшен поднятой вверх шаровидной шишечкой. Дужка, высокая и довольно широкая, закончена на противоположном конце лапкою с двумя лопастями, в которую на железной оси вставлена пластина, вытянутая в проволоку со спиралью в один завиток и дальше имеющая вид простой иглы. Игла отошла вместе с пластинкой на оси назад и так заржавела. В естественном виде длина этой фибулы от спирали до конца приемника — 9,4 см, т. е. для фибулы очень немалая. Довольно близкой является фибула II Латена [1].

Найдено несколько железных колец из толстых стержней, которые, поскольку они не связаны со сбруею, вероятно, применялись в костюме или снаряжении воина. Одно из них плоское, замкнутое, с четырехугольным сечением, диаметром 3 см (1950, IX, $\frac{17с}{4}$), другое — с круглым сечением, не замкнутое, но со сходящимися плотно концами, диаметром 4,4 см (1949, IX, $\frac{9}{4}$). Лишь о втором из них можно с некоторой долей вероятия сказать, что оно предназначалось для пряжки с не разомкнутыми концами. В 1950 г. найдены три кольца, все в раскопе IX (диаметр их от 1,5 до 3 см).

Немногочисленные булавки, почти неизвестные в эту пору в Скифии, часто встречаются на севере в лесостепи и восходят там еще к формам бронзового века. В изучаемом районе мне известна только одна бронзовая булавка из кургана № 4

[1] И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. I, стр. 63, № 87.
[2] СА, VIII, стр. 15, рис. 2; стр. 41, рис. 29; стр. 14, рис. 35.
[3] См. там же, стр. 49.

[1] M. Ebert. Reallexicon der Vorgeschichte. Berlin, 1925, Bd. III, Fibel, табл. 105, *h, i*.

группы «Сірко» раскопок 1946 г. Булавки, известные из района лесостепи, служили и как головные, и для скалывания одежды, судя по их расположению в могилах.

При раскопках в 1949 и 1950 гг. на Каменских кучугурах встречено несколько железных булавок.

Одна из этих булавок имеет граненый, винтообразно перекрученный стержень, слегка погнутый, острый на нижнем конце, а наверху загнутый в овальную петлю, с крючком, отогнутым вперед у места возвращения этой петли к своему началу (табл. XII, *9*; 1949 г.). Длина ее — 6 см. Другая булавка слегка расплющена сверху и загнута в один завиток (табл. XII, *10;* 1950 г., IX, $\frac{19е}{3}$, № 457). Она имеет прямой, круглый в сечении, стержень длиною 9 см. Кроме того, сохранились 23 целых и обломанных стержня без головок. Два из них случайно погнуты и надломлены. Остальные сохранили свою прямизну. Но сначала все они, без всякого сомнения, были прямыми. Один из них целиком сделан из граненого, винтообразного, перевитого прутика, круглого в сечении (1949 г., V, $\frac{43}{3}$); оба его конца обломаны. Все остальные булавки (две из раскопок 1949 г., большинство — 1950 г.) сделаны из круглого стержня, с тремя-четырьмя витыми гранями в верхнем конце (табл. XII, *11*; 1950 г. IX, $\frac{2}{3}$). Вверху конец потолще, книзу он сходит в острие. Длина их — от 7,5 до 9 см. Это, несомненно, сколки, вроде булавок; либо на их верхний, утолщенный конец надевалась головка в виде бусины, либо это своеобразная булавка, которая небольшим числом граненых витков и утолщением на конце удерживалась в скалываемой ткани или волосах.

Бронзовые булавки были обычны в предшествующие 200 лет. В эпоху Царских курганов и Каменского городища они встречаются сравнительно редко. На всем курганном поле Никопольстроя была найдена всего одна булавка (группа «Сірко», курган № 4, 1945 г.). На кучугурах только раскопки 1950 г. дали нам три булавки; одна из них — (случайно погнутая) посоховидная, с головкою в виде поперечной планочки (табл. XII, *12*; IX, $\frac{19б}{5}$), вторая и третья — с головкою в виде ложечки, загнутой вперед (IX, $\frac{4а}{2}$ и подъемная — табл. XII, *13*). Обе в сечении круглые, как и все железные булавки. Длина первой—6,3 см, второй—11,1 см.

По аналогии с железными витыми булавками без головок можно с уверенностью считать за булавку круглый в сечении прутик, очень часто перевитой в верхней части (1950 г., IX, *10*). Его длина — около 12 см (булавка сильно погнута). Среди подъемного материала есть 3—4 экземпляра коротеньких и очень острых мелных булавок с головками круглыми или ложечковидными. Их длина — 3—4,5 см. Они могли служить только для закалывания: так они остры. Изготовлены они путем свертывания стерженька из трубочки с последующей его отковкою (табл. XII, 14; из собрания И. П. Грязнова).

Особняком стоит одна вещь: это цветной, синего стекла с желтым елочным орнаментом, кусочек стенки алавастра (табл. XI, *9;* 1939 г., II, $\frac{11}{6}$ № 160). Это, конечно, не украшение, но единственная туалетная вещица. По любезному определению В. Д. Блаватского, дата этого фрагмента — начало III в. до н. э. Упоминаем его здесь, так как других предметов этого характера у нас нет.

Очень малое количество украшений, особенно импортных, объясняется тем же, чем и малочисленность остатков черполаковой мелкой посуды. Импортные украшения очень ценились и поэтому шли в могилу с хозяином, как это очевидно из обычая, хорошо нам теперь известного по рядовым могилам Никопольстроя и других нижнеднепровских могильников.

Зеркал до сих пор не встречено на Каменском городище, а в женских погребениях, — и царских, и рядовых, — зеркала заведомо местной, скорее всего, именно каменской работы, — явление довольно обычное.

2. ОБРАБОТКА КОЖИ

Применение кожи в скифском быту известно широко по данным письменных источников. Помогают в этом отношении еще и изображения на произведениях греческой торевтики, рисующие скифов. Кожаный башлык, зимою тулуп, летом и в бою кожаная безрукавка вместо панцыря, нередко кожа-

ные шаровары — костюм скифа. Обувь в виде невысоких сапожков с раструбом у щиколотки, закрепляющаяся ремнем, известна достаточно хорошо. Кожаный башлык встречен в виде обрывка выделанной кожи в мужском погребении под черепом из кургана № 2 раскопок 1939 г. на Никопольстрое. Применение кожи в вооружении особенно широко: ременные фуфайки — подбои для чешуйчатого панцыря; кожаные пояса-панцыри, обтянутые железными обоймами; кожаные колчаны и кожаные обивки горитов — обычны в воинском обиходе [1]. Ременные узды и поводья, подпруги и т. п. в изобилии представлены на изображениях (особенно на чертомлыцкой вазе). Их применение и изготовление засвидетельствованы удилами, псалиями, уздечными украшениями и подпружными пряжками, найденными и ниже описанными. Инструментами для изготовления являлись искривленные шилья и иглы, а также ножи и резаки с выгнутым дуговидным лезвием, иногда к тому же имеющие характерный сечкообразный вид [2]. Конечно, многое, особенно из одежды и обуви, должно было изготовляться дома руками женщин. Но сбруя и части вооружения вырабатывались мужчинами — оружейниками и шорниками.

3. ОРУДИЯ ПОВСЕДНЕВНОГО ОБИХОДА

Ножи — все из железа и все имеют четыре общих признака: 1) черешок ножа — пластинка, в ширину равная всему клинку; 2) этот черешок имеет отверстия, через которые он железными или, реже, медными клепками приклепывался к костяной ручке; 3) все ножи имеют горбатую тупую спинку и одно продольное лезвие с обратной длинной стороны; 4) кончик ножа всегда заострен.

Всего на Каменских кучугурах нами встречено 5 типов ножей. В раскопе IX 1950 г. было найдено 19 черешков от ножей. Сходство этих черешков между собою настолько велико, что разделить их по типам невозможно. Здесь же найдено 8 обломков лезвий, также ближе не поддающихся определению.

1-й тип (табл. XIII, *1*; 1949 г., IX, $\frac{5}{3}$) — с горбатою спинкою и прямым лезвием. Длина — от 7 до 12 см, ширина — от 1,5 до 2 см, толщина в спинке — 1,2—2 мм. Пластинчатый черешок чаще всего составляет $^1/_5$, реже $^1/_6$ всей длины ножа и имеет две продольно расположенные клепки для скрепления с ручкою. Такие ножи встречаются часто по всей черноморской Скифии. В окрестностях городища я знаю: 6 экземпляров из Чертомлыка, 1 — из Талаевского кургана, 2 — из Никопольстроя, 2 — из группы «Сірко» и 1 экземпляр — из Б. Козла. У нас таких ножей — 19.

2-й тип (табл. XIII, *2*; 1940 г. I, $\frac{10}{7}$, № 61) — слабо серповидный. Горбатая спинка и лезвие дуговидны; первая выгнута, второе вогнуто. При дальнейшей заточке серповидность, сначала очень слабая, становилась все резче. Длина этих ножей — 6—7 см, очень редко — до 12 см. Пластинчатый черешок, составляющий $^1/_4$—$^1/_5$ длины всего клинка, прикреплялся к ручке двумя клепками, расположенными продольно. Форма почти такая же обычная, как и предыдущие. В Чертомлыке их 3 экземпляра, в Огузе—1, в Б. Козле — 2, на Никопольстрое — 4. У нас их — 12 экземпляров.

3-й тип (табл. XIII, *3*; 1940 г. III, $\frac{4}{3}$, № 257) — полусегментовидный. Представляет собой очень укороченный 1-й тип. Спинка составляет всего полдуги сегмента, черешок — в ширину лезвия. Длина этих ножей — 6—7 см. Известен мне в Чертомлыке 1 экземпляр, в Раскопанной могиле — 2, на Никопольстрое — 1, на Днепрострое — 1, из Каменки — 11 экземпляров. В коллекции И. П. Грязнова есть экземпляр этого типа с сохранившимся полностью черешком в $^1/_3$ длины всего ножа с двумя клепками.

4-й тип (табл. XIII, *4*; 1949 г., V, $\frac{13}{4}$) стоит совершенно особняком. Эти ножи имеют прямую спинку и дуговидно изогнутое лезвие. Это как бы первый тип, но заточенный там, где у первого типа спинка. Длина (почти полная) одного из них 11 см (1949 г., V, $\frac{13}{4}$), от другого сохранилась половина — около 6 см (IX, 1950 г.), а 5 экземпляров из раскопок 1950 г. имели только лезвия дли-

[1] См. мою книгу «Скифы» — Киев, 1947, стр. 37; СА, VII, стр. 19—30.

[2] См. заметку Н. В. Трубниковой в КСИИМК, вып. XVIII, стр. 49 и сл.

ной до 5,5 см. У одного из них видно, что черешок обычный с двумя клепками. В месте прикрепления у начала лезвия ручка охватывалась железною обоймою.

5-й тип (табл. XIII, *5*; 1940 г., № 480б) не только для Каменского городища, но и для всей Скифии, — это уник. К сожалению, сохранилась от него только ручка. Совершенно прямой пластинчатый черешок переходит в прямое лезвие. Навершие овальное, по краю охвачено узкой медной обоймой. Вся ручка сплошь была когда-то покрыта с обеих сторон двумя костяными пластинками. Они были прикреплены семью медными сквозными шпеньками — по два на концах у навершия и начала лезвия и тремя в ряд по средней линии черешка. Между ручкой и лезвием — медная обойма из согнутой пластинки. Длина всего предмета — 12,1 см, длина ручки — 10,7 см, длина сохранившейся части лезвия — 1,4 см; всюду одинаковая ширина — 1,7 см.

Хотя и редко, но ножи с длинным черешком, проходящим сквозь всю костяную ручку, в Скифии известны. В близкой местности таков нож с Никопольстроя (из I группы, курган № 2, погребение 17; инвентарный номер музея — 2689). Но этот нож не имеет навершия. Овальное навершие из кости на шпеньках есть у меча из кургана II 19/21 на Никопольстрое и у ножа № 1768 из кургана Б. Козел, близ Знаменки (ГИМ). По сохранившейся части лезвия и нашего ножа, и ножа из кургана Б. Козел, и меча на Никопольстрое приходится считать этот тип вариантом 1-го типа, но с черешком, равным клинку или превышающим его по длине. Универсальное значение железного ножа в скифском быту очевидно. Прежде всего он служил для разрезывания пищи. Об этом свидетельствует то, что в огромном большинстве случаев при курганных скифских захоронениях нож находился при традиционной пище, выделенной покойнику в путь. Однако клались они и про запас, как, например, в Чертомлыке, и с умерщвленными конюшими (в Козле и Чертомлыке). Все типы ножей, кроме 4-го, при могильных находках встречаются у заупокойной пищи, но они же есть и отдельно от нее. Нахождение их у конюхов — признак их назначения и для шорных работ.

Однако 4-й тип с его выгнутым дугою лезвием, вероятно, является ножом специального назначения. Такая форма лезвия, удобная для раскроя кож по прямой, по лезвию, но не по всей форме, схожа с многочисленными, известными из Латена, кожевенными ножами. В равной мере мог служить для кожевника и 3-й тип ножа с полусегментным клинком; хотя его наличие при заупокойной пище известно, но короткое лезвие при довольно большой длине костяной ручки делает возможным предположение, что такой нож служил также для кройки кож. Нечего и говорить, что все эти ножи, особенно серповидный, должны были служить при костерезных и отчасти деревообделочных работах. Вскользь отмечу, что все три заготовки ножей, найденные во время раскопок, являются будущими ножами 3-го типа, т. е. ножами более узкого назначения [1].

К числу кожевенных инструментов, вероятно, принадлежит очень своеобразное железное орудие (табл. XIII, *6*; 1940 г., № 465). Это четырехгранный стержень (сохранился на 3,8 см). У него конец расширяется в сечкообразную пластинку в толщину ножа. К сожалению, внешняя сечкообразная сторона, где могло находиться лезвие, совершенно разрушилась. Орудие это, имеющее близкие параллели в Латене [2], было найдено нами в акрополе на поверхности почвы.

Шилья из железа встречаются еще чаще, чем ножи, и их назначение довольно универсально. Больше всего прямых шильев; все они четырехгранны и часто с плавным утолщением около середины [3].

Прямые шилья распадаются на 3 типа.

1-й тип (табл. XIII, *7*; 1950 г., № 379) — массивные четырехгранные стержни длиной от 7 до 11 см, толщиной от 3 до 5 мм. Верхний конец шила оканчивается плоскостью и не имеет насада; он должен был обматываться чем-то мягким. Эти шилья предназначались для грубых работ, может быть, для смешанного материала, например, толстой кожи и войлока. Таких шильев — 19.

2-й тип (табл. XIII, *8*; 1940 г., VI, $\frac{19}{1}$) — прямые шилья с коротким четырехгранным насадом в виде усеченной пирамиды или

[1] Раскопки 1952 г. принесли еще значительное число ножей тех же типов.

[2] J. Déchelétte. Manuel d'arhéologie etc., v. II, p. III, стр. 1368, рис. 602.

[3] В 1952 г. значительно увеличилось число шильев.

сплющенной пластинки в $^1/_6$ длины шила, равного 7,5—9 см, при толщине 3 мм. Какой была ручка, неясно; вероятно, простой деревяшкою с гнездом в центре. Обычнейшее универсальное шило. Таких шильев — 24. Обломков шильев того и другого типа — 17 только в раскопках 1950 г.

3-й тип (табл. XIII, *9*; 1949 г., тр. 3, $\frac{1}{3}$) совершенно сходен со вторым. Насад — в виде короткой усеченной пирамидки, а рабочий конец расплющен в овальное или полуовальное острие (острое не только на кончике, но и по бокам). Назначение его — прокалывать длинные и узкие отверстия, но для какой цели, я установить не могу. Всего таких шильев — 3, все из раскопа IX 1950 г.

Искривленные шилья — тоже все четырехгранные и утолщены в середине. Сохранилось только три целых (длиной 6,5 см, толщиной 1,5—3 мм) и один конец такого шила. Изгиб очень слабый. Насад короткий, к дуге шила расположен или прямо, или так, как у серпа. Есть еще 5 обломков и одно почти целое шило — все более или менее массивные. Его длина 8,5 см и толщина 2,5 см. Первое шило служило, конечно, для сапожных и шорных работ; последнее могло служить только для толстой кожи.

В быту скифа, как и в быту насельников тех же мест в бронзовую эпоху, шило в повседневном быту было нужно для самых разных, иногда совершенно случайных целей, а также для того, чтобы починить обувь или сбрую и проколоть любую материю и т. п. Универсальность шила, помимо прямого назначения, определяется единичными, но очень показательными находками. Так, например, среди коллекции беспаспортных скифских стрел Музея антропологии Московского университета есть один наконечник, в боковом отверстии которого торчит сломанное шило 2-го типа. Оно попало туда, конечно, при выталкивании застрявшего кончика обломившегося древка. В ГИМ среди вещей из кургана «Старшая могила», близ Аксютинцев на Суле (собрание Д. Я. Самоквасова), имеется небольшой кинжал; в его кожаных ножнах спереди сделан чехольчик для шила 2-го типа. Здесь это шило явно предназначалось для обихода воина-всадника, чтобы починить в случае надобности любую мелочь его снаряжения или сбруи. Иногда, но много реже, чем ножи, шилья отдельно встречаются и в мужских, и в женских могилах. Это орудие служило обоим полам в самых разных случаях.

Иглы железные встречаются гораздо реже, чем ножи и шилья. Их общие особенности заключаются в круглом сечении и в том, что ушко, имеющее овальные очертания, всегда шире основного тела иглы. Многочисленные круглые в сечении обломочки железных стержней могут одинаково относиться и к иглам, и к булавкам. Всего мы знаем только 5 железных иголок и одну костяную.

Есть длинные прямые иголки с очень широким ушком, которое образовано сгибом стержня и его сваркою с телом иглы. Одна такая игла (табл. XIII, *10*; 1949 г., IX, $\frac{6}{3}$) имеет 16,4 см в длину и до 4 мм в толщину. Ушко от такой же иголки есть в собрании И. П. Грязнова [1].

Есть относительно тонкие иголки. Одна такая игла (табл. XIII, *11;* 1949 г., V, $\frac{1}{3}$) слегка погнулась в основании ушка и недалеко от кончика. Ее длина — 7,75 см, максимальная толщина — 2 мм; другая игла — длиной 4,6 см. Наконец, есть одна сравнительно очень тонкая, плавно искривленная игла (для кожи или грубой ткани) длиной 6,6 см по кривизне.

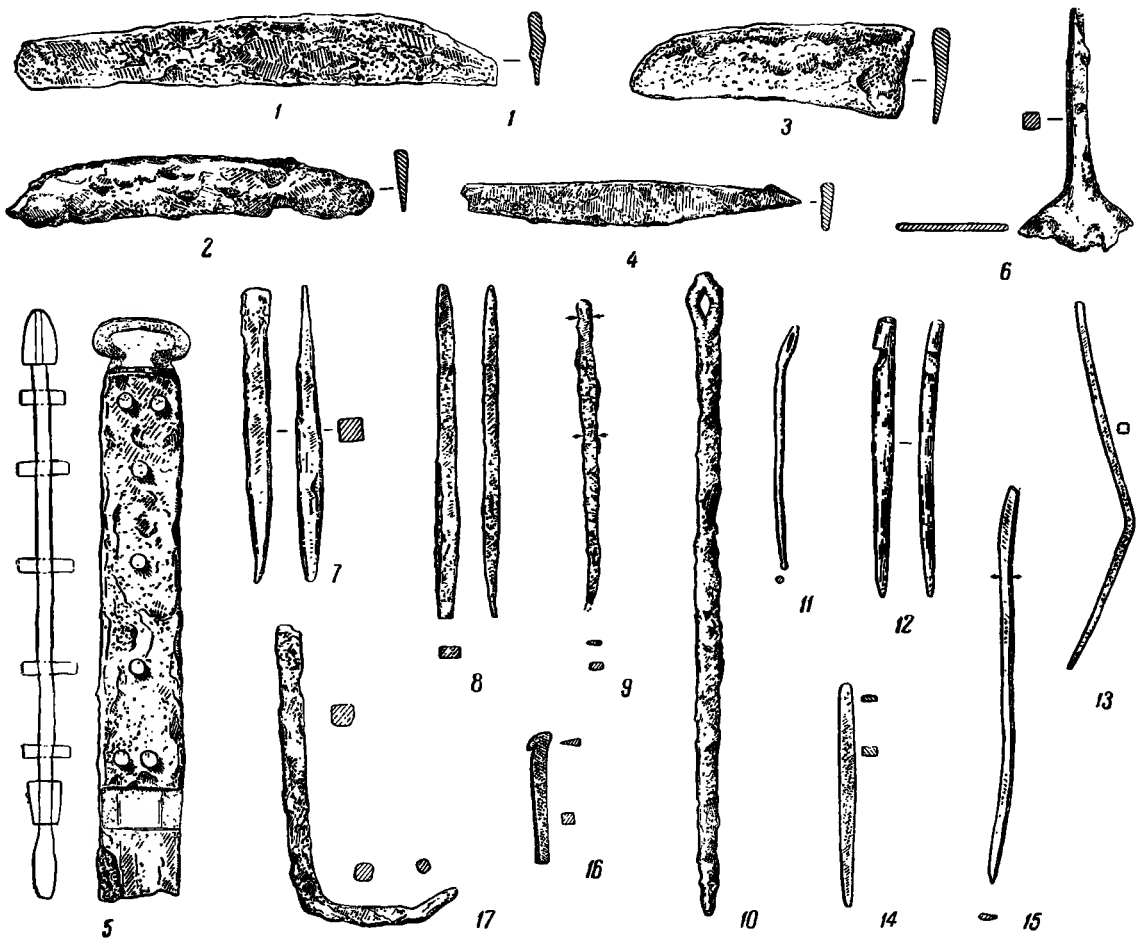
С акрополя происходит костяная игла (табл. XIII, *12*). У нее вместо ушка имеется опоясывающая зарубка. Игла эта нарочно сделана кривою.

Редкость игл, их размеры, форма и толщина указывают на употребление таких игл для специфических и грубых работ, для сшивки грубых шерстяных тканей и холстов, войлока и т. п. Это — орудие для узкого круга домашних работ женщин. Качество игл указывает на грубость одежды и на более частое применение шильев, нежели игл, даже при шитье платья.

Настоящие медные шилья встречены всего два раза. Они совершенно прямые и ничем не отличаются от железных шильев 2-го типа. Их размеры: в длину — 6,1 см и 11,8 см, в толщину — 4 мм и 2,5 мм (табл. XIII, *13* и *14;* 1950 г., IX, $\frac{3}{\text{8дн}}$).

[1] Раскопки 1952 г. дали несколько таких иголок, даже до 18 см. в длину.

Таблица XIII



Орудия повседневного пользования

1 — нож 1-го типа; *2* — нож 2-го типа; *3* — нож 3-го типа; *4* — нож 4-го типа; *5* — нож 5-го типа; *6* — нож сечкообразный; *7* — шило 1-го типа; *8* — шило 2-го типа; *9* — шило 3-го типа; *10* — большая игла; *11* — малая игла; *12* — костяная игла; *13–15*— шилья и проколки медные; *16* — медный вязальный крючок; *17* — железный крючок с насадом. (*1—10* — железные; *12* и *16* — с акрополя; *1—11*, *13—15* и *17* — с Каменских кучугур). (Все вещи — 1/2 н.в.)

Бронзовые острия случайного происхождения, которые иногда попадаются на Каменском городище, могли, конечно, употребляться в качестве тех или иных проколок. Они всегда имеют вид пластинок, длинных, узких и очень острых на одном конце (табл. XIII, *15;* 1949 г., V, $\frac{46}{4}$). Хотя это несомненные отходы от изготовления вещиц из медных листков, но их исключительная острота не позволяет думать, что они никак не использовались. Отшлифованность острых концов позволяет предполагать употребление их наряду с шильями и иглами. В раскопках было найдено 14 таких остриев (в 1938 г. и в 1949 г.—по одному, в 1950 г.—12 экземпляров).

Медный крючок для вязки вещей из шерстяных ниток (табл. XIII, *16;* 1940 г., № 468) был найден в 1940 г. на поверхности огорода в акрополе. Это лишь обломок его — самый конец длиною 2,7 см, шириною 2,5 мм. Тело крючка выполнено из пластинки, рабочий конец уплотнен и утончен отковкою. Напильником или точилкою ему придана обычная для этих орудий форма с острым внешним

концом для возможно более легкого движения сквозь петлю. Орудие поражает своей законченностью и полным сходством формы с современным железным крючком. Среди находок 1950 г. (IX, выброс из кв. 14, и IX, $\frac{17ж}{5}$, № 1170 — табл. XIII, *17*) есть один железный крючок, плавно и широко открытый, длиною 6,7 см. Стержень его, четырехгранный в сечении, имеет, как шилья 2-го типа, пирамидальный насад для деревянной или костяной ручки. Очень сходен с ним другой железный, однако погнутый крючок (1950 г., IX, $\frac{17}{3}$). Насад у него обломан. Такие крючки могли служить для кухонных целей, например, для извлечения мяса из котла. Две другие группы крючков принадлежат к вооружению и к стенным крючкам. Их рассмотрение читатель найдет в соответствующих отделах.

Точильные камни играли очень большую роль в повседневном быту, при столь широком в нем употреблении режущих и колющих орудий. На Каменском городище точильных камней очень много. Но так как иные из них служили исключительно в металлургии, другие — и в металлургии, и в быту, и только некоторые в быту, то эту категорию вещей мы рассмотрим в месте, посвященном металлургии.

4. ИГРУШКИ

Игрушки из стенок амфор и лепной посуды встречаются не слишком часто (табл. XI, *10—13;* 1938 г., № 27, 62, 70 и 78). Но все же игрушек из амфор известно за 1938, 1940, 1949 и 1950 гг. 18 экземпляров: 10 небольших кружков, 6 четырехугольников, 1 трапеция и 1 грушевидная пластинка. Все они имеют в поперечнике 3—5 см. Странная форма этих вещей заставила еще В. А. Городцова предполагать, что это принадлежность детской игры в камушки. Из лепной местной посуды таких вещиц намного меньше. В 1949 и 1950 гг. было найдено 5 кружков из стенки и донышка. Последнее (8,5 см в поперечнике), может быть, служило крышкою. Форма таким вещицам придавалась обивкою и последующей подшлифовкой краев. Есть эти вещицы и на кучугурах, и на акрополе.

Игрушкою мог также служить срезанный с двух сторон и просверлённый в середине астрагал (табл. XI, *14*; 1949 г., III, $\frac{10}{6}$, № 216). Из вещей детского обихода на акрополе найдена костяная трубочка вроде тех, которые употреблялись у многих народов для спуска мочи из колыбели и которые в археологии известны с бронзовой эпохи (табл. XV, *16*).

ГЛАВА VI

РЕМЕСЛА И ИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1. МЕТАЛЛУРГИЯ

На изобилие остатков деятельности литейщиков и кузнецов на всей огромной площади дюн так называемых Каменских кучугур внимание было обращено в прошлом столетии Вертильяком, Бруном, геологом Соколовым и Сердюковым, о работах которых говорилось в главе I. В конце 20-х и начале 30-х годов постоянные разведки здесь производили Ф. Н. Киранов и Г. С. Шапошников, в результате чего в Никопольском музее оказалось много подъемного материала, свидетельствующего о широкой деятельности ремесленников-металлургов. С 1938 г. при раскопках и обследованиях я неизменно почти повсюду находил здесь те же остатки металлургии. В результате этого мнение Соколова, основанное на внешнем осмотре, о том, что это был город ремесленников-металлургов, вполне подтвердилось. Почти все раскопки дали те или иные, хотя и разрозненные, но очень многочисленные остатки для суждения об этих ремеслах у скифов вообще, и на нижнем Днепре в эпоху Царских курганов — в частности.

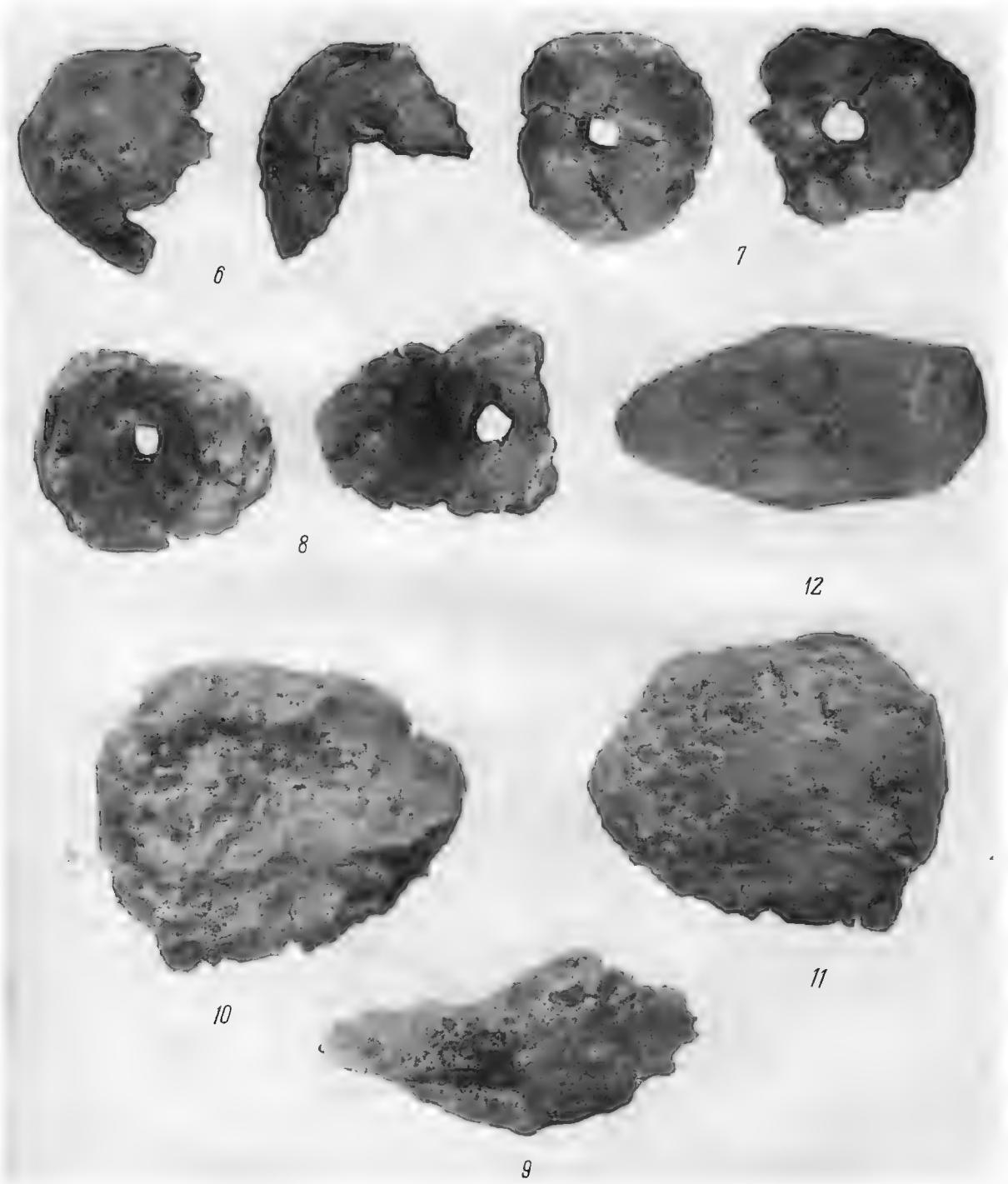
Для этого единственного, действительно большого городища среднескифской эпохи на нижнеднепровской территории можно теперь считать установленным, что в постоянные занятия его жителей входило изготовление бронзовых и железных изделий для окружающей степи, как это показано в настоящей работе, пока хотя бы только по отношению к области распространения Царских курганов. Весь ли набор бытовавших в этой части Скифии местных бронзовых и железных изделий выходил из мастерских Каменского городища, или только определенные их виды, — сказать затруднительно. Что изделия металлургических городищенских мастерских в Скифии являлись товаром, явствует из наличия пока что только одного такого городища при необычайном распространении по всему пространству степной Скифии подобных изделий, особенно стрел.

Из единичных находок шлаков и криц на некоторых селищах близ Никополя можно сделать только такой вывод: в неукрепленных зимовках, сосредоточившихся вокруг городов, иной раз существовали кузнецы. Можно предположить, что такие сельские кузнецы работали на нужды своих односельчан. Каменское городище на Днепре было поселением металлургов по преимуществу. На пространстве около 900 га большинство обнажений имеет те или иные признаки металлургии. Это литейные шлаки меди, изредка куски металлической меди, капли ее, медные пластинки, иногда со следами их распиливания, литники, железная руда, железные шлаки, куски кричного железа, обломки тиглей и льячек со следами медной окиси и толстые куски сильно прокаленных и оплакованных стенок керамических кричных печек.

Базой для этой металлургии служил Криворожский рудный бассейн, лежащий на противоположном берегу примерно в 60 км на запад, по определению, данному С. Г. Вишняковым в 1940 г. Соколов пишет о кусках виденной им болотной руды. Пока что Каменское городище — единственный металлургический район собственно Скифии, так сказать, специализированный. Северные городища (Бельское, Шарповское и т. п.) имеют

Литье и кричное дело

1 — вид глиняной льячки сверху (1/1 н. в.); *2* — то же, сбоку (1/4 н. в.); *3* — сбломок глиняного тигля (1/1 н. в.)
4 — глиняная задвижка кричного горна с отверстием для сопла снаружи (1/2 н. в.); *5* — то же, изнутри;



Литье и кричное дело

6 – концы глиняных сопел сбоку (1/3 н. в.); *7* — то же, спереди (1/3 н. в.); *8* — то же, сзади (1/2 н. в.); *9* — крица сбоку, бракованная (1/4 н. в.); *10* — то же, сверху (1/4 н. в.); *11* — то же, снизу (1/4 н. в.); *12* — каменная плитка со знаками красной краской (1/3 н. в.)

лишь следы металлургии, которая была явно не преобладающим занятием их жителей.

Все остатки металлургии свидетельствуют о том, что добыча металлов из руды производилась здесь же. На этом основании, конечно, трудно утверждать, но можно предположить, что горнорабочие жили здесь же и, может быть, сами были мастерами. Нужный для этой работы лес в обилии растет,— а в древности он был, конечно, еще обильнее, — в днепровских плавнях около самого Каменского городища и прилегающих к нему неукрепленных поселений.

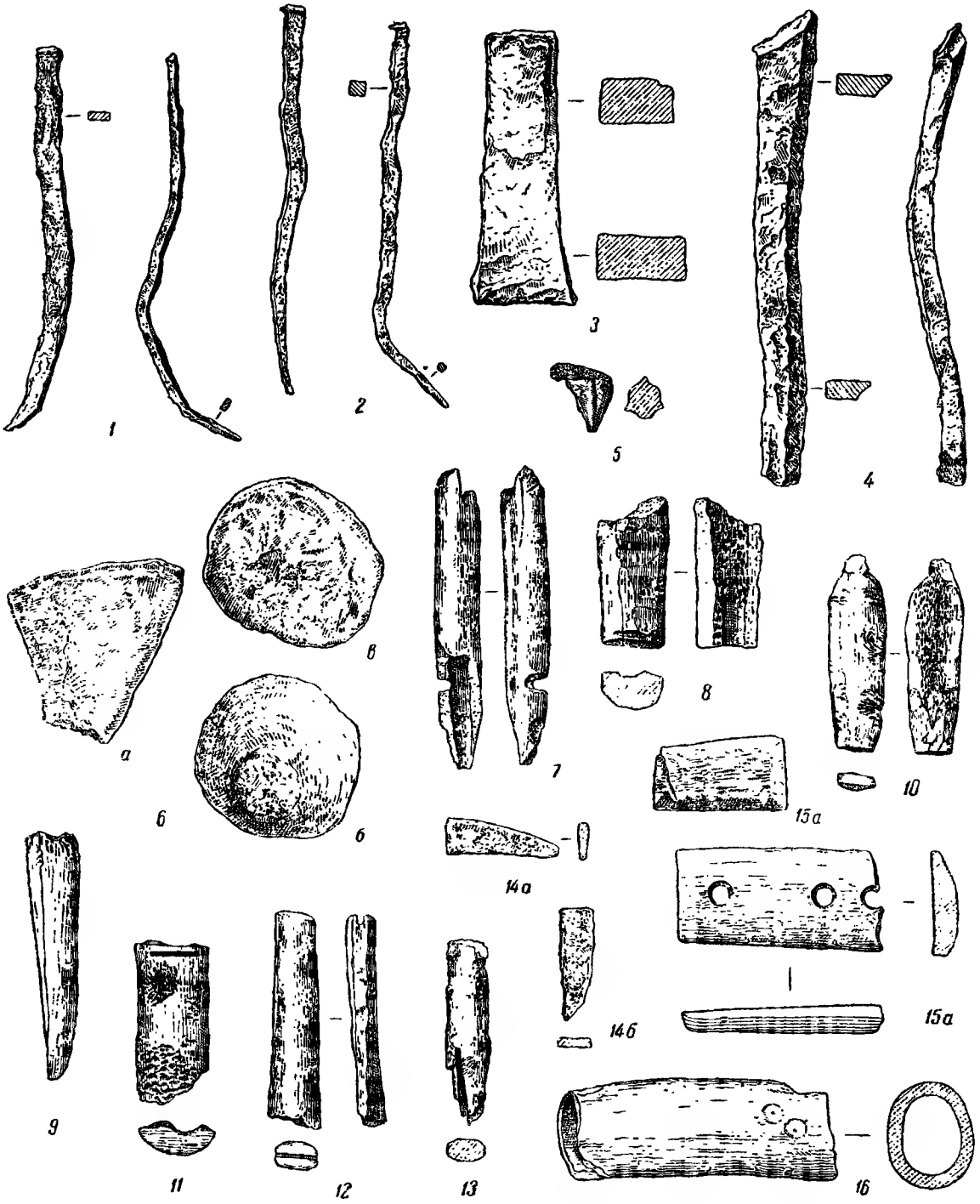
Довольно обширное жилище, вскрытое на Каменке в раскопе I в 1939 г. (рис. 17), включало в своих пределах немного признаков деятельности металлургов. Однако в нем были найдены кусок шлака и медный литок от какого-то предмета, впрочем, в пределах ямы, перекрывающей канаву-стенку дома, в которой были остатки металлургии; эти предметы, скорее всего, восходят ко времени, следующему за бытованием жилища. Во второй проходной комнате посередине была круглая неглубокая яма диаметром около 0,50 м, наполненная древесным углем, скорее — очаг, может быть,— яма, связанная с металлургией. За стенами дома, к северо-западу расположились обильные следы металлургического ремесла. Здесь находился глинобитный горн 1×1 м сверху и 1,35×1,35 м в основании, 70 см высотой, с квадратным углублением в середине, глубиной 15—25 см, заполненный древесным углем. Стенки горна прокалились докрасна и стали хрупкими. Вблизи горна встретился лишь один кусочек медного шлака. В стороне была найдена сильно прокаленная лячка с двумя носиками и коническим дном (табл. XIV, *1*, *2*). К ее стенкам прилипла толстая корочка металлической меди. Там и сям попадались отдельные кусочки медных шлаков. Далее, на восток, были две неглубокие ямы диаметром около 1,25 м, сплошь наполненные древесным углем. Все эти остатки сосредоточивались на площади до 40 кв. м. К северу и северо-востоку, также за самими стенами дома, попадались куски железной руды, железные и медные шлаки, древесные угли, а также бракованный железный подток от копья латенского типа и бракованная большая трехлопастная бронзовая стрела.

По расположению дна горна и начала ям с углем на одном уровне с канавами от стен жилища и по зависимости распределения соответствующих находок за стенами жилища — очевидна одновременность бытования жилища и основного металлургического комплекса. Этот, повидимому, целостный комплекс — дом большой семьи ремесленников, при котором одновременно производились восстановление железа из руды, литье бронзовых предметов, ковка железных изделий. В этом доме найдено до десятка железных вещей: ножи, шилья, железная скоба, подток, половина сломанного железного псалия и железный крючок — немые свидетели универсальности скифского металлурга — рудознатца, литейщика и кузнеца на все руки.

Те же данные принесли и вскрытые в 1940 г. два жилища, имевшие, однако, совершенно иное устройство, чем наземные жилища, вскрытые в 1939 г. Это жилища типа землянок[1]. В самой землянке № 1 (раскоп I, 1940 г.) было всего несколько случайных кусочков медных шлаков, кричного железа и стенка тигля для плавки меди (табл. XIV, *3*). Немного больше подобных единичных следов было найдено между землянкой и внешним забором комплекса. Эта землянка не служила для металлургических целей.

Землянка № 2 (раскоп I, 1940 г.) сохранилась не полностью. Помещение этой землянки разделялось на две части: северо-восточная часть жилища была отгорожена столбовою стеною и разделена на комнаты; юго-западная была как бы углубленным двориком. Вдоль всей юго-западной стены в этом дворике на пространстве нескольких десятков квадратных метров располагались несколько десятков железных и немного медных шлаков, керамические, часто глазированные с одной стороны шлаки от стенок кричных горнов, несколько кусочков кричного железа, около них — два сильно оплакованных глиняных сопла (табл. XIV, *6*, *7* и *8*) и часть глиняной же заслонки кричной печи с отверстием для сопла (табл. XIV, *4* и *5*). Здесь же три песчаниковых точилки для обработки литых изделий и два медных литка. Внутри помещения — немного таких же шлаков, куски кричного железа, фрагменты круглo-

[1] См. главу III и приложение 2 — отчет за 1940 г.



Кричное и литейное мастерство и отходы работы костереза-пожовщика

1 и *2* — малые кричные заготовки; *3* — брусковидный кусок крицы; *4* — кричный четырехгранный прут; *5* — литок от бронзовой стрелы; *6* — литок от бронзового котла (*а* — сбоку, *б* — снизу, *в* — сверху); *7—13* — отходы костерезной работы; *14а* и *14б* — заготовки ножевых лезвий; *15а* и *15б* — бракованные ручки ножей из кости; *16* — костяная трубочка. (Все вещи — 1/2 н. в.)

донного глиняного цилиндрического тигля с налетом медной окиси на стенках, три железных кузнечных пробойника, точильные камни, конец слегка загнутой железной пилки[1] и бракованная бронзовая стрела. Мелкие кусочки шлаков обоих металлов встречены по всей площади довольно обширного — около 250 кв. м — раскопа. Ассортимент многочисленных бытовых железных вещей в этом раскопе тот же самый, что и в жилище, вскрытом в 1939 г.

Землянка № 3 в раскопе V 1940 г. была раскопана лишь частично покойным Б. З. Рабиновичем[2]. Конструкция ее та же, но план менее ясен. Уже вскрытая часть достигает 160 кв. м. За нынешними границами жилища пространство еще не затронуто, и над землянкою, и на полу ее встречены несколько десятков кусков железных и немного медных шлаков, кусок железной руды, кусок меди, несколько кусков крицы, два литка от бронзовых стрел (табл. XV, *5*; № 69), точильные камни и порядочный ассортимент железных изделий, в общем тот же, что в двух других жилищах, но с добавкой нескольких кованых гвоздей и скоб. Именно в этом жилище, в его наземной части, найдена почти полная крица (табл. XIV, *9–11*, № 317) вместе со значительным количеством шлаков. Она находилась у самого края землянки и могла попасть сюда извне. Остатки же металлургии сосредоточились на дне землянки в северной необитаемой части жилища, в таком же углубленном дворике, как и в землянке № 2.

В раскопе III 1940 г., представлявшем место древней свалки на обрывистом берегу Конки, среди всякого бытового мусора было немало мелких обломков железного шлака, несколько обломков железной руды и кусок меди. Вся картина свалки отвечает содержанию жилищ. Наконец, раскоп IV, очень небольшой и скоро оставленный из-за слабости и разрушенности культурного слоя, дал среди прочего материала большой кусок крицы, медные шлаки и песчаниковый точильный камень.

Все эти раскопы 1939—1940 гг. расположены на юго-западной части Каменских кучугур на пространстве с полсотни гектаров, на значительных расстояниях друг от друга.

В 1938 г. мы затронули только одно место в восточной части городища. Здесь были открыты остатки постройки хозяйственного назначения, может быть, склада вина или других хранившихся в амфорах продуктов. Но и здесь, снаружи у стены, были найдены остатки цилиндрического тигля с приставшими медными шлаками. Метрах в ста от этого места, в котловине выдувания, были найдены обломки небольшой глинобитной кричной печи. Таким образом, уже за три первых года раскопок удалось установить, что основные металлургические работы производились обычно за стенами наземных жилищ, а в землянках — вне их жилых частей. Разве только мелкие поделки изготовлялись в пределах жилых помещений (например, находки внутри землянки № 2).

Существенные дополнения к представлениям, полученным в первые годы раскопок, удалось сделать в результате раскопок 1949 и 1950 гг.

Раскоп V 1949 г. дал картину стратиграфически довольно пеструю. Изобилие железных шлаков, местами попадавшихся десятками, а местами — по сотне и больше, уже заранее говорило о большой выплавке в этом пункте кричного железа. Немало было обнаружено здесь и глиняных обломков от сильно ошлакованных разбитых горнов. В этом раскопе находились два одновременных наземных жилища обычной конструкции. За стенами жилища № 1, северо-восточного из них, к востоку, югу (больше всего) и юго-западу от него обнаружены остатки шлаков (до 456 в кв. 38). К юго-востоку от него было найдено 60 небольших, большей частью бесформенных, сильно прокаленных и ошлакованных кусков глины от кричного горна. Здесь же, кроме железных, были и медные шлаки. Может быть, сюда же относилась небольшая яма с остатками угля и золы.

При жилище № 2, в том же раскопе, к югу и юго-западу от него, найдены железные шлаки. Между прочим, здесь находилась яма (2 × 2 м), в которой нашлось 114 кусков шлаков и точилка для шильев. Эта яма служила, повидимому, для сброса мелких отходов кричного процесса.

Уже после гибели жилища № 1, в том же месте возникло первое пока сооружение, специально предназначенное для целей крич-

[1] Впрочем, не исключена возможность, что это внешний конец сильно зазубренного серпа.

[2] См. приложение 2 — отчет за 1940 г.

ной металлургии. Это сооружение отмечено канавами, как и стены жилищ. Одна из этих канав — полукруг, обращенный к северу вогнутой стороной и открытый с этой стороны. Расстояние между ее концами—9,5 м. От середины этой дуги к югу идет еще канава, также дуговидно выгнутая, но к востоку, так что к западу она вогнута и открыта. Между ее концами — около 5 м. Не трудно понять, что здесь стоял своеобразный забор из столбов, вероятно, своего рода защита от ветра. К востоку и западу от второй дуги попадалось несколько десятков железных шлаков, а к западу — четырехугольная яма, длиною с севера на юг 2,50 м, с запада на восток — 2 м, глубиною 20 см. В этой яме много сухого прокаленного песка с примесью золы, 17 кусков железных шлаков и кусок крицы. Здесь, конечно, лишь летнее приспособление с ямою для выбрасывания мусора. По малым размерам этой ямы можно думать, что все сооружение бытовало не слишком долго. Хотя в этом раскопе отходы кричного производства железа достигают размеров, ранее на Каменском городище не наблюдавшихся, но тут есть и следы бронзового литья (кусок металлической меди, специальные песчаниковые точилки, медная пластинка — отход производства). От кузнечных мелких работ остались один небольшой пробойничек и узкий, длинный точильный камень (длиной 45 см), несомненно, для окончательной обточки разных мелких и крупных железных орудий.

В раскопе VII 1949 г. было найдено немного железных шлаков, а также небольшое зубильце и заготовка лезвия ножа, не заточенная, без отверстий для клепок, лишь отрубленная зубильцем.

Раскоп VIII 1949 г. дал обычные признаки металлургии, т. е. обильные повсеместные железные шлаки, кусочек металлической меди и, наконец, заготовку ножа, поблизости от многих кусков кости, носящей следы обработки.

Минуя раскоп IX (о нем ниже), переходим прямо к раскопу X. В нем были обнаружены в нескольких квадратах железные шлаки, числом около 40, и найден железный молот-пуансон, вероятно, для штамповки панцырных чешуек. В квадратах, дополненных в течение 1950 г., следы металлургии также слабы, но все же вполне определенны: несколько мелких кусочков железного и один медного шлака, а также своеобразный большой бронзовый конус, — несомненно, литок от очень крупного литого из бронзы предмета, вероятнее всего, котла (табл. XV, *6*; № 1474). Установить взаимоотношение всего этого с жилищем, обнаруженным в этом раскопе, не удается.

Во всяком случае все, что обнаружено в области металлургии в раскопах V, VII, VIII и X, расположенных в непосредственной близости друг к другу, составляет один металлургический участок, на котором все установленные для Каменского городища виды металлургии, как всегда, бытовали вместе и очень интенсивно в течение добрых полутора веков. Здесь оказались и рабочие места за стенами жилищ и у особого заслона от ветра. В этом же комплексе установлено наличие ям для сбрасывания отходов кричного производства. Наконец, здесь же хорошо продемонстрировано, что тот же мастер и ковал, и отделывал костью ножи.

Раскоп IX находится всего в 90 м от раскопа V и за оба сезона 1949 и 1950 гг. достиг 1664 кв. м. В нем было установлено первичное наличие одного жилища, размещенного затем целым комплексом из четырех домиков. В отношении остатков металлургического производства это — самое богатое место из того, что мы знали на кучугурах до сих пор. Количество железных и медных предметов, найденных здесь за два года, более 300. Лишь после тщательного изучения вопроса о взаимоотношении жилищ и их смене удалось понять последовательность. Все домики здесь наземные, обычной конструкции. Количество остатков металлургического ремесла огромно: обломки железа (всего два), железные шлаки, ошлакованная глина от горнов — все это в сотнях и тысячах кусков. Капли меди (26 экземпляров), медные шлаки, кусочки меди и отходы в виде пластинок и т. п. — свидетели литейного дела. Бракованная серебряная головка орла и золотая серьга — немые свидетели ювелирного искусства.

Разнообразие самих металлических предметов небывалое. Но именно это изобилие следов металлургии очень затрудняло понимание всего комплекса. Остатки распределены по всей толще культурного слоя — и в жилищах, и за их стенами. Повсюду раскиданы мелкие железные инструменты: 11 зубил разного вида, большею частью мел-

ких, и 5 пробойничков. Соединение всех ремесел в одном месте налицо и здесь. По наличию заготовок панцырных чешуек можно заключить, что здесь, между прочим, работал оружейник-панцырник. Здесь также есть признаки того, что всюду удавалось установить и раньше. Остатки одного из горнов находились за северною стеною жилища № 1, то же было у жилища № 4; за стеною древнейшего жилища № 5 горн стоял на материке. Но в северной зимней комнате (с очагом) жилища № 3 находились яма со шлаком и обломками горна. Другие обломки горна оказались в северо-восточной комнате этого жилища на полу. Однако первый горн существовал лишь в самом начале жизни этого жилища или до него: тогда он относился еще к жилищу № 5. Во всяком случае чаще кричным делом занимались и здесь за стенами жилищ.

Кузнечные и мелкие литейные остатки есть во всех жилищах, кроме жилища № 2. И здесь, можно думать, как в землянке № 2 1940 г., мелкой работой занимались внутри жилища. Очень важны находки приварного лезвия топора (табл. I, *1*) и узкого зубчатого приварного лезвия серпа (рис. 14, *2*). Слабая сварка хорошо известна на множестве вещей из курганов [1]. Здесь мы видим ее брак на самом месте производства.

Очень важна яма № 3 у жилища № 5. По составу вещей она обслуживала как раз это жилище. В нее в равной мере поступали и бытовой мусор, и всевозможные отходы производства.

* * *

Основные выводы напрашиваются сами собой. Перед нами древний город эпохи великих Царских курганов. На всей главной жилой площади этого города жили и работали скифы-металлурги. Металлургия была их главным занятием, далеко оставляя за собою все остальные ремесла и работы.

То, на что намекали рассеянные по всему городищу поверхностные находки, совершенно доказано раскопками. Одни и те же руки выплавляли металл из руды, лили бронзовые предметы и ковали железо. Хороший пример — пространство за восточной стеной жилища, вскрытого в 1939 г., где сразу вместе обнаружены бракованное копье и бракованная стрела наряду с другими отходами. Три пробойника, назначение которых — пробивать в металле отверстия для клепок, найдены внутри одного и того же помещения (землянка № 2). Нечто близкое — в раскопе IX 1950 г. Самое частое применение клепок в скифских металлических изделиях — для прикрепления костяных ручек к ножам. Значит, те же руки отделывали и нож, и его костяные части.

Окончательно это подтверждено заготовками ножей в мастерской костореза в раскопе VIII 1949 г. Универсальность мастеров Каменского городища на этом примере еще очевиднее: они же делали и детали из других материалов к металлическим изделиям. Ту же картину объединения всех процессов — от добычи металла до литья и ковки — в одних руках дают зольники Бельского городища. Исключение — только зольник IX, где найдены лишь следы литья стрел [1]. Возможны случаи существования именно отдельных стрелоделателей. В целом же картина ясна с VI в. (Бельское городище) до конца III в. до н. э. (Каменка). Нельзя, конечно, думать, что один человек исполнял такую работу. Каждая из открытых раскопками на Каменских кучугурах мастерских связана с обширной постройкой до 100 кв. м и более, где налицо все признаки жилого дома: очаги, кухонная посуда, амфоры, столовая посуда, пряслица и шилья, зернотерки и кости домашних животных.

Нужно думать, что каждая семья, довольно многочисленная, занималась горным, кричным, литейным и кузнечным ремеслом. Действительно, и в жилище, вскрытом в 1939 г., и в обоих жилищах, обнаруженных в 1940 г., а в особенности в комплексах 1949–1950 гг., тут же на земле, за стенами жилища, из руды выплавляли оба металла, лились медные и ковались железные инструменты самого разного назначения. Несмотря на всю благоприятность климата, такие процессы едва ли были возможны на воле в снежные и дождливые месяцы нижнеднепровской зимы, т. е. с ноября по февраль.

Предполагавшееся ранее отсутствие особых сооружений опровергнуто комплексом раскопа V 1949 г., а именно заслоном от вет-

[1] Особенно хорошо она заметна у наверший и рукоятей мечей и на втулках копий.

[1] В. А. Городцов. Результаты исследований в Зеньковском уезде. Тр. XIV АС, т. I, М., 1910.

ра при кричных работах и изготовлением ям для сброса туда сломанных горнов и шлаков (два в раскопе V 1949 г. и два в раскопе IX 1949/1950 г.). По находкам внутри жилых помещений можно думать, что там все же иногда изготовляли мелкие предметы посредством ковки и литья, что вполне вероятно для зимы.

Каменское городище явно было постоянным поселением оседлых мастеров-металлургов в этой стране скифов-кочевников. Полнота хозяйственной жизни этих металлургов едва ли исчерпывалась их коренным ремеслом. Обилие костей животных (лошадей, коров и овец), зернотерок, следов ткацкого и гончарного ремесл говорит скорее за то, что какая-то часть семей металлургов жила жизнью основной массы степного населения, но все же металлургия была их главным занятием. Конечно, и хлеб, и скот в какой-то мере могли поступать, как и другие товары, в руки этих мастеров от степных сородичей, в могилах которых так широко представлены бронзовые и железные вещи.

В ряде мест этой работы показана территориальная и бытовая связь этого городища с Царскими курганами, т. е. с Чертомлыком, Солохою и т. п. Раскопки 1945 г. на цитадели городища вместе с прежними обследованиями показали, что в цитадели жизнь была богаче и не отличалась сколько-нибудь ясно выраженным ремесленным характером. Но площадь цитадели, около 30 га, ничтожна в сравнении со всем городом, а время ее жизни на 400 лет дольше.

Некрополь каменских скифов-металлургов еще не найден. На противоположном берегу вскрыто более 70 рядовых скифских погребений этого же времени. Эти погребения, вероятно, связаны с соседними Сулицким, Быстрицким и Копылевским селищами. В этих погребениях были похоронены свободные степняки-воины, у которых иной раз явно водилось и кое-какое золото. Инвентарь этих погребений в ряде черт тот же, что и найденный в жилищах металлургов Каменки. И степняки, и металлурги в изобилии пили греческое вино. Жилища и могилы — немые свидетели этого. Так, например, в наиболее сохранном жилище, вскрытом в 1939 г., найдены 24 ножки винных амфор. Все это говорит, думается, о свободных ремесленниках. Но в то же время очень мало обломков сосудов греческого черного лака; единицы их, иной раз побитые в быту, есть и в могилах на Никопольстрое.

А как велик разрыв между бытом этих семей ремесленников и жителей акрополя того же городища, не говоря уже о разнице инвентаря рядовых и царских могил! Но все же и в тризне Александропольского кургана, и в хижине металлурга, раскопанной на Каменке в 1939 г., одинаково фигурирует горло амфоры с одним и тем же штемпелем гераклейского гончара Этима. Конечно, формы зависимости этих кузнецов и литейщиков от военной скифской аристократии не могут быть определены, пока не будет ясно решен вопрос о социальном строе Скифии. Может быть, однако, изделия мастеров Каменки играли какую-то роль наряду с хлебом, скотом, рабами и набегами в образовании грандиозных скоплений благородного металла в Солохе и Чертомлыке.

Я не берусь без помощи специалистов дать точную картину техники обоих ремесл. Попытаюсь остановиться только на некоторых доступных мне деталях.

Плавка меди производилась в цилиндрических круглодонных тиглях, величиной с обычную молочную крынку (табл. XIV, *3*). Расплавленный металл переливался в форму из конической книзу льячки с двумя носиками (табл. XIV, *1*). Размер такой льячки — около полулитра. Вопрос о литейных формах неясен. В Скифии вообще известны 3—4 каменные формы для отливки украшений, 3 медные формы для отливки наконечников стрел[1]. Литье крупных предметов, в частности зеркал и котлов, производилось в многосоставных формах, причем для многих из этих вещей явно применение приема «с утерей восковой модели». Не от таких ли форм происходят мелкие обломочки сильно прокаленной глины? В небольшом числе они были найдены при жилище раскопок 1939 г. и при первом жилище раскопок 1940 г. на Каменских кучугурах.

Два обломка бронзовых котлов найдены в выдувах при разведке 1949 и 1950 гг.; упомянутый литок (табл. XV, *6*) обнаружен в раскопе X 1949 г. Несколько раз среди подъемного материала из Каменки встречены бронзовые или медные пластинки со следами распила. Найденная нами в первом

[1] Первые не изданы, кроме Марицинской; вторые изданы Ф. М. Штительман — «Две литейные формы...» (укр.). «Археологія», Київ, 1947, I, стр. 161 и сл.

жилище раскопок 1940 г. железная пилка (?), узкая, серповидно изогнутая, может быть, была назначена для распилки таких пластин. Еще из старых анализов металла скифских наконечников стрел известно, что с архаического времени для этой цели применялись в качестве приплава олово и цинк; процент последнего мог достигать до 21. Г. Д. Смирновым при разведках 1938 г. в одном месте кучугур были собраны в очень большом количестве стружки какого-то белого, сильно окисленного металла. Анализ его в химической лаборатории Института археологии в Киеве показал, что это цинк.

Из тех же сборов раскопок в Каменке видно, что сыродутный процесс протекал в небольших глинобитных печах. Их формы установить пока не удалось. Вес бракованной крицы немного превышает 2 кг (по неполному экземпляру 1940 г.). Форма ее круглая, нижняя сторона полусферическая, поверхность плосковатая.

Круглая крица не является единственной формой железа в товарном виде. Это может быть даже брак, так как она еще не прокована. Похоже на то, что из нее взяли пробу (вырезан один угол) и затем крицу выбросили. Изредка попадались нам в 1949 и 1950 гг. секторовидные мелкие кусочки таких круглых криц, достаточно прокованные. Но они ничтожны по величине и явно случайны. В 1950 г. в раскопе IX встречено 7 кусков кричных брусков и прутьев. К сожалению, среди них нет ни одного целого, и окончательно судить об их форме нет возможности. Среди них есть два узких и тонких куска (длина — 10—11 см, ширина — 5—8 мм, толщина — 2 мм, вес одного — 65 г); на концах они обрублены зубилом, в сечении прямоугольны (табл. XV, *1* и *2*; IX, $\frac{86}{2}$, $\frac{18}{2}$ и $\frac{19а}{3}$). Вероятно, к таким же тонким крицам относятся два кусочка (длиной 3,8 и 4,5 см при толщине 5—6 мм), обрубленные на концах зубилом (IX, $\frac{18}{4}$ и IX, 14—выброс). Один кусок массивного бруска (табл. XV, *3*; IX, $\frac{13а}{1}$, № 2) имеет длину 8 см, ширину 2,2 см, толщину до 1,5 см, вес 135 г. У него довольно правильное прямоугольное сечение; концы отрублены тяжелым зубилом. Наконец, имеется длинный и узкий прут с трапециевидным сечением (табл. XV, *4*; 1950 г., IX, $\frac{13}{1}$, № 1) 14 см длиною, 1 см шириною, 6 мм толщиною. Все эти примеры показывают, что обычное кричное железо изготовлялось в виде прутьев и брусков четырехгранного сечения, с большим различием в ширине и толщине [1].

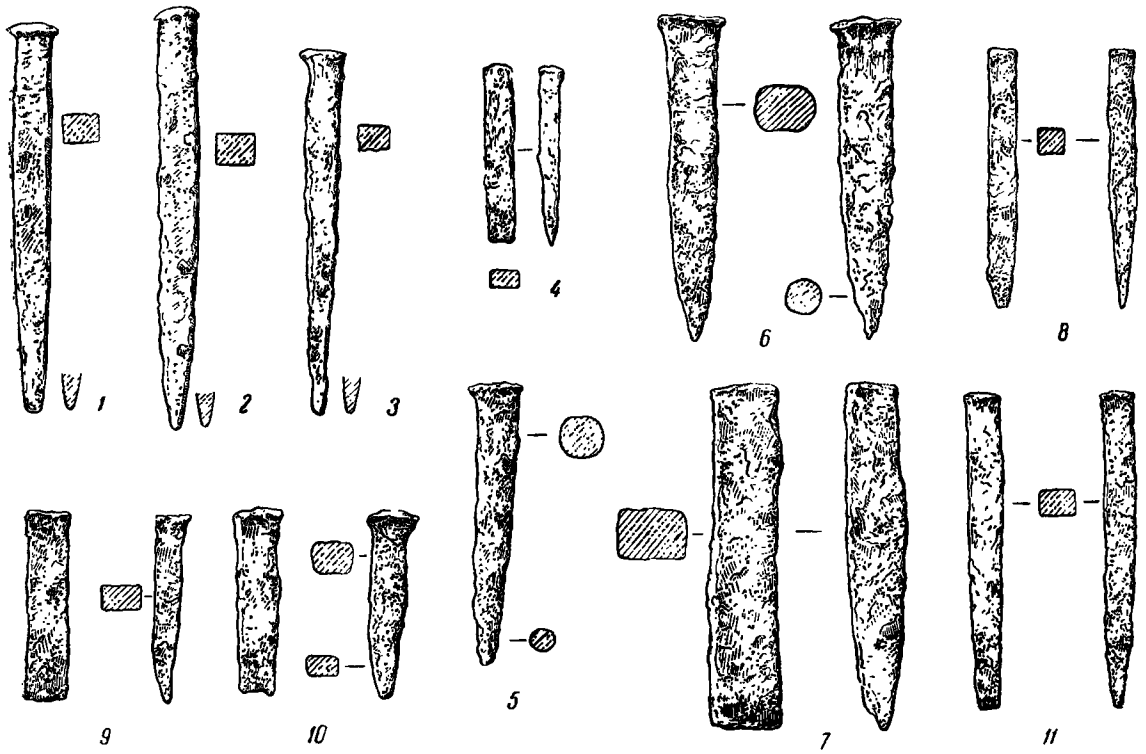
Резервуар печи был небольшой и круглодонный. Величина его была не больше печного горшка с поперечником около 12—15 см. Обломки дна печи из жилища № 5 в раскопе IX 1950 г. и заслонки и части дна в землянке № 2 1940 г. говорят о глиняных четырехугольных горнах — ящиках до 40 см в квадрате с двумя обязательными соплами, при толщине стенок до 4—5 см (табл. XIV, *4—8*). Печь эта была, повидимому, близка по конструкции и величине горшкообразным горнам из Бенгалии, примитивнейшим в Персии и Индии, а также сходным горнам Судана, — еще более примитивным, — опубликованным Риккардом в American Journal of archeology за 1938 г. Заслонка такой печи изготовлялась из сырой глины, в которой проделывались отверстия для двух сопел.

Из кузнечных орудий найдены 24 пробойника и зубила разных размеров (табл. XVI, *1—11*). Длина тех и других — от 4,5 до 11,5 см, при толщине от 0,5 до 1,2 см. Все они прямоугольные или квадратные в сечении. У всех от ударов молотка сильно расплющены верхние концы. Следы работы зубил достаточно представлены на концах заготовок ножей и у кричных прутиков. Отверстия в панцырных чешуйках, черенках ножей и т. п. — следы действия пробойников. Ни наковален, ни молотов, ни щипцов пока что не найдено. Интересен лишь молот-пуансон для изготовления панцырных чешуек (?) с круглым проухом (табл. XVII, 7).

Не касаясь деталей производства мелких железных и медных вещиц, замечу, что наиболее распространенным видом их первичной формы являются тонкие четырехгранные стерженьки разной длины. В раскопе IX 1950 г. найдено 10 медных и более 90 железных стерженьков. Булавка, иголка, шило, гвоздь, скрепки и т. д. — все это могло быть

[1] В раскопе I 1952 г. была найдена одна узкая крица 1-го типа (находка № 43). Были ли еще находки подобного рода в 1952 г. — пока неизвестно.

Таблица XVI



Железные зубила и пробойники

1—3 — пробойники из раскопок 1940 г. $\left(\text{I}, \frac{21}{2}, \text{№ 203}; \text{I}, \frac{21}{3}, \text{№ 206}; \text{I}, \frac{14}{6-7}, \text{№ 110}\right)$; *4* — зубильце из раскопок 1949 г. $\left(\text{V}, \frac{12}{4}, \text{малое}\right)$; *5* и *6* — пробойники из раскопок 1950 г. $\left(\text{IX}, \frac{9\text{ж}}{3}, \text{№ 247 и IX}, \frac{8\text{в}}{4}, \text{№ 734}\right)$; *7*—*11* — зубила из раскопок 1950 г. $\left(\text{IX}, \frac{76}{5}, \text{№ 1003}; \text{IX}, \frac{10}{4}, \text{№ 667}; \text{IX}, \frac{8\text{в}}{4}, \text{№ 735}; \text{IX}, \frac{16}{4}, \text{№ 698}; \text{IX}, \frac{7\text{л}}{4}, \text{№ 839}\right)$. (Все вещи — 1/2 н. в.)

сделано и, действительно, делалось из разных вариантов таких стерженьков.

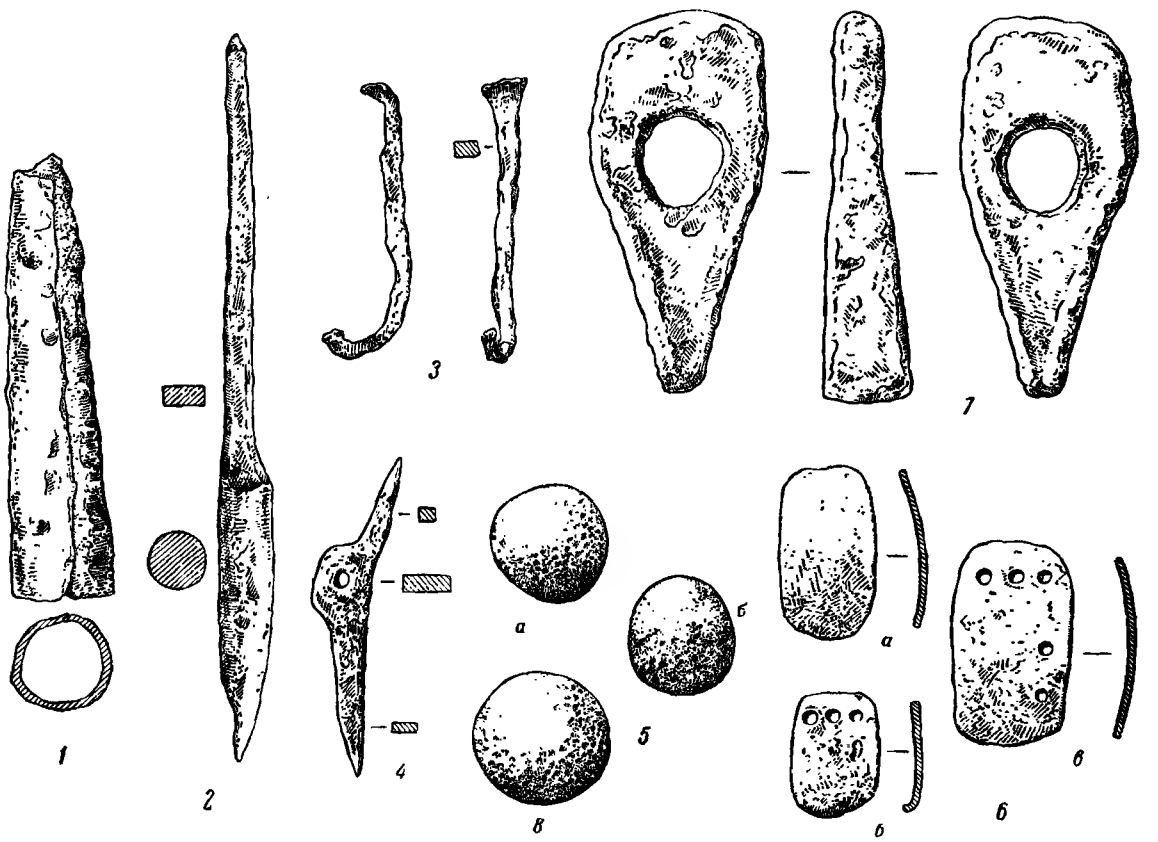
* * *

Невольно возникает вопрос о ремесленном и торговом значении скифских городищ. В курганах греческий импорт является в виде предметов торевтики и ювелирного искусства, расписной и чернолаковой керамики, в стекле, бусах и амфорах. В городищах первая категория вещей совершенно отсутствует, вторая и третья представлены ничтожно, четвертая — более или менее часто; амфоры своими фрагментами превосходят все остальное В. А. Городцов отмечает в дневнике раскопок Бельского городища, что в ряде случаев фрагменты амфор преобладали над местною посудой. То же приходится сказать обо всем пространстве Каменских кучугур. Не служили ли самая железная руда Криворожья, а также, может быть, и сами изделия, одним из товаров, за которые получалось импортное греческое добро и особенно вино?

Крымские греческие города были достаточно обеспечены местным железом. Ольвия лила и ковала сама и по своим греческим, и по степным скифским образцам. Но потребный в большом количестве для этого металл мог привозиться через Каменскую пристань вниз по Днепру, известному ольвийцам лишь до порогов.

Конечно, большая часть изделий шла из этих скифских городов в степь. Особенно должен был их туда сбывать безымянный город у Каменки. Не мог же он сам потребить всю массу своих изделий. В Бельском городище встречены и медные, и железные

Таблица XVII



Предметы вооружения

1 — втулка копья; *2* — подток копья; *3* — крюк для колчана; *4* — пегля от колчана; *5а — 5в* — пращевые шары; *6а — 6в* — чешуйки от панцыря; *7* — пуансон для их выработки. (*1, 2, 3, 4, 6б, 6в, 7* — железо; *5а — 5в* — камень; *6а* — бронза). (*1–5в* — 1/2 н. в.; *6а–6в* — н. в.; *7* — 1/4 н. в.)

шлаки в зольниках, относящихся к VI—V вв. до н. э. Каменское городище начало свое существование не раньше второй половины V в. до н. э. Однако близ Бельского городища нет медных рудников. Железо, может быть, добывалось из каких-нибудь местных руд. Эта местность связана с Днепром водными путями. Рано возникши на Криворожье, добывание руды и металлургия, очень вероятно, были одной из причин образования Каменского городища, очень выгодно расположенного стратегически и экономически и к тому же вблизи от области Геррос.

До сих пор, и это казалось справедливым, считалось, что у греков скифы назывались изобретателями железного оружия, в силу смешения с ними халибов. Но, может быть, усиление железной индустрии в Скифии после походов в Закавказье и дальнейшее местное развитие металлургии, известное грекам-черноморцам непосредственно, привели к этому в одинаковой мере. Таким образом, Скифия — мать железа, и скифское железо Эсхила и Гелланика, может быть, значительно более реальное представление, чем это казалось раньше.

Я не собираюсь сейчас представить ни широких обобщений, ни детального описания бронзолитейного и кузнечного ремесл у скифов Каменки. Остановлюсь сейчас на простом просмотре видов металлургического производства этих мастеров.

Прежде всего, это выплавка железа, меди и цинка. Многое, конечно, потреблялось на месте, но бо́льшая часть, несомненно, вывозилась, как я и пытался сейчас показать.

Орудия самого ремесла производились тут же. Но готовились и другие вещи. Обслуживалось ткацкое ремесло—в изобилии лились свинцовые пряслица; они широко употреблялись и в быту самого городища, и рассеивались по степи. Железные долота и сверла обслуживали деревообделочников. Иглы, шилья и ножи облегчали быт и женщины, и воина. Псалии — целые, сломанные и бракованные, железные и медные, — подоски (2 экземпляра) служат указанием на обслуживание металлургами верхового коня и повозки. Панцырные железные и медные чешуйки, подток и втулка дротиков, наконечники стрел, частью бракованные, частью потерянные самими кузнецами, бывшими в то же время и воинами, — богатый диапазон всей их работы. Украшения в виде проволочных серег, медных и железных булавок и т. п. находятся тут же. Бракованная при литье серебряная головка орла и конец псалия в зверином стиле свидетели того, что искусство с его звериным стилем выходило из этих же рук. Итак, все это сосредоточивалось в одних и тех же руках. Так велико было мастерство этих обывателей хилых столбовых жилищ. И еще разительнее разрыв между положением обитателя этой хижины и обстановкою царских могил.

2. МАСТЕРСКАЯ КОСТЕРЕЗА-НОЖОВЩИКА

Как образец всего разнообразия деятельности такого мастера, рассмотрим поближе мастера-ножовщика, следы работы которого обнаружены в раскопке VIII 1949 г.

Тут было найдено 7 обломков костей, служивших для костяных изделий. Вещи эти были почему-то забракованы и недоделаны. Обломок трубчатой кости имеет на одном конце неопределенные надрезы, на другом— узкую выемочку, причем вся кость имеет аккуратно оформленный конец в виде притупленного острия (табл. XV, *7*). Вероятно, это неоконченная заготовка пластинки для концевой обкладки лука. Длина ее — 11,3 см. Еще три обломка носят не вполне понятные зарубки и надрезы и являются неопределенными по назначению: скорее всего, это просто обломки — отходы (табл. XV, *8—10*). Еще один обломок широкой кости сегментовиден в сечении и имеет глубокий надпил (табл. XV, *11*). Из двух удлиненных обломков один имеет две сегментовидно выгнутые поверхности и на одной из торцовых сторон вырез для вставки лезвия ножа, другой же обломок, пустой внутри, огранен в уплощенный восьмигранник (табл. XV, *12* и *13*). Это, очевидно, заготовки незаконченных однопластинчатой и двухпластинчатой ручек ножей. Оба типа достаточно обычны. Неподалеку была найдена заготовочка лезвия короткого ножа. Она отрублена двумя ударами зубила от узкой пластинки, причем ей была придана форма лезвия, но еще не сделаны отверстия для приклепывания (табл. XV, *14*). Подобная же заготовка была обнаружена в раскопе V 1940 г. и в раскопе VII 1949 г. (табл. XV, *15*). Во всех трех случаях заготовки были брошены на одном и том же моменте работы. Длина их — около 4 см.

В раскопе IX 1950 г. были встречены две заготовки лезвий ножей без всякого соседства кости. Это — лишнее подтверждение распространенности данного ремесла и важности ножа в тогдашнем быту. Тип тоже один и тот же. Перечисленные предметы в раскопе VIII 1949 г. найдены поблизости друг к другу в 5—6-м штыках. Их одновременность несомненна. Разнообразие пластинок от детали лука до ручки ножа указывает на разнообразие функций костереза. Но и найденная тут же отрубленная заготовка лезвия ножа, которая нуждалась еще в нагреве и ударах пробойника, указывает на то, что костерез же был и ножовщиком. Если сравнить эту находку с бракованными костяными пластинками от ручек ножей с кучугур и акрополя (табл. XV, *15а* и *15б*) с такой же заготовкою лезвия и литком от бронзового наконечника стрелы в раскопе V 1940 г. (табл. XV, *6*) и учесть другие остатки металлургии оттуда же, — то весь комплекс работ, от крупных до мелочей, выглядит как бы сосредоточенным в одних руках. У жилища раскопа 1939 г. в одном и том же месте оказались бракованный подток копья из железа и бракованный бронзовый наконечник стрелы. Оружейник здесь предстает перед нами и как литейщик, и как кузнец. Конечно, он же изготовлял и ценнейшую часть обоих видов оружия—тщательно высушенное, обработанное и вывешенное древко.

Примеров совмещения всех видов встречающейся здесь металлургии у одного дома, т. е. в одной семье, выше приведено много. Выбранные же только что примеры указы-

вают на наличие в таких семьях мастеров, совмещавших в своих руках кузнечное и литейное дело, изготовление мелких железных и медных предметов или оружия с костерезным и деревообделочным мастерством. Такой костерез явно мог делать и вещи, не связанные с ножом или вообще металлическим предметом. Обкладка лука — тому свидетель.

Работа по кости, вне связи и в связи с мелким кузнечным ремеслом, не прекращалась в течение всего времени, когда существовало Каменское городище. В 1946 г. на акрополе городища было найдено много остатков кости со следами распилов. В том же году пластинка с отверстиями для клепок от ручки ножа была найдена в верхних слоях раскопа, однако типа, обычного для классической и эллинистической эпох. В 1945 г. на акрополе же, в поздней части слоя, была найдена кривая костяная игла очень тщательной работы (табл. XIII, *12*). Возможно, что число костяных вещей в позднем быту даже несколько увеличилось, столь много их на акрополе и столь мало и скудно они представлены на кучугурах. Впрочем, надо помнить о низкой сохранности костного материала с кучугур вообще, сравнительно с таким же материалом с акрополя.

3. ПРОДУКЦИЯ ТРУДА ОРУЖЕЙНИКОВ

Оружие в находках на Каменском городище — явление совершенно необычное. Его совсем нет в акрополе (впрочем, там площадь раскопок очень мала) и весьма немного на кучугурах. Лишь наконечники стрел составляют некоторое исключение. Это, конечно, результат все того же обычая — класть все лучшее покойнику в могилу. И, конечно, пара копий, постоянно сопровождавших в могилу рядового воина, и изредка акинак не принадлежали к числу дешевых вещей.

Всего встречено при раскопках две части от копий, около сотни наконечников стрел и 90 каменных пращевых шаров [1].

От железных копий сохранилась прежде всего одна втулка обычной усеченно-конической формы (табл. XVII, *1;* 1940 г., I, $\frac{1}{3}$, № 24). Перо отсутствует. Длина этой вещи — 8,8 см, диаметр внизу — 1,8 см. Малый размер втулки говорит о малом размере копья, скорее, может быть, дротика в духе обычных листовидных копий скифов. Во всю высоту втулки ясно видна цель по линии сварки с характерным, едва заметным расхождением внизу запахнутых друг на друга пол втулки копья. Излом в верхней части очень отчетливый; на мой взгляд, это результат или неудачной ковки, или низкого качества хрупкой крицы. Иначе говоря, вероятнее всего, что эта втулка брошена была, как брак. После тщательного исследования А. И. Мелюковой скифского оружия [1] теперь хорошо известно, что копья составляли, в противоположность мечу, в причерноморской Скифии почти такое же распространенное оружие, как и стрелы. Почти каждое из таких копий сопровождалось полою железною оковкою на нижнем конце древка в виде полого конуса или цилиндра. Но такого подтока на кучугурах встретить не удалось ни одного раза.

Зато совершенно неожиданно здесь был обнаружен необычный для этой области подток (табл. XVII, *2;* 1939 г., II, $\frac{3а}{4}$, № 36) в виде массивного цилиндро-конического, очень острого наконечника с прямоугольного сечения черешком, погнутого и не очень сильно заостренного наверху. Внизу острие слегка погнуто вбок. Вся длина вещи — 16 см, из них на долю цилиндро-конического острия приходится 6,5 см. Оно находилось снаружи, а черешок вводился внутрь древка. Небрежная отковка всей вещи и испорченный верхний конец стержня, а также обстоятельства ее находки среди брака и отходов металлургии (1939 г., II, $\frac{3а}{4}$, № 36) говорят, что и это кузнечный брак. Такой формы подтоки обычны в латенской культуре, особенно в эпоху второй его хронологической ступени. Они бывают и у копий, и особенно часто у дротиков [2]. Примечательно, что эта кельтская вещь, при всей ее единичности в скифской культуре, была изготовлена каменскими металлургами.

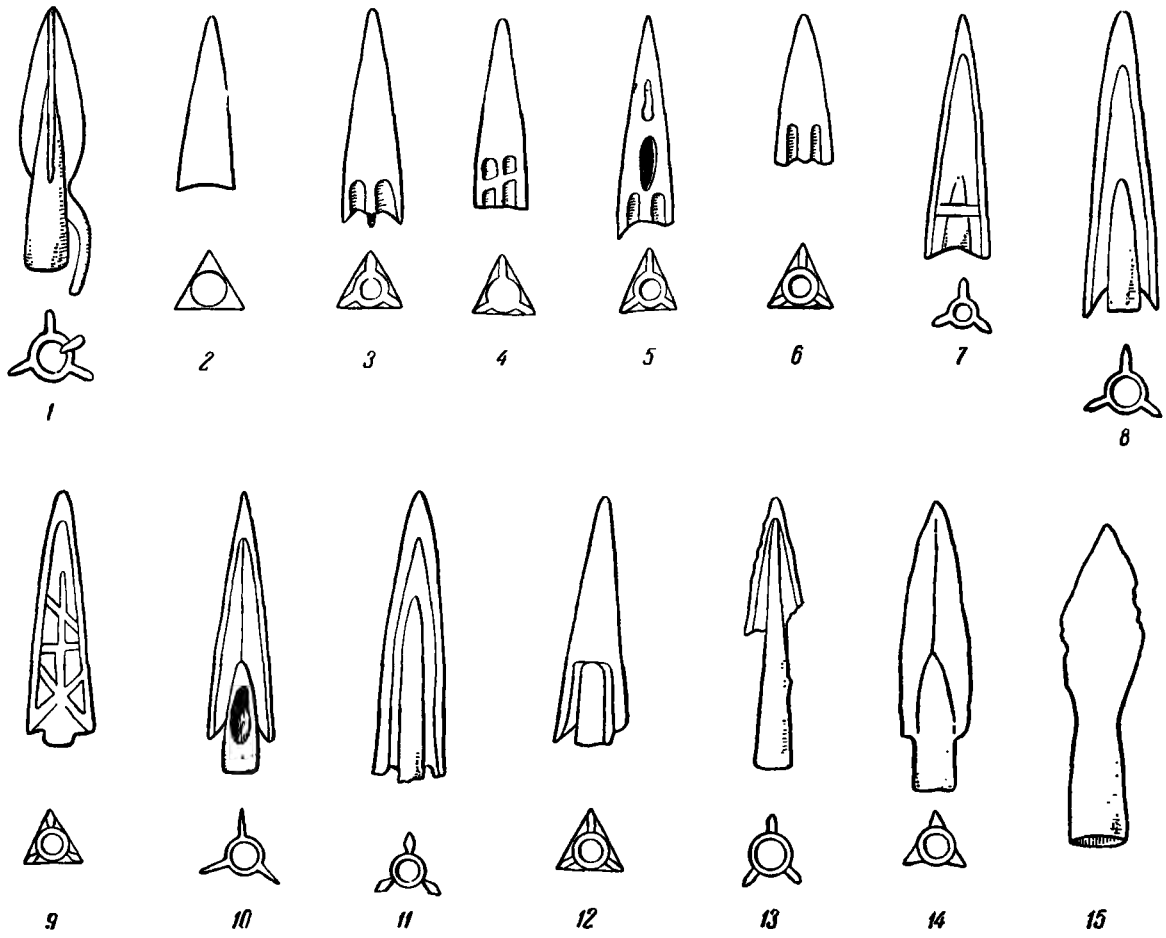
Наконечники стрел встречены в очень значительном количестве — всего 89

[1] Количество того и другого значительно возросло после раскопок 1952 г.

[1] Диссертация

[2] J. Déchélette. Ук. соч., стр. 1148, рис. 481, *1, 2, 4* и *5*.

Таблица XVIII



Наконечники стрел

1–12 — из бронзы; *13–15* — из железа. (Все вещи — п. в.)

штук. За исключением четырех железных, все остальные наконечники бронзовые.

1-й тип – трехлопастный наконечник из бронзы (табл. XVIII, *1*). Лопасти полуяйцевидные; под одной из них — шип, спускающийся ниже втулки. Втулка выдается значительно ниже головки. Размер всего наконечника — 3,5 см. Такая форма обычна для архаического времени. Однако, как правильно отметил П. Рау, встречается она единично и во второй половине V в. Описываемый предмет именно к такой форме и приближается. Он был найден на осыпи близ раскопов I и IV 1949 г.[1]

Все остальные бронзовые наконечники относятся по форме к пирамидальным трехлопастным и трехгранным. Часть из них имеет обрезную, находящуюся лишь в теле наконечника втулку. Другие обладают хотя и короткой, но выдающейся ниже головки втулкой.

2-й тип — трехгранный (табл. XVIII, *2*; 1949 г., № 1362), ребра обычно слабо дуговидны, с обрезной втулкой, внизу каждого ребра имеются короткие шипы; два соседних шипа отделены друг от друга выемкой в основании стрелы. Выемка эта или остроугольна, или слабо дуговидна. Размер этих стрел в высоту — от 2 до 2,8 см. Всего

[1] См. P. Rau. Früheisenzeit im Unteren Wolgagebiet. 1929, табл. VIII, рис. 3 из Огуза.

Наш экземпляр, к сожалению, утерян при упаковке и пересылке.

таких наконечников найдено 28 штук (из них 13 в собрании И. П. Грязнова).

3-й тип — трехгранный, с обрезною внутреннею втулкою (табл. XVIII, 3; 1949 г., X, $\frac{2}{5}$). Внизу между шипами, неизбежно заканчивающими каждое слабо дуговидное ребро, сделан четырехугольный ложок очень малой высоты, на середине которого — слабо выпуклая декоративная псевдовтулка, при заточке часто превращающаяся в плоскую полоску, делящую ложок надвое. Величина этих наконечников — от 2 до 3,5 см. Их найдено 24 экземпляра, из которых 17 принадлежат И. П. Грязнову. У нескольких экземпляров в собрании последнего на ложке - выпуклый косой крест или косая выпуклая полоска.

4-й тип представляет собою вариант третьего. У него над нижним малым ложком, по каждой грани, идет второй, очень мелкий ложок, отделенный от первого узкой рельефной полоской и довольно далеко не достигающий острия (табл. XVIII, *4;* 1949 г., № 513). Очень часто этот верхний ложок при заточке почти совершенно стирается, и его трудно заметить. Эти наконечники — все около 3 см высотою. На городище их найдено 7 экземпляров (у И. П. Грязнова — 1 экземпляр).

Всего стрел этих типов из Каменки я знаю, таким образом, 58 экземпляров. Согласно верному выводу Рау, они начинают встречаться в большом количестве (иногда сотнями в одном колчане) с конца V в. до н. э. и составляют основную массу наконечников IV и III вв. до н. э. Они встречаются во многих из царских курганов и в курганах на Никопольстрое [1].

5-й тип является очень близким к третьему, но ложная втулка очень рельефна, два ребра наискось притуплены, а третье острым шипом спускается ниже втулки. Вся длина — 3,2 см с шипом (табл. XVIII, *5*). Найден только один экземпляр (1949 г., IX, $\frac{6}{2}$, № 909). Сходные типы изредка встречаются среди наконечников IV—III вв. до н. э., между прочим, по Рау, в Цимбалке [2].

6-й тип — очень малых размеров, всего 1,5 см, с таким же ложком и ложной втулкою, как тип 3-й, и имеет длину лишь в два раза больше ширины основания и длинные шипы на концах ребер (табл. XVIII, *6*; 1949 г., № 516). Такие наконечники очень редки; по Рау, сходные есть лишь в V в. до н. э. Найден всего один.

Далее мы рассмотрим типы, у которых ниже головки выдается втулка.

7-й тип — трехлопастный, с обрезною втулкою, хорошо намеченной на поверхности головки. Ложок — почти до острия. Ребра с шипами. Длина — 2,5 см. Один экземпляр имеется в коллекции И. П. Грязнова (табл. XVIII, *7*).

8-й тип — трехлопастные наконечники стрел; втулка на 3—4 мм ниже головки, на поверхности последней втулка отмечена на $^1/_2$ длины; ложок доходит почти до острия; ребра спущены почти до конца втулки (табл. XVIII, *8;* 1949 г., VI, $\frac{19}{2}$). В целом 8-й тип вполне схож с 7-м типом. Длина наконечников — 3,5—4,2 см, ширина основания — $^1/_5$—$^1/_6$ длины наконечника. Всего таких наконечников найдено 17 (из них восемь—у И. П. Грязнова). Тип тоже весьма обычный в Царских курганах и характерный с конца V в. и в IV—III вв. до н. э.

9-й тип таков же, как 8-й тип, но на головке поперек втулки — орнамент: косой крест, поперечная полоска и над нею — еще косой крест. Такой же наконечник стрелы, но без поперечной полоски, в 1 экземпляре есть у Грязнова (табл. XVIII, *9;* 1949 г., № 378). Всего их имеется 2 экземпляра. Длина — 4,2 и 3,6 см. В сущности, это орнаментированный вариант 8-го типа. Подобные стрелы, но с разным орнаментом, обычны от самой середины V в. до н. э. и до конца употребления бронзовых стрел [1].

10-й тип — трехлопастный, ложок доходит почти до острия, втулка выдается ниже головки на 5—6 мм; на поверхности головки она намечена не более, чем на $^1/_4$ длины. Все ребра внизу притуплены (табл. XVIII, *10;* 1949 г., п. м.). Всего таких наконечников — семь (два — в собрании Грязнова).

11-й тип очень близок к 8-му типу, но отличается тем, что ребра над шипами плавно расходятся в стороны. От этого шипы слегка раздвинуты концами. По Рау, этот

[1] См. P. Rau. Ук. соч., табл. VIII—XII. Есть они и в Солохе.

[2] Там же, табл. X, *1D* и *1H*.

[1] См. P. Rau. Ук. соч., табл. VIII и сл.

тип особенно обычен в III в.[1] Размер стрел этого типа такой же, как крупных стрел 8-го типа. За все время встречен в 1949 г. всего один экземпляр (табл. XVIII, *11*; V, $\frac{22}{2}$, № 322).

12-й тип — смешанный между 8-м типом и тремя предыдущими. Втулка, ребра и грани такие же, как у 8-го типа. До одной трети или половины головки на поверхности нанесены контуры втулки, с узкими ложками по бокам, срезанной наверху поперек; в верхней части головки трехгранные, а ниже — трехлопастные (табл. XVIII, *12;* 1949 г., № 532). Всего таких стрел две, из них одна — у Грязнова. Размер — около 3,5 см.

Известны следующие типы железных стрел с кучугур.

1-й тип имеет трехлопастную головку с прямыми шипастыми лопастями и длинною (более половины вещи) втулкою (табл. XVIII, *13;* 1949 г., п. м.). Длина двух экземпляров (один у И. П. Грязнова) — 3,8 и 3,2 см. Оба наконечника погнуты у втулки (кузнечный брак?). Тип этот довольно часто встречается в курганах Прикубанья и Дона с конца V в. до н. э.

2-й тип, имеющийся всего в 1 экземпляре (в собрании Грязнова), является прямым подражанием типу 8-му бронзовых стрел (табл. XVIII, *14*). Длина — 4,2 см. Этот тип в нескольких экземплярах встречен нами под Никополем в группе «Сірко», в могиле кургана № 4 раскопок 1945 г.

3-й тип был обнаружен Сердюковым: он имеет трехлопастную головку с полуромбическими лопастями и длинную втулку[2]. Такие стрелы известны на Кавказе в Ульском 1-м кургане (конец VI в. до н. э.) и в Блюменфельдском кургане А (первая половина V в. до н. э.). Других случаев я не знаю[3].

4-й тип — плоская листовидная со втулкою стрела (табл. XVIII, *15;* 1950 г., IX, $\frac{6г}{3}$, № 168), ее длина — 4,5 см, из которых на долю втулки приходится 1,5 см. Жало крайне асимметрично. На нем нет признаков ребра. Хорошо известно, что сходные стрелы, но всегда с ребром, часто встречаются в VI в. до н. э., а потом совсем исчезают. Стрелы же подобного типа, но без ребра и именно железные, в большом числе появляются в Воронежских скифских курганах в IV и III вв. до н. э. Для всей Нижнеднепровской степи, насколько я знаю, приводимый пример — единственная в своем роде находка[1].

Наконечники бронзовые по большей части имеют вполне заточенные формы и потеряны случайно. Из этого видно, до чего это оружие было обычным. Стрелы 2, 3 и 8-го типов встречены в бракованном, не заточенном виде. Вместе с упомянутым выше трехгранным в сечении литком от стрелы это — лучшее доказательство местной выработки стрел. Отсюда же ясно, что соседние степняки наполняли свои колчаны в каменских мастерских. Простого сопоставления достаточно, чтобы увидеть, что, несмотря на развитие кричного и кузнечного дела, жители этого города и соседних степей почти не пользовались железными наконечниками, отличаясь этим от племени Подонья и Прикубанья.

Известны четыре целых железных крючка, сильно открытых, и несколько обломков таких крючков. Два целых крючка имеют наверху один (в собрании И. П. Грязнова) — петлю, другой (табл. XVII, *3*; 1950 г., IX, $\frac{6л}{3}$, № 170) — расширение для привязки. По не очень частым аналогиям[2] можно с большой долей вероятия считать их крючками для привязки горита или колчана. Может быть, к колчану или гориту относится еще очень необычная железная вещица (табл. XVII, *4*; 1950 г., IX, $\frac{7б}{5}$). Это четырехгранный прут, заостренный на концах и слегка выгнутый в одну сторону. Длина его по хорде — 8,5 см. На выпуклой стороне — петля. Очень возможно, что этот стержень прикреплялся к колчану или гориту, а сквозь петлю продевался крючок из только что описанной группы.

Пращевые камни сделаны обычно из черной кристаллической породы, довольно

[1] Там же, табл. X—XII и особо стр. 23.
[2] ОАК за 1899 г., стр. 37, рис. 64.
[3] ОАК за 1898 г., стр. 31, рис. 43; ESA III, стр. 29, рис. 13.

[1] Ср. P. Rau. Ук. соч., табл. XI, 1 *D* и 1 *H*. Воронежский областной краеведческий музей. Группа «Частые курганы». Эти стрелы не изданы.
[2] В районах Каменки я знаю находку только одного крюка к колчану («Сірко», курган № 4, 1945 г.). Один раз я нашел такой крюк под Чкаловом. Чаще они встречены в Ананьине и в Сибири (по словам М. П. Грязнова, неоднократно находившего их).

хорошо отшлифованы и имеют почти правильную шаровидную форму (табл. XVII, *5а—5в;* 1949 г., VI). Поперечник их — 3—4 см. Нами найдены 42 экземпляра. У И. П. Грязнова в собрании их имеется 8 штук. Вещь, таким образом, весьма обычная в быту древнего каменского населения. При раскопках курганов Никопольстроя такие шары были встречены в 17 курганах, по большей части в насыпи курганов с одним женским погребением. Не является ли праща в степной Скифии собственно женским оружием?

Из оборонительного оружия встречены только железные (в числе семи) и бронзовые (в числе пяти) панцырные чешуйки. Форма их, — по крайней мере, тех, что сохранились в более или менее целом виде, — однообразная. Различаются они только по величине и расположению отверстий в зависимости от того, для какого места панцыря они предназначались [1]. По форме это пластинка с двумя прямыми углами в верхней части и с округленным низом (табл. XVII, *6а—6в;* 1950 г., IX). В сечении ее нижняя часть в большинстве случаев слабо загнута назад. Железные чешуйки есть двух размеров (в среднем): 2,5 см (высота) × 1,5 см (ширина) и 2,2 × 1,2 см. Несмотря на близость размеров, вторые всегда кажутся зрительно гораздо меньше. Из 7 железных чешуек шесть найдены в раскопе IX 1950 г. Отверстия в них расположены по три в верхней части и у одной еще три сбоку (крайняя в ряду чешуйка). У одной в отверстии сохранилась медная клепочка; 3 чешуйки меньшего размера (из кв. 16, 17, 19 раскопа IX 1950 г.) являются заготовками, уже имеющими законченную форму, но не снабжены отверстиями для пришивки. Они поразительно похожи друг на друга и, конечно, происходят из одной и той же партии.

Медные панцырные чешуйки все гораздо худшей сохранности. Форма их та же, ширина больших — до 2,2 см, а высота — не меньше 2 см (целых нет ни одной). Единственная чешуйка меньших размеров — 1,8 × 1,1 см, т. е. близка по размеру к малым железным. Число отверстий наверху то два, то три. Весьма существенно, что шесть из железных и четыре из бронзовых чешуек найдены в раскопе IX, в их числе и все заготовки. Все это, конечно, результат длительной работы в этом месте над панцырями. Находка железной чешуйки в раскопе II 1939 г. и в раскопе I 1940 г. указывает на распространение изготовления панцырей на кучугурах: нет ни одного рядового погребения в степях Приднепровья, где бы встречались панцыри, они есть лишь в самых богатых курганах [1]; значит, на кучугурах это только брак производства. Кроме того, отсюда же следует, что панцырники-оружейники кучугур прежде всего обслуживали аристократию.

4. ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ И ПОВОЗОК

Вещей, относящихся к конскому снаряжению, за все время раскопок найдено очень немного, но они все же однообразно встречаются почти при всяких раскопках на кучугурах.

Система взнуздывания была обычная в течение всего периода V—III вв. до н. э. Яснее всего она описана М. П. Грязновым [2].

Удила железные состоят из обычных двух половинок, которые в середине соединены двумя загнутыми от основного стержня кольцами, вдеваемыми друг в друга. Наружный конец каждой половинки образует большое кольцо, также загнутое из стержня и поэтому от него неотделимое и неподвижное. Из курганов Скифии этих удил известны многие сотни. В раскопках на Каменских кучугурах найдена всего одна половинка таких удил (табл. XIX, *1,* 1949 г., V, $\frac{26}{3}$). Длина их — 9,3 см; диаметр внутреннего кольца — 0,9 см, внешнего — 1,8 см.

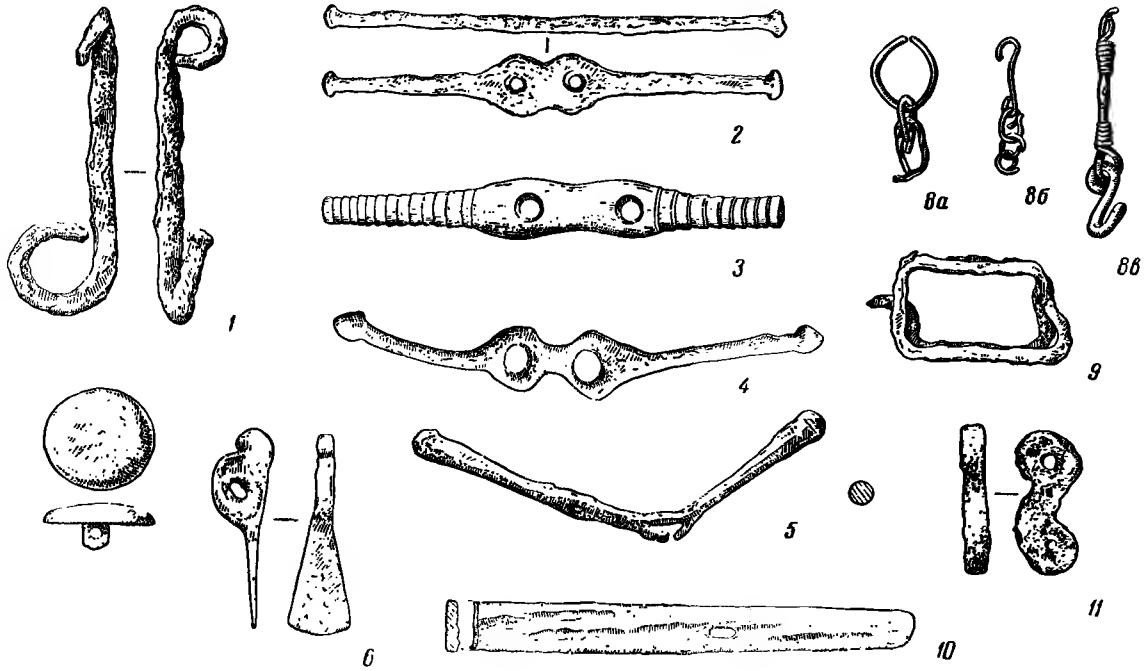
Несколько больше найдено псалиев, которые также весьма однообразны. Они все принадлежат к числу имеющих 8-образное

[1] А. И. Мелюкова. Автореферат диссертации «Оружие и военное дело скифов». М., 1950, стр. 19 и 20.

[1] В 1951 г. В. А. Ильинская у с. Новофилипповки под Мелитополем вскрыла женское погребение в паноплии при панцыре, которое, однако, представляется рядовым.

[2] М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950, стр. 24 и сл. Хотя это описание относится к Алтаю, но способ совершенно одинаков.

Таблица XIX



Предметы конского снаряжения

1 — удила; *2* и *3* — прямые псалии; *4* — то же, в форме русского С; *5* — то же, с утолщенными концами; *6* — налобник; *7* — уздечная бляха; *8а* *8в* — цепочки; *9* — подпружная пряжка; *10* — подоска; *11* — железная подвеска. (*1*, *2*, *4*, *5*, *6*, *8в*, *9* и *10* — железо). (Все вещи — 1/2 н. в.)

расширение посередине с двумя отверстиями. Все псалии, кроме одного, железные.

Чаще других встречаются прямые псалии с круглыми или плоскими шляпками на концах. Их длина—от 11 до 14 см. Найдено два целых и два в половинках (подъемный материал 1937 г.; 1939 г., II, $\frac{8}{4}$, № 26; 1949 г., V, $\frac{6}{1}$ — табл. XIX, *2;* 1950 г., IX, $\frac{5}{19в}$, № 453). Такие точно псалии известны в курганах Чертомлыцком, Краснокутском и Башмачках, на селище «Галюча балка» на Днепрострое и т. д. В 1952 г. в раскопе VI на акрополе был найден такой же псалий из кости (табл. XIX, *12,* находка № 67). Псалий, подобный русской букве С, но слабо выгнутый, найден всего один раз (табл. XIX, *4;* 1938 г., II, $\frac{5}{4}$, № 205). Совершенно сходны с ними псалии в Огузе (1 экземпляр) и в Краснокутском кургане (3 экземпляра).

Слабо загнутый конец железного псалия из раскопа V 1949 г. $\left(\frac{12}{4}\right)$ имел плоскую, как у нашего гвоздя, круглую шляпку и может принадлежать как к такому псалию, так и к псалию, имеющему форму латинского S. Такой же конец, но с конической шишечкой, был найден и в 1950 г. (IX, $\frac{17ж}{5}$, № 1169).

В собрании И. П. Грязнова имеется железный псалий с восьмеркообразным расширением в середине и двумя отверстиями. Этот псалий был совершенно прямым, но еще в древности надломился и погнулся. Длина его — 10,9 см. Он сильно отличается, однако, от первого из перечисленных типов. Его концы расширены в виде массивных конусов (табл. XIX, *5*). Полной аналогии этим псалиям я не знаю. Такие же железные и бронзовые псалии, но с одним загнутым Г-образно концом, есть в раскопках Бранденбурга у Макеевки (курган № 49), у Бобринского в Журавке (курган № 400) и на Никопольстрое (курган № 2 1937 г.; бронза). Во

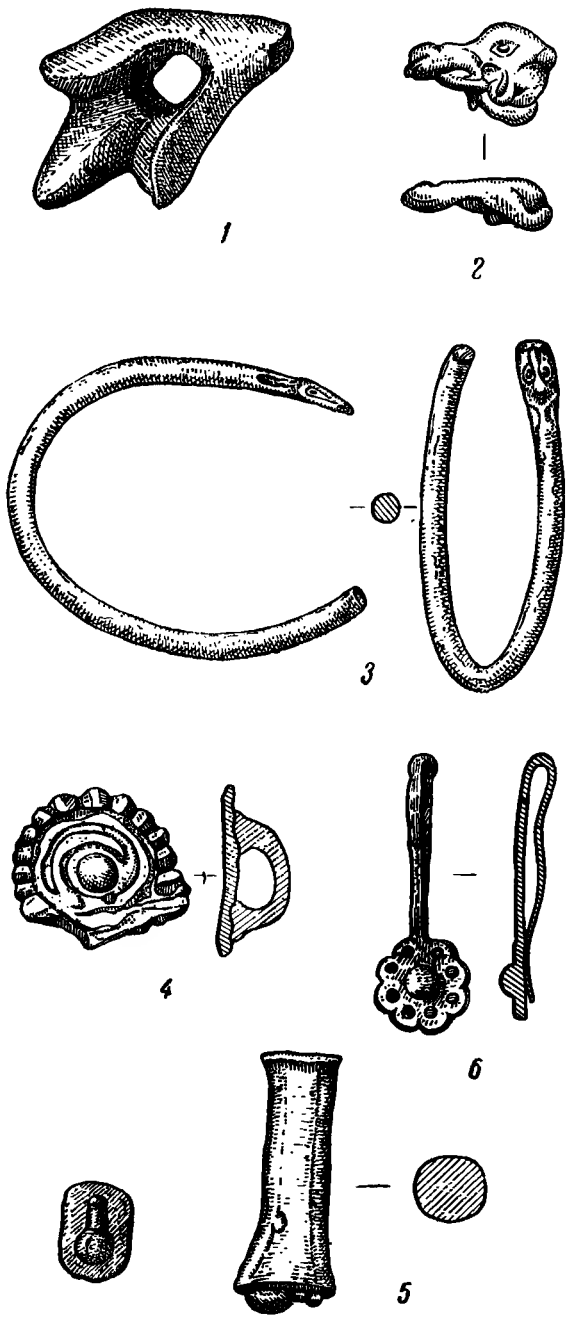


Рис. 13. Вещи звериного стиля

1 — конец медного псалия в виде копыта; *2* — головка орла из серебра; *3* - бронзовый браслет с львиными головками; *4* — половина бронзового нащечника; *5* — бронзовый штамп для золотых бляшек в виде львиной лапы; *6* - железная подвеска в виде орлиного глаза — розетки. (Все в н. э.)

всяком случае этот тип представляется более ранним и относится в первых двух случаях к середине V в. до н. э., а в последнем — к рубежу обоих веков. Таким образом, это одна из немногих вещей V в. на Каменском городище. Остальные же формы удил и псалиев обычны для всего периода V—III вв. до н. э.

Близ раскопов I и IV 1949 г. в осыпи дюны был найден конец бронзового псалия в виде сильно стилизованного конского копыта. Такого рода стилизация копыт встречается изредка на концах S-образных бронзовых псалиев. Такие псалии в двух парах удил есть у Бобринского в кургане № 400[1]. И эта вещь, таким образом,—одна из немногих, относящихся к V в. до н. э. на Каменском городище. Она не подверглась окончательной обработке и представляет собой очевидный литейный брак (рис. 13, *1*).

Других частей уздечного набора найдено мало. Таков, например, железный налобник очень своеобразного типа (табл. XIX, *6*; 1949 г., VII, $\frac{1}{4}$) с отверстием для ремня и треугольным пластинчатым расширением под ним. Длина его — 6,2 см. Может быть, к уздечному набору относится круглая выпуклая бляха из бронзы (табл. XIX, *7*; VIII, $\frac{3}{3}$). В середине углубления ее на обратной стороне имеется ушко с круглым отверстием. По форме эта бляха близка множеству других подобных. Своеобразно только ее необычное по форме ушко.

Встречена верхняя часть нащечника в виде львиных задних лап (собр. И. П. Грязнова, рис. 13, *4*); они нередки в богатых курганах. Особенно много их в насыпи Чертомлыка. Лишь один раз такой псалий найден в кургане Никопольстроя. Трижды найдены цепочки (две медные — в раскопе I, 1949 г. табл. XIX, *8а*, и у И. П. Грязнова, табл. XIX, *8б*; одна железная — в раскопе I, 1952 г., табл. XIX, *8в*). Подобные цепи обоих типов есть в составе нагрудных наборов коней и при навершиях в царских курганах. Подвеска в виде буквы S из железа,— вероятно, от такой цепи. У первых звенья согнуты из проволоки в небрежные колечки, у последних они имеют вид стержней в 4,5 см длиною и загнуты на концах в петли,

[1] ИАК, вып. 14, стр. 10, рис. 12.

спирально обвивающие для закрепления концы стержня. На конце последнего звена висит крючок для какого-то привеска (из раскопа IX; табл. XIX, *11*).

Очень оригинальны железные пряжки без подвижного язычка. Обе они найдены в 1949 г. (табл. XIX, *9*; V, $\frac{14}{3}$ и V, $\frac{10}{3}$). Они сделаны из толстого железного прутика, согнутого в четырехугольник таким образом, что одна из его длинных сторон — двойная, а затем от угла этой стороны сделан загиб до середины узкой стороны. Здесь прутик поставлен вертикально и загнут вперед острым крючком, входившим, конечно, в отверстие ремня. Скорее всего, это подпружные пряжки. Размер одной из них — 4,5 × 3,5 см, другой — 4,8 × 3 см. Такие пряжки встречены в курганах Никопольстроя [1]. В собрании И. П. Грязнова есть подобная же пряжка, но кованая в виде четырехугольника (4×4 см); на одной стороне есть выступ вперед с вертикально поставленным крючком, смотрящим наружу. Назначение его, конечно, то же, что и у двух предыдущих вещей. Две очень близкие по форме пряжки имеются в конских могилах кургана Большой Козел раскопок И. Е. Забелина [2]. Дата этого последнего буквально совпадает с датою Чертомлыка.

Среди находок есть одна (табл. XIX, *10*; 1949 г., V, $\frac{2}{3}$), назначение которой определяется очень своеобразно. Это железная пластинка в 3 мм толщиною. Длина ее 13,6 см, ширина — 1,4 см. Один конец ее обломан, другой — слегка округлен и сужен. В 5,5 см от этого конца — овальное отверстие длиною 8 мм и шириной 3 мм. Округленный конец с частью отверстия от такой же вещи был найден несколько раньше (1939 г., III, $\frac{15}{6}$, № 219). Это подоска, т. е. одна из оковок-пластин, набиваемых на ось снизу и облегчающих вращение втулки колеса на оси. Если таких вещей из курганов мы не знаем, то хорошо известны оттуда железные шины колес (Чертомлык и др.). Едва ли может быть сомнение в том, что и эти шины были выкованы на кучугурах. Скифские же подоски (обе у нас неполные) лишь уже употребляемых в наше время.

Остатки удил и украшений и тем более частей от повозок очень малочисленны. Но большая роль лошади в жизни обитателей Каменского городища определяется многочисленностью ее остатков среди костей животных. Малочисленность же остатков сбруи определяется тем, что на городище такие вещи задержались лишь в изломанном виде.

5. ВЕЩИ В ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ

Эти вещи — явление на Каменском городище довольно редкое. Их у нас всего пять. Две были найдены в 1949 г. Одна поднята близ раскопа IV около большой зернотерки. Это обломанный конец упомянутого только что псалия. Сильно стилизованный, он передает сбоку волосистый покров над копытом и самое копыто; задняя его часть прислоняется к задней опушке третьей фаланги (рис. 13, *1*). От этого над копытом имеется круглое отверстие. Схема эта не очень обычна, как упоминалось. Она известна у псалиев из кургана № 400 Бобринского, где они относятся к V в. до н. э., даже к его середине. Не сомневаюсь, что и наша вещь не отстоит далеко по времени. Вторая из этих вещей — продолговатая серебряная головка птицы или животного (рис. 13, *2*; 1949 г., IX, $\frac{2}{3}$). У нее нет ушка на обороте, но она односторонняя и явно составляет часть какой-то большей вещи, может быть, нащечника или налобника. Хорошо видны контуры продолговатого в профиль глаза и округлый затылок, остальное заплыло и оплавилось. Повидимому, это бракованный и случайно утерянный обломочек вещи.

В 1952 г. был найден незамкнутый браслет с длинноухою «львиною» головкою (рис. 13, *3*; находка № 16), описанный выше среди украшений. В собрании И. П. Грязнова есть две бронзовые вещи. Прежде всего это упомянутая выше верхняя часть нащечника в виде задних лап льва, а именно сохранился круп с поверхностью, трактованной в виде спирали, и с рядом жемчужинок — схемою хвоста (рис. 13, *4*). Наконец, это бронзовый штамп для выбивания золотых подвесок в виде схемы нижней части львиной лапы (рис. 13, *5*). Подобные бляшки, обычно двой-

[1] Хранятся в Никопольском музее.

[2] Каталог бывш. Румянцевского музея в Москве, № 1778 и 1780. Теперь в ГИМ.

ные, известны в Солохе, в Аксютинцах, в Частых курганах и др.[1]

В собрании И. П. Грязнова имеется железная подвеска или, скорее, обойма с ремня, на нижнем конце которой изображена розетка с выпуклой серединою и восемью лепестками с дырочками в середине каждого (рис. 13, *6*). Подобного рода розетки изображают часто в скифском стиле глаз орла.

Такая бедность вещами звериного стиля вообще характерна для нижнего Приднепровья в это время. Десятки рядовых погребений IV и III вв. до н. э. в Белозерском, Никопольском и Петуховском могильниках — лучшее доказательство этому. В быту простого народа вещи в зверином стиле почти вышли из употребления. Поэтому и в погребениях, и на кучугурах эти вещи просто единичны. Иное — в Царских гробницах. Там звериный стиль уже отходил от старых форм, но все еще преобладал на оружии, утвари и сбруе. И там он постепенно тускнел, но пережил на два столетия больше сравнительно с бытом рядового населения.

Упомянутые сейчас находки хорошо показывают, что кучугурские мастера готовили вещи в зверином стиле, главным образом для аристократии. К искусству кузнецов у них прибавлялось и искусство ювелиров.

6. ТОЧИЛЬНЫЕ КАМНИ

При таком изобилии металлургических работ и при широком применении оружия и всякого рода колющих и режущих инструментов в работе точильные камни неизбежно должны быть и многочисленны, и разнообразны. Встречается немало обломков крупных камней со следами точки. Но только множество всевозможных находок, связанных с металлургией и ее отражением в быту, в раскопах 1949 и 1950 гг. привело к выяснению всего разнообразия средств заточки металлических вещей, имеющих лезвие. Прямо надо сказать, что без этого многое ускользнуло бы от моего внимания. Самыми распространенными материалами являются песчаник коричневато-желтого цвета, серый шифер и, наконец, обломки ручек греческих винных амфор. Из песчаника изготовлялись крупные точильные камни. В 1950 г. (табл. XX, *1*; IX, $\frac{6г}{4}$) был обнаружен in situ песчаник. Нижняя, необработанная сторона покоилась на песчаном грунте. Размеры его — 28×22×9,8 см. Поверхность не плоская, а имеет два ската в одну и три в другую сторону. Три из этих пяти продольных фасеток слабо покаты сверху, но по бокам две последние опускаются довольно круто. Поверхности почти до блеска отполировались при заточке. Они носят следы заточки крупных орудий. В том же раскопе, и не очень далеко (IX, $\frac{8в}{4}$), в одном слое близко друг от друга лежали три куска такой же разбитой плиты, но очень неполной. В 1949 и 1950 гг. небольшие обломки с такими же фасетками были найдены четыре раза. Положение первого из камней указывает на то, что это неподвижная установка, конечно, связанная с окончательной заточкой вполне готовых орудий и оружия [1].

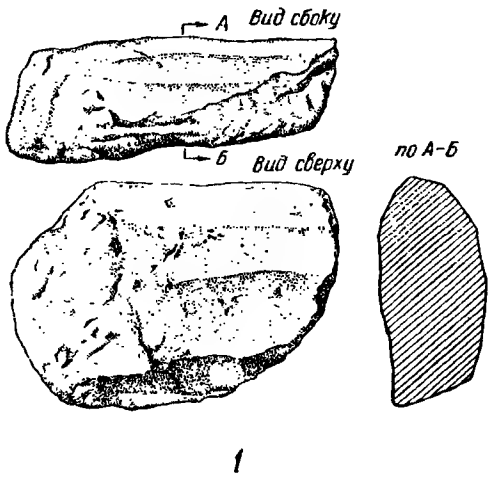
Другой тип больших точил назначался явно для заточки таких же вещей. Это длинные и относительно узкие точильные камни из песчаника, которые легко перевертывались; поэтому, хотя одна сторона их более вогнута от работы, но и на других плавное понижение от краев к середине наблюдается так же хорошо. За все время мне довелось при раскопках найти всего три такие вещи: одна размером 40,6×6×9 (толщина) см (табл. XX, *2*; 1949 г., V, $\frac{34}{2}$, № 340), другая — 31×8,5×5,6 см (1950 г., IX, $\frac{8з}{5}$, № 2), и третья — 15,6×6,9×6,4 см (1950 г., IX, $\frac{6г}{4}$). Все они песчаниковые, все имеют правильную форму четырехугольного в сечении параллелепипеда. В 1949 и 1950 гг. в раскопах V, VII, IX и X и в разведочной траншее были найдены куски шести таких же точилок. Эти последние не были неподвижны, как точила первого типа, но переносились лишь в пределах одного помещения.

Исключительно интересны небольшие, буквально в несколько сантиметров в поперечнике, кусочки песчаника, на поверхности которых почти параллельно распола-

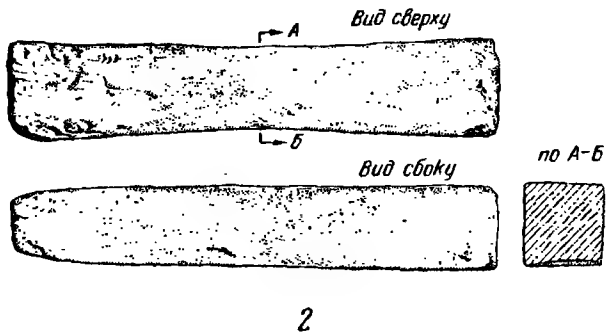
[1] Совершенно сходные полые золотые подвески из Частых курганов близ Воронежа см. СА, VIII, стр. 48, рис. 40, *2*.

[1] В 1952 г. был найден еще отличный экземпляр, близкий к описанному.

Таблица XX

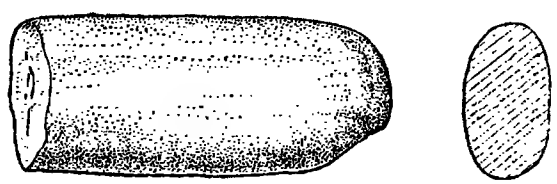


1

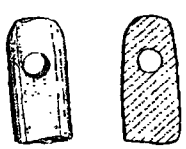


2

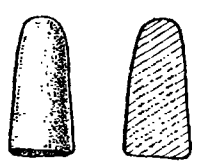
3



4

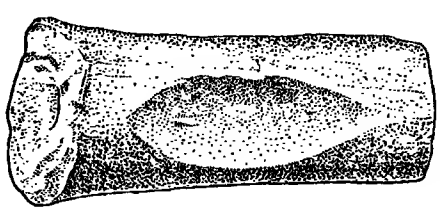


5а

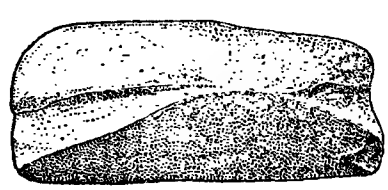


5б

6а



6б



6в

Точильные камни

(*1–5а, 5б* – точильные камни разных типов; *6а–6в* – точилки из обломков амфор (*1–2* – 1/6 н. в.; *3–6в* – 1/4 н. в.)

гаются неглубокие бороздки с округленным ложем (табл. XX, *3;* 1940 г., № 89). В 1938 и 1939 гг. мы не находили их совсем. И только, когда в 1940 г. в раскопах I, III и V стали обнаруживаться значительные следы металлургии, эти камни начали попадаться во все большем количестве. Даже в раскопе II 1939 г., где следы металлургии были очевидны, но не слишком многочисленны, таких камней еще не было. Но в 1949 и 1950 гг. они были найдены в значительном числе. Их связь с металлургией несомненна. В 1949 г. в раскопах I—IV, VI и X, где следы металлургии или отсутствовали, или были случайны, этих точильных камней не было совсем. В остальных они попадались неизменно, с множеством других следов ковки и литья.

Этот вид точильных камней известен с эпохи бронзы [1], на селищах которой он встречается в очень значительном количестве, где его относят к числу вещей, связанных с первичной обработкой мелкой бронзы. Я думаю, судя по следам заточки, что они служили для обточки медных и железных стержней, для снятия зазоров и заусениц с этих первичных материалов, шедших на любые мелкие инструменты и украшения. В 1940 г. мы нашли 7 таких точилок, в 1949 г.—20, в 1950 г.—9, а всего — 36 экземпляров. Уже это указывает на обычность и широкое применение таких инструментов.

Довольно обычны, чаще всего в кусках, песчаниковые удлиненные точилки квадратного сечения с сильно вогнутыми от работы гранями. Только за 1940, 1949 и 1950 гг. их было найдено 15 экземпляров. При ширине в 2—3 см они не бывают более 10—15 см в длину. Их можно было носить при себе, в любой торбе или сумке. Назначение их было очень удачно определено счастливою находкою такой точилки в кургане № 2 (погребение 2 группы «Сірко») в 1945 г. Она лежала около наконечников копий, имела глубоко вдавленные поверхности от заточки этих мощных наконечников и следы (почти отпечатки) от заточки наконечников стрел на боковых гранях.

Шиферные и песчаниковые плитки (обломки) до 5 см шириною и 1,5—4 см толщиною, кроме следов заточки ножей и т. п., нередко носят на себе следы заточки шильев или игл,— глубокие, острые на одном конце, узенькие ложки. Всего таких плиток найдено девять.

Редки (всего 6 экземпляров) овальные в сечении шиферные бруски длиною 8—14 см, шириною 3—4 см, толщиною 1,5—2 см (табл. XX, *4;* 1950 г., IX, $\frac{9г}{2}$, № 1205). Они стачиваются до полированности и, скорее всего, служили для правки ножей и т. п. Совершенно особняком стоит очень своеобразное круглое лощило из пористого камня вроде пемзы. Его диаметр — 7 см, толщина — 2,2 см. Обе поверхности зашлифованы до блеска. Кажется, что оно должно применяться для тщательной полировки металла и в этом отношении сходно с описанными ниже лощилами из амфорных обломков.

Типичной принадлежностью скифа — от царя до рядового воина — является точильный шиферный подвесной брусок (табл. XX, *5а* и *5б;* 1950 г., № 985 и 707). В Каменке найдено всего семь их обломков (один — от нижнего конца, другие — от верхней части с круглым отверстием в 0,5—0,8 см). Сверление всегда двустороннее. Ширина — 1,5—2 см, толщина—около 1 см, сечение четырехугольное или овальное. Кроме этих разбитых, но бывших в употреблении подвесных брусков, в 1950 г. было найдено два экземпляра таких же обломков с небольшими ямками от начатого и брошенного сверления. По этим ямкам видно, что сверло было сплошным и острым на конце. Может быть, для этого употреблялось массивное шило.

Совсем неожиданно употребление в качестве материала для точилок обычных амфорных ручек, реже — стенок. Их найдено несколько экземпляров, с явными следами заточки и правки мелких режущих инструментов, вероятно, ножей. Поверхность этих очень небольших брусков имеет углубленную от концов к середине поверхность, как у любого из небольших точильных камней (табл. XX, *6а;* 1938 г., № 108). Таких брусков мы имеем 10 экземпляров.

Два раза встречены совершенно особые точилки из куска ручки амфоры. На их поверхности от трения или шлифовки какого-то небольшого предмета образовалось очень отполированное овальное углубление. Совершенно очевидно, что назначение таких точилок (табл. XX, *6б;* 1940 г., № 186 и 1949 г.,

[1] Впрочем, до сего времени он встречен лишь в андроновской культуре; для поздней бронзы нижнего Приднепровья таких находок, кажется, пока что не было.

№ 1183) — шлифовка небольших металлических вещиц: головок булавок, наверший ножей, круглых выпуклых бляшек и т. п. Все эти предметы в достаточном числе встречены на кучугурах.

Весьма многочисленны (несколько десятков) лощила, сделанные из ручек или стенок амфор (табл. XX, *6в;* 1940, № 171). Конец обломка ручки (чаще всего) или поверхность ее сгиба, а также ребро фрагмента стенки,— одинаково легко служили для лощения. Один только раз встречено каменное лощило из небольшой круглой, совсем плоской, кварцитовой гальки. На кучугурах лощеной посуды местного изготовления почти нет; за все время найдено всего два черепка. Поэтому вероятнее всего, что эти лощила служили для полировки металлических поверхностей, например, зеркал. Зеркала местного изготовления известны в ряде близких к Каменскому городищу курганов (Чертомлык, Никопольстрой). Может быть, это орудие применялось и для полировки поверхности котлов и т. д.

ГЛАВА VII

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И МЕСТНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

1. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ, ПЕРЕРАБОТКА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗЕРНОВЫХ ПРОДУКТОВ

В Каменском городище в течение многих лет не удавалось обнаружить никаких данных о земледелии. Это, как и соседство явно принадлежащих кочевому населению курганов близ Никополя, привело к представлению о слабой роли земледелия в жизни древнего города. Такому представлению способствовало и то, что ремесленный характер города позволяет думать о возможности получения хлеба, — может быть, даже главной его части, — от клиентов, потребителей ремесленных изделий.

Правда, Геродот сообщал о нижнеднепровском земледелии и в предании о происхождении скифов, и, особенно, в рассказе о расселении скифов-земледельцев вверх по Днепру, и в описании прекрасных посевов по его побережью. И алазоны, и скифы-пахари, и скифы-земледельцы сеяли хлеб или для себя, или на продажу. Вопрос об употреблении плуга этими племенами разрешается названием одного из этих племен и из первого предания о происхождении скифов, в котором говорится о падении с неба золотого плуга и ярма к нему. Но отсутствие данных об устройстве плуга не позволяет установить, как пахались целинные земли.

Соседство на нижнем Днепре и вероятная чересполосная жизнь земледельцев и кочевников совершенно возможны. Однако даже наличие орудий сельского хозяйства на Каменском городище, а именно серпов, при разнообразии деятельности его металлургов, не может еще служить абсолютным доказательством земледелия у жителей этого городища, особенно когда эти орудия все найдены на таком месте очень интенсивной и разнообразной деятельности металлургов, как раскоп IX 1949 и 1950 гг., и могли оказаться производственным браком. Впрочем, они уже зазубрены и поэтому, вероятно, относятся, хотя бы частично, к местному быту.

Из орудий сельского хозяйства на Каменских кучугурах встречены одни только железные серпы, причем шесть из них, преимущественно в обломках разной величины, обнаружены в раскопе IX 1949 и 1950 гг. Целый серп найден только один (рис. 14, *1;* IX, $\frac{5}{3}$). Он слабо искривлен и имеет длину по хорде в 22,7 см. Передний его конец округлен. Черешок треугольный. На его конце — поднятый перпендикулярно кверху шпенек, служивший для закрепления деревянной рукоятки. Лезвие покрыто множеством обращенных назад зазубрин. Кроме того, обнаружены два черешка с таким же шпеньком и небольшой частью зазубренного лезвия (1950 г., IX, $\frac{8а}{4}$ и $\frac{17и}{5}$), два конца лезвия того же вида (1949 г., IX, $\frac{3}{2}$ и 1950 г., IX, $\frac{7б}{5}$) и, наверное, лезвие с зубцами (рис. 14, *2;* 1950 г., IX, $\frac{5}{3}$). Из фрагментов (IX, $\frac{8а}{4}$ и $\frac{7б}{5}$) составляется один серп. Кривизна его совпадает с кривизною первого целого серпа. После этих находок более вероятно, что искривленный зазубренный кусок железного лезвия из раскопа 1940 г.

(I, $\frac{14}{5}$) является концом серпа, а не металлургической пилки. Еще два целых серпа имеются в собрании И. П. Грязнова. Итак, число найденных серпов возрастает до 9.

с иною кривизною, известны в западной Сибири от раннего железного века [1].

1949 г. принес серьезные доказательства о земледелии и его продуктах в виде отпечатков трех зерен ячменя на фрагментах

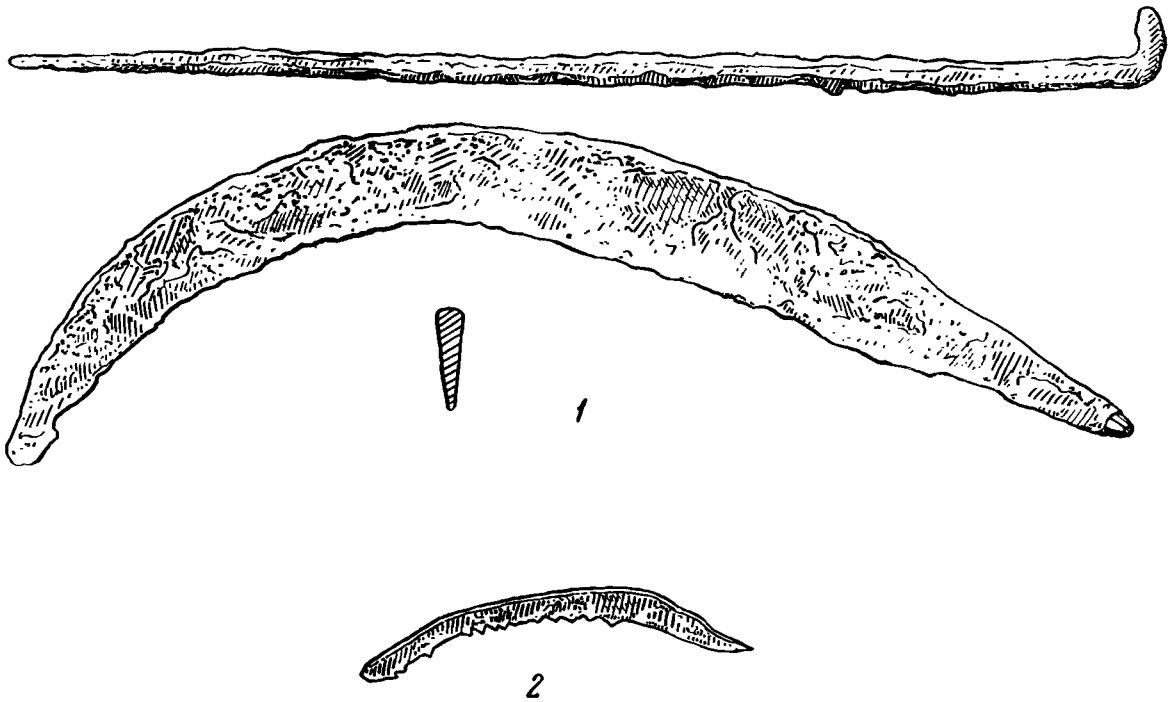


Рис. 14

1 и *2* — серпы железные [первый — $^1/_2$ н. в.; второй (наварное лезвие) — н. в.]

Серпы вполне сходной формы известны в собрании ГИМ с дюн близ Лихачевки на Ворскле (Харьковская область), с одного селища скифского времени близ Харькова из недавних раскопок Б. А. Шрамко и с городища у Белозерского лимана около Херсона из раскопок Скадовского. Другие известные для этого времени серпы происходят с малых городищ Кубани и из окрестностей Ольвии, но они по типу отличаются и большею шириною, и большею кривизною. Позднее из серпа первого типа развиваются серпы антские (Пастырское городище), алано-хазарские (Маяцкое городище) и др., распространенные в раннем средневековье. Зародившись в скифскую эпоху, серп этот существовал очень долгое время. Сохранивши способ крепления, он зато сильно изменил свою кривизну. Впрочем, близкие по креплению, ширине и величине серпы, но

посуды. Одно из зерен попало внутрь стенки, обгорело и благодаря этому вполне различимо в натуре. Но ведь и зерно могло быть, — и, наверное, было, — завозимо сюда в обмен на товары кузнецов. Впрочем, есть одно косвенное доказательство возделывания ячменя на одном из соседних поселений. На городище в с. Б. Лепетиха, малом и не дающем признаков развитой металлургии, был поднят черепок сосуда того же, что и на кучугурах, или очень близкого времени, также с отпечатком ячменного зерна. Значит, во всяком случае, поблизости от Каменского городища эти злаки возделывались населением. А при разнообразии занятий жителей древней Каменки, помимо металлургии,

[1] Раскопки В. Н. Чернецова и В. И. Мошинской в 1949 г. на городище Большой Лог (Омская область).

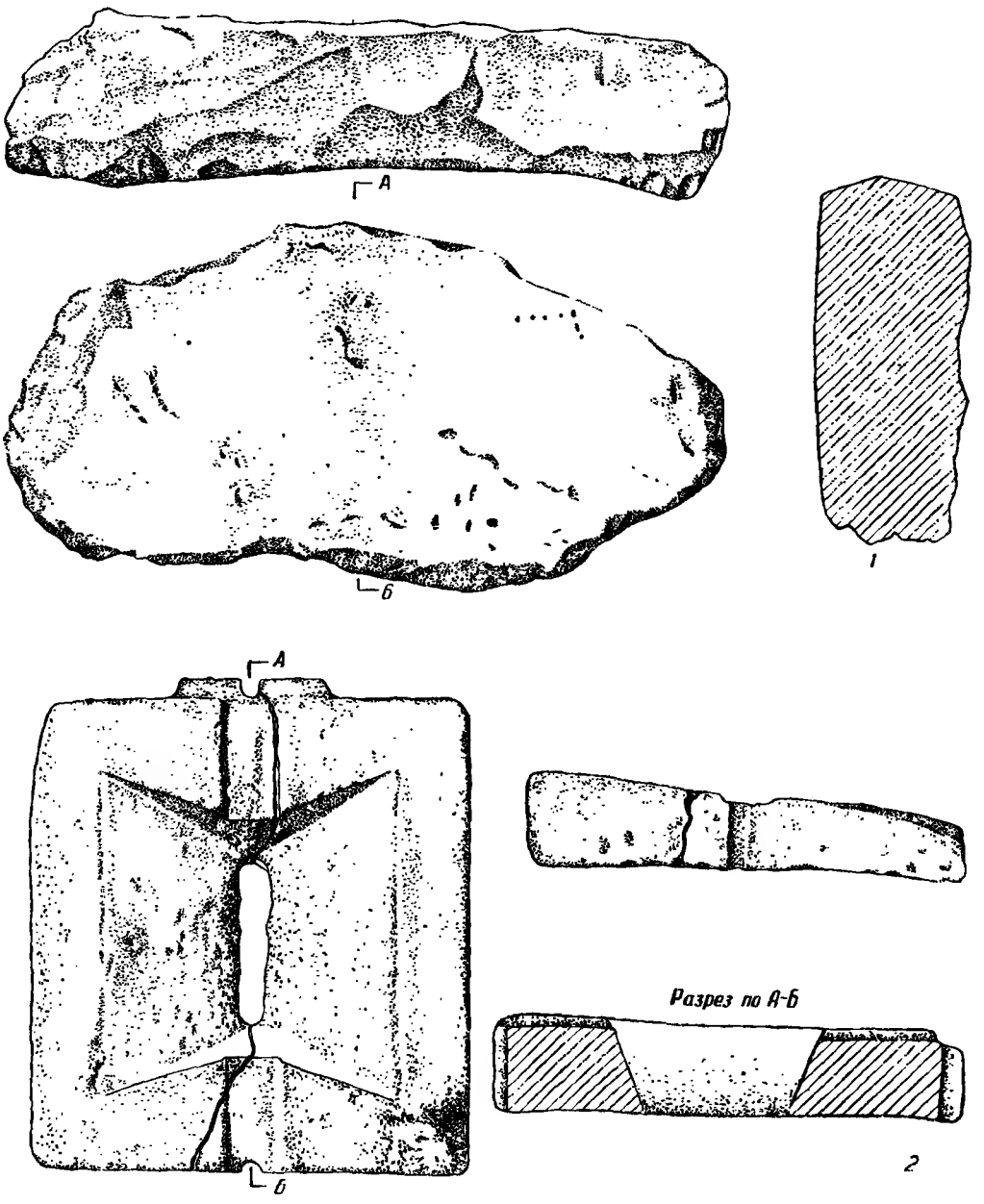


Рис. 15. Зернотерки

1 — с Каменских кучугур; *2* — с Золотой Балки (обе — $^1/_6$ н. в.)

вполне можно думать, что они, хотя бы частично, и сами занимались земледелием.

Для получения муки применялись зернотерки. Их устройство таково же, как и в течение всего бронзового века в тех же самых местностях. За все время я имел в руках всего лишь три нижних жернова. Все они найдены в осыпях культурного слоя, но их связь со скифским слоем не вызывает никакого сомнения. Это овальные плоские плиты. Их верхняя сторона очень слабо углублена от концов к середине в результате продольного трения. Лучший экземпляр, найденный в 1950 г., имеет размеры 56×27,5×11—13 см

(рис. 15, *1*). Два другие, из сборов прежних лет, из которых один находится в Никопольском, а другой — в Запорожском музеях, очень близки к первому и по форме, и по размерам.

Терочники встречаются чаще. Из раскопок мы имеем 6 штук. Пять из них — овальные небольшие плитки, одна — круглая. Их нижняя поверхность почти плоская, со слабым плавным понижением к средней длинной линии, получившимся в результате трения. Экземпляр находки 1949 г. (VII, $\frac{6}{4}$, № 1154) имел размеры 22,5×14×4,1 см. Размеры остальных довольно близки. Особенно важна близость продольного размера куранта с шириною нижнего жернова. Совершенно очевидно, что трение производилось так, что терочник двигался по зернотерке вперед и назад по своей поперечной оси. Эта работа попрежнему лежала на женщине, что видно по находке курантов и зернотерок в остатках тризны именно женских курганов на Никопольстрое.

На акрополе весною 1952 г. был найден плоский большой верхний жернов того же типа, что и на Золотой Балке в 1950 г. (рис. 15, *2*). Он представляет собой большую четырехугольную плиту, с углублением в середине и с выемками для прикрепления ручки, при помощи которой его двигали на подвесе взад и вперед. Это доказывает, что скифское население и Каменского городища, и других нижнеднепровских городищ не только поставляло хлеб Ольвии, но и использовало греческую технику мукомольного дела, облегчавшую и ускорявшую труд работающих. О том, что этот тип жернова, вероятно, сделан здесь по ольвийскому образцу, я сужу по наличию таких жерновов в музее Ольвийского заповедника. Тип его на Боспоре, по В. Ф. Гайдукевичу, несколько у́же, меньше и выше [1]. Заимствование таких жерновов на Днепре произошло в послекучугурское время.

2. СКОТОВОДСТВО

Скотоводство представлено не очень значительно. Прежде всего это объясняется плохою сохранностью костей на кучугурах: сотни неопределенных обломков или крошек кости при едва нескольких десятках костей, поддающихся определению. Определение костей до 1940 г. включительно производилось Н. А. Сугробовым [1]. Кости из раскопок в 1945, 1946 и 1949 гг. определены В. И. Цалкиным, а из раскопок в 1950 г. еще находятся на определении. В таблице, составленной П. Д. Либеровым, приводятся результаты определения костей.

Из приблизительных данных и их погодного колебания видно, что количество коров больше числа лошадей на 8%. Мелкий рогатый скот (овцы и козы) составляет не больше 6,5%. Свиньи и собаки единичны Особенно поражает малочисленностью соба ка. Не результат ли это того, что собака чаще находилась и погибала в степи при стаде? Кроме того, ее явно не ели. Свинья, наоборот, не могла отходить далеко от дома, и потому малое количество ее костей указывает на пичтожное разведение. Это вполне отвечает данным Геродота о степных скифах. На акрополе количество лошадей, может быть, было немного выше, чем в ремесленной части городища, но уверенным в этом быть нельзя. Погодное колебание числа костей в раскопках может оказаться совершенно случайным. Мелкий рогатый скот как будто несколько многочисленнее, чем на кучугурах. Свиньи и собаки и здесь единичны.

Различие между кучугурским населением и населением акрополя, однако, сводится не только к возможному преобладанию на последнем овец или коз. На акрополе обнаружены кости благородного оленя и бобра. Есть много костей сома (нижний слой). Это не является, таким образом, результатом хронологической разницы.

На кучугурах представлен исключительно домашний скот; на акрополе есть следы охоты и рыболовства; из костей рыб встречены только от очень крупных сомов. Здесь опять, повидимому, ощущаются социальные различия. Состав стада указывает на отгонное, может быть, кочевое скотоводство. Свободное от работы население акрополя могло охотиться и потребляло рыбу, совершенно не потреблявшуюся ремесленным населением города. Рыба хорошо известна по целому ряду изображений в главных и конских погребениях Солохи, Башмачка и Чер-

[1] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 99, рис. 9.

[1] Н. А. Сугробов погиб за Родину в Великую Отечественную войну.

Год раскопок	Крупный рогатый скот особей	Лошадь особей	Овца—коза особей	Собака особей	Свинья особей	Благородный олень особей	Бобр особей	Птица особей	Рыба
1938—1939 (кучугуры)	39/2	70/3	4/1	—	—	—	—	—	—
1940 (кучугуры)	349/16	265/12	37/3	1/1	1/1	—	—	1/1	—
1945 (акрополь)	7/1—2	45/3—4	14/2	8/1	3/1—2	3/2	—	—	Сом—значит. количество
1946 (акрополь)	80/5—6	82/3—4	38/3—4	—	1/1	—	2/1	—	—
1949 (кучугуры)	404/— 57,3%	277/— 39,3%	21/— 3,0%	1/— 0,1%	2/— 0,3%	—	—	—	—
Всего . . .	879/— 50,1%	739/— 42,1%	114/— 6,5%	10/3 0,57%	7/— 0,4%	3/2 0,17%	2/1 0,1%	1/1 0,06%	—

Примечания: 1. Кости раскопок 1938/1939 гг. и 1940 г. определены Н. А. Сугробовым в количестве

1938/1939 гг . . . 113 экз.
1940 г. . . . . 654 „

Итого . . . 767 экз.

2. Кости раскопок следующих лет определены В. И. Цалкиным в количестве:

1945 г. . . . . 80 экз.
1946 г. . . . . 203 „
1949 г. . . . . 705 „

Итого . . . 988 экз.

Всего . . . 1755 экз.

3. В 1949 г. всего костей было 976 экз., но определено только 705 экз, или 72%.

томлыка. Проникновение греческих привычек едва едва намечается. Можно думать, что и употребление в пищу рыбы шло оттуда же. Слишком отчетливо отсутствует оно в главной ремесленной части города. Впрочем, на несколько более раннем поселении, раскопанном Д. Т. Березовцом в 1952 г. у устья р. Рогачик, кости рыбы найдены в большом количестве. Абсолютно отрицать рыболовства у кучугурской части населения нельзя: сохранность даже крупных костей на кучугурах так низка, что большая часть из них не поддастся никакому определению. Слабые кости рыбы могли вовсе не сохраниться. Есть на кучугурах просверленные стенки амфор, похожие на грузила. Но все же более вероятным представляется, что отсутствие костей не случайно и что ремесленное население городища не добывало рыбы, так как его силы и время были заняты производством по преимуществу. Конечно, и скотоводство, и земледелие отчасти должны были быть местными, но вероятнее получение большой части продуктов извне. Известны этнографические примеры этого. Так нередко поступают группы кузнецов в отношениях с племенами скотоводов и земледельцев, например, у африканских негров и в Бенгалии.

ГЛАВА VIII

ТОРГОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАМЕНСКОГО ГОРОДИЩА

На всем протяжении приднепровско-бугской степной Скифии было всего два города, которые могли иметь серьезное торговое значение. На Буге это была Ольвия и связанная с ней группа поселений местных племен, на Днепре — Каменское городище. Исследования Гошкевича и разведки Погребовой довольно ясно показывают, что нижнеднепровские городища возникли по большей части только ко II в. до н. э. Из них происходит уже достаточно много всякого материала; но хотя он и подъемный, среди него настолько отсутствуют предметы классического и раннеэллинистического времени, что этот вывод кажется несомненным.

Единственно только городище на Белозерском лимане близ Херсона, безусловно, относится к тому же времени, что и Каменское. Оно едва ли было чем-либо иным, кроме второго по величине города эпохи степного скифского царства. В основном же в это время по степному течению Днепра были рассеяны небольшие открытые поселения, совершенно не имевшие серьезного торгового и административного значения. Единство степной Скифии этого времени как бы подчеркивается этим единственным в своем роде городищем. Что оно должно было быть огромным по тому времени торговым и производящим центром, — не вызывает сомнения.

Для какой бы цели тогдашние владыки Скифии ни сосредоточили вокруг своей резиденции обширное поселение металлургов, самый факт этого их скопления говорит о том, что их деятельность не могла быть назначена только для потребления внутри этого поселения. Ремесленники — металлурги, оружейники, кузнецы и т. п. — этого поселения изготовляли слишком много разнообразных предметов. Эти предметы были товаром и должны были снабжать множество поселений и по течению Днепра, и вглубь степи на запад и на восток. Окрестное население поставляло сюда за это, надо думать, сельскохозяйственные продукты — хлеб и скот. Земледельцы взамен получали орудия, например, серпы; кочевники и земледельцы — оружие, повозки, дешевые украшения.

Скифы же, с самого низовья великой реки, сильнее затронутые привычкой к обиходным греческим вещам, сбывали сюда небольшие излишки этих предметов, и, конечно, они были в основном передатчиками всякого другого греческого товара, особенно вина, о котором свидетельствуют обломки остродонных амфор с кучугур. Может быть, промежуточной инстанцией, перевалочным пунктом от Ольвии к Каменке, и было Белозерское городище, население которого, судя по окружающим его курганам, было много более эллинизовано в бытовом смысле, чем кучугурские кузнецы.

Днепровский путь был, конечно, главным в торговой жизни городища. За это говорит ряд обстоятельств. Для того чтобы понять это, следует рассмотреть то, что свидетельствует о несомненном ввозе извне тех или иных товаров.

Безусловными свидетелями торговли являются найденные в разное время в Каменском городище античные монеты. Часть их найдена Д. Я. Сердюковым, часть — нашей экспедицией, часть указана А. С. Уваровым (см. библиографию, стр. 237). Все они, к

сожалению, подъемные. Недостаток этой коллекции—в удивительной случайности монет. Кроме того, часть монет, изданных Уваровым, принадлежала Г. И. Спаскому и издана первым по его рисункам; об этих монетах сказано, что они найдены на кучугурах. Затем перед списком помечено, что это монеты из Б. Знаменки, и далее нет указаний, какие — с кучугур, какие — из Знаменского городка. Все монеты распадаются на две группы: одна — греческие монеты исключительно IV и III вв. до н. э., остальные — римское серебро II в. н. э. (всего 3 экземпляра) и одна медная монета (денарий) боспорского царя Рескупорида III, т. е. начала III в. н. э. Из-за полного отсутствия древностей римского времени на кучугурах, почти не сомневаюсь, что римские монеты и боспорская найдены в Знаменской части городища, как и нами в 1940 г. Вот перечень всех найденных тут монет.

Гистиэя на Евбее

1 (табл. VIII, *4*). Лицевая сторона: голова нимфы, вправо.

Оборотная сторона: протома быка, вправо; над ним голова собаки, под ним ΙΣ.

Медь; вес — 1,76 г.

Дата, по определению А. Н. Зографа, — вторая половина IV в. до н. э.

(Сборы экспедиции 1940 г.).

Македония

2 (табл. VIII, *5*). Лицевая сторона: голова молодого Геракла, вправо.

Оборотная сторона: палица вверху; под нею молния с буквами В и Λ (βασιλέως Ἀλεξάνδρου) по сторонам; внизу — лук в горите.

Медь; вес — 4,88 г.

(Найдена случайно на кучугурах экспедицией 1949 г., № 1714).

Истрия

3. Лицевая сторона: две головы впрямь, одна возле другой, одна макушкою вверх, другая — вниз.

Оборотная сторона: ΙΣΤΡΙΗ. Орел, клюющий рыбу.

Серебро; вес — 3,5 г.

Дата, по письму покойного А. Н. Зографа, — конец V в. до н. э.

(Уваров, № 6).

Тира

4 (табл. VIII, *6*). Лицевая сторона: голова бога — реки Тираса, в профиль, влево.

Оборотная сторона: голова коня, вправо; слева — ΤΥΡΑ.

Одна треть монеты отрезана так, что недостает всей шеи и подбородка головы божества, а у коня срезаны конец морды и часть шеи. Вся монета сильно стерта.

Медь; вес — 8,5 г.

Дата, по МИА № 16, стр. 112, — вторая половина IV в. до н. э.; см. там же, табл. XXVIII, рис. 6.

(Найдено И. П. Грязновым на Каменских кучугурах в 1951 г.).

Ольвия

5. Лицевая сторона: голова Деметры (по Уварову — Аполлона) с повязкою и распущенными волосами, влево.

Оборотная сторона: орел, клюющий рыбу, вправо.

Медь; вес — 5,5 г.

Дата, по МИА № 16, стр. 132—133 (ср. табл. XXXII, *11* и *12*), — начало III в. до н. э.

(Уваров, № 2).

6. Лицевая сторона: почти совсем стертая голова Артемиды, кругом — точки.

Оборотная сторона: колчан в вертикальном положении; направо — ΟΛΒΙΟ, налево — ΒΣΕ.

Медь; вес — 2,5 г.

Дата, по МИА № 16, стр. 132—133, — конец III в. до н. э.

(Уваров, № 1).

Херсонес

7. Лицевая сторона: голова диморфного Диониса.

Оборотная сторона: лев терзает быка, вправо.

Под изображением — ΧΕΡ.

Вес не указан.

Дата — 350—330 гг. до н. э. Ср. МИА № 16, стр. 148, табл. XXXV, *11*.

(Сердюков, «Крымский вестник», 1896, № 73).

8. Лицевая сторона: голова Девы, вправо.

Оборотная сторона: лавровый венок, в середине его — палица, под нею — ΧΕΡ.

Медь; вес — 3 г.

Дата, по МИА № 16, стр. 147, — первая половина IV в. до н. э.

(Уваров, № 5).

Пантикапей

9 (табл. VIII, 7). Лицевая сторона: бородатая голова Сатира, вправо.

Оборотная сторона: протома крылатого грифона, влево, под ним — осетровая рыба. По сторонам и сверху ΠΑΝ.

Медь; вес — 5 г.

Дата, по МИА № 16, стр. 175, табл. XL, 18, — середина IV в. до н. э.

(Уваров, № 3).

10. То же.

Вес — около 4,8 г.

(Сборы Никопольского музея на кучугурах. Монета погибла при немецкой оккупации).

11 (табл. VIII, *8*). Лицевая сторона: голова безбородого Сатира в плющевом венке, влево.

Оборотная сторона: голова льва, вправо, под нею — осетровая рыба. Надпись ΠΑΝ.

Вес — около 4,5 г.

Дата, по МИА № 16, стр. 176, табл. XLI, *2*, — конец IV в. до н. э.

(Сборы Никопольского музея на кучугурах. Монета погибла тогда же).

12. То же, но на лицевой стороне надчеканка — звезда, на оборотной — лук в горите.

Вес — около 4,5 г.

Дата, по МИА № 16, стр. 177 и 178 и табл. XLI, *3*, — первая половина III в. до н. э.

(Сборы Никопольского музея на кучугурах. Монета погибла тогда же).

13. То же.

(Сборы Никопольского музея на кучугурах. Монета погибла тогда же).

14. Лицевая сторона: голова Сатира, вправо.

Оборотная сторона: лошадиная голова, вправо.

Под нею ΠΑΝΤΙ.

Вес — 2,5 г.

Дата, по МИА, № 16, стр. 180, — конец III в. до н. э.

(Уваров, № 4).

15. Лицевая сторона: бюст царя вправо (надпись не указана).

Оборотная сторона: сидящая богиня, влево.

Медь; вес не указан.

Дата — 210—226 гг. н. э. Ср. МИА № 16, стр. 206, табл. XLIX, *10*.

(Сборы Сердюкова, где — неясно; см. «Крымский вестник», 1896, № 73).

Императорский Рим

16 (табл. VIII, *9*). Лицевая сторона: голова имп. Адриана в лавровом венке, вправо. Вокруг надпись: IMP. CAESAR TRAIANUS HADRIANUS AUG.

Оборотная сторона: фигура императора в ¾, влево, опирающаяся левой рукой на копье, вправо — на рулевое весло. Вокруг надпись P.M.TR.P.COS. III.

Монета сильно стерта. На лицевой стороне у бюста императора стерты борода и нижняя часть волос.

Серебро; вес — 2,940 г.

Дата — 119—138 гг. н. э.

(Найдено в Знаменском городке в 1940 г.).

17. Лицевая сторона: голова Фаустины, вправо. Надпись: DIVA FAUSTINA.

Оборотная сторона: фигура женщины в покрывале, влево; в правой руке светильник, в левой — копье.

Серебро; вес — 4 г.

Дата — после 141 г. н. э.

(Уваров, № 7).

18. Лицевая сторона: голова Коммода, вправо. Надпись: L. AUREL. COM—MODUS.

Оборотная сторона: TR. P. IIII, IMP. III, COS. IV. Фигура Победы, влево; в правой руке венок, в левой — кольцо.

Серебро; вес — 4 г.

Дата — 183 г. н. э.

(Уваров, № 8).

Конечно, никаких статистических выводов из этой очень скромной коллекции сделать нельзя. Но для первой эпохи встреченных здесь античных монет, т. е. IV—III вв. до н. э., интересны монеты Гистиэи и Александра Великого: первая — тем, что указывает на очень далекие связи, вторая — тем, что подтверждает соображения о большой связи с Фракией, — связи, хорошо известной по сходству ряда предметов в царских курганах Скифии и в богатых, скифоподобных по инвентарю, курганах Фракии. Монеты же Ольвии, Пантикапея и Херсонеса говорят о том же, о чем так хорошо сказали уже

амфоры двух последних городов и отличия в других амфорах, сравнительно с данными по Боспору, в которых могло сказаться влияние Ольвии.

Императорские монеты, где бы они в пределах городища ни были найдены, относятся к тому времени (II—III вв. н. э.), когда римский денарий уже вошел в употребление по всему Северному Причерноморью и когда монета имела, надо полагать, уже свою действительную ценность.

Редкость и пестрота монет раннего времени не дают ничего верного для заключения о значении этих монет в жизни кучугурских ремесленников. Но едва ли можно думать, что многие из них бывали в городах, откуда эти монеты пришли. Однако полное отсутствие монет в курганах и хотя бы редкие их находки на городище все же, вероятно, указывают на то, что монета была мало оценена по своему назначению, но что ее берегли. Может быть, она служила тогда, когда приходилось расплачиваться с приезжими низовыми и приольвийскими скифами, хорошо знавшими монеты, судя по находкам на селищах Бугского лимана. Возможно, что этими монетами расплачивались за мелкую греческую посуду, бусы и т. п. с самими греческими купцами, которые, конечно, сюда попадали. Монета стала входить в жизнь населения огромного скифского города. Если бы она не была понята населением, ее бы здесь, конечно, не было. Но она еще не вошла в его жизнь сколько-нибудь глубоко.

Вторым, не менее важным документом о внешних торговых сношениях являются обломки тысяч остродонных амфор, в которых ввозились вино и оливковое масло.

Среди этих амфор, упомянутых уже в главе об импортной керамике, прежде всего отметим несомненное наличие боспорских и херсонесских амфор. Отличия же в составе амфор, известных на Боспоре и в Каменке, могут объясняться только разницей в импорте вина на Боспор и в Ольвию. Таким образом, о том же, что в отношении трех перечисленных греческих колоний видно из монетных данных, говорят и амфоры. Все три основных центра северопонтийской торговли с собственно Грецией поставляли сюда вина: средиземноморское (фасосское и косское), северно-малоазиатское (гераклейское и синопское), может быть, с фракийского побережья (византийское) и неизвестные сорта в амфорах, никогда не штемпелевавшихся. Боспор и Херсонес ввозили и свое собственное вино.

Через эти же города шли сюда мелкая чернолаковая посуда, красноглиняные кувшины, мелкие украшения вроде бус и бисера; это — для рядового ремесленного населения. Оттуда же шли также и другие товары вроде изумительных ювелирных произведений, дорогих тканей и т. п. Но все это мы знаем уже не по Каменским кучугурам, а по родственным по культуре, по аристократическим роскошным, каждому археологу известным, курганам.

Вполне естественно поставить вопрос: каким путем шли товары с Боспора и из Херсонеса? Для выяснения боспорского пути ввоза очень большое значение имеют следующие слова покойного авторитетнейшего советского нумизмата А. Н. Зографа. Касаясь находок 1935—1936 гг. в Ольвии, он пишет: «Такое сравнительное обилие пантикапейских монет в Ольвии не случайно, — и в предшествующие годы раскопок они попадались там нередко. Обратных данных о находках ольвийских монет в Керчи у меня сейчас нет». Далее А. Н. Зограф указывает, что автономные пантикапейские монеты, чаще всего находимые за пределами города, даже Причерноморья, — это монеты IV и — меньше — III вв. до н. э., т. е. времени наибольшего расцвета пантикапейской, в частности, и вообще боспорской торговли [1].

Мне кажется, что это обстоятельство не случайно. Мощный торговый центр Пантикапей, вероятно, смотрел в IV—III вв. до н. э. на Ольвию, как на транзитный пункт. К тому же такой товар, как амфоры с вином, был хорошо приспособлен для морских перевозок и громоздок и неудобен для пересылки по бездорожным кочевым степям.

Вопрос о Херсонесе в этом отношении менее ясен. В цитированной статье А. Н. Зографа указывается на редкость херсонесских монет в Ольвии. Но клейма Херсонеса от амфор там все-таки есть. Вообще следует учесть, что херсонесские клейма во всех городах Причерноморья всегда немногочисленны. Более того, можно решительно утверждать, что экспорт вина из Херсонеса хотя и отмечается, но, безусловно, был очень невелик.

---

[1] А. Н. Зограф. Монеты из раскопок в Ольвии в 1935 и в 1936 гг. Ольвия, т. I. Киев, 1940, стр. 216.

Тогда редкость херсонесских монет и редкость клейм в Ольвии совпадают. Отсюда мы вправе предположить, что редкий импорт, по крайней мере, херсонесского вина шел также морем и также через Ольвию или, вернее, через контролируемый ею Днепровский лиман.

Сама Ольвия транспортировала в Каменку какие-то безымянные и импортные малоазиатские и средиземноморские вина. Предполагать, что Синопа или Гераклея везли сначала вино в Пантикапей, а оттуда для дальнейшей транспортировки в Ольвию, — невероятно. Торговля Ольвии доказывается еще замечательными цветными бусами-«кувшинчиками», которые охотно надевались скифянками на проволочные серьги и которые хорошо известны в Ольвии и окружающих ее могильниках. Сюда же относятся и монеты.

Конечно, ни в какой степени не возможно предполагать поступление товаров тем же путем в левобережные прикеркинитские степи. Скорее всего, наряду с днепровским путем, часть менее хрупких товаров поступала караванным путем из самого Крыма, где жили те же скифы. Свидетельство Геродота говорит о скифских купцах, ходивших караванными путями от Ольвии до далекого Урала. В это же время, как видно из находок в Заволжье, какие-то события, — может быть, первое движение савроматов на запад,—прервали с половины IV в. до н. э. действие этого караванного пути, по крайней мере в его южной части. Деятельность скифских купцов-караванников, естественно, должна была усилиться в близлежащих степных районах. В числе этих купцов могли быть и каменцы.

Мы уже отмечали, что ремесленное население городища не было бедным. Вино, судя по клеймам на амфорах, они получали из тех же центров, что и аристократия, упокоившаяся в Чертомлыцком и иных курганах. Жены кузнецов носили греческие бусы и иногда щеголяли белесоватым золотом простеньких проволочных серег. Но даже битый канфар был для них драгоценностью, красноглиняный кувшин — редкостью. И все это, как лучшее и дорогое, шло за умершими в могилу.

Чем расплачивалось со степью за ее продукты и за транспортировку греческих товаров это население? Произведениями своего труда. Проволочные серьги кучугурской работы с нанизенными на них греческими бусами-«кувшинчиками» и другими подвесками находятся и на противоположном берегу в курганах Никопольстроя, и в курганах урочища Кичкас, и в царском кургане около Башмачков; панцыри их ковки — и в Чертомлыке, и в Солохе, и с женщиной-воительницей на р. Молочной из раскопок В. А. Ильинской под Мелитополем; мечи и копья — и в рядовых, и в царских курганах, стрелы — тоже и т. д. Можно не сомневаться, что индустриальные товары Каменки расходились далеко и вверх, и вниз по Днепру, и по караванным путям в Приазовье. Здесь где-то они должны были встретиться с произведениями воронежских кузнецов, изделия которых, судя по типологическому сходству, распространялись от Воронежа до дельты Дона.

По этому примеру вполне можно полагать, что изделия кучугурских мастеров спускались от их города по Днепру до Ольвии. Конечно, этот греческий город сам отливал стрелы и даже украшения в зверином стиле, сам он ковал свои мотыги и т. п. Но можно быть уверенным, что немало таких вещей достигало и до Ольвии и прежде всего, может быть, железные крицы в виде прутьев и брусков, откованных кучугурскими кричниками.

Очень важен, но сейчас трудно разрешим, вопрос о том, насколько в этой торговле принимали участие сами производители. Уже тот факт, что мастерство сосредоточивалось в руках большой семейной общины, говорит за то, что и готовый товар шел вовне через главу такого семейно-производственного коллектива. Относительное богатство таких коллективов, выраженное в потреблении дорогих греческих товаров и в употреблении скарабеоидов-печатей, как и в наличии монет, прямо указывает на то, что выгоды были не малы. Отсюда следует предполагать, что главы семей сами или через уполномоченных членов семьи продавали соседнему простому населению свою продукцию, вероятно, за продукты земледелия и за скот. Они же, по-видимому, сходились и с купцами-скифами, или изредка греками, в обмене своей продукции на вино и прочие товары импорта. Но вслед затем вступало в силу неумолимое новое начало. Члены семьи получали свою долю, и эта доля становилась настолько своею, что шла со своим владельцем или

владелицей в могилу, был ли это греческий кацфар, или изготовленное в собственной кузнице копье, или тут же отлитый набор стрел. На это указывают и аналогии могил Никопольстроя, и единственный курган раннего времени сокращения города до размеров акрополя.

Но случайно ли скифское царство эпохи Атея выбрало для своей столицы это место и сосредоточило в ней кузнецов? Каковы бы ни были более ранние взаимоотношения, сосредоточение в одном месте этих ремесленников, едва ли не оружейников прежде всего, не могло быть бесцельным. И какова бы ни была его цель, оно не могло не быть какой-то формою зависимости. Скифская аристократия уже была купеческой, а не только военной. Через нее шел хлеб в греческие порты из далекой степи, она выводила туда и рабов: ни Ольвия, ни Херсонес не могли снаряжать походов вглубь страны за рабами. Эти привычки ее могли способствовать и тому, что одною из форм эксплуатации этих ремесленников было транспортирование их произведений к более далекому заказчику. Вторая ее форма, не менее вероятная, — прямой и безвозмездный оброк или дань царской семье оружием, сбруей и т. п. Конечно, все это лишь вероятные предположения; но, кроме хлеба, скота и рабов, несомненно, и продукция мастерских каменских кричников, кузнецов и литейщиков ложилась прочной основой в фундамент неисчислимых богатств степной скифской аристократии.

Но вот древний город на Днепре сократился до размеров акрополя. Кроме него, появилась в далеком Крыму новая столица— Неаполь. Началось наступление скифов на греческие города. По Днепру на переправах и на высоком правом берегу возникли мелкие городки. Система эксплуатации страны изменилась: мелкие ячейки собирали хлеб и другие произведения рядовых скифов. Рассеялось и раздробилось и ремесло. Трудно понять сейчас, до начала больших исследований, как изменилась торговля по нижнему Днепру и были ли перемены в ее направлениях. Краснолаковая керамика сменила чернолаковую. Новые формы амфор появились вместо старых. Но все это не изучено в такой степени, чтобы можно было судить о том, откуда больше шли сюда товары и куда отсюда отправлялись. Повидимому, с основными греческими центрами торговля велась, как и раньше. За это говорят письменные свидетельства. Но в одном отношении картина сильно изменилась.

Мы не говорили еще о том, что в IV—III вв. до н. э. заметно усиленное влияние степи на лесостепь. Туда идет торевтика, столь характерная для степной Скифии; даже чувствуется проникновение на север аляповатых форм степной посуды. Совпадение многих изделий, особенно оружия (Чертомлык — Криворуково—Ильинцы), говорит за интенсивность вывоза на север продукции кучугурских мастеров.

Наконец, до 15 катакомб нижнеднепровских типов известно в курганах Киевской и Кировоградской областей. Культура юга влияла сильно и, конечно, была передатчиком дорогих колониальных и собственных кучугурских изделий. Но с возникновением малых городов акрополь, как и они, обнаруживает обратное, сначала, конечно, торговое влияние, а именно: сюда проникает керамика типов полей погребений. Отхлынув в южные города, население прежнего кучугурского города распространило привычку торговать с севером на всю приднепровскую степь, и в результате изделия корчеватовцев проникли сюда. Что и как шло теперь в ответ отсюда на север, — неясно. Но, вернее всего, — греческие товары. Собственное же ремесло степи, разбившись между малыми городами, едва ли могло теперь быть достаточно интенсивным для поставки изделий в большом количестве на север.

ГЛАВА IX

МАЛЫЕ ГОРОДИЩА И СЕЛИЩА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ

1. ГОРОДИЩА ВНИЗ ПО ДНЕПРУ ОТ КАМЕНКИ

Вниз по Днепру от Каменки вплоть до лимана известен ряд городищ, по большей части на противоположном Каменке высоком правом берегу. Их обследовал, собрал на них большие коллекции, хранящиеся в Херсонском музее, и описал В. И. Гошкевич [1].

На Козацком городище он даже производил раскопки. Около этого же городища произвел раскопки некрополя кенигсбергский профессор М. Эберт [2]. Общая картина, нарисованная Гошкевичем, сводится к следующему. На правом берегу от Никополя до Херсона находится 11 городищ, на левом — их всего одно, напротив с. Любимовки. Размеры этих городищ — от 7 до 22⅓ десятин. Обычно, по Гошкевичу, у этих городищ два ограждения. Одно, внутреннее, подобное квадрату, в шести городищах имело под земляным покрытием каменную кладку. Внешнее ограждение различается у ряда городищ и состоит из земляных, обычно очень невысоких валов. Исследователь полагал, что там, где нет внешнего земляного вала, возможно уничтожение его распашкою.

К этим городищам по правому берегу следует отнести еще Белозерское — ниже Херсона на Белозерском лимане и Станиславское (Широкая Балка) — на мысу между Днепровским и Бугским лиманами. Их Гошкевич прекрасно знал и обследовал, но почему-то не внес в свое описание. Сообразно с раскопками, произведенными на Козацком городище, и с обильным материалом Гошкевич в общих чертах верно определил хронологию этих городищ, отнеся их начало к эллинистическому времени и датировав их в основном римским временем. Совершенно произвольно его заключение о том, что здесь мы имеем дело с торговыми ольвийскими факториями, на 200 км с лишком расположившимися вверх по Днепру. Гавриловское городище в таком случае равнялось бы по величине почти самой Ольвии, а ольвийское государство топографически выглядело бы самым страшным образом в виде ряда прибрежных городов с «варварским» населением, о чем говорят изобилие на этих городищах местной посуды и относительная редкость таких вещей, как греко-римская посуда, если не считать находок амфор.

На Козацком городище Гошкевичем были открыты городская стена и несколько жилищ. Высокие берега мыса позволили укрепить городок только двумя валами поперек мыса; внутренний оказался каменною стеною, аккуратно выложенной из рваного известняка на глине. Основания шести четырехугольных башен были открыты с внешней стороны стены. Между каменными щитами башен был заложен известняковый бут. Основания башен были построены из такого же материала. Здесь же у стены было вскрыто пять зданий. Из них наиболее сохранно первое. Оно имело размеры 30×6 м и делилось на четыре комнаты от 33 до 48 кв. м.

[1] В. И. Гошкевич. Древние городища по берегам низового Днепра. ИАК, вып. 47, стр. 117—145, и «летопись» Херсонского музея, вып. 5.

[2] «Praehistorische Zeitschrift», 1913, Bd. V, стр. 1 и сл.

В комнатах находились печи (устройство неясно). Сохранились куски обожженной глиняной обмазки с примесью соломы и с отпечатками параллельных стеблей тростника или ивовых прутьев. Стены жилищ сложены из грубых плит известняка на глине. Комнаты тянулись в ряд одна за другой. Перед южной из этих комнат в западную сторону отходил четырехугольный дворик. От остальных домов остались части, показывающие, что их план был приблизительно таким же. Достаточно сравнить план этих зданий с канавами от столбовых домов на Каменском городище, как сразу же приходится убедиться, что он близок к жилищам № 1—4 раскопа IX 1950 г. на кучугурах и к плану жилища в раскопе II 1939 г., несмотря на некоторую нерегулярность направления их внешних и внутренних стен. Основной принцип — цепь комнат с боковою пристройкою, двориком или сенями — соблюден в обоих случаях без особых отступлений. Связь происхождения каменных домиков Козацкого городища с генезисом таких же, но деревянных столбовых построек на Каменских кучугурах — очевидна.

К упомянутым городищам, обследованным Гошкевичем, следует, очевидно, прибавить еще два. Одно из них нами описано выше: это акрополь Каменского городища. Как мы помним, на рубеже III и II вв. до н. э. древний город у Каменки сократился до площади акрополя. Правда, он имел только одно ограждение, земляное с сырцовою стеною. Но позднейший материал, с него полученный, — и керамический, и строительный, — настолько совпадает с материалом остальных нижнеднепровских городищ, что в одновременности и однокультурности и его, и всех остальных — нет сомнения. Он вместе с описанным Гошкевичем Гавриловским городищем является самым большим и даже больше последнего. Каждое из них в свою очередь превышает по площади Неаполь на Салгире близ Симферополя (около 20 га)[1].

Вторым таким же городищем, почему-то оставшимся совершенно неизвестным Гошкевичу, является городище в селе Б. Лепетихе. Оно занимает высокий, до 40 м высотою, каменистый левый берег Днепра. Его площадка тянется вдоль берега на 300 м с небольшим и имеет в ширину приблизительно 150 м. Около $^2/_3$ этого городища занято постройками. Только $^1/_3$ не застроена. На ней у окраины берега расположено несколько мощных зольников; от вала сохранился лишь небольшой, совершенно оплывший кусок параллельно берегу реки от нижнего по течению Днепра оврага до построек отдельных усадеб. Это городище открыл в 1946 г. В. Г. Скрипниченко. Собранный материал он передал в 1949 г. в распоряжение нашей экспедиции, а вслед за тем указал и обследовал вместе с нами городище. Обследование этого городища было произведено еще дважды Н. Н. Погребовой в 1950 г.

Вся керамика, поступившая в наше распоряжение, делится на следующие группы:

1. Лепная грубая керамика отличается очень плохой выделкой, комковатой структурой и известняковой примесью. Поверхность ее имеет много разрывов и мелких трещин. Преобладают формы сосудов с покатыми плечами. В большинстве случаев посуда не орнаментирована. Встречается изредка пальцево-ногтевой орнамент по краю, характерный для сосудов Каменского городища. Найдены лепные стенки с орнаментальными коническими выступами, сверху уплощенными пальцем. Встречен высокий поддон. Донышки носят на себе следы подсыпки песка и даже просяной лузги.

2. Лощеная керамика представлена фрагментами краев мисок с острым ребром и с вертикальным или отогнутым бортиком. Черной, хорошо лощеной посуды пока что здесь не найдено. Поверхность серая и желтая; последняя на акрополе в Знаменке встречается редко. Тесто по структуре совершенно сходно с тестом простых лепных сосудов; примесь состоит из шамота, извести и песка. Есть ручки двух лощеных кувшинов. Посуда эта лепная.

3. Импортная посуда хорошо представлена позднеэллинистическим черным, коричневым и красным лаком (мелкие фрагменты) II—I вв. до н. э. и хорошим красным лаком I в. н. э. Фрагменты амфор эллинистической и римской эпох; особенно заметны подражающие раннеэллинистическим косским двуствольные ручки с грубой примесью. В целом находки с этого городища относятся к II в. до н. э.— I(II?) в. н. э. Однако есть среди находок на Б. Лепетихе одна фасос-

[1] П. Н. Шульц и В. А. Головкина. Неаполь Скифский. Сб. «По следам древних культур». М., 1951, стр. 147 и 151.

ская ручка с древнейшим клеймом. Эмблема — коленопреклоненный Геракл стреляет из лука; надпись совершенно стерта. Такие клейма относятся к первой половине IV в. до н. э. Среди чернолаковых фрагментов некоторые могут быть отнесены к III в. до н. э.

Летом 1950 г. Н. Н. Погребова произвела обследование городищ, описанных Гошкевичем. Многое на них изменилось. Особенно у всех пострадали каменные стены. Все основные определения внешней характеристики, данной этим памятникам Гошкевичем, остаются в силе. Вообще говоря, новым является то, что в основании стены северного Понятовского городища в новых повреждениях обнаружена очень хорошо прослеживающаяся каменная кладка. Состав материала, частью подъемного, частью добытого шурфовкою, в общем довольно хорошо подтверждает суммарную характеристику Гошкевича. Впрочем, оказывается возможным,— хотя бы в некоторой степени, по подъемным материалам,— несколько иначе определять хронологию отдельных поселений.

Городища левого берега — Лепетихинское и Любимовское — дают материал: 1) от IV в. до н. э. до II в. н. э.; 2) от черного лака III в. до н. э. до серых мисок черняховского типа, сделанных на круге.

Из правобережных поселений наиболее ранними являются, как кажется, селище Золотая Балка, на которой найден примитивный жернов эллинистического времени, и Консуловское городище, где есть краснолаковая керамика I в. до н. э. и I в. н. э., лепная посуда с кучугурской орнаментикой и лепная серая и желтая лощеная посуда, как на акрополе Каменского городища. Городища Гавриловское и Понятовское дают пока материал со II в. до н. э., очень сходный с материалом на акрополе Каменки, и позднейшие вещи I—II вв. н. э. Более поздней выглядит Гавриловка по обломкам амфор римского времени, черепкам черняховского типа и грубой неорнаментированной лепной посуды, подобной той, что характеризует поздний горизонт Каменского акрополя. Столь же поздние материалы, особенно обломки амфор, происходят со Старо-Шведского и Красномаяцкого (Безюкова, по Гошкевичу) городища. Эти три городища выглядят по времени, как памятники раннеримского времени — I—III вв. н. э. Об остальных городищах мы таких сведений не имеем.

Конечно, все это только предварительные хронологические соображения, но все же, почти не выходя из рамок определений Гошкевича, эти городища могут оказаться, в узких пределах времени со II в. до н. э. по I—II вв. н. э., разновременными. Но определение, которое будет получено в результате новых раскопок, вряд ли сможет существенно изменить данные намеченной хронологии. Новые исследования должны прежде всего дать новые экономические факты.

В пользу утверждения земледельческого характера этих городищ мог послужить лишь десяток зерновых ям, обнаруженных у городской стены и домов Козацкого городища при раскопках Гошкевича. Одна из них (№ 5) при цилиндрическом вместилище, коническом своде и узкой цилиндрической горловине имела глубину до 4 м и диаметр на плоском полу до 2,7 м. К этому мы можем добавить очень немногое. Среди находок на городище Б. Лепетихи обнаружен черепок с отпечатком зерна ячменя, а на селище Золотая Балка — ручной жернов эллинистического типа, приводившийся в действие при помощи движения ручкою то взад, то вперед. Такой жернов, конечно, указывает на рост потребления хлеба, так как продуктивность его выше обычной зерноторки, известной нам в эпоху заселения кучугур.

Приходится отметить на этих позднейших малых городищах, в противоположность кучугурам, распространение рыбной ловли. Кости сомов и грузило эллинистической формы найдено на городище Б. Лепетихи. Кости рыбы попадались и на других городищах: об этом в общей форме Гошкевич говорит по отношению ко всем памятникам. Им же на Козацком городище было найдено обычное глиняное рыболовное грузило римского времени[1]. В погребениях около Белозерского городища Скадовский обнаружил кости рыб в нескольких случаях. В некрополе Красномаяцкого городища были найдены 2 рыболовных крючка. Кости животных упомянуты в общей форме и Гошкевичем. Но состав стада, и то очень приблизительно, определен лишь, — без возможности разграничить его во времени, — для акрополя Каменского городища.

При осмотре мною Любимовского и Лепетихинского городищ удалось установить на

[1] В. И. Гошкевич. Ук. соч., стр. 131, рис. 24.

них наличие мощных холмообразных зольников. Это сближает их с городищами лесостепной зоны среднего Приднепровья и с Неаполем на Салгире, имеющим 3 грандиозных зольника. Противоположностью этому является полное отсутствие пока что подобного рода скоплений на Каменском городище и на его акрополе. Впрочем, осмотр Козацкого городища показал, что здесь зола выбрасывалась по склонам холма, не образуя холмов, а на Понятовском городище не видно никаких признаков зольников. Очевидно, на нижнеднепровских городищах этот обычай не был обязательным, в раннее время, может быть, и вовсе не существовал, а в позднее время, т. е. в эпоху малых городищ описанного Гошкевичем типа, он либо возник заново, либо пришел с севера от населения лесостепных городищ. Но и там он не всегда был обязательным.

Новым признаком этой группы городищ следует считать наличие около них грунтовых могильников. Известно теперь, что такие могильники были в районе акрополя Каменского городища. Могильник у Безюкова монастыря занимал два участка. При случайных работах на одном из них было открыто 136 могил. О них известно только, что они не имели над собою курганов. Набор же вещей, особенно фибул и зеркал, категорически свидетельствует, что этот некрополь относится ко времени от начала нашей эры (браслет) и до III—IV вв. н. э. (зеркала и гребень). Это вполне совпадает с тем, что дали находки на городище, среди которых, по Гошкевичу, находилась одна монета Феодосия Великого.

М. Эберт раскопал такой же могильник у Козацкого городища. Он вскрыл 16 могил, из которых 10 были подбойными и катакомбами, четыре — ямные. Не трудно установить, что эти погребальные сооружения отнюдь не похожи на подбои и катакомбы сарматов Прикубанья или Поволжья. Они довольно точно повторяют катакомбы и подбои степных рядовых курганов IV—II вв. до н. э., открытые у Белозерского городища и на Никопольском курганном поле. Эберт отнес эти погребения к рубежу летосчисления и к I в. н. э.

Даже самый беглый осмотр найденных вещей не позволяет датировать погребения раньше, чем I в. н. э., но есть среди них погребения и II в., и даже III и IV вв. н. э. Особенно об этом говорят фибулы и некоторая часть керамики [1].

М. И. Артамонов напрасно отказывается связывать эти грунтовые могильники со скифами-земледельцами [2], так как на самом деле катакомбные погребения свойственны одинаково и земледельческому, и кочевому населению степных районов Украины. Умозрительные соображения этого автора ищут объяснения указанному факту в гипотетическом оседании кочевников на землю по намечающимся аналогиям донских памятников. Едва ли есть в этом надобность для территории геродотовских «γεωργοί». Но об этом отдельно дальше.

Раскопки А. В. Добровольского и сотрудников его экспедиции на Золотой Балке, Гавриловском городище и в Любимовке в 1951 и 1952 гг., раскопки Н. Н. Погребовой на акрополе Каменского городища и в Гавриловке в 1952 г. — сильно пополнят и во многом уточнят эти предварительные соображения. Работа же Э. А. Сымоновича на поселениях и могильниках черняховской культуры в 1951 и 1952 гг. по нижнему Днепру поможет уточнить взаимоотношения ранних славян с позднескифским населением на той же территории. Уже теперь, однако, можно сказать, что с II в. до н. э. на фоне основной массы скифской керамики появляются образцы корчеватовской, а затем черняховской керамики. Потом появляются и самые поселения ранних славян — черняховцев и их могильники. Совершенно очевидно, что в течение II и III вв. н. э. происходило постепенное, повидимому, мирное поглощение славянами скифского населения. Яснее этот процесс будет выявлен после изучения материалов из раскопок 1951 и 1952 гг.

2. СЕЛИЩА СКИФСКОЙ И ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ЭПОХ НА ПРАВОМ БЕРЕГУ ДНЕПРА ВНИЗ ОТ г. НИКОПОЛЯ

Наши сведения для позднего времени существования степного скифского государства не ограничиваются в этих местах только сведениями Гошкевича.

После многолетних раскопок курганов Никопольского поля, расположенного между Никополем и селом Алексеевкой по Криво-

[1] «Prachistorische Zeitschrift», 1913, Bd. V, стр. 80 и сл.

[2] ВЛГУ, 1948, № 8, стр. 81.

рожскому тракту, одной из первых задач экспедиции ИНМК являлось связать этот громадный могильник с теми или иными местами одновременных древних поселений. Разведки поселений были начаты в 1944 г. и продолжены в 1945 и 1946 гг.

а) Сулицкое селище

Прямо напротив курганного могильника, находящегося на берегу притока Днепра—Старой Лапинки, под постройками и огородами села Сулицкого оказалось значительное селище, занимающее территорию под водонапорной станцией, церковной усадьбой и крайними двумя порядками прибрежной улицы села. Производить раскопки на территории этого селища не представилось возможным, так как большая часть тонкого культурного слоя перекопана огородными работами. Культурный слой, выходящий на обрывистый берег Старой Лапинки, не достигает мощности более 50 см. В перемешанном слое в большом количестве встречаются пепел, древесный уголь, обломки костей животных и фрагменты посуды, причем вперемежку найдены как черепки современной украинской посуды, так и отдельные фрагменты керамики более раннего, в частности скифско-сарматского времени. Насыщенность слоя, судя по обрезам на обрыве, незначительна. Встречены обломки эллинистических амфор и в большом количестве (в числе нескольких десятков) мелкие фрагменты стенок лепной керамики с примесью дресвы, шамота и песка. Наиболее интенсивно насыщен этот слой костями животных и черепками той же лепной посуды в обрыве берега против церкви над стрелкой между Старой Лапинкой и Быстриком. Вперемежку с лепными фрагментами, которые по составу теста и характеру обжига не могут быть отнесены к другому времени, кроме эллинистическо-скифской эпохи, найдены фрагменты стенок лощеной черной и серой посуды, также лепной, ближе всего сходной с посудой ранних полей погребений корчеватовского типа. Найден даже один фрагмент серого лощеного горшка, сделанного на круге. Никаких признаков керамики эпохи энеолита или бронзы обнаружено не было. Это селище можно отнести ко времени первых веков самостоятельного бытования Каменского акрополя, т. е. ко II в. до н. э. — II в. н. э.

б) Быстрицкое селище

Быстрицкое селище находится непосредственно под береговым обрывом, на котором было обнаружено селище на территории села Сулицкого, только что описанное. Оно лежит между расходящимися в этом месте в разных направлениях притоками Старая Лапинка и Быстрик и обнаружено по культурному слою, выходящему наружу в обрывах образованного таким образом острова. По течению Быстрика слой выходит в обрыве на протяжении 300 м от образующейся на месте разделения Быстрика и Старой Лапинки стрелки. По течению Старой Лапинки слой выходит в обрывах на протяжении 200—250 м. По всей площади этого селища, над культурным слоем лежит аллювий мощностью от 1 до 4 м. Только на самой стрелке слой обнажен недавно переместившимся руслом Старой Лапинки, и на поверхности культурного слоя признаков аллювия нет. При осмотре обрывов, в осыпях и по бечевнику, найдено было небольшое число черепков лепных сосудов с такими же примесями, как в селище Сулицком, и стенки и ручки эллинистических остродонных винных амфор. Вся поверхность аллювия распахана под огороды, которые не приносят и не могут принести никакого вреда культурному слою из-за большой мощности наносов. Занятый селищем остров в настоящее время находится в пойме и почти ежегодно заливается полой водой.

Для выяснения культурного слоя было произведено несколько небольших зачисток и шурфов. Вниз по течению Быстрика в 210 м от стрелки был заложен небольшой раскоп 6×2 м вдоль по берегу. В этом месте несколько смытый аллювий имел толщину в 15—40 см. Мощность культурного слоя в этом месте равнялась 40 см. Культурный слой — блестящего черного цвета, с большим содержанием перегноя. Количество находок в этом раскопе очень невелико. Было встречено несколько обломков костей животных, между ними зуб лошади (все кости в небольших обломках), два фрагмента стенок лепного сосуда с сильной примесью дресвы, древесные угли и несколько кусков железного шлака. В нижней части слоя количество костей животных резко возрастает. В числе этих костей найдены две фаланги лошади. На 15 м ниже раскопа I была произ-

ведена зачистка культурного слоя по обрыву на протяжении 3—4 м. Под аллювием толщиной 10—30 см располагался культурный слой мощностью от 60 до 90 см такого же, как и в предыдущем раскопе, интенсивно черного цвета с большим количеством перегноя. Высота культурного слоя над уровнем летней воды — 2,85 м. Насыщенность культурного слоя весьма слабая, встречено всего несколько обломков эллинистических остродонных амфор.

Зачистка № 2 была сделана немного ниже зачистки № 1 на протяжении 3 м по течению. Сверху — аллювий толщиной до 30 см, ниже — культурный слой также мощностью от 60 до 90 см. В значительном количестве в культурном слое той же окраски и того же состава найдены мелкие обломки амфорных стенок и небольшое количество костей животных.

Зачистка № 3 находилась в 50 м от стрелки между Быстриком и Старой Лапинкой по тому же обрыву. Протяженность зачистки — 2 м. Мощность аллювия та же, но культурный слой значительно тоньше — 35—40 см, не больше. Никаких находок, кроме одного зуба лошади, сделано не было.

На обнаженной части культурного слоя у стрелки, в 45 м к северу от нее, был заложен большой шурф площадью 2×2 м. Культурный слой достигает здесь 80 см толщины. Насыщенность находками весьма слабая. Встречено всего только несколько обломков костей.

И в селище на территории села Сулицкого, и в селище на Быстрицком острове содержание культурного слоя совершенно одинаково, если не считать многочисленных обломков украинской керамики, попадающихся в селище Сулицком. И лепная местная посуда, и обломки эллинистических амфор указывают на существование обоих селищ в эллинистическое время, более или менее совпадающее со временем Каменского городища. Время последнего определяется с конца V в. до н. э. до начала II в. до н. э. Соответствуют ли оба эти селища всему времени существования Каменского городища, или нет,— сказать за недостаточностью материалов окончательно невозможно. Не исключена вероятность того, что Быстрицкое селище существовало несколько раньше Сулицкого: в нем совсем нет лощеной посуды. Наличие же лепной лощеной керамики корчеватовского типа в селище Сулицком говорит о его существовании еще по крайней мере в течение 1—2 столетий после Каменских кучугур.

Находящееся в пойме Быстрицкое селище не может быть рассматриваемо как результат осыпания на Быстрицкий островок керамики и костей животных с территории непосредственно над ним находящегося Сулицкого селища. Что это селища, находящиеся в первичном положении, — доказывается следующими соображениями. Во-первых, культурный слой Быстрицкого селища лежит на одном, постепенно поднимающемся от стрелки вниз по течению уровне. Над стрелкой, над уровнем воды, он находится на высоте 35 см, а в конце селища по Быстрику — на высоте 1,15 м, что соответствует падению воды Днепра в этом месте. Помимо этого почти горизонтального положения слоя, все сделанные в нем находки, как фрагменты костей, так и фрагменты керамики, не носят на себе никаких следов окатывания, или передвижения. Фрагменты амфор и обломки посуды имеют хорошо выраженные обломы, покрытые теми же почвенными солями, как и во всех культурных слоях, встречающихся в других соседних местах.

Таким образом, можно сказать, что Быстрицкое селище — соседнее и в какой-то степени, может быть, предшествующее селищу Сулицкому — заселялось, вероятно, в конце лета, так как до середины июня было подтоплено, а затем изобиловало комарами и т. п. К сожалению, производство на нем раскопок затрудняется чрезвычайно мощными наносами аллювия, лишь по осыпям и обрывам сокращающегося до указанных пределов. На остальных частях острова толщина аллювия достигает 3—4 м. Поэтому характер селища не может считаться окончательно выясненным, и можно условно определить лишь его время и сезонный характер заселения. Оба эти селища территориально ближе всего к Никопольскому курганному полю и, надо думать, с ним частично связаны, так как фрагменты керамики не отличаются в общем от того керамического материала, который встречен при раскопках курганов.

Никопольское курганное поле тянется от города до с. Алексеевки. Побережье притоков Днепра — Бакая, Лапинки и Старой Лапинки нигде, за исключением двух названных селищ, признаков древних селищ

скифского времени не имеет. Так ли это было в действительности, или постоянно меняющееся, еще на памяти последних двух поколений дважды переместившееся русло Днепра и его притоков уничтожило эти селища, — сказать трудно. Во всяком случае нет ничего невероятного, что курганы Никопольского поля связаны с двумя указанными селищами.

в) Копулевское селище

Далее вниз по течению притоков Днепра имеется несколько селищ между селами Алексеевкой и Покровкой. Самое близкое к Суслицкому селищу — селище, находящееся в с. Копулевке. Копулевское селище известно уже довольно давно. В 1939 г. мне был дан для определения администрацией Никопольского музея фрагмент ручки синопской амфоры с клеймом III в. до н. э. Кроме того, за несколько лет до этого селище было обнаружено на территории с. Копулевки сотрудником Института археологии Академии наук УССР Б. Б. Копыловым, определившим его как селище эпохи полей погребений. Оно было осмотрено нами последовательно в 1944 и 1945 гг.

Селище находится в южном конце с. Копулевки, тянется узкой полосой между невысокими обрывами над речкой Пидпильной, начинаясь от восточного края села, на протяжении около 300—400 м и достигает крайней нижней его улицы, имея, таким образом, ширину от 100 до 150 м. Мощность культурного слоя в обнажениях очень разнообразна — от 0,25 до 1,5 м. На всем протяжении обнажений в большом количестве попадаются фрагменты лепной посуды кучугурского времени с обычными примесями и пальцево-ногтевым и валиковым орнаментом на плечиках. Среди подъемного материала оказалось несколько фрагментов черных лощеных горшков черняховского времени, сделанных на круге. Довольно много обломков стенок эллинистических остродонных амфор, и в малом числе попадаются обломки ножек и ручек таких же амфор. В нескольких местах были найдены фрагменты сосудов ямной и катакомбной культур. Наибольшее число керамики, особенно скифской лепной, было найдено в осыпи против впадающего в Пидпильную небольшого протока. Слой постепенно выклинивается и исчезает напротив Сечевого острова, где в 1939 г. производились раскопки на месте укреплений Копулевской Запорожской Сечи сотрудником Института археологии Академии наук УССР М. Л. Макаревичем. В самом конце культурного слоя найдены остатки могильника, вероятно, православного кладбища, ныне застроенного селом.

Над выпадающими из могил в обрыве костяками располагается древний культурный слой. В осыпи этого культурного слоя найдены небольшая железная скоба и обломки нижней части эллинистической остродонной амфоры.

Прямо напротив того места, где в культурном слое расположено старое православное кладбище, между протоками Пидпильной и Павлюком находится известное в исторической литературе Копулевское сечевое укрепление. Во время поездки 1944 г. с целью выяснения сохранности памятников после Великой Отечественной войны при осмотре этого укрепления мы обнаружили в береговых осыпях значительное количество обломков амфор и скифской лепной керамики. В настоящее время о Копулевском селище можно сказать только одно, — что оно принадлежит скифскому и сменившему его населению от III в. до н. э. (амфоры) до III в. н. э. (лощеная керамика). Возникло же оно на месте поселения бронзовой эпохи.

г) Нижнее Покровское селище

В $^3/_4$ км от нижнего конца с. Копулевки, на берегу той же речки Пидпильной, под береговыми обрывами в пойме находится небольшое пойменное расширение берега под обрывом коренного степного берега. Здесь на протяжении около 300 м почти над летним уровнем воды р. Пидпильной, на глубине до 1,10 м, под мощным аллювием лежит слабый культурный слой. В его верхнем — по течению Пидпильной — конце, на выходах к реке, найдено значительное количество костей лошади, коровы, овцы, несколько фрагментов стенок остродонных греческих амфор и около десятка обломков стенок, донцев и бортиков типичных лепных сосудов скифского времени. Далее, на протяжении еще 200 м, в осыпях над водой найден ряд амфорных синопских ручек без клейм и несколько обломков стенок керамики

скифского времени. В самом конце культурного слоя, где пойменное расширение берега сходит на нет, в осыпи культурного слоя найдены перевитая ручка серого лепного кувшина сарматского времени, медный бубенчик, плоская железная подкова, железная пряжка без язычка и несколько железных пластин совершенно другого типа, близко напоминающего салтово-хазарские вещи.

После этого осмотра, имевшего место в августе 1945 г., было решено произвести на территории этого селища разведочное вскрытие. Эти работы производились с 10 по 14 сентября 1946 г. сотрудницами экспедиции В. А. Ильинской и Т. М. Арсеньевой. Для раскопок было выбрано место, находящееся в восточном конце селища, где культурный слой почти лишен аллювиального балласта, тогда как вниз по берегу наносы резко возрастают. Таким образом, раскопки начаты именно в том месте, где был обнаружен культурный слой при обследовании 1945 г.

Раскоп I был произведен непосредственно вдоль обрыва к реке в виде траншеи с востока на запад длиной 10 м и шириной 2 м, состоявшей из 5 квадратов, каждый 2×2 м, пронумерованных с запада на восток.

Первые 20 см состояли из дерна и перегноя на всем протяжении этой траншеи. Кроме кости какого-то крупного животного и кусочка угля, был найден еще обломок стенки греческой амфоры. На глубину от 20 см до 1 м шел культурный слой в виде чернозема мелкозернистой структуры. В верхнем слое от 20 до 50 см глубиной от дневной поверхности были обнаружены отдельные обломки костей животных, причем количество этих костей резко возрастало к глубине 50 см. Из предметов здесь найден только ряд обломков стенок остродонных амфор, несколько фрагментов грубой лепной керамики, кусок железной руды и кусок железного шлака. На глубине от 50 см до 1 м количество костей резко возрастало до глубины 70 см, а от 70 см до 1 м число костей очень невелико. Никаких вещественных находок в нижней части слоя обнаружено не было.

Этот раскоп был затем продолжен к северу вдоль всей первоначальной длины траншеи на ширину 2 м. Прирезка также состояла из пяти последовательных по широте квадратов площадью 2×2 м. В этой части культурный слой находился на той же глубине, т. е. с 20 см до 1 м, и также количество находок от глубины 20 см до глубины 60 см возрастало. Главным образом, находки эти состояли из костей домашних животных. Что же касается вещей, то здесь находок также было немного, и состояли они из нескольких обломков стенок винных амфор, небольшого железного предмета, повидимому, шила, железной скобы обычного для Каменского городища типа. Кроме того, был найден небольшой фрагмент стенки черного лощеного сосуда, близкого по типу к полям погребений.

К западному концу раскопа была прибавлена площадь 4×4 м, разбитая на 4 квадрата. Характер культурного слоя тот же самый, он также находится под черноземом, т. е. начинается с глубины 20 см и достигает глубины 1 м, также до глубины 50 см встречалось лишь ограниченное количество обломков костей животных, и только в одном месте были обнаружены обломок стенки амфоры и комочек твердой красной краски, подобный несколько раз встреченным кускам краски в Никопольском курганном могильнике. Начиная от глубины 40 –50 см, как и в остальной части раскопа, резко возрастает число костей домашних животных. Из вещей найдены лишь 2 фрагмента стенок лепных сосудов обычного на Каменском городище и трех вышеописанных селищах характера.

Общая площадь раскопа I, таким образом, равна 56 кв. м при средней глубине 1 м.

В 40 м к западу от раскопа I, на краю обрыва над Пидпильной, в 1,9 м от края обрыва был заложен раскоп II.

Раскоп представлял собою траншею в 10 м, шириной 2 м, ориентированную с востока на запад и разбитую на 5 квадратов, каждый 2×2 м. Раскоп был заложен в таком месте, где культурный слой покрыт глинистым наносом, имеющим толщину от 50 до 60 см. Под этим наносом, на глубине около 60 см, начинается культурный слой, имеющий такой же характер зернистого серого чернозема, как и культурный слой раскопа I. До глубины 1,50 м культурный слой продолжается без каких-нибудь интенсивных находок. Встречены небольшие куски обожженной глины, имеющей характер обычной для скифских городищ глиняной обмазки;

немногочисленные кости домашних животных, кусок железного шлака, 4 фрагмента стенок лепного сосуда и небольшой фрагмент лепного венчика. Характер лепной керамики не отличается от находок в раскопе I.

Это селище представляет интерес тем, что оно, так же, как и селище на островке между Быстриком и Старой Лапинкой у села Сулицкого, находится в пойме. Совершенно так же найденные здесь обломки костей и керамики, находящиеся на одном и том же уровне, не носят следов окатанности от воды, имеют характерные острые изломы. Фрагменты керамики покрыты обычными почвенными солями. Самый же характер культурного слоя отличается от культурного слоя на Быстрике как своей значительно большей мощностью, достигающей 1 м, так и структурой, представляющей мелкозернистый черноземный перегной. Слой лежащего над культурным слоем балласта значительно тоньше, чем на Быстрицком селище.

Во всяком случае раскопки, охватившие лишь небольшую площадь в общей сложности 55 кв. м, и то только в восточном конце селища, позволили установить, что это селище скифского времени с типичной эллинистической керамикой, как импортной, так и местной, соответствует по времени и Сулицкому, и Быстрицкому селищам, и так же, как Быстрицкое селище, находилось в пойме, т. е. не могло быть обитаемо в течение всего года, а представляло собой, вероятнее всего, осеннее местопребывание. Наличие пока только одного фрагмента черной лощеной керамики, сделанной на круге, указывает, что селище просуществовало по крайней мере до начала эпохи полей погребений. Большинство же аморфных и лепных черепков восходит еще к кучугурскому времени, но есть реберчатые стенки II—III вв. н. э., обломки лощеных на кругу сосудов с орнаментом черняховского времени.

Что касается западного — нижнего по течению Пидпильной — конца селища, то, поскольку мы пока имеем оттуда только находки случайного характера, собранные в 1945 г. и указывающие на более позднее время, возможно лишь предполагать, что в разных местах селища жизнь протекала в различные исторические эпохи; лишь по отношению к слегка затронутому раскопками восточному концу можно утверждать, что оно полностью принадлежит здесь позднескифской эпохе, т. е. времени городищ Гошкевича. Отсутствие каких бы то ни было жилищ, наличие которых вполне возможно было на вскрытой площади, не позволяет пока говорить о характере оседлости на этом селище. Во всяком случае было бы весьма существенно предпринять в дальнейшем снова раскопки в этом пункте.

д) Верхне-Покровское селище

Верхне-Покровское селище располагается на коренном степном берегу непосредственно над Нижним Покровским пойменным селищем. Здесь в многочисленных береговых провалах и в черноземе на значительном протяжении в глубь плато от обрыва, на 150—200 м от реки, тянется культурный слой. Он обнаруживается по костям животных, черепкам амфор, местных лепных сосудов и другому подъемному материалу как в обрывах, так и на поверхности пашни. В одном из обрывов была вынута большая каменная зернотерка из песчаника в виде продолговатой толстой плиты, совершенно сходной с зернотерками Каменского городища. На другом обрыве был ясно виден обрез ямы, недоступной из-за крутизны обрыва. На глаз глубина ямы — приблизительно в человеческий рост, ширина около 2,50 м.

На фоне материкового лёсса обрыва яма представляется заполненной черным перегноем и отличается правильной четырехугольной формой обреза.

Вследствие крутизны обрывов и невозможности произвести шурфовку на засеянном пшеницей и кукурузой поле можно было определить мощность культурного слоя приблизительно, на глаз, не более, чем в 50—60 см. Был ли на этом селище Б. Б. Копылов или нет, — выснить не удалось. По крайней мере во время бесед с ним он утверждал, что находил на пашне вниз от с. Копылевки фрагменты керамики эпохи полей погребений. Нам такого рода керамики среди многочисленного подъемного материала, собранного в 1945 г., не попадалось, и пока что не представляется возможным даже предположительно отнести это селище к эпохе полей погребений. Во всяком случае весь остальной состав вещественных находок указывает на то, что он того же

времени, к которому относится часть материалов скифского времени во всех описанных выше селищах. На Верхне-Покровском селище следует поставить стационарные раскопки ввиду доступности культурного слоя с поверхности пашни.

Среди подъемного материала здесь очень много обломков эллинистических амфор. В числе их — ножка амфоры, как в Зеленском кургане. Лепная посуда составляет картину, близкую к акрополю Каменского городища: та же смесь стенок, орнаментированных ногтевыми ямками, и стенок, совершенно лишенных орнамента,—только все это в единичном количестве. Найден также один точильный камень для точки крупных предметов с фасетками на длинных сторонах, каких много на кучугурах. Это селище по материалу, надо думать, принадлежит, главным образом, к кучугурскому времени, тогда как Нижнее Покровское селище охватывает время, равное времени существования акрополя на Каменке.

Верхне-Покровское и Нижнее Покровское селища находятся в таком же взаимном топографическом расположении, как селища Сулицкое и Быстрицкое. И в том, и в другом случае состав находок верхнего и нижнего селищ хотя бы отчасти одинаков. Во всех четырех случаях предварительное хронологическое определение выявляет основной скифский характер этих селищ. Малая доступность Быстрицкого селища для раскопок не позволяет ожидать там установления тех или иных видов жилища вследствие чрезвычайной мощности аллювиальных наносов. Незначительная же мощность таких наносов на Нижнем Покровском селище позволяет решить, какой характер носили эти своеобразные, ранее неизвестные в археологической литературе, сезонные, находящиеся в пойме, скифские поселения.

с) Селище у Красного Хутора

Дальнейшие разведки 1945 г. привели к открытию еще одного селища на никопольском берегу Днепра. Селище это находится у Красного Хутора, на правом берегу реки Базувлука, на невысоком коренном берегу, расположенном над широкой поймой Базувлука. Краснянское селище тянется непосредственно к югу от Красного Хутора, выселков с. Покровки, и начинается в южной усадьбе хутора, принадлежащей Г. И. Левченко, уполномоченному Покровского сельсовета. По рассказам Левченко, при копке ямы на прибрежном участке его усадьбы было открыто два грунтовых погребения, одно из которых сопровождалось небольшим сосудом, во время войны погибшим. Одно из погребений, по его вполне вразумительному рассказу, было скорченным и сопровождалось значительным количеством чешуи карпа.

Каково отношение этих погребений к селищам,—неясно. Произведенные на этом месте раскопки новых погребений не дали.

Вниз по обрыву над поймой Базувлука, от усадьбы Левченко на 400—500 м по берегу реки, тянется прямо под дневной поверхностью культурный слой, в осыпи которого и под обрывом встречаются в значительном количестве фрагменты посуды весьма разновременного характера: недавней украинской посуды, серой и черной лощеной керамики позднего эллинизма и римского времени, лепной керамики с орнаментальным валиком скифского времени и несколько фрагментов керамики эпохи бронзы ямной, катакомбной и срубной культур. Вглубь коренного берега на пашне находки фрагментов керамики распространены приблизительно на 100 м. Бо́льшая часть этого селища когда-то была занята большой помещичьей усадьбой, от которой в настоящее время осталось много строительного мусора и различных остатков, растаскиваемых плугом.

В течение 7 дней, с 14 по 23 августа, В. Л. Ильинской здесь были произведены разведочные раскопки. Было заложено сначала три раскопа на территории прежней помещичьей усадьбы. Один из этих раскопов, попавший на фундамент какой-то недавней кирпичной постройки, был оставлен. В двух других раскопах, находившихся близко друг от друга, в 220 м вниз по реке от усадьбы Левченко, было обнаружено большое количество остатков той же ранее бывшей здесь усадьбы. Весь культурный слой перекопан, современные остатки перемешаны с древними, и вместе с недавней керамикой найдены единичные фрагменты катакомбной, баночкой (половина сосуда) и типичной предскифской лепной керамики с налепными валиками на плечиках, а также скифской—с ямочным, опоясывающим орнаментом.

Большинство этого материала происходило из второго раскопа. Среди находок второго раскопа оказались: один фрагмент типичной реберчатой амфоры римского времени II—III вв. н. э. и несколько серых и черных лощеных черепков от мисок, сделанных на гончарном круге, относящихся к поздней эпохе полей погребений. Только в одном месте, во втором квадрате, древний культурный слой оказался не затронутым, а именно: при выходе раскопа к обрыву реки здесь был обнаружен сохранившийся край древней ямы на глубине 80—90 см от современной дневной поверхности. Ширина ямы в верхней части — 1,80 м, глубина — около 2,40 м.

Яма была заполнена ровным серым культурным слоем. В этой яме были найдены кости крупного копытного, створка Unio, кусок железной руды; среди керамики — бортик и стенка лощеной круговой миски с двумя рельефными опоясывающими полосками и со следами починки сосуда, обломок кругового сосуда с примесью кварца и песка, со следами сглаживания на круге. Есть несколько грубых лепных черепков со штрихами от выпавшего при вращении на круге шамота. Следует отметить очень характерные низкие, вертикальные, округленно сглаженные шейки от небольших лепных горшков — тип шейки, восходящий к кучугурской норе (тип 3-й).

В дальнейшем раскопки были перенесены, вследствие сильной испорченности культурного слоя на месте бывшей поместичьей усадьбы, на территорию усадьбы Левченко. Здесь были заложены разновременно три раскопа, давшие различные, но более или менее однообразные результаты и позволившие выяснить, что в этом направлении культурный слой заканчивается на территории усадьбы.

Один раскоп представлял собою небольшую площадь 3×3 м и доведен до грунта на глубине 60 см. Находки культурного слоя — от 40 до 55 см глубины. Их очень мало. Это мелкие обломки трубчатых костей, незначительные фрагменты стенок лепных сосудов, обломок стенки остродонной амфоры, фрагмент обычной зернотерки скифского типа и кусок железной руды.

Раскоп IV находился неподалеку от раскопа № III и был разбит в виде траншеи 5,5 м длины на 2,5 м ширины. Материк находился на глубине 70 см, и только в верхних 20 см имелось несколько мелких фрагментов неопределенной лепной керамики.

Раскоп V был прирезан непосредственно к северо-восточной стороне раскопа № 4 и имел небольшую площадь 4×3 м. Верхние 40 см не дали никаких находок, и только начиная с глубины 40 см стали попадаться редкие фрагменты лепной керамики. С глубины 65 см до глубины 70 см было обнаружено овальное пятно древней ямы, ориентированной по линии северо-северо-восток — юго-юго-запад. Длина ямы — 2,10 м, ширина — 1,25 м, глубина — 1,60 м. Яма была заполнена серой сухой землей. В яме были обнаружены многочисленные фрагменты керамики, прежде всего лепной серой, не лощеной и не орнаментированной, фрагмент зернотерки, кусок железной руды и ряд костей домашних животных — лошадей, коров, овец. Кроме того, на разных глубинах, наряду с грубой лепной керамикой, обнаружены фрагменты одной лепной, лощеной миски, а также миниатюрная игрушечная мисочка, ей подражающая. Среди нескольких обломков стенок остродонных амфор имеются три крупнореберчатые II—III в. н. э. Кроме того, в яме обнаружено глиняное грушевидное пряслице, несколько речных раковин Unio и жаберный щиток карпа. Таким образом, эта яма, как и первых два раскопа, не дала четкой стратиграфии.

Однако отсутствие на усадьбе Левченко фрагментов посуды XIX в. позволяет с большей отчетливостью, чем случайные находки в перепутанном слое первых двух раскопов, установить хронологическую принадлежность селища. Это селище существовало в какой-то части еще в ямно-катакомбную эпоху, т. е. здесь была стоянка бронзовой эпохи, которую не представляется возможным установить в каких-то точных пределах. Что же касается более поздних предметов, то они указывают на существование этого селища, во-первых, в среднескифскую эпоху (IV—III вв. до н. э.), как об этом свидетельствует находка ножки типичной фасосской амфоры. Фрагменты желобчатых римских амфор II—III в. н. э., найденные как на территории первых двух раскопов, так и в древней яме на усадьбе Левченко, обломки лощеной лепной посуды в яме раскопа V вместе с этими фрагментами и хорошо лощеная посуда черняховского типа в яме

раскопа II — заставляют относить основной период существования селища к этому позднему времени. Короче говоря, это — позднейшее из селищ, описанных выше.

Таким образом, на никопольском берегу Днепра на протяжении около 25 км обнаружено 6 селищ, в основной своей части относящихся к позднескифской эпохе, эпохе нижнеднепровских городищ. Более древними являются ранние вещи обоих Покровских селищ и Сулицкого с Быстрицким.

Что касается многочисленных остатков фрагментов керамики поздних полей погребений на селище у Красного Хутора, то это до 1951 г. было единственное селище с такими остатками, которые могут быть установлены наверняка, так как на Сулицком, Нижнем Покровском и Копулевском селищах их почти совсем не обнаружено. Но и селище у Красного Хутора, давая максимум находок черняховского типа, все же жило от эпохи поздней бронзы и непрерывно через кучугурское время до эпохи Черняхова. В этом — его основное значение.

В 1951 и 1952 гг. экспедициями Института археологии Академии наук УССР и ИИМК открыты селища с типичной посудой и жилищами-землянками эпохи полей погребений III—IV вв. н. э. Они открыты Сымоновичем на Бузувлуке и у Гавриловки, Бураковым — на Днепре у Берислава. Могильники этой же культуры расследованы Сымоновичем у Каменки и Гавриловки. Таким образом, Быстрицкое селище было первою ласточкою в этом смысле. Напомним еще раскопанное К. А. Раевским Киселовское селище у Одессы. Все это — указания на то, что именно черняховская культура славян надвинулась с севера и сменила предшествующую скифскую. От вышеуказанных авторов следует ждать уточнения и детальной картины этого очевидного процесса.

Наиболее важным из селищ, несомненно, является Сулицкое селище на коренном берегу Днепра с Быстрицким пойменным селищем, непосредственно к нему примыкающим. И Верхне-Покровское, и Нижнее Покровское селища находятся в таком же соотношении.

Среди остатков быта на этих селищах важно отметить наличие остатков кузнечного дела и кричного восстановления железа на Быстрицком селище, железного шлака — на Копулевском селище, железной руды и шлака — на Нижнем Покровском селище и в ямах селища Красного Хутора. Для селищ Копулевского и у Красного Хутора следует также отметить несомненное наличие более древних находок, в первом случае — ямно-катакомбной культуры, во втором случае — ямно-катакомбной и срубной культур.

3. СЕЛИЩА СКИФСКОЙ ЭПОХИ В РАЙОНЕ СЕЛ БОЛЬШОЙ ЗНАМЕНКИ, КАМЕНКИ И ВОДЯНОГО

«Подольские или Водянские кучугуры» — под таким названием известна дюнная гряда, тянущаяся вдоль левого берега Конки от с. Водяного до выхода к Днепру земель поселка Примерного (колхоз «Авангард»). Она тянется между трактом с Каменки на Запорожье и Конкою, достигая у Водяного ширины 5 км и у колхоза «Авангард»—1,5—2 км. Подольские кучугуры представляют собою и задернованные, и находящиеся в движении дюны, не покрытые травою, с глубокими котловинами выдувания. Тянутся они на протяжении 23 км.

Летом 1937 г., ввиду находки на Подольских кучугурах (против середины поселка «Авангард», считая по тракту) золотой метопиды раннесредневекового полихромного стиля, был произведен мною, покойным Б. З. Рабиновичем и директором Никопольского музея Г. С. Шапошниковым подробный осмотр этих кучугур в районе «Авангарда».

Почти нигде культурный слой на этих песках не находился в первичном положении. В восточной части этих песков, идущей от Днепра до западного конца колхоза «Авангард», попадаются обломки остродонных греческих амфор и лепной керамики кучугурских типов на протяжении 4—5 км. Кроме того, при раскопках на месте находки метопиды была обнаружена скифская железная стрела эллинистического времени, а в нескольких десятках метров от места находки метопиды — вытянутое, головою на запад, погребение с раннеаланскими вещами и кинжалом борисовского типа. Далее к западу по течению Конки были обнаружены обломки кувшина красной глины позднеримской эпохи вместе с лезвием железного серповидного ножа и крестовидной железной бляшкой аланского типа. Черепки эллинистических

амфор между «Авангардом» и Водяным попадались исключительно редко.

В 1949 г. сотрудник экспедиции А. А. Формозов подверг эти пески и далее весь берег Конки до Васильевки тщательному обследованию. В 2 км к северу от западного конца «Авангарда» он нашел невыразительные черепки лепной посуды при двух бронзовых пирамидальных наконечниках стрел. В 1 км на юг от выхода Конки из Днепра против поселка им. Мичурина найдены синяя и желтая бусины IV—III вв. до н. э. Немного западнее было обнаружено несколько черепков эллинистических амфор. Между поселком им. Мичурина и с. Водяным в трех пунктах была обнаружена керамика кучугурского времени. В 1950 г. он же обнаружил у протока Свинарка большое количество обломков лепной посуды с пальцево-ногтевым ямочным орнаментом и эллинистических амфор. На огородах с. Благовещенки были встречены черепки поздних амфор и лощеный фрагмент черняховского типа. В 3 км ниже Балок был найден разрушенный культурный слой с обломками эллинистических амфор и такой же слой — на 1,5 км выше села Маячек.

Все эти пункты найдены в условиях почти полного разрушения. Они, однако, неизменно говорят о наличии здесь селищ кучугурского и более позднего времени. Но все эти селища много менее интересны по своему состоянию, нежели правобережные. Здесь, вопреки ожиданию, почти отсутствуют находки черняховского времени. Скорее здесь можно видеть памятники несколько более ранние.

В 1946 г. при обследовании берегов Белозерского лимана, частью на территории Каменского городища, частью за его пределами, обнаружено 5 селищ доскифского и скифского времени.

Селище № 1 находится на левом берегу Белозерского лимана, вне пределов Каменского городища, на расстоянии 2,5 км вверх по озеру от конца внешнего городищенского вала. Культурный слой находится на мысу между Сахарной улицей и берегом Белозерского лимана. В выходе культурного слоя на обрыве и на поверхности пашни и садов обнаружены в большом количестве фрагменты лепной керамики, два из которых сглажены при помощи гребенчатого штампа, а большое количество других имеет орнаментальный налепной валик на месте плечиков сосудов. Обнаружен также ряд костей животных. Все эти предметы залегают на глубине 25—30 см от дневной поверхности, сплошь покрытой фруктовыми садами. Селище занимает по плато, судя по поверхностным находкам, несколько сот квадратных метров. В целом оно, повидимому, относится к эпохе поздней бронзы, ближе к киммерийскому времени. Однако наличие одного амфорного обломка показывает, что здесь следует ожидать и находок скифской эпохи.

Селище № 2 находится также вверх по левому берегу лимана, в вернем конце находящегося здесь большого залива озера. Здесь на протяжении нескольких десятков метров в обрыве и особенно на плато, на поверхности огородов, хотя и не в очень большом количестве, попадаются фрагменты остродонных эллинистических амфор, лепной, а также лощеной серой и черной керамики. Среди довольно многочисленных костных находок — одна бабка лошади со сквозным просверленным отверстием. Характер находок совершенно сходен с тем, что дали раскопки на акрополе Каменского городища. Это селище относится, повидимому, ко времени, начиная с IV в. до н. э. и до II—III вв. н. э.

Селище № 3 на берегу реки Конки находится в 1,5 км ниже внешнего вала акрополя по течению Конки, сразу за Знаменской пароходной пристанью. В слое чернозема в обрыве и на поверхности плато очень много костей домашних животных, а также обнаружен ряд обломков остродонных амфор и лепных сосудов скифских типов. Тут же найдена трубчатая, обработанная в виде проколки кость. В глубине этого обрыва, на поверхности расположенного здесь двора, такие же находки изредка попадаются на расстоянии 80—100 м от обрыва. По обрыву культурный слой тянется на 50—60 м. Находки встречаются во всей толщине гумуса общей мощностью до глубины 30—40 см. Наибольшее их число находится в нижней части культурного слоя. Общий характер лепной керамики совершенно сходен с материалом из акрополя Каменского городища. Однако здесь совсем не встречено, несмотря на многократные осмотры, лощеных черепков.

В 1952 г. мною были произведены небольшие раскопки на этом селище в связи с тем,

что оно неизбежно будет затоплено при подъеме вод Каховского водохранилища. На вскрытой площади около 300 кв. м обнаружен культурный слой. Первые 15—20 см, несмотря на многолетнюю огородную перекопку, едва-едва задевали поверхность культурного слоя. Ниже он шел в среднем на 1 м глубины, не представляя заметного расчленения. Все найденные в нем фрагменты амфор и лепных черепков относятся к кучугурскому времени. Найдены 1—2 лепных лощеных черепка корчеватовского типа. Селище, должно быть, перестало существовать в начале того времени, когда Каменское городище сократилось до пределов акрополя. Среди прочих находок следует упомянуть бронзовый наконечник стрелы IV—III вв. до н. э., пращевой камень, кусочек бронзового котла, обломок мусата, пока еще не прочтенное гераклейское клеймо, 2 фрагмента чернолакового сосудика IV—III вв. до н. э. К сожалению, жилищ обнаружено не было, а из строительных материалов найдены только 2 кусочка обмазки, с отпечатками прутьев, что так обычно было на акрополе. Это селище в целом одновременно кучугурской части городища.

В нижней части культурного слоя попадались черепки конца эпохи бронзы. Однако, повидимому, поселение это вновь возникло не раньше конца V в. или начала IV в. до н. э.

Селище № 4 обнаружено на правом берегу Белозерского лимана при самом впадении реки Белозерки в озеро, на отлогой круче над поймой озера. Это место находится у самого конца с. Каменки, считая вверх по лиману. На 120 м вдоль по озеру и на 80—90 м вглубь плато на поверхности пашни, огородов и фруктовых садов в очень большом количестве встречены мелкие, раздробленные плугом и вскапыванием огородов черепки от стенок остродонных амфор, кусочки местной лепной посуды, плоская ручка небольшого кувшина и множество раздробленных костей животных. Отсутствие обнажений не позволило определить мощность культурного слоя. У северо-западного угла этого селища высится за его пределами одинокий земляной курган обычной степной формы, приблизительно около 1,5 м высотой. Судя по находкам, это селище относится к скифо-сарматскому времени. Более точное определение, вследствие нахождения крайне мелких фрагментов керамики, было бы преждевременным.

Селище № 5, как находящееся на территории самого городища, описано выше в главе о топографии Каменского городища.

В 1952 г. мы не имели много времени для новых обследований, но все же осматривали окрестные поселения древнего времени, как открытые раньше, так и новые.

По лиману между поселениями № 4 и 5 за валами было обнаружено еще два пункта, а именно: поселение № 48 (по дневнику 1949—1952 гг.; по лиману — № 6) — в огородах домов № 84 и 86 по ул. Дзержинского были найдены 2 ножки боспорских амфор и другая керамика кучугурского времени; поселение № 49 (по тому же дневнику; по лиману — № 7) — в пойме лимана на площади около 1 га, на полпути между поселениями № 6 и 4, на пашне найдено очень много стенок позднеклассических амфор и черепков сосудов бронзовой эпохи того же времени, что и на лиманном поселении № 5.

Поселения № 53 и 54 (по тому же дневнику) открыты в 500 м вверх по Конке от могильника черняховской эпохи в Каменке, первое — на усадьбах Ткача и Ползунова и второе — на усадьбах Вишнякова и Авилова. Это селища с обломками реберчатых амфор и круговой и лепной посуды черняховского времени.

Вниз от Мамай-горы до с. Михайловки встречены 4 поселения (№ 40—43 по дневнику обследований 1949—1952 гг.) с керамикою кучугурского времени и конца эпохи бронзы. Они расположены на ряде мысов первой надпойменной террасы, изрыты силосными и другими ямами и на 20—30 м уходят вглубь от берега. Это явные остатки размытых поселений, раскопки которых много материала дать не могут. В общем они близки вышеописанному поселению № 3 у Знаменской пристани и, может быть, являются частями одного и того же почти разрушенного селища.

Поселение № 45 (по дневнику обследований 1949 и 1950 гг.) находится в 200 м ниже с. Каменки Дубинской. Время — то же или несколько более раннее.

Таким образом, за стенами Каменского городища, в непосредственной близости от него, также вниз и вверх по Днепру, по крайней мере до о. Хортицы, располагались мелкие поселки, существовавшие то в течение

сего его времени, то лишь во время существования поселка на Каменских кучугурах. Если судить по поселениям № 1 и 5 и по находкам позднесрубных сосудов в раскопе 1949 г. на Каменских кучугурах, а также о открытым в 1950 г. Формозовым поселкам керамикою, имеющею налепные орнаментальные валики (поселения № 21 и 22), на берегу Конки между Мамай-горою и Михайловкою и т. п., — то станет ясным, что до образования города на кучугурах в области Царских курганов уже сложились те поселения, из материальной культуры которых образовалась скифская степная культура.

С разрешения Д. Т. Березовца, упомяну, что вниз от этих поселений, при с. Нижний Рогачик на лимане р. Рогачика, он обнаружил восемь таких поселений. С тем из них, на котором в 1951 г. Березовец вскрыл несколько сот квадратных метров, я имел случай ознакомиться: оно относится ко времени с VII в. до н. э. по время Каменского городища на кучугурах. В орнаментике его лепных сосудов много общего с Широкою Балкою близ Ольвии[1]. Выше мы уже упоминали целые сосуды оттуда. Приношу Д. Т. Березовцу благодарность за разрешение использовать в этой работе его ценнейший для меня материал.

[1] Б. М. Рабичкин. Поселение у Широкой Балки. КСИИМК, вып. XL, стр. 114—124.

ГЛАВА X

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СКИФСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ

В последнее время, начиная с работы О. А. Кривцовой-Граковой «Алексеевское поселение и могильник», считается доказанным, что срубная культура сложилась на Волге и оттуда распространилась на Украину, по степной полосе вплоть до устьев Днестровского лимана. Это произошло на второй ступени развития срубной керамики, когда остроребериые сосуды и банки стали украшаться, чаще всего на уровне плечика, налепным валиком с орнаментальными насечками и ямками. До сего времени в Западном Приазовье, начиная, по крайней мере, от Осипенко, не встречено еще поселений раннесрубной культуры. Но позднесрубная культура фигурирует на всем протяжении и савроматского Поволжья, и скифских степного Приазовья и Поднепровья. Исследование О. А. Кривцовой-Граковой селища № 5 на Белозерском лимане в 1947 г. позволило ей выделить наиболее раннюю ступень этой культуры для Приднепровья, а затем ознакомление в Киеве с материалом из Сабатиновки на Буге позволило ей наметить вторую ступень, в которой 40% орнаментов составляют налепные валики. В 1949 г. раскопки селища № 12 в устье Обиточной показали, что далее число орнаментированных валиками фрагментов составляет около 90%, причем валики поднимаются к самому бортику, часто становятся треугольными в сечении или приобретают иногда какие-то размазанные очертания. Это — явное начало скифской эпохи[1].

А. В. Добровольский на значительном материале Поднепровья, Побужья и Днестровского лимана пришел к близким в хронологическом смысле результатам. Однако он считает эти стадии продолжением катакомбной посуды с валиками. Важными данными Добровольского является сообщение о небольших каменных четырехугольных хижинах, стены которых состояли из глины с примесью камня[1].

Разведки по побережью Азовского моря в 1949 и 1950 гг. дали нам до десятка таких селищ от Ногайска до окрестностей г. Жданова (Мариуполя). В урочище Косоланова Балка при шурфовке были обнаружены каменные вымостки, может быть, фундаменты зданий. Конечно, бедный материал обследования лишь позволяет констатировать наличие таких селищ, без ближайших хронологических уточнений. Это — дело будущих раскопок.

Разведки по Конке от Васильевки до устьев Конки за Знаменкою обнаружили по меньшей мере остатки 7 таких селищ, включая замечательное Белозерское селище. Даже в раскопе II на Красном Хуторе с полною очевидностью можно было проследить наличие фрагментов, хотя и малочисленных, предскифской ступени.

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII, стр. 154 и сл.; Ее же. Поселение бронзового века на Белозерском лимане. КСИИМК, вып. XXVI, стр. 76 и сл.; Ее же. Рукопись работы «Поздняя бронза в степном Причерноморье и Поволжье».

[1] А. В. Добровольский. Первое Сабатиновское поселение. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. IV, стр. 84 и сл. Культурный слой Б.

Но самым замечательным памятником является открытое на Широкой Балке у самой Ольвии селище с остатками нижних частей четырехугольных небольших жилищ, где в фундаменте налицо типичная для Ольвии VI в. до н. э. полигональная кладка[1]. Черепки местной посуды от тех же форм сосудов, что на Обиточной и Каменских кучугурах, снабжены иногда налепным валиком около бортика и на плечиках, очень часто с пальцево-ногтевыми ямками. Здесь же, однако, чаще бортики без валика с таким орнаментом по краю, т. е. характерные для кучугурского времени. Этот материал прекрасно датирован чернофигурными фрагментами с середины VI в. до н. э. Важность этого поселения усугубляется еще наличием з е р н о в ы х ям. Итак, между 2-й ступенью поздней эпохи бронзы, по О. А. Кривцовой-Граковой, и поселением на р. Обиточной нужно провести раздел между заметным наличием форм срубной культуры и господством сосудов почти кучугурских типов с шейкою, у которых валик переходит чаще под бортик при обилии ямочных его украшений: пальцево-ногтевого, косых надрезов, ямок, сделанных трехгранным острием палочки и т. п., т. е. керамики, хотя и происходящей от срубной культуры, но далеко от нее ушедшей. Убедительность доводов О. А. Кривцовой-Граковой о появлении срубной культуры в Северо-западном Приазовье и Причерноморье с Волги привела М. И. Артамонова к построению гипотезы о том, что «вторжение» носителей срубной культуры в пределы будущей Скифии во II тысячелетии и послужило поводом к сложению третьей легенды о происхождении скифов-кочевников путем воинственной миграции из-за Аракса (Волги?) [2].

Не останавливаясь здесь на вопросе о происхождении скифов в интерпретации М. И. Артамонова, укажу неполноту понимания им этого процесса в его археологическом выражении. Передвижение племен срубной культуры имело место в то время, когда она переживала новую ступень, названную О. А. Кривцовой-Граковой «хвалынской» культурой [3], параллельный вариант которой, — эпоха поздней бронзы, — в северо-западном Причерноморье (например, Белозерское селище № 5) с самого появления здесь имел своеобразные отличия в керамике при всей своей близости к хвалынской культуре и генетическом единстве обеих культур между собой. То же наблюдается и в отношении металла. Короче сказать, передвижение это носило, скорее, характер постепенного расселения, нежели вторжения [1]. Но в одном отношении М. И. Артамонов, безусловно, прав. Эта культура совершенно ассимилировала катакомбную культуру на всей площади своего распространения. Именно она и легла в основание с т е п н о й скифской культуры, как ставший м е с т н ы м элемент, а не какие-то неопределенные местные компоненты, о которых там же говорит Артамонов. Впрочем, вопроса о роли местных и пришлых элементов в образовании собственно скифской культуры я уже касался вскользь и коснусь подробнее в другом месте. М. И. Артамонов совсем отверг мое положение, им вскользь упомянутое [2].

Сейчас мы перейдем к следующему вопросу,— связана ли собственно скифская культура степного Приднепровья с этою культурою перехода от бронзы к железу, вернее, с двумя ее последними фазами развития — типа Обиточной и Широкой Балки.

Может быть, некоторые из разведанных по Днепру поселений относятся к этой позднейшей фазе, т. е. уже входят в скифское время полностью. Но до их раскопок с точностью этого сказать никак нельзя. Вообще говоря, VI и V вв. до н. э. в скифских древностях степного Приднепровья и соседних мест представлены исключительно слабо. Один из курганов у Белозерки, некоторые курганы Аджигола и Петуховки [3], курган, соседний с Цимбалкою, курган № 2 раскопок в Константиновке у Мелитополя в

[1] КСИИМК, вып. XL, стр. 114 и сл.

[2] М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, 1950, № 2, стр. 39 и сл.

[3] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., гл. 1.

[1] Там же и во второй и третьей из цитированных работ того же автора.

[2] Б. Н. Граков. Скифы, стр. 39; М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 18 и 21. Я полагал, что различие между жителями Поднепровья и Поволжья было настолько невелико, что позднейшее и последнее продвижение скифов прошло более или менее незаметным для археологов по близости культур. Сейчас я строго отличаю степную культуру от лесостепной.

[3] «Praehistorische Zeitschrift», Bd. V. 1913 (М. Эберт).

1949 г., курганы Бабы и Раскопана могила, — вот, пожалуй, почти все, что можно отнести здесь к этому времени. Поселения же, если и имелись, судя по отдельным находкам, вроде архаических стрел, удил и т. п., находимых в поврежденных слоях и на дюнах, то они ничего определенного не говорят. С началом работ в зоне будущего Каховского водохранилища уже обнаружено несколько селищ более раннего скифского времени, чем Каменское городище. Таковы селища в нижнем течении р. Рогачика (упомянутые выше — с ними мне любезно дал ознакомиться руководитель раскопок Д. Т. Березовец). Их материал по лепной керамике близок к Широкой Балке, но, скорее, стоит между нею и Каменскими кучугурами. Как и в Широкой Балке, в них есть ничтожная примесь лощеной ранней посуды (мисок).

Однако мы уже видели, что открытые поселения кучугурского времени, т. е. времени существования ремесленных кварталов Каменского городища, встречаются, — пусть пока в малом количестве. На правобережных селищах вниз от Никополя больше всего «кучугурский слой» выражен в материалах Верхне-Покровского (особенно) и Нижнего Покровского селищ, как в виде местной керамики, так и в виде обломков позднеклассических и эллинистических амфор. Уверенно в этом смысле можно говорить и о селищах Сулицком и Быстрицком, где материал хотя и очень беден, но, вероятнее всего, он относится к той же эпохе. Замечательное по поздним материалам селище у Красного Хутора дало в раскопе II несколько черепков, может быть, переходного типа Обиточной или даже Широкой Балки. Впрочем, наличие там же одной ножки амфоры категорически говорит о каком-то поселении этого типа. На исследованных Гошкевичем городищах «кучугурские» типы местной керамики и свидетельства о бытовании каких-то поселений эпохи раннего Каменского городища на их месте, в виде обломков одновременных амфор, лучше всего отражены на Ленстихинском, частично на Любимовском (черный лак III в. до н. э.) и особенно на Белозерском городище. Из правобережных городищ такой же материал дают Золотая Балка и Консуловка. Так как фортификационные сооружения Белозерского городища не исследованы, мы еще не в состоянии сейчас сказать, возникло ли оно, как городище, в то же время, что и Каменское городище, или позднее; но и собственный материал, и могилы 5 и 6-й групп, связанные с Белозерским городищем, по Скадовскому, говорят о существовании здесь поселения уже в IV—III вв. до н. э.

Около самого Каменского городища все открытые поселения имеют «кучугурскую» посуду, как и немногие из пунктов с Подольских кучугур. Большинство же городищ, известных вниз по Днепру, как показывает их массовый материал, возникло, если не как поселения, то как городища в эпоху, одновременную с сокращением площади Каменского городища до пределов одного только его акрополя.

До этого времени в эпоху бытования всего огромного Каменского городища, т. е. с середины V в. и до конца III в. до н. э., по нижнему Приднепровью существовало, вероятно, очень много (нам их известно около 15) мелких селищ, иногда в виде малых хуторков (селища у Белозерского лимана), иногда в виде поселков от $^1/_2$ км до 2 км длиною вдоль рек. Они располагались по обоим берегам Днепра и его протокам. Иногда они имели два яруса: один — в пойме, другой — тут же на коренном берегу (Сулицкое — Быстрик, Нижнее Покровское — Верхне-Покровское). В таких случаях вполне очевидно, что использование пойменного из этих селищ возможно было только после спада вешних вод и позднее — после исчезновения массовой мошкары, в общем с июля или, может быть, даже августа и далее в течение хотя бы всей осени и, возможно, зимы. Верхние же поселения использовались в одно и то же время с нижними или летом. Вопрос о кочевом или земледельческом хозяйстве в этих поселениях решить по ничтожному пока материалу трудно, однако соседство Никопольского курганного поля, оставленного явно кочевым населением, с Сулицким и Быстрицким селищами говорит хотя бы частично в пользу кочевого населения в этих поселках. Но без раскопок это — все же только предположение, пусть даже довольно вероятное.

Близкую картину рисуют и курганные могильники около Белозерского городища, по Скадовскому, но там курганы кочевнические уходят в степь, а курганы при городище обладают чертами оседлого быта: мало или

совсем нет оружия, иные остатки жертвенного мяса (даже свинья!). Но особых поселений для кочевников не зарегистрировано. Между тем в раннем слое Белозерского городища мы находим рядом с ольвийской монетою III в. до н. э. остатки железных серпов, поражавших Скадовского своим изумительным сходством с современными [1]. Эти обстоятельства указывают, что в районе между Днепром и нижним течением Ингульца наблюдалось близкое,— иногда, может быть, даже в одних поселениях,— сожительство земледельческого и кочевого населения уже в IV—III вв.

Для немного более позднего времени М. И. Артамонов от этого добрососедского наличия могильников, повидимому, кочевнических, с могильниками земледельцев и даже горожан постулирует оседание части кочевников на землю, отправляясь не от письменной греческой традиции, а от сходного характера прикубанских и нижнедонских памятников, хотя бы и несколько более поздних. Он даже допускает, впрочем условно, для нижнего Днепра сохранение в какой-то мере старого оседлого земледельческого населения, но предпочел бы его исключить [2]. Исходя из более поздних памятников Восточного Причерноморья, он, не обинуясь, спешит объяснить состояние на нижнем Днепре в IV—III вв. до н. э. Он не усмотрел здесь серьезной разницы в хронологии и свел все явления к одной, непрочно построенной схеме. Ведь и процесс оседания на Дону и на Кубани отнюдь не доказан. И там земледельческие поселения тоже существовали до изученного Артамоновым времени со времен энеолита. Но об этом в другой раз.

В то же время Геродот рассказывает о том, что между Пантикапом и Днепром живут кочевники, а земледельцы живут на 11 дней плавания вверх по Днепру [3]. Если Ингулец и Пантикап — одна и та же река, а это наиболее вероятно, то тогда уже в эпоху Геродота жительство обоих племен на восточной границе вперемежку неизбежно. Это тем яснее, что нижние берега Днепра вызывали восхищение греков и самого отца истории высокоурожайными посевами по его берегам. Таким образом, сожительство обоих племен на определенной территории вперемежку является для скифского царства исконным с самого начала. Может быть, это не только племенное, но и экономическое различие сопровождалось кое-какими различиями в быту и в социальном отношении. М. И. Артамонов в недавнее время высказал близкую, но не совпадающую вполне точку зрения, отмечая, что земледельческие племена жили по берегам Днепра, а по соседству с ними — и кочевники [1]. Однако дальнейшие ссылки в этой же статье на предыдущую делают не вполне ясным мнение, к которому он пришел. Во всяком случае между нашими точками зрения в данном вопросе нет такой уж существенной разницы, как следует из дальнейшего, если он придерживается теперь взгляда, высказанного в последней статье. Тогда менее непонятным является выражение Геродота, что скифы царские считают всех остальных скифов своими «рабами»[2], в число этих «рабов» входили частью и кочевники, и этой территориальной перемешанностью, легко выводимой из контекста, гораздо проще и конкретнее объясняется целый ряд фактов, кажущихся, конечно, не очень понятными, если заменить пусть иногда противоречивые сведения литературной традиции социологической схемой. Схема эта понадобилась для того, чтобы преодолеть трудности греческой традиции и создать свою «этногеографию», охотно переносящую «кочевников» в Крым, так как-де нельзя представить себе разных погребальных сооружений у этнически близких групп [3]. Каковы бы ни были погребальные сооружения в Крыму, обитание земледельцев и кочевников на нижнем Днепре, рядом и вперемежку, засвидетельствовано Геродотом и археологическими памятниками, а этногеографические постулаты мало чем отличаются в данном случае от подобного же рода гипотез середины XIX в. Впрочем, тут М. И. Артамонов отчасти повторяет Лаппо-Данилевского [4].

Правда, я оперирую археологическими фактами, относящимися лишь в очень малой степени к VI—V в., т. е. ко времени Геродота.

[1] Тр. VIII АС, т. III, стр. 84—85.

[2] М. И. Артамонов. Скифское царство в Крыму. ВЛГУ, 1948, № 8, стр. 56 и сл.

[3] Геродот, IV, 18.

[1] М. И. Артамонов. Этногеография Скифии, стр. 147.

[2] Геродот, IV, 20.

[3] См. Ученые записки ЛГУ, серия исторических наук, вып. 13. Л., 1949.

[4] А. С. Лаппо-Данилевский. Скифские древности. Зап. Отд. русск. и славянск. археологии РАО, т. IV, 1887, стр. 357.

И Каменское городище, и одновременные ему курганы Никопольстроя и окрестностей Белозерского городища, как и знаменитые Царские курганы, относятся, в основном, к IV—III вв. Следует лишь констатировать из этого, что сообщаемая Геродотом пограничная перемешанность земледельцев и кочевников продолжалась также во времена наивысшего экономического и, вероятно, политического расцвета Скифии. Земледельческое население даже перебралось на левый берег Днепра (Лепстиха, Каменка) и в Крым (по Страбону), а царская ставка, находившаяся во времена Геродота на восток за р. Герросом (вероятно, верховья Конки и Молочной, почти сливающиеся между собой), обосновалась на месте акрополя в Каменке. Иначе невозможно объяснить возникновение этого огромного и почти единственного городища этого времени на нижнем Днепре. Мы видим отличия акрополя от ремесленной части городища на кучугурах в фортификации, строительстве и бытовом богатстве. Мало того, на просторах кучугур были найдены отходы производства литых котлов, предметов звериного стиля, панцырей и т. п., не бытовавших в среде простого народа, а ставших принадлежностью только аристократического быта. Лучшим доказательством правильности такого толкования является наличие этих предметов во всех курганах скифской аристократии и их полное отсутствие в курганах рядового населения на территории Никопольстроя и в окрестностях Белозерского городища. Зачем понадобилось это приближение царской ставки к самому Днепру и превращение ее и Белозерского поселения в укрепленные города во второй половине V в. до н. э.? При этом Каменское городище превратилось еще и в поселок металлургов, тяготевших к царской ставке, на нее работавших и ей в какой-то мере подчиненных. Стало быть, нужно было сосредоточить под рукою власти важнейшую отрасль производства — оружейное дело. Нужно было что-то защищать.

В быте и производственной организации этих металлургов наличествует немало черт первобытной, конечно, патриархальной семьи — хозяйственной общины. Ремесло металлурга вполне выделилось здесь. Этому залог — однообразный металлургический характер кучугурского поселения. В то же время в остальном хозяйственные функции семьи не изменились: женщины прядут и ткут, тяжелым ежедневным трудом на зернотерке добывают немного муки; отчасти члены семьи занимаются и сельским хозяйством, и скотоводством. Металлургической ячейкой является группа домов большой семьи с окружающими ее приспособлениями и отходами производства. Кричное, кузнечное и литейное дело не разделены и находятся в одних и тех же руках. Раскоп IX показывает, что несколько таких домов составляли группу, связанную территорией, единством производства и, наконец, общим культом домашней богини огня, очаг и зольный жертвенник которой располагались в особом, выстроенном с особенной тщательностью домике.

Мне представляется более чем вероятным, что такое объединение больших патриархальных семей составляло домашнюю производственную общину, которая совпадает с известными как пережиток домашними общинами. Если в такой семье были рабы, то они ничем не могут быть обнаружены по материалам городища. Конечно, свободными следует считать и кочевников, погребенных в курганах Никопольстроя. Там нет ни одного погребения, которое можно было бы счесть за рабское. Если это предположение правильно, то тем более соседние не ремесленные, а скотоводческие или земледельческие поселения должны были сохранить в своем составе домашние общины уже во всяком случае с совместной обработкой земли и с переделами по временам этой земли во всем племени. Это служит подтверждением тому толкованию, которое дает М. И. Артамонов землепользованию скифов эпохи Геродота, полагая на основании предания о священном золоте, что земля переделялась ежегодно и обрабатывалась совместно патриархальной семейной общиной.

Все это хотя и не подтверждает предположения о рабовладельческом строе в эту эпоху, но и не снимает его. Если такое предположение верно, то даже отсутствие рабских погребений, — которые и вообще-то выделить — дело очень проблематическое, — среди кочевнических погребений Никопольского типа ничего не говорит. Ведь рабы не погребались с небогатым свободным, потому что они были нужны, как рабочая сила, а кроме того, погребались, может быть, где-то в другом месте. Источники и несомненные

изменения в характере царской власти, изложенные в моей статье «Скифский Геракл»[1], упорно говорят, как от этого ни уклоняться, о крупной роли рабства в Скифии. Можно, кажется, не сомневаться, что вплоть до эпохи Геродота степная Скифия переживала в социальном смысле последний этап первобытно-общинных отношений. Наряду с глубокими пережитками родовых отношений, здесь уже появилось резкое имущественное различие, отнюдь не патриархальное уже рабство, выделение аристократии с дружинами вождей. Правда, царская власть распадалась между тремя царями, но она уже была наследственной в пределах одной семьи, хотя и легко могла быть отнята решением народного военного собрания, как это случилось со Скилом. Но в ней были и элементы деспотии, все более и более усиливавшиеся.

Став на путь условного порабощения племен, состоявшего в разного рода кормлениях и данях людьми и товарами, царские скифы шли по пути от союза племен, в котором они господствовали, к образованию государства. Я не ставлю здесь вопроса о родстве племен союза, подчинявшегося царским скифам. Вопрос об их языковом единстве, а отсюда — и племенном родстве, передаваемом Геродотом, не входит в нашу задачу. Впрочем, в этом отношении и памятники культуры говорят за такое единство скифских племен степи. О племенах лесостепных мы сейчас говорить не будем. До конца V в. до н. э., очевидно, не было еще надобности в едином центре племенного союза. Он созрел к этому времени по не вполне ясным причинам, но созрел. Со второй половины V века до н. э., особенно после 412 г., севернопонтийский хлеб стал играть исключительно серьезную роль в собственно Греции и играл таковую около двухсот лет после этого. Скифская аристократия получила новый импульс к усилению эксплуатации подчиненных племен. Вероятно, еще довольно неустойчивые отношения внутри союза надо теперь было подчинить решительно своему руководству. Развившаяся на основе криворожских и бахмутских руд (последнее — только вероятно) скифская черная и цветная металлургия обслуживала весь народ, но более всего кочевое воинство и аристократию, с царской семьей во главе. Мы проследили выше широкое распространение по степи изделий кучугурских металлургов; возможность поставок железа и изделий отсюда в Ольвию, принявшую в быт много скифских по образцу железных вещей, тоже более чем вероятна. С усилением роли военного элемента и с превращением местной металлургии в источник широкой торговли и доходов стало вполне целесообразным сосредоточить эту промышленность под эгидою царской ставки. Мы видели не только относительное благополучие металлургов Каменского городища, но и их работу на воина-аристократа. Зависимость видна все ярче и ярче. Население это свободно, но оно уже платит дань всеми видами добываемого товара. Можно думать, что металлурги были даже по-своему поощряемы и особенно защищаемы.

Место, где находилось Каменское городище, есть самое средоточие Герроса, страны царских могил. Достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть, как близко к ней расположены величайшие из курганов. Уже в эпоху Геродота было известно, что эта область находится в том месте, докуда известен Борисфен и докуда можно по нему плыть, т. е. приблизительно до порогов. Здесь, в месте царских могил, как лишнее напоминание о царской власти, между прочим, и из соображений престижа, мог возникнуть этот новый центр.

Но и еще одно обстоятельство могло привести к выбору этого места. Оно было известно, конечно, и скифам, и грекам до этого времени не только по расположению здесь скифских царских гробниц, но и по другому существенному обстоятельству. Плавать сюда плавали, как мы уже говорили, конечно, главным образом, с товарами. Распространение хотя и не очень многочисленных дорогих греческих изделий в V в. хорошо подтверждено курганами Бабы и Раскопана могила. Для времени же возникновения и существования Каменского городища это отличие доказывается Чертомлыком, Солохою, Козлом, Лемешевым курганом и т. д., стоящими в непосредственной близости от Каменского городища. Самый материал этих курганов, вместе с городищем, позволяет определить и направления его торговли. Сорта вин, как мы видели, совпадают с теми, которые равномерно известны в Ольвии. Известны монеты Пан-

[1] КСИИМК, вып. XXXIV.

тикапея, Ольвии, Истрии, Гистиэи и, наконец, Александра Великого. Мы видели, что торговля велась с двумя важнейшими центрами греческого мира на Черноморском побережье. Но и Херсонес участвовал в этом движении товаров к новому центру степной Скифии. Рядом с роскошными произведениями боспорской торевтики, серьги и указанное взаимоотношение монет показывают, что Ольвия играла роль транзитного порта для пантикапейских товаров в скифское Приднепровье, но что в то же время она сохраняла свое значение в III в. до н. э., как ближайший греческий импортер, пусть менее значительный, чем Боспор.

Итак, во второй половине V в. до н. э. возникло Каменское городище, как центр степной Скифии, по причинам социально-политическим, — приближение образования государства, — как место сосредоточения важнейших даней и важнейшего для военной организации этого общества мастерства металлургов и как место своза товаров для нужд степи, аристократии и царской семьи из всех ближайших античных центров. Связь с Фракией доказывается находкою македонской монеты, амфорами из Солохи с византийскими цифрами краскою на горлах, находками этого же типа амфор в Каменском городище и, наконец, поразительным сходством конских украшений в царских курганах вокруг Каменки и в скифообразных курганах Болгарии. Только единичные находки в зверином стиле (частью производственный брак) на Каменке говорят, что они изготовлялись здесь же. Следовательно, такие украшения свидетельствуют о чрезвычайной близости быта аристократии обоих народов. Об этом говорит достаточно, впрочем, и Геродот, хотя бы в повествовании о Скиле. Отношения были то мирными, то военными. В IV в. до н. э. они стали более враждебными. Я уже писал об Атее и его возможной роли в образовании Скифского государства. В это же время в связи с объединением Скифии под рукою Атея и при его преемниках Каменское городище играло, очевидно, роль основного центра — своеобразной столицы нового возникшего царства, если только оно не было основано самим Атеем. Новое государство нуждалось в укрепленном центре, так как до него могли достигать и нападения фракийцев, и особенно сарматов. В эпоху Сайтафарна, считать которого одним из прямых потомков Атея позволяет вся обстановка, βασιλεία, упоминаемые в декрете в честь Протогена, едва ли могут быть чем-нибудь иным, кроме единственного центра степной Скифии — Каменского городища. Итак, вероятно, Каменское городище — административный, ремесленный и торговый центр всей собственно Скифии, начавшей свое государственное бытие.

Культурное скифское единство, так хорошо устанавливаемое для VII—VI вв. до н. э. распространением от Одессы (Усатово) и Ольвии (Широкая Балка) до дельты Дона, не было нарушено новыми порядками. В главе IV, посвященной керамике Каменского городища, мы, сколько могли, показали, что керамика этого городища по некоторым формам и ряду орнаментов генетически связана с керамикою эпохи поздней бронзы. С небольшими вариациями, как показано там же, керамика «кучугурских» типов встречается в Ольвии и в соседних городищах: на восток во всех деталях и вариантах она представлена в Елисаветовском городище на Дону. Степь оставалась и в основах своего быта совершенно однокультурной. Атею тем легче должно было даться объединение всей страны от Меотиды до Дуная. Я не хочу вовсе тем самым сказать, что им было завоевано даже Елисаветовское городище. Мы лишь видим, что рамки культурного единства скифов заходили, как это выражено особенно керамикою, в пределы западных меотских племен, граничивших с ираноязычными савроматами. Итак, сожительство одноязычных и однокультурных кочевых и земледельческих скифов через территорию царских скифов не только не теряло, но даже расширяло свои культурные и этнические связи. При этом жителям Елисаветовского городища не было нужно совершенно менять свои погребальные обычаи. Этническое сближение не исключало многовекового сохранения ими своих ям и не заставило их сменять их на катакомбы. Культура этих племен оказалась особенно в керамике тождественной с собственно скифской.

Такова роль Каменского городища в истории степного скифского государства в эпоху жизни этого городища: оно — его центр и политический, и культурный. Во II в. до н. э. картина резко меняется. Вместо одного большого города, частью на местах более ранних поселений, частью, может быть, на

новых местах, возникают малые городки, самые большие из которых — Гавриловское и бывший акрополь Каменского городища — не превышают сороковой части его по своей площади. Между этими городищами, как видно особенно по судьбе Сулицкого, Копуловского, Нижнего Покровского селищ, селища при Красном Хуторе и других, упомянутых выше, продолжали существовать открытые селища в прежнем виде. Далее на запад несколько городищ и селищ этого времени встречаются на Ингульце [1] и на Южном Буге, где общим всем им признаком являются одинаковые укрепления с каменными стенами и одинаковая керамика.

Мы видели, что основными изменениями в керамике акрополя сравнительно с кучугурскими являлись следующие. При сохранении всех основных форм кучугурской керамики шла ее дальнейшая эволюция; появилась новая форма сосудов с покатыми плечами и правильные цилиндрические гладко округленные по бортику шейки. Эта же самая керамика встречается на всех указанных селищах и городищах вниз по Днепру, на Ингульце и по Бугу от Станиславского мыса до г. Николаева на обоих берегах. На большинстве этих поселений встречаются два сорта лощеной керамики типов полей погребений: лепные, реберчатые миски и, реже, горшки черного и желтоватого лощения, близко стоящие к корчеватовским типам, т. е. II в. до н. э. — I в. н. э., и, реже, гончарная керамика черняховских типов — миск с ребрами и валиками, кувшинов с орнаментом, сделанным лощилом. Сарматских в собственном смысле слова форм на этих городищах мы не найдем. Рассматривая керамику Каменского акрополя на фоне этого комплекса городищ и селищ, мы видим, что культурная традиция не прерывается. Простая лепная керамика живет в дальнейшем развитии кучугурских форм. Эта же культурная преемственность сказывается в развитии плана каменных жилищ Козацкого городища из деревянных жилищ Каменских кучугур. Выше мы видели развитие земледельческой традиции в эпоху малых городищ в виде усовершенствованных зерновых ям, в виде новых мукомольных приспособлений и т. п.

Для эпох раннескифской и большого Каменского городища легко было показать сожительство на одной и той же территории — и иной раз даже в одних и тех же селениях — и кочевников, и земледельцев. Можно ли показать это теперь, и почему вместо одного громадного городища возникло около двух десятков небольших? Это изменение к тому же совпадает с образованием крымского царства скифов и либо одновременно, либо быстро следует за вторжением сарматов. Это последнее окончательно совершилось во II в. до н. э., хотя уже в IV в. до н. э. савроматы перешли на правый берег Дона. Несколько сократились восточные границы Скифского царства. Что заставило савроматов отвоевать часть территории у ранее союзных скифов, — тоже неясно. III в. до н. э. прошел под знаком неясных взаимоотношений. Уже во II—I вв. до н. э. типичные сарматские погребения оказались по р. Молочной и к северу от Каменского городища. Своеобразное погребение ребенка на территории акрополя совмещает старый скифский обычай похорон детей на поселении с новым трупоположением сарматского типа по диагонали могилы.

Обычную общность катакомбных могил для земледельческого и кочевого населения эпохи кучугур я уже показал выше на примере курганов, раскопанных Скадовским. С немепьшей яркостью это сказалось и в Петуховском, и Аджигольском могильниках, недалеко от Ольвии, где почти на 50 катакомб под курганами, повторяющих точно типы Никопольстроя, приходится всего десяток крытых досками ям, может быть, частью северного типа. Мужских погребений с оружием здесь очень мало, да и в них трудно найти что-либо от кочевников, если не считать немногих случаев положения конских костей в могилу. Здесь, очевидно, некочевое население. Это и было естественно вокруг Ольвии, где, по геродотовской традиции, кочевники не жили совсем. Но и здесь катакомба, господствующая во всех отношениях над ямою, — основная форма погребальных сооружений. Это — время с конца V в. до н. э. по I в. н. э. включительно, т. е. как раз кучугурское время и начало эпохи малых городищ.

[1] См. указанные работы Гошкевича и Скадовского, а также А. В. Добровольский. Земледельческие поселения... (укр.). «Археологія», Київ, III, стр. 167 и сл. Селища и городища нижнего Буга от Ольвии до Николаева самым тщательным образом изучены Ф. М. Штительман. Пользуюсь ее сведениями в отношении керамики.

То немногое, что следует дополнить, это прежде всего грунтовой могильник Козацкого (по копавшему его М. Эберту — Николаевского) городища. Из 16 погребений десять имели форму катакомб, шесть — форму простых ям. Ямы — обычной формы и размера от 2,25—2,35 м в длину и от 75 см до 1 м в ширину. По обряду это вытянутые трупоположения с руками вдоль тела. Катакомбы не представляют серьезных вариантов против прежних, хотя преобладает тип с дромосом, входящим в камеру сбоку, чаще с запада; ориентированы катакомбы меридионально (северная ориентировка, реже — южная). Закладка устья — камень. В катакомбах иногда по 2—3 покойника. В одной из ям отлично видно в обряде влияние обряда полей погребений: в головах характерно сгруппированы миска и три горшка. Миски — черняховского типа. Весь этот комплекс могил М. Эберт сначала датировал временем около начала н. э. и I в. н. э. Эта датировка совершенно произвольна. Вещи из этого могильника не моложе II в. н. э., а также относятся к III и IV вв. Могильник этот связан с курганными могильниками нижнего Приднепровья, особенно Никопольским, формою катакомб и даже обрядом, вплоть до ориентировки. Но в эллинистическое время и курган, и катакомба для взрослых покойников были просто обязательны. Интересно и то обстоятельство, что немногочисленные мужские погребения не имеют оружия.

Что нибудь большее о могильниках низовий Днепра сказать трудно. Немногое говорит о них А. А. Спицын, с учетом находок до 1929 г. включительно [1]. Он называет их всего четыре и характеризует как черняховские по составу находок, особенно керамики. Немногим больше о нижнеднепровских могильниках мог сообщить в своей диссертации Ю. В. Кухаренко [2]. С его разрешения пользуюсь одним существенным наблюдением. Фрагменты сосудов, близких к зарубинецко-корчеватовским типам, на селищах у Днепровских порогов не встречаются. Они попадаются только ниже, конкретно говоря, — на городищах и селищах ниже Каменского акрополя. При этом отмечу со своей стороны, что в Корчеватом нет желтоватых мисок и горшков. Но желтые миски и горшки тех же типов, что и в Корчеватом, наряду с черными лощеными, встречены на всех городищах и селищах нижнего Днепра, а по данным Ф. М. Штительман, — в Ольвии и на Буге. Если наблюдение Кухаренко и наше справедливо, то очевидно, что проникновение керамики типов ранних полей погребений на городища нижнего Днепра, начиная от Каменского акрополя, произошло отчасти с запада из районов, лежащих за Бугом, а не только со среднего Днепра. С III в. н. э. начинается во всех направлениях вверх и вниз по Днепру господство черняховской керамики — и грубой, и хорошей. Мы из наших разведок напомним мусорные ямы селища у Красного Хутора и новые открытия Э. А. Сымоновича. В них на очень слабом фоне старых типов лепной керамики преобладают обломки мисок и горшков черняховского типа.

До I в. н. э. включительно мы могли отметить господство старых форм керамики кучугурских типов, с малыми признаками изменений, сохранение городищ с постройками глубоко в древность уходящей планировки (Каменские кучугуры, Козацкое). Переживают старые типы курганов и катакомб, характерных для скифов-земледельцев и скифов-кочевников: курган у акрополя Каменского городища, поздние курганы у Петуховки и курганы у поселка Харчевик около Каменки. Культурное единство от эпохи кучугур не нарушалось. Не нарушалось оно, повидимому, и в отношении политического единства. С перенесением центра в степной Крым, от царей начала II в. до н. э. до царей Фарзоя и Иниомея, Скифское царство, повидимому, существовало на нижнем Буге, нижнем Днепре, в Керкинитских степях и в Крыму. Во II в. до н. э. и в Крыму, и на Черном море царство терпит поражения и утрачивает ряд владений. Ольвия отпадает еще в конце I в. н. э. и обращается при Антонине Пие под протекторат Рима. Нет оснований думать и о серьезных этнических изменениях: на суженной территории Малой Скифии продолжали бытовать многие формы, еще отвечавшие времени до сарматского вторжения. В малочисленных скифских курганах со II в. до н. э. появляются фибулы, с I в. до н. э. — сарматские стрелы, вскоре появляются новые мечи и т. п. Но гораздо

[1] А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, X, стр. 65.

[2] Ю. В. Кухаренко. Юго-восточная граница расселения раннеславянских племен. Автореферат диссертации. М., 1951.

больше черт идет от культуры полей погребений: сначала от корчеватовской, а затем от черняховской ее ступени.

Мы видим, начиная с III в. до н. э., широкое распространение по территории Малой Скифии черняховской керамики. В могильнике у Козацкого прежний обряд похорон смешивается с новым, т. е. черняховским: грунтовой могильник вместо курганного, ямы с черняховской группировкой сосудов бок о бок со старыми катакомбами. Да и вообще в наборе вещей нет сарматского обихода: гребни, керамика и погребальный обряд в могилах дают картину не сарматизации, а славянизации нижнего Днепра. Началось, более всего, судя по Красному Хутору, с III в. до н. э. культурное и, может быть, этническое скрещение. Расшатанное родственными сарматами, прошедшими в лице роксоланов и язигов сквозь степную часть позднескифского царства на юго-запад, а в Крыму — нажимом боспорцев и, может быть, тех же сарматов, — царство это, вероятно, изменившееся этнически за III—IV вв. до н. э., исчезло одновременно с гуннским вторжением. За более позднее время существования скифов пока как будто ничто не говорит. Только в это время рабовладельческое царство скифов закончило свое существование, не будучи в силах препятствовать волне славянского распространения на юг. Немногочисленные заимствования в русском и украинском языках из скифского должны были произойти, вероятно, здесь, и незначительность этих заимствований свидетельствует о сильной струе славянского культурного воздействия и прямой инфильтрации этого населения. До этого времени можно с уверенностью говорить об иранноязычных скифах, конечно, только на степном юге. О северных «скифах» Приднепровья сказать что-либо определенное в языковом отношении пока едва ли можно.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

РАЗВЕДКИ И РАСКОПКИ НА КАМЕНСКОМ ГОРОДИЩЕ С 1938 ПО 1950 г.

(Краткое изложение)

1. Раскопки на Каменском городище летом 1938 г.

В 1938 г. раскопки тогдашней Никопольской экспедиции были организованы целиком на средства Никопольского музея под моим руководством. В работе принимали участие Б. З. Рабинович и Г. Д. Смирнов. Раскопки велись на Каменских кучугурах, в их северо-восточной части, после того как были закончены длительные раскопки курганов на Никопольстрое. Мы начали их 18 июля и закончили 5 августа. Скромная дотация музея (размера ее я не помню) позволила нам, однако, при 15—20 рабочих вскрыть довольно значительную площадь.

Этот год привел к установлению основных приемов раскопов. Начав первый раскоп (рис. 16, *а*) с разведочной траншеи из квадратов 2×2 м и установив слабую мощность и насыщенность культурного слоя, мы для охвата больших площадей расширили квадраты до 4×4 м (т. е. увеличенные вдвое, или 4 квадрата прежней величины). В восточной части первого же ряда таких квадратов были обнаружены концы канав — оснований жилищ. Их первым заметил, со свойственной ему наблюдательностью, Г. Д. Смирнов в кв. 9 и 10. Следы этих канав в большинстве своем более или менее заметны, но при обычной летней жаре быстро высыхают и теряются. Поэтому их необходимо замечать побыстрее и на возможно значительном, в несколько метров длины, протяжении сразу. Раз случайно принятый размер квадратов в 16 кв. м оказался для этого достаточно удобным и не изменялся больше до самого конца раскопок в 1950 г. Канавы, эти призрачные следы стен и границ жилища, направляют до сего дня разбивку квадратов каждого данного раскопа. При таком условии разбивка площади заранее не имеет серьезного смысла и в ней нет никакой нужды. Это заставляет не всегда последовательно нумеровать квадраты, но и не требует способа буквенно-цифровой шахматной разбивки и нумерации,— внешне объективного, на деле же вполне оправдываемого лишь в том случае, когда остатки древних объектов в какой-то мере замечаются сверху. Если читателя наш способ будет несколько затруднять, то в поле и при музейной обработке он не вызывает никаких недоразумений и сильно экономит время. Основным результатом раскопок 1938 г. является открытие остатков наземных жилищ в виде канав от оснований их стен. При разных функциях домов они неизменно строились именно таким способом. Это и показали раскопки всех лет на кучугурах. Я думал сначала, что стены представляли собой зарытый основанием в канавах плетень. Но в настоящее время я отказался от своего первоначального мнения[1] и думаю, что стены состояли то из плетней, то из вертикальных столбов. Действительно, жить в необмазанных плетневых жилищах, даже в относительно мягком климате Запорожья, почти что невоз-

[1] ВДИ, 1939, № 1, стр. 271 и сл.

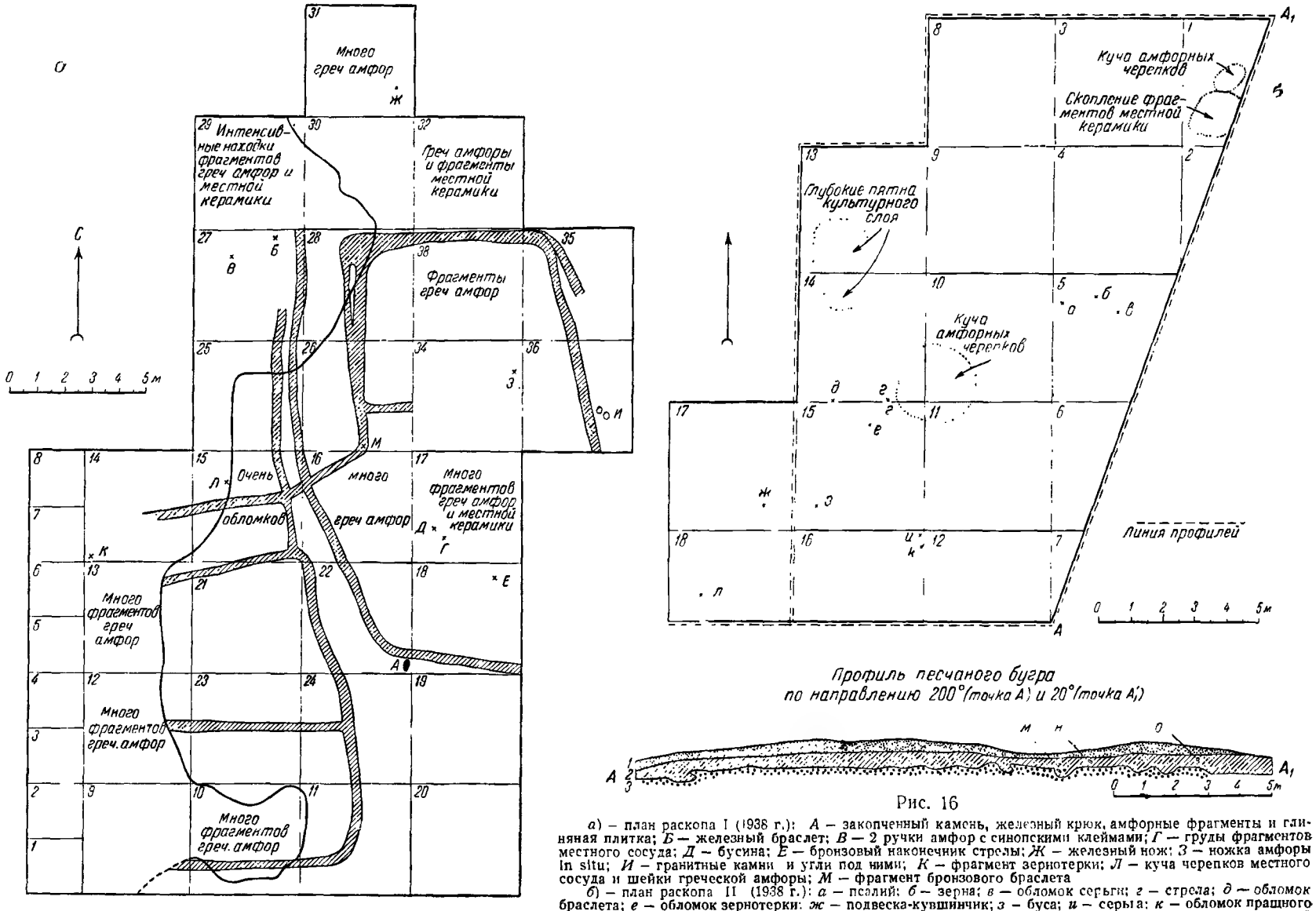


Рис. 16

а) — план раскопа I (1938 г.): *А* — закопченный камень, железный крюк, амфорные фрагменты и глиняная плитка; *Б* — железный браслет; *В* — 2 ручки амфор с синопскими клеймами; *Г* — груды фрагментов местного сосуда; *Д* — бусина; *Е* — бронзовый наконечник стрелы; *Ж* — железный нож; *З* — ножка амфоры in situ; *И* — гранитные камни и угли под ними; *К* — фрагмент зернотерки; *Л* — куча черепков местного сосуда и шейки греческой амфоры; *М* — фрагмент бронзового браслета

б) — план раскопа II (1938 г.): *а* — псалий; *б* — зерна; *в* — обломок серьги; *г* — стрела; *д* — обломок браслета; *е* — обломок зернотерки; *ж* — подвеска-кувшинчик; *з* — буса; *и* — серьга; *к* — обломок пращного камня; *л* — обломок оселка; *м* — кости; *н* — ручка амфоры; *о* — камень; *1* — серый, слабогумированный песок; *2* — культурный слой темносерого и черного цвета со включением фрагментов керамики и костей животных; *3* — материковый песок

можно. За все годы на Кучугурской части городища не было найдено никакой обмазки; глина вообще известна только как материал для устройства чрезвычайно примитивных очагов. Но об устройстве жилищ говорилось выше, куда я отсылаю своих читателей.

Вторым важным результатом было подтверждение того впечатления, которое сложилось уже в результате осмотров и сборов материала еще в 1937 г., а именно, — что все пространство Каменских кучугур было заселено в IV и III вв. до н. э., а впоследствии в нем замерла жизнь на несколько столетий, сосредоточившись в пределах одного только акрополя на территории Знаменки. Окончательно этот вывод был подтвержден, однако, лишь разведками 1949 г.[1]

В отношении вещественных находок следует отметить, несмотря на их малочисленность, ножи с пластинчатым черешком, обычные для курганов с VI до III в. до н. э.; трехгранные и трехлопастные бронзовые наконечники стрел обычных для IV и III вв. до н. э. типов; железный псалий, также вполне обычный в V—III вв. до н. э. (табл. XIX, 4; № 205); пращевые шары; незамкнутую пряжку, потерявшую язычок, с завитками на концах (табл. XI, *8*), такую же, как в Частых курганах; серьгу-кольцо из тонкой проволоки с напускной костяной бусинкой (табл. XI, *2*; № 254) обычного для рядового скифского населения образца, как показали многочисленные случаи находок в курганах на Никопольстрое; несомненно, от такой же серьги происходит и прелестный арибалльчик-бусинка (табл. XI, *9*; № 272) из пестрого стекла, как это показывают находки в тех же самых курганах. Менее показателен конец бронзового браслета (табл. XI, *5;* № 125), хотя и ему в эту эпоху известно достаточно много аналогий. Оригинальный предмет — железный крючок для подвешивания с перпендикулярным шипом на верхнем конце, чтобы вбивать его в стену. Впоследствии такие крючки были найдены в числе нескольких штук лишь в раскопе IX 1950 г.

Основной массой находок являются обломки амфор. Все они относятся в обоих раскопах к IV—III вв. до н. э. Найдены были также два синопских клейма самого конца III в. или самого начала II в. до н. э. Местной керамики мало, как, впрочем, и всегда. Но основные ее формы, лепной характер и примеси были установлены по материалу этого же первого года раскопок (табл. VI, 1*а*; № 220). В том же году мы смогли убедиться в сверхнизкой сохранности костей домашних животных. Лишь немногие из них могли быть определены погибшим позднее Н. А. Сугробовым.

Раскопы были расположены очень близко друг от друга.

Раскоп I[1] (рис. 16, *а*) находился в 120 м на запад-юго-запад от Каменского кладбища, расположенного на песках. В 11 м через дорогу, прямо на запад,—раскоп II. Жилища или постройки иного назначения были обнаружены только в раскопе I; в раскопе II находились лишь мусорные остатки. Однако основной состав находок в обоих раскопах, несомненно, состоял из совершенно одинаковых остатков амфор и местной керамики. Однообразию керамических находок в обоих раскопах удивляться не приходится; немногочисленные металлические и мелкие обиходные вещи, если не совпадают точь в точь, то во всяком случае однородны в отношении культуры и времени. Все это в массе предметы IV в. и особенно III в. до н. э. Проходящая между обоими раскопами пешеходная дорожка от юго-западной части Каменки к середине прибрежной шоссейной дороги от села на пристань расширилась выдуванием до 11 м, обнажила выходы культурного слоя и послужила поводом к выбору места раскопок. Можно с большой долей вероятности предполагать, что культурный слой на месте жилищ раскопа I и мусорный слой раскопа II между собой как-то связаны — столь они кажутся однообразными.

Раскоп I был начат разведочною траншеею, идущей с юга на север, из 8 квадратов, размером 2×2 м. Когда было установлено ясное наличие культурного слоя, к востоку было добавлено 5 меридиональных рядов (из 4, 7, 8, 7 и 2 квадратов, размером по 4×4 м) в поисках планировки древнего

[1] См. отчет за 1937 г. в архиве ИИМК, отчеты за 1945 и 1946 гг., а также выше в разных местах.

[1] В 1938—1940 гг. раскопы в дневниках и отчетах названы участками. С 1945 г. исключительно употреблялось слово «раскоп»; в настоящей отчетной работе мы употребляем только это слово.

строения; всего таких квадратов — 28, общая площадь раскопа — 480 м². Балласт песка в общем рос к востоку, но держался в пределах 25—35 см, а культурный слой толщиной от 25 до 35 см редко достигал 40 см.

Находки отличались однообразием. Больше всего было обломков амфор, но нигде их фрагменты не превышали полусотни на штык. Местная посуда повсеместно находилась в очень ограниченном числе. На раскопе было обнаружено 22 ножки амфор — число не слишком большое. В кв. 34 в северной комнате восточного жилища одна из них (рюмковидная) стояла in situ, вкопанная в материковый песок. В кв. 17 в середине восточного жилища на дне культурного слоя лежала груда черепков от одного очень неполного сосуда. Из отдельных вещей следует назвать два железных ножа в кв. 12 и 31, железное шило в кв. 33, пращевой камень в кв. 31, обломок псалия в кв. 28, глиняное грушевидное пряслице в кв. 3. Из украшений попалась железная пряжка с незамкнутыми концами (см. выше) типа Частых курганов в кв. 29, синяя стеклянная бусина — в кв. 17 и в кв. 26, в проходящей здесь канаве — фрагмент медного браслета. В кв. 18 (южная часть восточного жилища) найдена бронзовая трехлопастная стрела.

Большинство находок сосредоточивалось не на самом исподе культурного слоя, а на 10—15 см выше, но перечисленные отдельные находки почти все приходятся на нижний штык.

Хронологически определяют весь раскоп, с максимально возможной точностью, синопское клеймо № 26 и гераклейское клеймо № 10. Последнее принадлежит началу III в., а первое относится к 220—180 гг. до н. э. Оба были найдены на самом исподе слоя.

Жилища в раскопе I, как и всегда, ограничены канавами оснований деревянных стен. Эти канавы имеют ширину 25—40 см, глубину от испода культурного слоя — 35—45 см. Разрез их сегментовидный. Всего таких жилищ — 2.

1) Первое (западное) строение находилось в западной части раскопа над котловиной выдувания; оно ограничено с востока канавою, идущей в общем с севера на юг с небольшим в конце сдвигом к востоку. Сохранился округленный юго-восточный угол этого строения. Северный конец его теряется в кв. 27. Общая длина всей восточной стены его — 21 м. Западная стена вся уничтожена котловиной выдувания. Помещение делилось на несколько (не менее трех) поперечных комнат. Южная стена от угла сохранилась на 6 м с небольшим к западу.

Южная комната шириною на север 4,75 м. Здесь к западу сохранилась стена на 6,5 м длины.

Вторая с юга комната имеет ширину 6 м, ее восточная стена идет от северного угла к южному, удаляясь к востоку на 1,25 м. Северная стена имеет небольшой уклон к юго-западо-западу и сохранилась длиной на 5 м. Северный угол этой комнаты округлен.

Третья с юга комната имеет к северу ширину всего 2 м. Северная канавастена ее сохранилась к западу на 5—6 м.

Четвертая (северная) комната не имеет других стен, кроме стены, разделяющей ее от предыдущей, и восточной, часть которой здесь равняется по длине приблизительно 9 м. Именно в ней были найдены синопское клеймо и все — незначительные, впрочем,— остатки металлургии (см. ниже). Подобных жилищ мы более не наблюдали.

2) Второе (восточное) строение сохранило западную стенку, обрывающуюся на 4 м севернее конца восточной стенки первого помещения. Эта западная стена идет сначала в 0,50 м от восточной стены первого помещения, но, имея слабый дуговидный выгиб к западу, удаляется от нее на 2 м к востоку, переходя постепенно с половины своей длины от направления север—юг к направлению на юго-восток. Длина всей этой стены — около 16 м. Против середины второй с юга комнаты первого помещения, образовав юго-западный округленный угол, эта стена ограничивает помещение с юга, уходя к востоку, со слабым уклоном к югу на протяжении 5 м.

Внутри второго строения есть деления, которые весьма трудно описать. Южная стена северной комнаты первого помещения выходит из первого помещения, пересекает верхнюю западную стену второго и затем, пройдя в направлении на северо-восток на 2 м, поворачивает прямо на север. На север она идет на протяжении 8 м. В 3,50 м от

северного конца канава вилкообразно раздваивается (ремонт?) и поворачивает затем прямым углом прямо на восток. Отсюда она тянется на 7,50 м и вновь идет под округленным углом, поворачивает с юго-юго-востока, уклоняясь до своего, уходящего под южную стенку кв. 36, конца на 2,50 м к востоку. Длина этой стенки — 8,50 м. От северо-восточного угла, где начинается эта восточная стена, вилкообразно к ней идет почти параллельно вторая канава. Она скоро обрывается. Таким образом, это второе строение делилось на коридор в 1,50—2 м шириною в северо-западной части и длиною до 9 м и большое помещение подчетырехугольной формы с небольшою угловатою нишею у глухой южной стенки коридора. Длина четырехугольного помещения — 15 м, ширина — до 8 м в северной части; в южной части ширина была, может быть, до 10—12 м, но этот угол не раскапывался, так как очень близко проходила дорожка, совершенно уничтожившая культурный слой. Четырехугольное помещение, повидимому, делилось на две комнаты— северную и южную. Это очень вероятно, так как от восточного угла коридора в 1,50 м к северу под прямым углом к западной стенке идет на восток обрывающаяся через 2 м стена. Это северное помещение было почти квадратным, и все строение выглядело так, как жилище № 2 в раскопе IX, но имело иные функции. Особенно их сближает коридор. Северо-восточный угол большого помещения состоял из двух канав, обрамляющих угол и стягивающих его (ср. жилище в раскопе II 1939 г., в раскопе I 1940 г., жилища № 2 и 4 в раскопе IX 1949—1950 гг.).

Ни в том, ни в другом помещении не было признаков очагов. Но первое сохранилось слишком неполно, а во втором за их остатки приходится принять, может быть, закопченный камень рядом с крючком для подвески — у юго-западного угла, но вне жилища имеются 2 закопченных камня и угли под ними — у самой середины восточной стенки. Более жилым кажется второе строение: ножка амфоры и местный сосуд in situ на дне, в его середине. Зернотерка в западной части раскопа, повидимому, относится к третьей с юга комнате первого жилища. Отсутствие каких-либо ям, значительное количество ножек амфор, слабые остатки быта и отсутствие внутренних очагов позволили мне предположить, что оба эти строения — кладовые, содержавшие в себе амфоры, особенно синопские. Но никаких других подтверждений этого я не нахожу и на этом отнюдь не настаиваю [1].

Незначительные остатки металлургии все приходятся на западное жилище или к западу от его сохранившейся части, т. е., вероятно, относятся сюда же. Все они найдены на самом исподе культурного слоя. Это обломок стенки тигля или льячки с приставшей медью в кв. 3 разведочной части раскопа, глиняная литейная воронка во второй с юга комнате (кв. 23) и кусок медного шлака в кв. 29, т. е., вероятно, в северной комнате. Эти остатки ничтожны, но все относятся к бронзолитейному делу и, вероятно, или одновременны жилищу, или ему предшествуют и раскиданы позднее при его сооружении. Никаких признаков железной добычи или кузнечного дела в нем нет совершенно.

Раскоп II (рис. 16, *б*) был заложен в 11 м прямо на запад от раскопа I. Его восточная сторона совпадает с обрезом слоя над котловиною выдувания, почему восточные участки не имеют формы квадратов, а разного вида. Полных квадратов к западу — всего 10; всего участков — 18, а площадь— 232 кв. м. Профиль по восточной зачистке обреза слоя по линии 200°—20° — на протяжении 20 м. Балластный песок имеет мощность 10—45 см, не образуя средней мощности. Интенсивно черный культурный слой— от 15 до 65 см, большей частью 50 см толщины. Культурных остатков в этом профиле немного, слой в южном конце выклинивается. Больше всего фрагментов амфор и местной посуды, но были также найдены половина глиняного пряслица и кусок крышки от сосуда местной работы.

В большей части раскопа культурные наслоения много сложнее. Раскоп был заложен на небольшом песчаном возвышении, падающем с севера на юг от произвольного нуля на 30—45 см. Многочисленные профили и разрезы почти по всему холму дали следующую картину. Поверхностный слой состоит из светлосерого песка с небольшой примесью перегноя; толщина его — от 15 до 40 см. Под ним черного цвета погребенная

— - - -

[1] ВДИ, 1939, № 1, стр. 271 и сл.

почва мощностью от 5 до 15 см. Ее подстилает стерильный песок толщиною 5—20 см. Под ним находится культурный слой мощностью до 25—70 см; все наслоения местами составляют около 1—1,20 мм. В верхней его части, имеющей темносерый цвет, на толщину 10—40 см почти не было находок. Нижняя часть слоя, от 40 до 45 см, имела интенсивно черный цвет. В последних се 10—15 см находки особенно обильны. Вся их основная масса обнаружена именно в этом слое; отсюда происходят все лучшие отдельные вещи. Керамики очень много. На исподе культурного слоя в юго-западной части раскопа (кв. 15—18) было найдено свыше 600 фрагментов амфор. Местной посуды и костей всюду несравненно меньше, но их многие десятки. Найдено 39 ножек амфор, что указывает, по меньшей мере, на такое же число когда-то выброшенных здесь и разбитых сосудов. Случайно лишь найден один кусочек чернолакового черепка. Сколько занимает места одна амфора, можно судить по тому, что в самой середине раскопа в мелких черепках (не поддались склейке) расслоившаяся амфора занимала площадь около 2,50×2,50 м. Небольшие скопления амфорных и местных черепков были найдены в северо-восточном углу раскопа. Остальные же, иногда, как сказано выше, очень многочисленные находки лежат рассеянно, не образуя заметных скоплений. Среди ножек от амфор особенно много синопских (юго-восточный угол раскопа) и гераклейских. Местная посуда никаких резких особенностей не представляет.

Из отдельных вещей важно отметить в восточной части раскопа (в кв. 5) прямой железный писалий с двумя отверстиями в середине и с шишечками на концах, незамкнутое медное проволочное колечко и несколько неопределимых обугленных зерен.

Ряд интересных вещей обнаружен в юго-западной части (кв. 14—18), а именно: обломок медной, в сечении четырехгранной, серьги с загнутым в виде петли наружу концом (табл. XI, 3; № 258), бронзовый трехлопастный наконечник стрелы, обломок зернотерки, стеклянная бусинка, проволочное тонкое медное кольцо-серьга со скользящею костяною бусиною (см. выше), цветного стекла подвеска-арибалльчик (см. выше) от такой же серьги, обломок пращевого камня, куски двух оселков и, наконец, два куска полированного каменного блюда (один в кв. 10 - - центр раскопа). Общая масса находок, как указано, по времени полностью совпадает с содержанием раскопа I, но многочисленнее и может служить его мусорными отбросами. Совершенно полное отсутствие остатков металлургии вполне отвечает их ничтожному количеству в западном строении раскопа I. Нет в раскопе II также никаких следов строений, и лишь в западной половине раскопа оказались две небольшие и мелкие ямы совершенно неопределенного назначения.

Систематических разведок в 1938 г. не велось. Однако по вечерам и в свободные дни совершались постоянные обходы кучугур, причем все более и более выяснялись: 1) относительная кратковременность скифского поселения на них и 2) многочисленность металлургических остатков. Тогда же обнаружена Г. Д. Смирновым хорошая сохранность культурного слоя в юго-западной части кучугур. В результате здесь были развернуты раскопки в 1939 и 1940 гг. Б. Н. Граков и Г. С. Шапошников обследовали валы городища в Знаменке, а все участники экспедиции описали и нанесли на план валы в Каменке. После окончания раскопок Г. Д. Смирнов оставался еще в Каменке и собрал много вещей, в частности из обвала культурного слоя в центре кучугур — сырой цинк, что очень важно для решения некоторых вопросов скифской металлургии. Он многократно обходил валы и подтвердил окончательно мнение В. Соколова [1] о том, что и знаменская часть валов, и кучугуры, и ограниченная валом часть Каменки составляют единое целое. С этим и мы вполне солидаризируемся, но лишь обследования 1938 и 1939 гг. окончательно нас в этом убедили.

2. Раскопки и разведки на Каменском городище в 1939 г.

На Каменских кучугурах в 1939 г. раскопки были начаты 16 июля и закончены 29 июля. В этом году вел раскопки Б. Н. Граков с 13 студентами-практикантами при 20 рабочих. Средства были так же невелики, как и в 1938 г. Раскопки были развернуты на сей раз в юго-западном углу кучугур.

[1] См. указанное сочинение В. Соколова. Киевская старина, том XXXVIII, стр. 225—245.

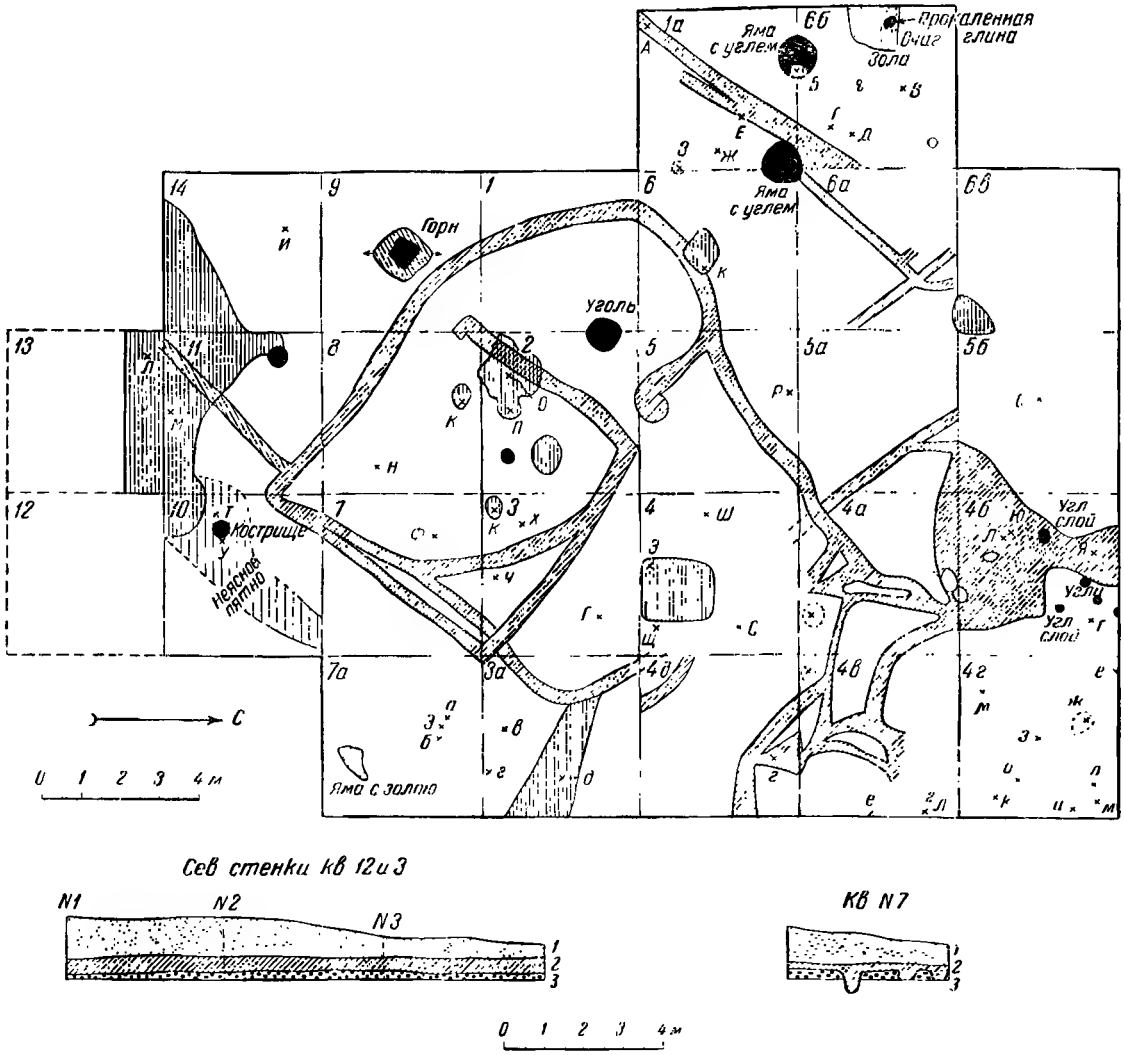


Рис. 17. План раскопа II (1939 г.)

А - сосуд местного производства; *Б* - сточенный камень; *В* — глиняное пряслице; *Г* - шило; *Д* осколок пращевого камня; *Е* — тигель, куски медного шлака и угли; *Ж* — железная игла; *З* гнездо амфорных черепков; *И* — железная пластина и медный шлак; *К* — ножка амфоры; *Л* — железное шило; *М* - фрагмент стеклянного алабастра; *Н* - 2 железных ножа и скоба; *О* — литок; *П* — медный шлак; *Р* кусок пращевого камня, буса и свинцовое пряслице; *С* - пряслице; *Т* шлифованный камень; *У* — бусина; *Ф* — обломок зернотерки; *Х* — псалий железный; *Ч* — железный стержень; *Э* — нож; *Ш* — осколок кварцитового шара; *Щ* — кварцитовый шар; *Ю* — фрагмент стенки сосуда; *Я* - железная дужка, шило, кусочек железа; *а* — прокаленный камень; *б* — обточенный камень; *в* — железная руда; *г* - медные шлаки; *д* — железное острие; *е* - кусок гранита со следами огня; *ж* - черепки амфоры; *з* — бронзовая стрела; *и* — шлак; *к* — обломок ножа и кости; *л* — зернотерка; *м* - обработанный известняк; *1* — условная линия горизонта; *2* — культурный слой; *3* - линия низа раскопа

Раскоп I был разбит к северо-северо-западу в 400 м от выхода со Знаменского шоссе меридиональной грунтовой дороги через кучугуры. Этот раскоп предполагался на плосковатой дюне с севера на юг и состоял из 4 квадратов по 4×4 м. Во всех квадратах было снято по 3 штыка; чистый песок не дал никаких признаков культурного слоя. Впрочем, в одном из квадратов в чистом песке была найдена обычная ручка от эллинистической амфоры.

Раскоп II (рис. 17) был разбит на северо-восток от раскопа I на расстоянии 150 м от него. Здесь был ясно виден (южный

край разбивки раскопа) выход культурного слоя, уходивший к западу под довольно высокий дюнный холм, поросший вербовыми кустами.

Раскоп состоял — с запада на восток — из 5 рядов обычных квадратов по 4×4 м; два квадрата — в западном ряду, затем восточнее — 3 ряда по 6 квадратов и 1 ряд из 5 квадратов. Вся площадь раскопа охватила 400 кв. м. К северу постепенно, но непрерывно, рос балласт. В южном ряду он сходил на нет к обнажению культурного слоя, на северной границе квадрата достигал от 1,35 до 1,80 м. Балласт этот состоял из чистого песка, сухого и светлого на первом штыке и чистого желтого вниз вплоть до начала культурного слоя, имевшего то темную, то светлую серую окраску. Только в западной части находившаяся здесь неглубокая яма причудливых очертаний имела черную окраску. Культурный слой в западном ряду квадратов в среднем имел толщину не более 15 см, чаще от 25 до 45 см, обычно 30 см, кое-где утолщаясь до указанного предела. Насыщен он был неравномерно — книзу черепков становилось меньше; если вверху на штык встречалось по 100—150 амфорных и лепных черепков, то в нижнем штыке амфорных черепков много, а лепных часто один-два десятка. Фрагментов амфор больше, но они не слишком превышают числом лепные. Костей животных повсеместно не очень много.

Находки представлены прежде всего обломками амфор, очень многочисленными, но по большей части мелкими. Их в каждом квадрате до сотни, а кое-где, например, в кв. 45, — до 300. Среди амфорных черепков найдено клеймо на горле гераклейской амфоры с именами Аполлония и Амфита (см. клеймо № 8, стр. 88). Местные черепки не отличаются от найденных в 1938 г.

Металлических предметов не очень много, но они вполне характерны. Из железных орудий найдены лишь орудия домашнего обихода, а именно: одна кривая (шорная?) игла, 7 различных шильев, 3 ножа, 2 неполные зернотерки (одна из них в жилище); из оружия — 3 трехгранных бронзовых наконечника стрел, 2 обломка каменных пращевых шаров и особой формы подток с черешком от копья латенского типа (табл. XVII, 2; № 36). Из конского снаряжения найдены половина псалия, псалий игрушечный (?) и конец подоски (ср. находку 1949 г. в раскопе V). Из украшений отмечу только обломок синей бусины с глазком, серьгу из тонкой проволоки с нанизкой зеленой бисеринкой (табл. XI, *1*; № 15а). Принадлежностью же туалета является кусочек синего с желтым стеклянного алабастра (табл. XI, *9*; № 160).

Остатки жилища в раскопе II 1939 г. Ограничивающие жилище стенки канавы имеют 35—45 см ширины при 35—45 см глубины. Разрез их ко дну округленный или обратно трапециевидный.

1) На площади кв. 2, 3, 7 и 8 расположено сооружение (первая комната), обозначенное по контурам канавами; оно имеет форму не вполне правильного квадрата, ориентированного углами приблизительно по странам света. Его площадь — 6,5×6,5 м. Стены, таким образом, расположены по дополнительным румбам. Северо-западная стена не достигает юго-западной на 1 м и образует здесь дверной проем шириною в 1 м. Северо-западная стена делает внутрь комнаты загиб под прямым углом, может быть, от косяка двери. В южной части этой комнаты проходит округленная выгибом к востоку канава, не доходящая до южного и северного углов на 1,5—2 м. Это или линия старой стены, позднее замененной стенами, идущими от южного угла, или основание пар, занимавших южный угол этого квадратного помещения. В пользу первого предположения говорит то, что от этой дуги идет канава, перерезанная северо-восточной стенкой квадратного помещения. Канава выходит за стенку квадратного помещения. В этой комнате обнаружены две вертикально поставленные ножки амфор и в середине небольшая, 30 см диаметром, ямка, наполненная углями; ее глубина — та же.

2) Юго-западная стена от дверного проема идет через кв. 9 и 1 к северо-западу, выгибаясь слабой дугою к юго-западу. На границе кв. 1 и 6 она резко поворачивает к востоку, образуя выгиб к северо-западу. От границы кв. 5 стена резко поворачивает к юго-востоку и заканчивается полукруглой ямою для столба, образуя у северного угла квадратного помещения второй дверной проем шириною около 0,75 м. Таким образом, к северо-западу от первого квадратного помещения имеется второе помещение, близкое к полукругу. Почти в середине этого

северо-западного жилища находится яма, — вероятно, очаг, — наполненная углем; она почти круглая, диаметром 0,80 м, глубиною 0,30 м от глубины 0,90 м (начало культурного слоя). Длина этого второго помещения с северо-запада на юго-восток — 5 м, расстояние поперек — 5,5 м (от северо-западной стены до второго дверного проема).

3) Не доходя около 3 м до второго дверного проема, от стены-канавы второго полукруглого помещения на северо-восток идет полоса канавы на протяжении около 5 м, и в кв. 4а она сливается с беспорядочными канавами, уходящими на юг. Может быть, находящийся в этом же направлении угол в начале кв. 4а является началом северо-восточной стенки, направлявшейся на соединение с канавой, отходящей от восточного угла первого (квадратного) помещения к северо-востоку и в кв. 3а резко поворачивающей к северо-западу в направлении к упомянутому углу в кв. 4а. Перерыв от одного конца до другого — 5,25 м. Эта северо-восточная стена всего помещения занимает в длину около 8 м. Очевидно, в ее середине должен был находиться дверной проем.

Все описанные в пункте 3 канавы образуют северо-восточное помещение всего комплекса, пострадавшее больше двух первых. Оно тянется почти вдоль всего жилища и суживается к юго-востоку до 2 м. Помещение не ограничивалось этими тремя комнатами. От южного угла квадратного помещения через кв. 8 по диагонали с северо-востока на юго-запад идет канава в 4 м, обрывающаяся от северного угла северо-восточной комнаты; через кв. 4а и 5а идет на северо-запад канава, обрывающаяся в 4 м с небольшим. Эта последняя сливается небольшим ответвлением с бессистемными ямами и канавами северо-восточного угла раскопа.

4) К северо-западу от основного помещения на расстоянии 3—4 м идут канавы, не образующие ясных очертаний. Впрочем, одна из них образует прямой угол в кв. 6а. Угол раскрыт к юго-востоку. Дальше к северу — еще канава на протяжении 6 м из угла кв. 1а до начала полосы в кв. 6а. Это части какого-то разрушенного помещения.

Ямы внутри помещения, кроме двух, приходятся на пределы квадратной комнаты. В северо-восточном углу квадратной комнаты — овальное пятно до 0,60 м длиною и небольшая угольная ямка 0,30 м диаметром, 0,15 м глубиною. В 1 м к югу от дверного проема этой комнаты находится небольшая ямка и в ней — ножка амфоры; другая такая же ямка с такой же амфорной ножкой расположена в 4 м к западу от восточного угла этой комнаты.

В северо-западной комнате перед ее уничтоженным выходом обнаружена яма четырехугольной формы размером 1,80×1,40 м (вытянута с севера на юг), глубиною 0,80 м. Находок в яме никаких не было. Она заполнена серым песком; ее отношение к жилищу неясно. Находок металлургии в жилище не обнаружено, если не считать, что в очень неправильной яме, перекрывающей северо-западную канаву близ дверного проема, был найден бронзовый литок.

К югу и юго-западу от жилища, на расстоянии 2—3 м от него, в кв. 10, 11 и 14 раскопками задета большая яма с неправильными краями. Эта яма занимает юго-восточный угол кв. 14, западную часть кв. 11, юго-западный угол кв. 10 и на 1 м прослежена к югу от кв. 10 и 11. Далее к югу раскопки были приостановлены. Мы предполагали, что это край очень расплывчатой мусорной ямы. В кв. 11 и 14 глубина этой ямы — 2,08 м (0,35 м балласта). В кв. 13, после балласта, глубина ее всего только около 40 см. После раскопок в кв. 14 глубина, после балласта,— 0,70 м. От южного угла первой, квадратной, комнаты через эту яму идет канава, вскоре исчезающая. Это показывает, что яма бытовала раньше дома.

Остатки металлургии. Мы уже видели, что в пределах наземного жилища имелся один медный литок и что он находился в яме, перекрывавшей внутреннюю стену одной из комнат. Яма других признаков металлургического назначения не имела, и эта находка в ней явно случайна. Все остальные предметы, связанные с металлургией, находятся у стен и за стенами жилища, из чего следует заключить, что они этому жилищу одновременны. В кв. 9, к западу от западного угла квадратной комнаты, в 0,50 м за стеною, находится своеобразный горн, основание которого на уровне начала канав того же квадрата, т. е. 1,40 м ниже конца балласта. Это не совсем правильной формы четырехугольник. Его площадь наверху 1×1 м, внизу — 1,35×1,35 м, высота—0,70 м (см. рис. 25,*б*, стр. 233). Горн сделан из глины,

совершенно перекален и рассыпается; в середине — углубление (вокруг него стенки 15—25 см шириной), которое содержало угли, перемешанные с песком, на толщину 15—20 см. Дно этого углубления очень неровное. Ниже дна его в глине печи имеются две тонкие углистые прослойки. В этом квадрате лишь немного местной керамики, примерно в 4 м к югу от горна найден в кв. 14 небольшой кусочек медного шлака. К северо-западу число предполагаемых остатков металлургии также невелико, но вполне определенно: к северо-западу от главного жилища найдены две ямы с древесным углем, диаметром 1 м и 70 см при глубине 30—35 см, а в 3 м от него — глиняный тигель с приставшей пленкой меди (табл. XIV, *1*) и кусочек медного шлака. В кв. 6б, за угольными ямами, открыта часть четырехугольной ямы очага, заполненной на глубине около 30 см углем и золою. Немного южнее, в кв. 6а найден кусочек медного шлака.

К северу и северо-востоку видимыми остатками металлургии более всего изобилует кв. 4б, где найдены кусок железной руды, кусок железа, 1 железный шлак и 5 ямок с древесным углем. В кв. 4г найден кусочек железного шлака, в кв. 4в — 1 кусочек медного шлака, то же — в кв. 4д и 3а. Несмотря на малочисленность этих находок, одновременность их основному жилищу, расположение процесса за стенами дома и несомненность бронзолитейного и железного дела в одной и той же мастерской — очевидны.

К востоку и северо-востоку от жилища во всех квадратах найдено всего по нескольку штук медных и железных шлаков, две литые бракованные стрелы, кусок руды и железный бракованный подток латенской формы. Все это говорит о том, что также и за стеною жилища шли все виды работ.

Хронологически весь раскоп относится к III в. до н. э. Впрочем, он имеет три этапа жизни. Мусорная яма на юге и беспорядочные канавы на севере — остатки жизни до появления трехкомнатного жилища. Ему одновременны горн и большая часть следов и отходов металлургии. Позднее всего яма, перекрывшая северо-западную стенку первой (квадратной) комнаты. Датирующих вещей немного. Стрелы и псалий относятся к концу IV и III вв. до н. э.

Гераклейское клеймо датируется также первой половиной III в. до н. э. Стенка алавастра относится к самому началу III в. до н. э. и по своему стратиграфическому положению соответствует первому этапу жизни на месте этого раскопа. Само же жилище, связанное с металлургией, лучше всего датируется браком при отковке, подтоком копья латенского типа, которое не может относиться ко времени ранее 283 г. на нашей территории, а скорее всего — к 225—211 гг. до н. э., т. е. ко времени декрета в честь Протогена, когда латенские вещи естественно начинают проникать в нижнее Приднепровье.

Раскоп II 1939 г. послужил началом раскопа II 1940 г., поэтому его описание дается ниже вместе с указанным раскопом.

Разведки 1939 г. на кучугурах ограничивались только осмотром обнажений, и было вновь и вновь подтверждено повсеместное господство находок, относящихся к IV—III вв. до н. э.

Более подробно были изучены валы Знаменского городка, т. е. юго-западная оборона всего города в целом. Полученные в результате этого изучения данные были проверены в 1940 г., когда был окончательно установлен характер вала.

3. Работы на Каменском городище в 1940 г.

Никопольский музей в 1940 г. смог особенно хорошо финансировать работы экспедиции. Все ассигнование достигло 25 тыс. руб. На эти средства удалось прекрасно поработать и на курганах Никопольстроя, и на Каменском городище. На Каменском городище работы были начаты 9 августа и закончены 25 сентября. Моими главными помощниками были Г. Д. Смирнов, Е. Ф. Покровская (Киев) и, как обычно, Б. З. Рабинович (Ленинград, Эрмитаж). Из работавших с нами практикантов особенно большую помощь оказали студенты Б. В. Евстафьев, П. Д. Либеров и И. П. Приходько.

Наиболее важными результатами работ этого года являются внимательные разведки валов городища и их раскопки, показавшие сложность и своеобразие фортификационных сооружений Каменского городища. Особенно интересно применение сырцовых кирпичей на глиняном растворе для укрепления греб-

ия вала акрополя. Не менее интересны и важны тогда еще единичные доказательства того, что акрополь бытовал до позднеримского времени, начав свое существование одновременно с заселенною площадью кучугур. Разведки помогли окончательно установить единство Знаменского городка кучугурского ремесленного поселения и Каменской его части как скифского города, занимавшего площадь около 12 кв. км. Установлено разведками, что между внешними валами и кучугурами лежало пустое, не заселенное пространство в среднем до 1 км шириною. Уточнены и нанесены на план валы на всем их протяжении.

Раскопки на площади кучугур привели к открытию нового типа жилищ скифского времени — трех землянок. Эти жилища оказались очень своеобразными: в них имелись очаги глинобитные и в виде ям, выявилось деление их столбовыми стенами в канавках на жилую и служебную части. Одно из жилищ (землянка № 2), как оказалось, имело только служебное назначение. То, что раскопки этих землянок были начаты одновременно, не позволило вскрыть ни одной из них полностью: иссякли средства на продолжение работ. Намеченное на 1941 г. окончание раскрытия землянки № 3 не осуществилось— началась война. По окончании ее это место оказалось разрушенным при военных работах. Более землянки нам уже не попадались.

Находки в землянках и около них особенно обогатили представления о металлургии скифского времени (об этом выше см. специальную главу).

Разведки 1940 г. на Каменском городище были продолжением обследований 1939 г. Тогда уже было установлено, что общая конфигурация валов городища позволяет считать, что и часть его, охватывающая «Каменские кучугуры» между Конкою и Белозерским лиманом, и часть, лежащая уже в пределах с. Знаменки, составляют одно органическое целое. Это подтверждается наличием и на кучугурах, и на Знаменском городке одновременных и однородных находок. При разведках по городищу наибольшее внимание было уделено описанию валов и в пределах Знаменки, и в пределах Каменки. После этого мы вернулись к обследованию вала только в 1949 г. для исправления некоторых деталей. Здесь я опускаю описание вала, так как оно дано по необходимости очень подробно в топографическом описании городища.

Весьма существенным было обследование заселенных Знаменкою и Каменкою частей древнего городища. Опросы и осмотры установили, что между песками кучугур и валами нет (или почти нет) культурных остатков. Впрочем, при слиянии гирл Белозерского лимана с Конкою и кое-где около лиманного вала попадаются довольно частые находки.

Так называемый «акрополь» в Знаменке был тщательно осмотрен. Культурный слой занимает все пространство внутри валов, но сильно перерыт виноградниками и фруктовыми садами, находящимися в этой местности уже около 150 лет. Существовало скифское поселение здесь дольше, чем на кучугурах: среди подъемного материала был найден, между прочим, небольшой фрагмент мегарской чашки уже II в. до н. э. Здесь же был найден рабочий конец медного вязального крючка (табл. XIII, *16;* № 468). У слияния гирл с Конкою один работник Каменского леспромхоза нашел и доставил нам денарий императора Адриана (табл. VIII, *9*). Среди же находок на Кучугурах работником экспедиции Б. З. Рабиновичем была поднята медная монета города Гистиэи (табл. VIII, *4*), относящаяся к середине IV в. до н. э. (определение А. Н. Зографа). Им же была найдена прекрасная рукоять скифского ножа с медным овальным навершием (табл. XIII, *5*, № 480б). Попрежнему в этом году всюду находились в обнажениях обычные остатки железной руды, железных и медных шлаков, тиглей и горнов.

Раскопки производились в следующих местах: 1) в юго-западной части кучугур было заложено пять раскопов, и 2) два раскопа были заложены на валах. Ниже следует краткое описание раскопочных работ сначала на кучугурах, затем на валах.

Раскоп III 1933 г.+раскоп I 1940 г. (рис. 18, *а*). Раскопы эти слились воедино и в 1940 г. оказались главным местом, где были развернуты работы.

В 1939 г. раскоп III был разбит к северо-западу от раскопа II того же года, в 75 м от него. Он состоял из трех рядов (с севера на юг), по пяти обычных квадратов — по 4×4 м. Нумерация их шла по рядам с востока на запад и с севера на юг (см. план). С востока к южному ряду для прослеживания уходившей сюда древней канавы была

сделана прирезка, равная одной четверти обычного квадрата. Таким образом, вся площадь раскопа в 1939 г. равнялась 244 кв. м. В восточных квадратах к котловине выдувания культурный слой выклинивался и имел прослойки песка в результате передвижения его при выдувании. С середины раскопа к западу покровный балласт начал быстро расти и достиг к западной границе 1 м, тогда как культурный слой оставался равным в среднем полуметру.

В восточной половине раскопа почти вдоль границы среднего и южного рядов квадратов, лишь со слабым уклоном к югу, проходила древняя канава, в западной половине заполненная перегноем из культурного слоя, а в восточной части — желтым песком. В западном конце на протяжении около 3 м канава становилась все меньше и затем совершенно пропала, не имея здесь, однако, определенного конца, а лишь ряд мелких пятен по длине. Вся длина ее равнялась 16,75 м, ширина — 0,40 м, глубина — 0,25 м от начала культурного слоя, так как канава идет в нем, хотя частью он накопился до ее устройства. Разрез дна всюду округленный. Весьма интересны небольшие треугольные, очень правильные выступы, идущие через 0,70—0,80 м по южной стороне канавы. Их назначение непонятно.

Культурный слой, как было сказано выше, достигал в среднем 0,50 м. Как обычно, в верхних его слоях число амфорных обломков достигало от нескольких десятков до сотни и больше, а к концу слоя доходило от нескольких штук до нескольких десятков. Реже это бывало наоборот (кв. 4 и 5). Местной посуды очень мало, редко больше 10—15 обломков вверху слоя и единицы — внизу. То же относится и к костям животных; их сохранность обычно очень плоха. Попадаются отдельные камни разных пород (гранит, кварцит, известняк), — все небольшого размера.

Из амфорных обломков отмечу пять обычных ножек эллинистического времени, один фрагмент с узким круглым отверстием и гнездо совершенно расслоившихся черепков одной такой амфоры в кв. 1. Местная посуда представлена небольшим числом, как обычно, мелких фрагментов; среди них всего один черный лощеный (№ 3). Из металлических предметов, которых очень мало, отметим: железное шило, железный нож, такую же иглу и, наконец, железную подоску (самый ее кончик). Была найдена также небольшая биконическая синяя бусина.

Остатки металлургии очень немногочисленны и все сосредоточены в северо-восточном углу раскопа: 3—4 куска железного шлака, 4 куска железной руды и 6—7 обломков медного шлака, а также небольшой обломок стенки тонкостенного медноплавильного тигля (табл. XIII, *3*), содержавшего на внутренней поверхности легкий, но вполне очевидный налет медной окиси. Таким образом, здесь есть и следы кричной выплавки, и бронзолитейного дела.

Примечательно, что вся указанная выше характеристика содержимого культурного слоя относится целиком к двум северным рядам квадратов и особенно к самому северному. Что касается крайнего (№ 11) квадрата среднего ряда и всех квадратов южного ряда, то в них керамика, и местная, и греческая, а также кости животных встречались в ничтожном количестве; из металлических предметов лишь в кв. 15 (юго-западный угол раскопа) был найден упомянутый кусочек подоски. Сам же культурный слой, сохраняя характер серого гумированного песка, имел прежнюю мощность около 0,50 м.

Если вглядеться в план и вспомнить, что количество керамических находок и в северных рядах довольно сильно падает в последнем штыке, то получается впечатление, что слой с находками стал нарастать после проведения канавы, не достигающей его испода, и при этом интенсивно накапливался к северу от канавы и почти не отлагались находки к югу от него. Зная по раскопкам 1938 и 1939 гг. крайнюю засоренность остатков жилищ, приходишь к выводу, что такой порядок накопления культурного слоя основан на разном отношении того, что находилось за канавою и к северу от нее, к существовавшему, может быть, здесь комплексу. Канава должна соответствовать частоколу из врытых в землю столбов. Жилища, вскрытые в 1938 и 1939 гг., показали, что за стенами их бытовой мусор нарастал, как и внутри, очень быстро. Отсюда вероятно, что канава не служила основанием стены жилища, а чем-то другим. Сразу напрашивается предположение, что это остаток забора, отгораживавшего двор, и что, по указанным соображениям, если здесь и было жилище, не открытое в 1939 г., то оно могло

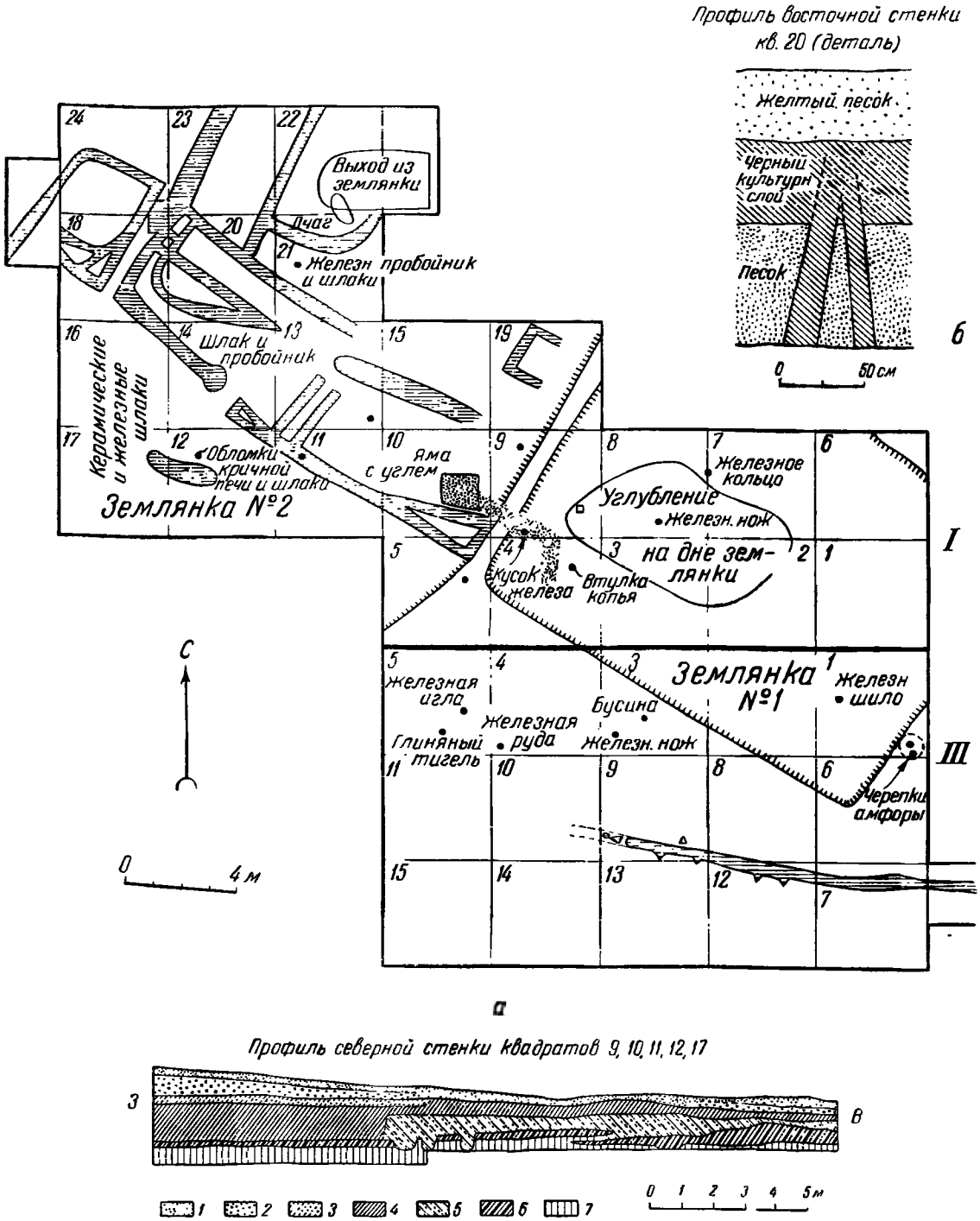


Рис. 18

а — план раскопов I (1940 г.) и III (1939 г.); *б* — деталь стенки кв. 20 (в углу) с сохранившимися контурами столба и подпорки; *в* — частичный профиль землянки (в кв. 9—12, 17); *1* — слабо гумированный песок; *2* — желтый песок; *3* — слабо гумированный песок, переходный к культурному слою; *4* — культурный слой темносерого цвета, богатый находками; *5* — культурный слой светлосерого цвета, бедный находками; *6* — культурный слой интенсивно черного цвета, богатый находками; *7* — грунтовый слой красноватого цвета

находиться лишь к северу от канавы. Это и было доказано в 1940 г.

Раскоп I 1940 г. был, таким образом, для этой цели разбит к северу от раскопа III 1939 г. и представляет собою его непосредственное и органическое продолжение. Раскоп сначала был разбит в северную сторону двумя рядами квадратов по пять в ряду, площадью 4×4 м, а затем он пошел к северо-западу, причем в эту сторону было разбито по три квадрата к западу и по четыре к северу, а второй из рядов с юга удлинен к востоку на два квадрата. К крайнему северо-восточному квадрату была сделана привязка в полквадрата, т. е. в 8 кв. м. Площадь всего раскопа составила 312 кв. м. Всюду культурный слой носил очень странный характер. Кое-где он находился под обычным балластом толщиною от 0,20 м на востоке до 1 м на западе, т. е. от котловины выдувания к центру дюнного холма; та же картина наблюдалась от северо-востока к юго-западу. Вместе с культурным слоем на западе и юго-западе стенки раскопа имели до 3 м высоты. Картина культурных наслоений была столь нова и неожиданна, что нам придется, вопреки принятому для раскопов 1938, 1939, 1949 и 1950 гг., начать не с характеристики культурного слоя и его находок, а с характеристики обнаруженных здесь сооружений жилого характера. Исключительно только по разрезам удалось обнаружить два углубленных жилища или, вернее, две части одного. Из сопоставления профилей 1940 и 1939 гг. оказалось возможным отнести к одной из землянок несколько квадратов, а именно кв. 1, 2 и часть кв. 3, как и по дневниковым записям о более низком залегании культурного слоя в этих квадратах. Однако для обоих жилищ характерно одно общее явление в отношении культурного слоя, состоящее в следующем: слой этот в большей части не сплошь заполнял ладьевидное в разрезе углубление этих жилищ; под балластным песком он составлял довольно ровно поверху лежавшую прослойку, достигавшую 0,25—0,50 м толщины. Таким был слой над первым жилищем и значительною частью второго, в котором в двух западных рядах квадратов он достигал дна углубления. В остальных же частях второго жилища и повсюду в первом этот слой был отделен от нижнего культурного слоя прослойкою песка, частично смешанного с вещественными находками. Нижний культурный слой на всем протяжении, — и под этим песком, и там, где он сходился с верхним слоем, — отличался интенсивно черным цветом и имел мощность 0,20—0,25 м, и только к краям углублений утолщался до полуметра. Без труда при этом можно было установить одновременность верхней прослойки с нижнею по близкому сходству встречающихся в них вещей. Взаимная органическая связь обеих этих прослоек в жилых углублениях устанавливается не только их одновременностью, — они составляют между собою и конструктивное целое. В разрезах верхняя прослойка всегда ровно лежит над ладьевидным углублением и неизменно сближается или сливается с его поднимающимися краями. Условно называю эти жилища землянками.

Землянка № 1 — юго-восточная. При описанном выше порядке наслоений удалось обнаружить углубление, форма которого приближалась к четырехугольнику при слабо ладьевидном продольном разрезе. Жилище это было очень сильно разрушено. Его северный и восточный углы были совершенно уничтожены подходящей здесь к раскопу котловиною выдувания. Северо-западная и юго-западная границы определены лишь с относительной точностью по разрезам. Это жилое углубление было ориентировано длинною осью с северо-запада на юго-восток и имело в плане, вероятнее всего, подчетырехугольную форму. Наибольшая глубина была не в центре, а в 2—3 м от западного угла. Здесь прослеживалось подовальное интенсивно черное понижение дна, впрочем, органически продолжавшее дугу дна, где глубина (с верхним культурным слоем) достигала 1,40 м, а от его низа — всего 0,90 м. Никаких следов очага в землянке обнаружено не было, только в западном углу на дне тянулась в северо-западное жилище неправильная, до 1 м шириною, полоса древесных углей и золы, сливающаяся с очагом-ямою второго жилища.

Состав находок в этой землянке очень обычен. Это обломки амфор, в каждом квадрате в числе до 100, причем в верхних слоях их немного. Книзу их число у пола падает до 10—15, а то и меньше. Лепная посуда по большей части — в небольших обломках. Среди нее нет сколько-нибудь примечательной. Изредка попадаются камни. Найдены бронзовая трехлопастная стрела, пращевой

шар, кусок крицы, железное колечко неясного назначения, железный нож и втулочка железного копья, скорее — дротика. Ничтожными единицами попадались остатки металлургии: кусочек тигля с медной окисью, 4 кусочка медного шлака и кусочек железа.

Напомню, что в раскопе 1939 г., прямо за границею землянки, несколько обильнее найдены те же самые остатки. Отсюда с очевидностью следует, что между стеною этой землянки и внешним забором комплекса (канава 1939 г.) велись не очень интенсивные бронзолитейные работы.

Хронологическое определение землянки № 1 несколько облегчается двумя найденными здесь клеймами. Оба они, впрочем, найдены не на дне землянки. Первое из них, в верхней прослойке, — гераклейское (см. клеймо № 12, стр. 88) и второе, внизу землянки (см. клеймо № 22), — синопское. Первое найдено наверху культурного слоя, последнее — на 0,20 м выше дна землянки, но за ее западным углом (кв. 5). Думаю, по сопоставлению последнего со всей массою находок, что землянка принадлежит концу III в. до н. э.

Землянка № 2 (рис. 18, *б, в*) простиралась прямо на северо-запад от первой, начинаясь от нее на расстоянии 0,80—1 м. Сохранность ее границ еще хуже, чем первой; они также обнаруживались только в профилях и сохранились лишь в сторону землянки № 1. Границы уходили к северо-востоку в котловину выдувания, а в трех основных направлениях, особенно северном, они остались за пределами раскопа, стенки которого, возросшие до 2,5—3 м, далее увеличились бы до 5 м высоты. Недостаток рабочих рук и средств заставил нас прекратить эти раскопки, да и эта часть сооружения не позволяла надеяться на многое в отношении его сохранности. Таким образом, схема жилища оказалась не вполне ясной, и, пожалуй, дальнейшая его раскопка ничего не дала бы. То, что удалось вскрыть, позволяет думать, что землянка № 2 была ориентирована по длине с северо-запада на юго-восток, как и первая, хотя полной уверенности в этом нет. В таком случае ее длина превышала 20 м, а ширина была больше, по меньшей мере 12—14 м. Разрез ее достигал в западных квадратах 2,10 м от поверхности верхней культурной прослойки и 1,60—1,70 м от ее испода.

Жилище это распадалось на две части — юго-западную и северо-восточную. Первая из них представляла свободное от добавочных сооружений пространство, наполненное культурным слоем, вторая была занята распланированным при помощи канав помещением. Эти канавы располагались под нижнею культурною прослойкою на фоне желтого материкового песка. Ширина этих канав — от 0,30 до 0,50 м, глубина — от 0,20 до 0,40 м, а в разрезе они имели форму либо перевернутой трапеции, либо сегмента. Канавы обрамляли с севера восточную часть второй землянки и делили ее на ряд помещений. Юго-западная же часть этого углубления, еще менее расследованная, составляла как бы углубленное преддверие. С северо-западной и юго-западной сторон канавы сохранились полностью. Помещение это было четырехугольное. Сохранился южный угол с началом юго-восточной стенки. Длина этого помещения — 15,25 м, ширина его (с юго-запада на северо-восток) неясна, но не менее 12—13 м. Определить северо-восточную стенку не удалось, так как здесь культурный слой выходит в котловину выдувания. В длинной юго-западной стенке на треть ее длины от западного угла находится вход шириною немного больше 1 м с круглым углублением от косячного столба на западной стороне. Налево и направо от входа располагаются два узких, длинных помещения, правое из которых отделено двойною стеною. Оба эти помещения тянутся вдоль наружных стенок. Ширина левого из них — 3,50 м, ширина правого — 3,80 м. Наружный вход открывается в левое помещение. Из него же в правое, в северном углу последнего, есть проход 0,75 м шириной. Наружный угол правого помещения на юге имел канаву, наискось соединявшую прилежащие к нему канавы-стенки. В середине левого помещения от северо-западной стенки шла полукруглая канава, стянутая с северо-восточной стороны другой канавой, как хордою. Разрез на стенках квадратов показал, что эта дуга и соединение стенок южного угла правого помещения представляют собою наискось поставленные, вероятно состоявшие из бревен, контрфорсы. Хорда левого помещения делит его на два — более узкие — отделения.

Северо-восточная часть углубления составляет неполное четырехугольное помещение,

в котором канава, в свою очередь, отделяет неполностью северо-западный угол, где находился глинобитный очаг, ориентированный по длине с северо-запада на юго-восток и состоявший из докрасна прокаленного глиняного овального пода, местами закопченного, длиной 1,20 м, шириною 1 м, толщиною от 4 до 12 см. Юго-западная часть была покрыта опавшими на под комьями глины от свода. Восстановить его не удалось. Над очагом и далее к северу располагался в верхней культурной прослойке отчетливый четырехугольный просвет около 3,80 м длиною и 1,80 м шириною, как раз над очагом. Этот прорез был ориентирован по длине с запада на восток и со всех сторон, кроме восточной, очень отчетливо виден. Восточная сторона, хотя и прослеживалась вполне, но имела как бы смазанные, тусклые очертания. Создалось впечатление, что с этой стороны был спуск в землянку или прислонялась лестница для той же цели.

Северо-западная часть всего этого помещения отделена от левого и северо-восточного отделений глухими стенами-канавами и имеет вид узкого коридора, уходящего под северную стенку раскопа. Ширина его — 3,60 м, длина открытой раскопками части к северу — 5—6 м. Ко всему этому комплексу с северо-западной стороны, точнее — к левому от входа отделению, близко подходит четырехугольное помещение 4×3,25 м, ограниченное такими же канавками, не вполне сохранившимися с юго-западной стороны. Его южный угол имеет двойной контрфорс, как и угол главного помещения. Взаимосвязь этого отделения с главным очевидна, но непонятна. Все эти помещения, несомненно, делят нижнюю часть землянки на части, причем выходом наружу для людей и дыма служил просвет над очагом, а дверной проем в юго-западной стенке выводил в свободную от перегородок часть углубления, от которой открыто всего 48 кв. м.

В этой землянке мы находим, по крайней мере, два очага. Один, глинобитный, обогревал угловую северо-восточную комнату, а в юго-восточном углу (см. рис. 25, *в*, стр. 233) перед контрфорсом находилась четырехугольная яма, наполненная углями. Наряду с древесным углем, в ней было и довольно много костного угля. Размеры ямы — 1,30×1,30 м, глубина 0,15 м.

Находки во второй землянке отличались от содержимого первой тем, что, наряду с бытовыми остатками, здесь было много и следов металлургии. Керамические остатки — такие же, как и в землянке № 1, но всех их много больше. Одних только ножек амфор найдено 19. Число фрагментов местной посуды иногда исчисляется многими десятками. Максимальное количество всякой керамики и костей домашних животных находится в предпоследнем штыке, а в последнем и на полу землянки оно сильно падает. Металлических предметов было найдено немного, но они показательны своим бытовым характером. Здесь было 5 обычных железных ножей, 2 плоских железных гвоздя с характерной боковою плоскою шляпкою, 2 железных шила, 1 медный трехлопастной наконечник стрелы, 2 медные панцырные чешуйки, 3 пращевых камня, обломки шиферного мусата, круглый курант от зернотерки и т. п.

Очень велико было количество находок, относящихся к металлическому производству. Эти находки есть в большей части квадратов, но они располагаются преимущественно в той части углубления, где нет столбового сооружения, и в юго-западной передней части самого столбового сооружения (в двух узких коридорах); только немного их в самом начале большой северо-восточной комнаты с очагом.

Особенно много керамических шлаков (конечно, от глиняного горна) и железных шлаков, найденных в юго-западной части жилища, не разделенной на комнаты, и особенно в двух юго-западных квадратах. Медные шлаки всегда попадались в числе 3—4, железные — около 10 на квадрат; среди них имеется несколько с кусочками прикипевшего известнякового флюса. Во дворике (кв. 11 и 12) землянки обнаружены обломки стенки и дна небольшого горна с отверстием для сопла (табл. XIV, *4*, *5*), а также два сопла из глины (табл. XIV, *6*, *7*); около них — 6 кусочков кричного железа. В кв. 13, 16 и 18 (вне стен столбовой части землянки) найдены 3 своеобразные точилки из песчаника для стачивания литейных зазоров (табл. XX, *3*; № 89). В кв. 11 и 12 были найдены медный литок от наконечников стрел (табл. XV, *5*; № 69), в кв. 13 (в правом угловом очаге) — обломки небольшого полуцилиндрического, с круглым дном, тигля (табл. XIV, *3*), назначавшегося, несомненно, для расплавления бронзы, так как его

стенки внутри сплошь покрыты медною окисью. В кв. 14 был найден конец серпа (?) или металлургической пилки. В кв. 14 (левое помещение) и в кв. 21 (северо-восточная большая комната) были найдены три небольших кузнечных пробойника с сильно расклепанными верхушками (табл. XVI, *1—3;* № 110, 203, 206). Около одного из них находились кусочки кричного железа. Находки металлургического ремесла обнаружены были равномерно и в верхнем, и в нижнем культурных слоях и были втоптаны в пол. Надо думать, что все они одновременны землянке, но заполнили ее после разрушения.

По расположению глины от горнов и большинства шлаков видно, что эти работы производились за пределами столбового жилища в углубленном дворике, но мелкое литье и мелкие кузнечные работы, как свидетельствуют тигель и пробойники, выполнялись в самом жилище.

Время землянки № 2 грубо определяется общим обликом находок и несколько точнее — синопским клеймом (см. клеймо № 20, стр. 90), которое относится к середине или, скорее, к третьей четверти III в. до н. э. (270—230 гг. до н. э.). Оно найдено внизу верхней культурной прослойки. Одновременность обоих жилищ, таким образом, очень вероятна. Их тесное соседство позволяет думать, что они составляли одно целое в бытовом смысле. В землянке № 1 нет сложных перегородок и деления на комнаты, как во второй. Отличен и состав находок: это больше всего остатки сосудов. Повидимому, это было помещение служебного характера, может быть, зимняя кладовая, тем более, что в нем не было очага. Напротив, землянка № 2 разделялась на углубленный дворик, где сосредоточивались металлургические работы, и на жилую часть с делением на комнаты и с двумя очагами — ямным и глинобитным.

Из изложенных выше данных о верхней культурной прослойке обоих жилищ и ее несомненной конструктивной связи с нижней прослойкой, о сохранившемся у землянки № 2 просвете-люке для выхода наружу и об очагах в этой землянке, — я считаю возможным сделать только один вывод. Перед нами землянки: одна — жилая, другая — кладовая. Верхний культурный слой отложился на плоском потолке землянок или на полу стоявшей над ними постройки. Но это последнее мне кажется маловероятным. В настоящее время я считаю такое объяснение совершенно гадательным.

Раскоп II 1940 г. Он был разбит на западном склоне той же самой дюны, где и раскоп II в 1939 г., но прямо напротив — на противоположной стороне. Располагался этот раскоп по длине с запада на восток и состоял из шести квадратов, площадью каждый 4×4 м. На максимальной глубине 1,20 м раскопки прекращены — культурного слоя не было обнаружено. Всюду встречался один лишь чистый песок.

Раскоп III 1940 г. Этот раскоп состоял из двух рядов по 5 обычных (4×4 м) квадратов, расположенных с запада на восток и выходивших прямо к обрыву. Песчаный балласт рос от обрыва к востоку с 0,25 до 2 м при средней толщине 1,20 м. Мощность очень ровного культурного слоя почти всюду доходила до 1 м. На обычный квадрат культурного слоя вверху на штык приходятся полтора-два десятка амфорных и несколько местных черепков. Ниже число обломков амфор достигает на штык 100 и более, а местных лепных — до полусотни и более. В такой же прогрессии растет книзу и число костей животных. Всего найдено 32 ножки от амфор и два лощила из амфорных стенок. В кв. 3 северного ряда был найден очень интересный лепной сосуд, не имеющий повторений ни до, ни после его находки на Каменском городище. Его орнамент в виде нарезных высоких шестирядных зигзагов выглядит много оригинальнее остальной массы орнаментированных черепков (табл. III, *4*). Он стоял на поверхности подстилающего песка. Очень редки металлические орудия и цельные вещи: найдены всего *2* железных ножа, цилиндрическое свинцовое грузило или заготовка для пряслица, железный изогнутый стерженек, железный треугольный конец сверла (?; табл. I, *5;* № 283) и несколько кусков железных стерженьков и пластинок. Встречались также обломки точильных камней.

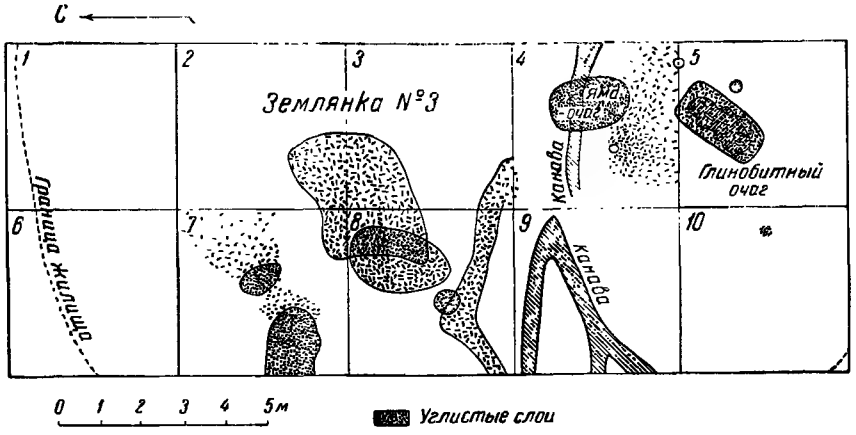
От металлургических работ остатки попадались повсеместно, но всегда это были одиночные железные, медные и керамические шлаки, кусочки железной руды или породы от нее, кусочки известняка, флюса (два) и кричного железа (один). Нигде не было никаких скоплений таких материалов. На исподе кв. 8 было обнаружено

небольшое скопление древесных углей. Едва ли здесь производились какие-либо металлургические работы, а скорее, сюда попали лишь их случайные отходы.

Никаких сооружений обнаружено не было, лишь в кв. 10 оказалась очень неправильной формы яма на материке длиной 2,25 м, шириной 1,45 м, глубиной 0,75 м. Назначение этой ямы неясно. На дне ее лежала ножка амфоры, а на ней — череп лошади. Обилие мусорных остатков (керамики, костей, камней) и мощность слоя говорят, скорее всего, за то, что мы имеем здесь дело с городской свалкой (об этом см. выше в главе, посвященной топографии городища). Датируется слой общей массой находок от V в. (целый сосуд) до III в. до н. э. (обломки амфор, особенно гераклейское клеймо; см. стр. 90, клеймо № 16).

Раскоп IV. В 350 м на запад от раскопа II, между ним и раскопом III был разбит раскоп IV. Здесь была произведена зачистка выхода культурного слоя в небольшой ложбинке. Песчаный балласт имел толщину от 0,10 до 0,90. Культурный слой серого цвета нигде не превышал 0,30 м. В нем местами чередовались илистые прослойки, может быть, от небольшого бывшего здесь в древности пересыхающего водоемчика. Находок было мало — до 90 фрагментов амфор, с десяток обломков лепных сосудов, несколько костей животных. Интересны металлургические отходы: кусочек медного пилака, кусок кричного железа и песчаниковая точилка. Время этой зачистки то же, что и культурного слоя всех кучугур; точнее датировать его не берусь.

Раскоп V (рис. 19, *а* и *б*). Этот раскоп был разбит к югу от раскопа I, в 200 м от него, где было замечено значительное обнажение культурного слоя с обломками керамики. Каждый квадрат — размером 4×4 м,



а

Профиль участка V по западной стенке кв 1-5

б

Рис. 19

а — план раскопа V (1940 г.); *б* — профиль западной его стенки (в кв. 1-5): *1* — слабо гумированный песок; *2* — желтый песок; *3* — культурный слой черного цвета; *4* — желтый песок; *5* — культурный слой серого цвета; *6* — желтый грунтовый песок; *7* — углистые прослойки

т. е. весь раскоп имел площадь 160 кв. м; по длине он располагался с севера на юг. Это дало основание предполагать, что культурный слой находится очень неглубоко от поверхности. На деле балласт имел очень разнородную глубину — от 0,15 до 1 м. Весь раскоп состоял из двух рядов квадратов, по 5 квадратов в ряд.

При вскрытии раскопа была открыта часть землянки № 3, совершенно такой же конструкции, как и в раскопе I. Сохранность ее была очень высокою. Средства экспедиции на этом иссякли. Было намечено закончить землянку в 1941 г., но вспыхнула война, и мы должы были отложить эту работу на неопределенное время. В 1944 г. на месте этого великолепного комплекса оказалось сооружение вроде большого окопа, которое нарушило совсем культурный слой. В раскопках же 1949 и 1950 гг. новых землянок мы более не обнаружили, если не считать разреза землянки на обрыве улицы Сталина в с. Каменке против дома № 23. Принимая во внимание особенности всего сооружения, я опишу сначала его остатки, а затем находки в нем.

Землянка № 3 (землянки № 1 и 2 см. в описании раскопа I, стр. 192 сл.) открыта по двойному культурному слою и его разрезам, как две первые. Верхний слой с очень горизонтальной поверхностью и волнистым исподом иногда соединен с нижним слоем воронкообразными карманами. Средняя мощность верхнего слоя — 0,25 м, но местами доходит даже до 1 м (северный конец). Под ним лежит желтый, почти стерильный песок; ниже первого слоя на 1,10—1,25 м идет очень темный культурный слой, имеющий максимальную глубину 0,10—0,25 м. От его испода до поверхности верхнего культурного слоя, таким образом, 1,75—2 м, но к северному и южному концам плоское дно землянки ладьевидно поднимается на слияние с верхним слоем. Нижний слой, несомненно, натоптан на полу, а верхний или отложился на потолке, или им было забросано углубление на месте завеянной песком ложбинки над землянкою. И в этом случае слой в ней, скорее всего, одновременен с землянкою и взят за ее краями. Впрочем, хронологическая близость обеих культурных прослоек подтверждается большим сходством найденных в них вещей. Часть границ землянки в двух северных квадратах на протяжении около 9 м и небольшой отрезок ее в юго-западном углу раскопа (кв. 10) позволяют предполагать овальное или округленное ее очертание, а не четырехугольное, как у землянки № 1. К западу землянка, несомненно, должна кончиться очень близко, но восточная часть ее совершенно неясна. С запада на восток протяженность землянки — около 20 м. Южный конец землянки был отгорожен поперек столбовою стеною-канавою с нишею, или контрфорсом на западе и небольшим — в 0,75 м — проемом между южною и северною частями жилища. Северная часть была свободна от стен, в ней было несколько небольших и неопределенной формы углистых ям и пятен. Самая углубленная середина жилища как будто должна находиться к востоку от вскрытой части. Едва ли, однако, жилище в целом было много больше. Площадь его вскрытой части — около 155 кв. м. Всего вероятнее, что жилище было подвальным и по длине тянулось с востока на запад. Об этом можно судить по продольным и поперечным разрезам.

Близко к южному концу жилища, уже в пределах его ограничения стеною-канавою, обнаружены два отопительных приспособления. Северное из них—яма овальной формы, ориентированная с севера на юг, с большим количеством угля (длиною 2 м, шириною 1,30 м, глубиною 0,30 м). Она перерезала канаву стены, очевидно, позднее занимавшую другое место. Прямо на юг от этого очага обнаружен глинобитный очаг, ориентированный с северо-запада на юго-восток (см. рис. 25, *г*, стр. 233). В плане он имел подчетырехугольную форму. Длина черного пятна коноти, покрывающего и окружающего его, равнялась 2,20 м, а ширина — 1,15 м. Сам же глинобитный очаг имел длину 1,80 м и ширину 0,80 м. Края его во многих местах обиты, а внутри имеются две большие лакуны. Поверхность обожжена дочерна; в разрезе он прожжен на 1—2 см. Толщина слоя глины — до 0,11—0,16 м. Глина во многих местах обожглась докрасна. Песок под очагом имеет черноватую окраску и включения углей. Глубина этого слоя — 0,26 м. Очаг лежал на материковом песке.

Содержимое обоих слоев одинаково. В верхнем культурном слое на каждый квадрат приходится до сотни обломков амфор и десяток-два фрагментов лепной

посуды и столько же костей. Распределение всего этого по толще слоя равномерно. Несколько меньше этих находок на полу землянки. Отмечу находку 29 ножек амфор, поддон килика (табл. VIII, *3;* № 404), несколько чернолаковых осколков и горлышко красноглиняного кувшина. Среди обильной местной лепной посуды есть много украшенной налепными заципными валиками и пальцевыми ямками. Остальной бытовой материал представлен 4 железными ножами, 4 четырехгранными железными шильями, небольшою железною петлею, костяною пластинкою от ножа, 2 коническими свинцовыми и 2 биконическими глиняными пряслицами, а также 3 пращевыми шариками.

В верхнем культурном слое найдено несколько десятков кусков железного и немного медного шлака, куски железной руды, большой кусок кричного железа (табл. XIV, *9—11*), куски меди, куски известнякового флюса, медный литок и точильные камни из песчаника.

В нижнем слое все это в меньших количествах встречается в северной, свободной части жилища.

Из такой стратиграфии явствует, что основные, — особенно кричные, — работы велись за стенами землянки, а внизу лишь немногие из них выполнялись в северной, нежилой половине, как мы отметили это и для землянки № 1. К этим же работам, может быть, относятся углистые пятна в северной половине жилища.

Уже набор обломков амфор в верхнем и нижнем слоях говорит за относительно раннее время этого жилища. Типичные бортики и ножки фасосских, гераклейских и амфор типа Зеленского кургана и «Солохи I» говорят за IV в. до н. э., особенно за его вторую половину. Но больше всего об этом свидетельствуют найденные клейма амфор. Гераклейское клеймо (см. клеймо № 11, стр. 88) выполнено узким шрифтом последней четверти IV в. до н. э. Синопское клеймо (клеймо № 21) с изображением орла, клюющего дельфина, по шрифту и стилю относится к середине IV в. до н. э. Наконец, — два фасосских клейма: одно — со стертою надписью и эмблемою в виде лиры, известной среди клейм конца IV в. до н. э. (клеймо № 6); другое — с изображением головы бородатого сатира справа, но надпись также стерта (клеймо № 2). Этот тип на клеймах Фасоса заимствован с лицевой стороны статеров того же острова, относящихся к 350—325 гг. до н. э. Все эти клейма, таким образом, совершенно одновременны и найдены в обоих слоях. Наконец, на упомянутом поддоне килика с испода выцарапано по кругу шрифтом конца IV в. до н. э. имя владельца Κερκίνου — имя, столь обычное в это время как раз у гераклеотов, судя по клеймам, и более нигде и никогда не встречавшееся. Таким образом, это жилище было обитаемо в середине IV в. до н. э. и до его конца или самого начала III в. до н. э., причем было по крайней мере один раз перепланировано.

Раскопки на валах Знаменского городка. Эти раскопки производились в двух пунктах (см. рис. 9*а* и 9*б*, стр. 48 и 50).

Участок 1 был выбран внутри плато, в 424 м от лимана. Он состоял из 10 квадратов по 2×2 м, пересекавших вал и ров и достигавших глубины 2,5 м. Данных этого вскрытия не повторяю: они подробно изложены в топографическом описании городища (см. выше). Кроме того, у подошвы вала с внутренней стороны было заложено два шурфа, показавшие отсутствие здесь культурного слоя.

Участок 2 был заложен на валу акрополя поперек него. Всего здесь вскрыто через вал и ров 8 квадратов по 2×2 м. Результаты этого вскрытия подробно изложены выше в топографическом описании городища.

4. Работы на Каменском городище в 1944 г.

В 1944 г. с 21 августа по 10 сентября группа из четырех студентов МГУ, под моим руководством, производила обследование состояния археологических памятников, после фашистского вторжения, в окрестностях Никополя и Каменки. В последней к нам присоединилась сотрудница Института археологии Академии наук УССР Е. Ф. Покровская.

23 и 24 августа была осмотрена знаменская часть Каменского городища, причем было обнаружено, что по всему берегу Конки вдоль обрыва тянется от гирл до Знаменской пристани окоп полного профиля. Больших повреждений окоп городищу не нанес. Остались почти без изменения и валы этой части городища.

8 и 9 сентября раскопали курганообразную насыпь очень неясных очертаний в 0,65 м высотою, справа от улицы Заря, против последней хаты во фруктовом саду колхоза «Колос». В насыпи обнаружены несколько мелких черепков от амфор и обломки человеческих костей, а также несколько мелких костей овцы. На горизонте — продолговатая яма, ориентированная с востока на запад. Длина ее — 2,10 м, ширина — 1 м, глубина — 0,55 м. Никаких признаков покойника и вещей на гладком лёссовом дне ямы не было обнаружено.

8 сентября сделали зачистку разреза вала на обрыве над лиманом в Знаменке. Вал имеет здесь на поверхности определенную форму, более пологую с внешней южной и более крутую с внутренней северной стороны. Вал слагается из лёсса сверху, сходящего на нет с внешней стороны вала и незаметно сливающегося со слоем поверхностного чернозема внутренней площадки городища. Толщина этого слоя — от 0,15 до 0,50 м. Ниже до материкового лёсса шла внутренняя черноземная насыпь, имеющая наибольшую толщину 1,75 м под современной вершиной вала. Ее поверхность в целом параллельна наружным его контурам. Высота вала от современного уровня почвы — 2,05 м (от края древнего рва — 2,30 м). Поперечник вала по древней подошве — около 8 м. Современная поверхность рва почти горизонтальна и образует впадину не более 0,20 м от окружающей поверхности. Ров заполнен равномерно серою смешанною землею. Его глубина от поверхности — 2,30 м, поперечник — 6,25 м. Вся эта работа производилась исключительно собственными силами участников экспедиции, без найма рабочей силы. Никаких находок в этой части вала не оказалось.

5. Работы на Каменском городище в 1945 г.

Раскопки в с. Знаменке на акрополе Каменского городища. В первый раз раскопки были нами начаты в 1940 г. на валах акрополя. Война их прервала до 1945 г. Однако, поскольку основной задачей сезона были раскопки курганов на Никопольстрое, намерение произвести раскопки пошире не удалось из-за малого количества работавших. Мы целиком обходились в этом случае лишь своими силами (4 аспиранта и 6 студентов).

Было разбито лишь два небольших раскопа, но и они заставили нас по-новому смотреть на стратиграфию и хронологию акрополя Каменского городища. Место для вскрытия было выбрано в 400 м от внешнего вала акрополя над самым береговым обрывом по сторонам от сильно оплывшей траншеи, оставшейся от сентябрьских дней 1941 г.

Раскоп I по линии север—юг состоял из 9 квадратов, площадью каждый 2×2 м. Культурный слой начинается прямо под травою. До 0,50 м глубины находок мало, и они сильно измельчены огородными и садовыми работами. Территория акрополя искони шла под виноградники, фруктовые деревья и огороды. С глубины 0,50 м находки возрастают в числе и их фрагменты становятся все более и более крупными. На глубине от 0,95 до 1 м начинается деградировавший древний чернозем, на поверхности которого находки прекращаются. В уцелевшей нижней части культурного слоя нет заметной разницы в качестве и временной принадлежности найденных предметов. Преобладают обломки стенок и других частей остродонных амфор эллинистической и римской эпох. Очень велико количество лепной местной посуды, по форме, примесям и орнаментике очень сходной с керамикой, встречавшейся на кучугурах. Во всем слое сверху донизу в ограниченном числе попадается черная и серая керамика, также по большей части лепная (табл. IX). Типы ее по первому впечатлению сходны с керамикой Корчеватовского могильника. Довольно часто встречались куски глиняной, сильно обожженной обмазки с примесью в тесте травы или соломы (кажется, какой-то вид Scirpus); эти находки нигде не образовывали скоплений или чего-нибудь цельного и одинаково встречались во всей толще культурного слоя. Поодиночке также встречаются рваные куски ракушечника небольших размеров. Удалось найти несколько обломков песчаниковых зернотерок. Попались два глиняных биконических пряслица обычной для кучугур формы. На глубине третьего штыка был найден один фрагмент чернолаковой мегарской чашки (рис. 12, *3*; № 75). Очень многочисленны кости домашних животных. В кв. 8 на глубине 0,35 м встретилась костяная

игла без ушка, вместо которого на толстом конце по сторонам сделаны две зарубки (табл. XIII, *12;* № 97). Почти по диагонали узкого и длинного раскопа располагались на расстоянии от 1 до 2 м 10 овальных ям длиною от 0,90 до 1,50 м, шириною в среднем 0,40—0,60 м, глубиною от поверхности древнего чернозема около 0,30 м. Прослеживались эти ямы очень ясно. Изредка в них попадались такие же находки, как и в культурном слое. В одной из ям стенки были сплошь обложены небольшими обломками рваного белого ракушечника. Эти ямы были заполнены серой, очень плотной землей. Разрез ям отчетливо полукруглый.

Раскоп II заложен к востоку от южного конца раскопа I, сейчас же за военною траншеею. Раскоп имел первоначально форму четырехугольника из 6 квадратов того же размера, расположенных попарно рядом. Он тянулся по линии с запада на восток. Затем к юго-восточному его углу был прибавлен в ряд с двумя первоначальными квадратами седьмой квадрат; потом к нему с запада для выяснения каменной кладки кв. 1 и 3 была сделана еще небольшая прирезка. Содержимое находок и характер слоя совершенно совпадают в раскопах I и II. Также и находки встречались, начиная с поверхности, и становились многочисленнее, крупнее (а кости— целее), начиная с глубины около 0,40 м. С этого уровня кончалась огородная перекопка. Древний подстилающий чернозем находился на несколько меньшей глубине, — всего около 0,70 м. Керамика ни качеством, ни количеством не отличается сколько-нибудь от керамики раскопа I. Отмечу только немногое. В кв. 4 на глубине 0,40 м найдено обычное биконическое пряслице. В кв. 3 на глубине 0,55 м встречен кусочек чернолакового сосуда (рис. 12, *2;* № 200), но тут же рядом — желобчатая ручка амфоры; на глубине 0,70 м — еще фрагмент чернолакового сосуда и биконическое пряслице (табл. X, *8;* № 179). Чернолаковый фрагмент найден также в кв. 5 на глубине 0,60 м. В кв. 6 найдены два фрагмента желобчатой амфоры позднеримского времени. Среди довольно редкой лощеной керамики, кроме серой и черной, есть еще светлокоричневая. Более всего простых и остроребериых черных и серых мисок. Лощеная керамика по большей части лепная, типов Корчеватовского могильника, но есть еще единичный фрагмент гончарной остроребериой миски черняховской формы. Единственный остаток металлургии — кусочек железного шлака.

Состав стада, судя по находкам костей, достаточно обычен. Однако к тому, что дает кучугурская фауна, следует присоединить кости двух особей благородного оленя и много костей очень крупных сомов. Это позволяет говорить об охоте и рыболовстве у населения акрополя. Неотчетливая стратиграфия не позволяет судить о том, являлись ли охота и рыболовство исконными для этого населения, или стали развиваться вновь в послекучугурское время. Хотя 1945 г. не дал нам остатков жилищ, но все-таки в раскопе встречены незначительные остатки бытовых сооружений. Так, в кв. 7 в трех местах до его южной стенки тянется ряд плоских кусков глиняной обожженной обмазки с примесью в массе травы и соломы. На обороте некоторых из них видны отчетливо параллельные отпечатки прямых жердочек в палец толщиною. Хотя куски эти разбиты и разбросаны, но у многих из них плоская поверхность обращена кверху. Совершенно очевидно, что это разбитая и сдвинутая глиняная площадка.

На дне прирезки «а», у стыка кв. 3 и 4, обнаружена плотно уложенная вымостка № 1 из обломков ракушечника и гранита до 0,25 м в поперечнике. Чаще камни лежали в один слой, а кое-где — в 2—3 слоя. Они образовали прямоугольник размером 0,90×1,10 м, но угол с юго-запада был совсем уничтожен недавнею ямою от фруктового дерева, в которой еще сохранилось довольно много сгнивших корней.

С ямами из раскопа I этими данными исчерпываются полностью наши сведения о строительных приемах и материалах в акрополе.

Разведки. В 1945 г. лишь в конце сезона мы смогли обойти в течение двух дней южную часть кучугур и западный берег Конки и гирл. На этом берегу от самого моста через гирла до впадения в Конку Форштатки по всему невысокому (от 2 до 5 м) крутому склону к долине гирл образовался вертикальный срез, на котором отчетливо под небольшим слоем поверхностного песка виден черный культурный слой с обычным для кучугур керамическим инвентарем. Толщина этого слоя — от 0,35 до 0,60 м. Но в об-

щем он кажется на взгляд довольно ровным [1].

При обходе песков было поднято много фрагментов посуды, особенно амфор. При этом же обходе в том месте, где от шоссе Знаменка—Каменка отходит через кучугуры грунтовая дорога к днепровской Каменской пристани, с восточной стороны этой дороги (близко и к ней и к шоссе) было обнаружено погребение подростка (коренные зубы, молочные, готовые к смене). Здесь были найдены шесть коронок зубов в ряд, за головою — два обломка железного ножика и три сильно окисленных кружка какого-то железного предмета, а приблизительно в том месте, где могло располагаться левое бедро,— пучок стрел остриями к лиману из 11 полных и 2 неполных бронзовых втульчатых трехлопастных наконечников. Из этих данных можно предположить со значительной долей вероятия, что ребенок лежал головою на северо-запад, на спине.

6. Работы на Каменском городище в 1946 г.

1946 г. был третьим годом работ на Каменке после изгнания нацистских оккупантов. Как и в предыдущие годы, работа на Каменке проводилась экспедицией после раскопок курганов под Никополем. На этот раз были поставлены следующие цели: 1) вскрыть один из курганов на незаселенной части (см. отчет 1940 г. и главу о топографии Каменского городища) Знаменского городка; 2) продолжить раскопки на акрополе, начатые в 1945 г. Обе эти задачи осуществлены, хотя и в очень скромных размерах.

Курган, раскопанный на Знаменском городке, конечно, один из тех, о которых Падалка пишет, что они в большом числе находятся на территории Знаменского городка [2]. В настоящее время этих курганов сохранилось очень немного. Шесть таких курганов разбросано на пространстве около полугектара у самого выхода части городищенского вала к Белозерскому лиману между надозерным обрывом и пересечением вала улицею Заря. Они почти совершенно распаханы.

В середине находящегося здесь поля стоят рядом два относительно уже не так сильно испорченных кургана. Один из них и был раскопан в 1946 г. Намечен он был для этой цели еще в 1940 г. Вскрытие такого кургана представлялось важным для топографии городища, поскольку курган находился на его части, не заселенной в скифское время, между акрополем и заселенными тогда ремесленным людом кучугурами. Эти курганы могли или предшествовать основанию города, или быть насыпанными после его гибели.

Курган был овальным в плане. Его высота над уровнем горизонта — 0,80 м. Диаметр с севера на юг — 18 м, с запада на восток — 16 м. При вскрытии насыпи было обнаружено свыше 160 отдельных находок, густо расположенных на площади раскопа, и в то же время по существу своему очень однообразных. Большая часть этих находок найдена вблизи от центра в западной части насыпи над древним горизонтом. Они состоят в основном из обломков остродонной амфоры очень редкого типа, относящейся ко II в. до н. э., многих обломков грубых лепных сосудов, 3 фрагментов черного лепного лощеного сосуда. Кроме того, над могильной ямой были найдены части небольшой медной фибулы одного из среднелатенских типов и очень своеобразный четырехгранный втульчатый наконечник стрелы из бронзы (второго такого я не знаю). Вокруг могильной ямы, кроме перечисленной посуды, были найдены обломки костей, частью человеческих, частью животных. Что в посуде и костях животных нужно в основном видеть остатки тризны, очевидно по их расположению по всей насыпи. Металлические же вещи могут происходить и из могильной ямы, оказавшейся ограбленной, хотя прямых доказательств этого нет, если не считать того, что они найдены над самою входною ямою катакомбы. Это, вероятнее всего, соответствует выкинутой из могилы земле, снова осыпавшейся над заплывшею ямою грабителей. К востоку от могилы встречен простой медный перстень, спирально завитый, и кусок черепной крышки; оба, надо думать,— тоже в пределах ямы грабителей.

На горизонте к юго-западу от входной ямы в катакомбу был обнаружен лессовый, очень неинтенсивный выкид, обнимающий центр кургана полукольцом. Высота его над горизонтом — до 0,35 м. Все это давало кар-

[1] Этот ровный слой нас заинтересовал тогда же. В 1952 г., в связи с предстоящим затоплением этой части кучугур, П. Д. Либеров, по моему указанию, сосредоточил раскопки именно здесь.

[2] См. библиографию — приложение 2.

тину, донельзя сходную с тем, что обычно наблюдалось нами в скифских курганах под Никополем. Сообразно с расположением выкида входная яма в катакомбу оказалась к западу от центра кургана, а сама катакомба — к востоку от входной ямы.

Погребение находилось в катакомбе. Овальная входная яма была ориентирована с северо-востока на юго-запад. Длина ее — 2,67 м, ширина — 1,70 м, глубина от горизонта — 2,20 м. В ней было два материковых продольных уступа, оба шириною по 0,30 м по северо-восточной и юго-западной стенкам, а по северо-западной стенке покато шел к устью катакомбы третий поперечный уступ, шириною 0,40 м. Устье и часть свода над катакомбою обрушились. Катакомба близка в плане к овалу, ориентирована с северо-запада на юго-восток, т. е. является по длине прямым продолжением входной ямы. Дно ее покато к юго-восточному концу. Длина ее — 3 м, ширина — 1,75 м, глубина от горизонта — 2,20 м. У устья много древесного тлена, вероятно, от загородки. В заполнении входной ямы катакомбы, попавшем в нее при обвале свода, находились в небольшом количестве черепки амфор и местной лепной посуды, железный ножик, отдельные человеческие, конские и бараньи кости. Катакомба содержала двух покойников, положение которых было нарушено грабителями полностью. Все же по покатости дна единственно возможным является предположение, что покойники лежали головами к северо-западу, т. е. к устью катакомбы и входной ямы. Комплекс вещей не вызывает сомнения в хронологическом определении кургана. Фрагменты позднеэллинистической амфоры, лепная посуда, совпадающая с находками и в акрополе, и на кучугурах, лощеная посуда и бронзовая фибула безошибочно говорят за II век до н. э. (о топографическом значении этого кургана см. в соответствующей главе). Этот курган важен еще и потому, что он представляет один из типов катакомб, обычных для IV—III вв. до н. э. и тем самым говорит о продолжении местных погребальных традиций.

Раскопки на акрополе велись над обрывом Конки. Здесь был разбит раскоп в 205 м от внешнего вала акрополя вверх по Конке. Он представляет собою выемку из двух рядов квадратов, по 3 квадрата в ряд, как обычно, по 4×4 м каждый. Как и в 1945 г., раскоп разбит на огороде и начинается вглубь плато от идущего вдоль обрыва окопа 1941 г. Культурный слой начинается в черноземе на глубине около 0,20 м; выше этого слоя находки единичны и состоят из сильно измельченных огородною перекопкою обломков амфор, лепной посуды, глиняной обмазки, мелких обломков ракушечника и костей животных. Постепенно возрастая, такого рода находки особенно многочисленны от 0,60—0,80 м глубины и несколько уменьшаются на глубине 1 м, где культурный слой лежит на слое сухого желтоватого, сильно деградировавшего чернозема. Число обломков амфор доходит до 250 на квадрат, лепной посуды (в том числе лощеной) — до нескольких десятков, костей — до 150. Последние намного сохраннее, чем на кучугурской части. В целом, таким образом, культурный слой вверху испорчен более чем столетними огородами и фруктовыми садовыми посадками. Замеченная малочисленность находок между 0,20 и 0,40 м глубины и их измельченность позволяют считать почти несомненным, что до начала сельскохозяйственной обработки в акрополе (т. е. свыше 100 лет тому назад) культурный слой начинался не от современной нам дневной поверхности, а в промежутке от 0,20 до 0,40 м глубины, и фрагменты вещей попали выше этого уровня — и иногда на самую дневную поверхность — только в результате обработки почвы. При продолжении работ в наши дни эти верхние штыки непрерывно перевертываются, а предметы древности дробятся. Ниже этого уровня вещи не так уже измельчены. Однако в промежутке от 0,40 до 1 м глубины культурный слой был когда-то нарушен. Наиболее сохранные кв. 1, 2, 5 и 6 сберегли до нас кое-какую последовательность слоев. Действительно, в них краснолаковые черепки и обломки желобчатых амфор найдены, как и лощеная посуда, в среднем на глубине от 0,40 до 0,60—0,70 м. Но, с другой стороны, черепки амфор и лепной посуды IV—III вв. до н. э., т. е. времени заселенности кучугур, попадаются иногда в верхних слоях наряду с поздними, а поздние вещи (лощеная посуда) находятся в кв. 2 в самом низу слоя.

Сколько-нибудь заметных вещей среди находок не было, если не считать половины биконического пряслица и костяной пластинки от ручки ножа (табл. XV, *15*; № 354). Эта последняя вместе с довольно многочислен-

ными костями и рогом, носящими следы распилов, зарубок и расколов, указывает на достаточно широкое распространение костерезного дела. Об этом говорят также находка в 1945 г. на акрополе костяной иглы для сшивки грубых тканей (табл. XIII, *12*; № 97) и находки остатков костерезной мастерской в раскопе VII 1949 г.

До 1946 г. ни в раскопках, ни среди подъемного материала на акрополе не наблюдалось остатков металлургии. В 1946 г. здесь были встречены кусок породы от железной руды и маленький кусочек кричного железа. Эти вещи найдены в слое с остатками краснолаковой посуды и поздних амфор. Может быть, железная индустрия возникла на акрополе в то время, когда ремесленники на кучугурах кончили свою работу и поселение это перестало существовать.

Наличие рыболовства, даже может быть и в раннюю эпоху существования акрополя, было доказано находками крупных костей сома в 1945 г. В 1946 г. костей рыб не было найдено, но зато в числе вещей есть типичное позднеэллинистическое плосковатое, пирамидальное грузило для сетей (глина). Охота попрежнему отражена слабо, но все же к известным с 1945 г. промысловым животным можно теперь присоединить бобра (по Цалкину, 1 кость — 1 особь).

Заведомых находок IV—III вв. до н. э., т. е. кучугурского времени, здесь немного, но в результате тщательного изучения керамики (и амфор, и лепной местной) мы вправе говорить о том, что их все же не меньше, чем относящихся к более поздним векам. Сюда же относится и небольшой черепок черполакового сосуда. Ко II в. до н. э. и следующим векам,— может быть, до II в. н. э.,— принадлежат довольно многочисленные обломки черепков — лощеных, черных и желтоватых, но все же выполненных лепной техникой,— от сосудов типа Зарубинецкого и Корчеватовского могильников. К этому же времени относятся немногочисленные фрагменты красного лака и эллинистические, и раннеримские. Несколько позднее обломки желобчатых амфор III в. до н. э., немногочисленные, но все же достаточно заметные в верхних штыках.

В раскопе 1946 г. встречены две кучи покрытого обломками известняка, довольно много кусков глиняной обмазки со следами прутьев на обороте, с очень обильной примесью изрубленных стеблей, листьев и частей соцветий какого-то вида Scirpus (камыш). Все они сильно обожжены, иногда закопчены. В одном случае ими была битком набита грунтовая яма. На кучугурах эта обмазка не встречалась нигде; здесь же она была обнаружена с самого низу доверху без каких бы то ни было типологических и структурных изменений. Встречены были и обломки строительных камней в виде очень неправильных, плохо обработанных плит.

Из отдельных явлений, зарегистрированных во время раскопок, можно отметить прежде всего сохранившийся в кв. 1 in situ горшок в обломках, собранный при реставрации почти наполовину. Он имел типичные черты кучугурского времени в фактуре, примесях и ямочном орнаменте по плечику. Он лежал на самом исподе культурного слоя и хорошо демонстрирует, что жизнь в акрополе началась тогда же, когда и на кучугурах.

В кв. 2 яма № 1 в юго-западном углу, на фоне древнего горизонта, как оказалось, содержала погребение № 1. Яма была правильной четырехугольной формы, располагалась по длине с севера на юг и имела длину 1,65 м, ширину 1,35 м. Выше древнего горизонта яму проследить не удалось. Костяк маленького ребенка лежал в ней на глубине 1,15 м, т. е. не на дне ямы, вытянуто на спине, головою на юго-восток, т. е. по диагонали ямы. Сохранились очень плохо череп и частично ноги, по которым о погребении покойника можно судить с полной уверенностью. Глубина ямы доходила до 1,60 м. В ней и выше костяка, и ниже попадался обычный состав находок в очень малом числе. К ним же, а не к сопровождающему покойника инвентарю, которого не было совсем, относится, вероятно, и обнаруженный около шеи фрагмент черполакового сосудика. По расположению костяка много выше дна нужно думать, что хотя яма и не была выкопана специально для этого покойника, но или была использована для него по правильности формы, или приправлена по краям и углам для этой цели. Дно при этом было выложено камнем, и сделана подсыпка из земли.

В том же квадрате была еще яма № 2, ниже на фоне материка, но крайне неясная по очертаниям; яма эта достигала глубины 1,60 м от дневной поверхности и была заполнена керамикою и другими изделиями —

вплоть до самых поздних в этом слое вообще.

В северо-восточном углу кв. 3 на фоне материкового лесса было обнаружено пятно ямы № 3. Она имела длину с востока на запад 1,55 м, ширину с севера на юг — 1,45 м, глубину — 1,35 м от дневной поверхности. Яма была сплошь наполнена обломками глиняной обожженной обмазки описанного выше характера. Среди этих обломков попались еще несколько угольков, обожженных костей и обломков лощеной посуды корчеватовских типов. Несмотря на довольно специфический характер сопровождающих находок, эта яма никак не может быть сочтена за очаг; ее стена и дно совершенно не обожжены. Скорее всего, она была выкопана для сброса остатков какого-то бытового сооружения, построенного с применением упомянутой обмазки.

Найденная среди этих обломков лощеная лепная керамика позволяет отнести эту яму ко времени распространения керамики корчеватовских типов.

* * *

На кучугурах был заложен небольшой раскоп в 6 м к западу от края выемки раскопа V 1940 г. Эта выемка была изуродована каким-то военным сооружением. Новый раскоп состоял из 4 квадратов, располагался с севера на юг. Величина каждого квадрата обычная. Культурный слой очень низкой сохранности имеет в общем около 0,35 м толщины, перемешан с песком и на глубине 0,50 м переходит в чистый песок.

К югу (кв. 3 и 4) культурный слой равняется не более, чем 0,10—0,20 м и уже с этой глубины замещается чистым песком. Низкая сохранность культурного слоя здесь столь очевидна, что от расширения раскопа мы отказались. Найдено свыше 250 обломков эллинистических амфор, около 40 черепков лепной посуды и фрагмент чернолакового сосуда с краснофигурною пальметкою (рис. 12, *1*; № 453). Здесь же был найден и небольшой кусок кричного железа.

Разведки 1946 г. производились в окрестностях Каменского городища и лишь в небольшой степени внутри валов. Вокруг Белозерского лимана было найдено 4 селища разного времени и одно селище на Конке у Знаменской пристани. Здесь я не останавливаюсь на этих селищах, они описаны выше достаточно подробно.

7. Раскопки и разведки на Каменском городище в 1949 и 1950 гг.

Раскопки 1949 г. должны были расширить сведения о восточной части городища, на которой с 1938 г. мы не производили никаких изысканий, если не считать отдельных сборов подъемного материала (см. отчеты 1939, 1940, 1945 и 1946 гг.). Поэтому они сосредоточились в северо-восточной части Каменских кучугур, где еще довольно много задернованных частей этой песчаной местности.

Юго-восточная часть по большей части развеяна и даже занята в значительной мере удачными лесными посадками сосны и шелюги, остановившими здесь движение песков и хорошо принявшимися.

Не всегда заранее можно было предугадать сохранность культурного слоя в том или ином месте. Слой то оказывался более или менее развеянным еще в древности, то в данном месте не обещал ничего сколько-нибудь существенного. В результате такого положения вещей оказались за сезон 1949 г. заложенными 10 раскопов в разных местах северо-восточного сектора Каменских кучугур; в некоторых из них были обнаружены существенные остатки жилищ, кое-где отчетливые и интересные следы деятельности древних металлургов. В двух раскопах — IX и X к моменту, когда исчерпались назначенные на раскопки средства, оказались незаконченными исследованием обнаруженные там остатки жилищ. Оба эти раскопа были продолжены под теми же самыми номерами в сезон 1950 г. Раскоп IX оказался основным и дал единственный в своем роде на этом городище комплекс сооружений, жилых, ремесленных и, может быть, даже одно культовое.

Ниже даны краткие отчетные описания отдельных раскопов в порядке их номеров, причем раскопы IX и X охарактеризованы за 1949 и 1950 гг. сразу, поскольку полностью каждый из них может быть понят лишь в свете раскопок 1950 г. Всего за месяц работ в 1949 г. вскрыто около 2000 кв. м, а в 1950 г. за 3 недели — около 1500 кв. м. Тонкий культурный слой при постоянном количестве

25—28 землекопов, при 4—5 научных работниках, дал весьма однообразные показатели интенсивности работы. Особенно успешно работали основные начальники раскопов П. Д. Либеров и А. И. Мелюкова. Весьма энергичную помощь оказали студенты-практиканты из МГУ — в 1949 г. В. П. Берестов, В. В. Седов, А. А. Формозов и В. Л. Янин (последний, по существу, являлся начальником раскопа, так как В. Ф. Пешанов, сотрудник Запорожского музея, еще не обладал в этом направлении сколько-нибудь достаточным опытом); в 1950 г. отмечу лишь работу т. Гришина. Он отказался от заманчивого участия в разведках и остался по окончании срока практики насколько возможно дольше, так как видел ряд организационных трудностей и неизменно помогал перегруженному работой персоналу. Мною осуществлялось общее руководство и всею экспедициею в целом, и специально проведением работы на Каменском городище.

Разведки по городищу в широком масштабе производились в 1949 г. Поскольку они достигли намеченных целей, в 1950 г. мы ограничивались только случайным сбором подъемного материала. Основные цели разведок заключались в проверке и окончательном установлении сделанных на основании сборов и раскопок выводов о том, что это городище целиком занято остатками скифской культуры IV—III вв. до н. э. и что примеси более ранних и более поздних культур или ограничиваются небольшими пространствами, или случайны. Одновременно находки разных культурных эпох были нанесены условными знаками на общую карту городища, а вышеуказанные выводы полностью подтвердились. Кроме того, были произведены и закончены разведки по уточнению направления и сохранности северного конца вала городища между ул. Ленина и обрывом над Конкою в с. Каменке. На кучугурах обследован остаток вала русской крепости XVIII в.

Составление планов обоих валов и нанесение их на общий план городища были выполнены старшим лаборантом кабинета археологии Исторического факультета МГУ М. Н. Кисловым.

Важнейшими данными, полученными в результате раскопок, являются следующие: 1) обширный раскоп V, площадью 160 кв. м, дал очень много остатков металлургии и позволил вместе с раскопом X установить новый, вероятно, господствующий тип овального жилища, описанный подробнее в общей части настоящей работы; 2) на втором к юго-западу от сенозаготовительного пункта холме закладка раскопа IX показала все своеобразие находок (серпы, исключительное изобилие шлаков, начало какого-то своеобразного жилища) и дала возможность подозревать хорошую сохранность культурного слоя на всем пространстве этого холмика.

Эти данные позволили развернуть раскоп IX в 1950 г. до площади 1664 кв. м и принесли исключительно много остатков земледелия и металлургии, а также много металлических вещей, иногда очень большой важности. Этот раскоп оказался главнейшим и самым большим из всех раскопов за все время.

Во всех раскопах обнаружилось особенно много данных по деталям устройства жилищ и по металлургии. И то, и другое читатель найдет в соответствующих отделах общей части настоящей работы. Из отдельных находок следует отметить кузнечные зубильца и пробойнички для фигурных и мелких кузнечных работ, а также своеобразный молотпуансон (табл. XVII, *7*), назначенный, может быть, для штамповки панцырных чешуек, и точильный песчаниковый брусок длиною 0,45 м (табл. XX, *2*; № 340). Литейное дело представлено каплями меди, медными литейными шлаками, бронзовыми, медными, свинцовыми изделиями, и даже одним серебряным. Из таких вещей отмечу конец бронзового псалия в виде сильно стилизованной ноги копытного (рис. 13, *1*), край бронзового котла и серебряную бракованную головку орла (рис. 13, *2*). Есть также и обычные наконечники бронзовых стрел, и типичные свинцовые пряслица.

Очень интересны остатки в мастерской ножей в раскопе VIII. Они состоят из нескольких кусков кости в разных стадиях обработки и двух бракованных ручек ножей.

Поблизости от них была обнаружена заготовка клинка ножа (табл. XV, *7—14*), уже откованная в надлежащем виде, но без заточки лезвия и без отверстий для заклепок; со стороны прикрепления ручки хорошо видно, как эта вещь была отрублена от полосы металла небольшим зубильцем. Такая же

заготовка была найдена в соседнем раскопе V.

Вообще в 1949 г. обнаружено более 100 экземпляров металлических вещей самого разнообразного назначения. Помимо упомянутых инструментов и многочисленных ножей и шильев обычных типов, встречены возможно, лезвие от топора (табл. I, *1*); иглы различной формы и назначения, одна длиною 16,4 см (табл. XIII, *10*); целый прямой псалий с двумя отверстиями (табл. XIX, *2*); конец такого же С-образного псалия; половинка обычных для указанного времени скифских удил; множество костылей, гвоздей и шипов, разных скоб и скрепок, а также узкая подоска от колеса повозки (табл. XIX, *10*). Подобная вещь до сих пор была найдена только однажды в раскопе II 1939 г. В области керамики, хотя и не в очень большом числе, также оказались новые данные, а именно: два почти полных с высоким горлом, небольших кубка (табл. III, *3* и *5*), помимо специфического назначения, дающих возможность установить одну из форм крупных сосудов; найдена ручка глиняного котла (табл. V, *3*), по форме точно соответствующая ручкам медных котлов; попалось несколько обломков глиняных крышек (явление на кучугурах вообще довольно обычное), среди них оказался один обломок очень большой крышки с ручкою-ушком, под которою находилось вертикальное отверстие внутрь сосуда (табл. V, *5*; № 1322).

Греческая посуда представлена всего одним обломочком черного лака и многочисленными формами позднеклассических и раннеэллинистических амфор, среди которых имеется несколько полых, до самого низа острых ножек.

Встречено в разных местах три синопских клейма второй половины III в. и начала II в. до н. э., два клейма Гераклеи Понтийской, почти неразборчивые, и два клейма неизвестного центра в виде одиночных букв. Состав клейм, таким образом, не отличается от обычного.

До этого года не было никаких серьезных данных о земледелии насельников Каменского городища, если не считать весьма обычных на нем каменных зернотерок. Такие находки встречены и теперь, но, кроме того, были найдены еще два весьма оригинальных серпа, а также отпечатки ячменных зерен на стенках двух сосудов: в одном из них, рядом с отпечатком, заключалось еще обгоревшее при обжиге зерно того же злака. Это дало впервые возможность в какой-то мере судить о местном земледелии.

В хронологическом отношении важна находка в соседстве с раскопом V (в одном из выдувов) медной монеты конца царствования Александра Великого с головой Геракла на лицевой стороне и изображением лука в горите на оборотной стороне (табл. VIII, *5*). Попрежнему и в 1949 г. весь раскопочный и подъемный материал говорит исключительно о IV—III вв. до н. э.

В двух пунктах кучугур были обнаружены остатки погребений. Одно из них — детское, под обломками сосуда (см. ниже, в описании раскопа VI). В северном конце городища развеянные остатки двух погребений взрослых хронологически не определились. Наконец, у самого конца городищенского вала над Конкою, с внешней стороны его, были обнаружены в обрыве остатки грунтовых трупоположений. И в 1949 г., и в 1950 г. огород на территории могильника не позволил подвергнуть его раскопкам.

Разведки в 1949 г. вкратце описаны мною в этом вступлении выше. В дополнение можно указать только на случайное обнаружение (в обрыве кладбища на улице Сталина) разреза землянки, очень типичного и по-своему важного. В общей части настоящего исследования мы отводим этому разрезу достаточно места там, где описываем данную форму жилища.

Остановимся на результатах работ 1950 г.

Здесь особенно важен раскоп IX. Из его подробного описания, приведенного ниже, будет совершенно ясно, что это еще не наблюдавшийся до сих пор комплекс из 5 построек и огромных бытовых ям, переживший два строительных этапа и захиревший на третьем, когда на этом месте продолжалась только деятельность металлургов. В этой последней особенно представлен огромный размах сыродутного процесса. Новостью являются литье в каменных формах, несомненность штамповки на Каменских кучугурах чешуйчатых панцырей и изготовление фибул и булавок.

В 1949 г. был установлен тип овальных в плане жилищ. Теперь установлен, как не менее обычный, тип двух-трехкомнатного жилища, ориентированного то по меридиану, то широтно, с обязательною глухою север-

ною стеною и выходом или выходами (при широтном расположении) на юг. С жилищем раскопа II 1939 г. этих жилищ теперь четыре, причем три из них—в раскопе IX. Эти жилища явно зимние по наличию в них глинобитных очагов, хотя и небольших, по одному в главной комнате. Обнаружены, наконец, столбы-опоры двускатных крыш; коньки их всех шли по меридиану.

Особенностью является постройка № 3, четырехугольная в плане, состоящая из двух отделений — северного и южного. В южном оказался первый на городище зольник, окруженный двойною оградкою, а в северном—глинобитный очаг, может быть, алтарь. Мы склонны видеть здесь храмик богини домашнего очага Гестии. Никаких бытовых или производственных функций это сооруженьице явно не имело.

Наиболее интересные находки отмечены в описании каждого раскопа. Здесь упомяну только еще раз о важнейшей из всех находок — 6 серпах, обнаруженных все в том же раскопе IX (см. рис. 14, стр. 141).

Раскоп I

Раскоп I (рис. 20) был разбит на западном склоне песчаного холма, находящегося к западу-северо-западу от кладбища в 500 м. Раскопками руководила А. И. Мелюкова. Он был разбит с севера на юг в числе 5 квадратов по 4×4 м, затем расширен параллельным рядом из такого же числа равных квадратов к востоку и позднее еще 3 квадратами в юго-восточной стороне и одним — в юго-западной. Почти на всей площади раскопа, равной 224 кв. м, наслоения одинаковы, кроме юго-западных кв. 6 и 8. Повсеместно сверху залегал чистый песок, на 0,40—0,60 м толщины, а ниже — песок темного, иногда интенсивно-черного цвета до глубины 0,90—1,15 м (большею частью 0,90 м), т. е. мощность слоя составляла 0,50—0,70 м. Количество находок растет книзу, главное в них—обломки амфор и относительно немного лепной посуды; это разные типы амфор IV—III вв. до н. э. Среди них в кв. 1 на глубине 0,75 м и в кв. 4 на той же глубине встречены два гераклейских клейма (№ 14 и 15, см. оба на стр. 90); оба они относятся к концу IV в. до н. э. Как и бывало, фрагменты амфор частью использованы для разных целей. Так, на глубине 0,75 м в кв. 2 были найдены точилка из амфорной ручки и обломок такой же стенки с круглым отверстием; вероятно, амфора в быту была подвергнута чинке. Еще был найден кружок из амфорной стенки. Из других предметов отмечу пращевые камни и кусочек медной цепочки. В кв. 13 были найдены обломки двух железных ножей. В кв. 4 сохранились три врытые

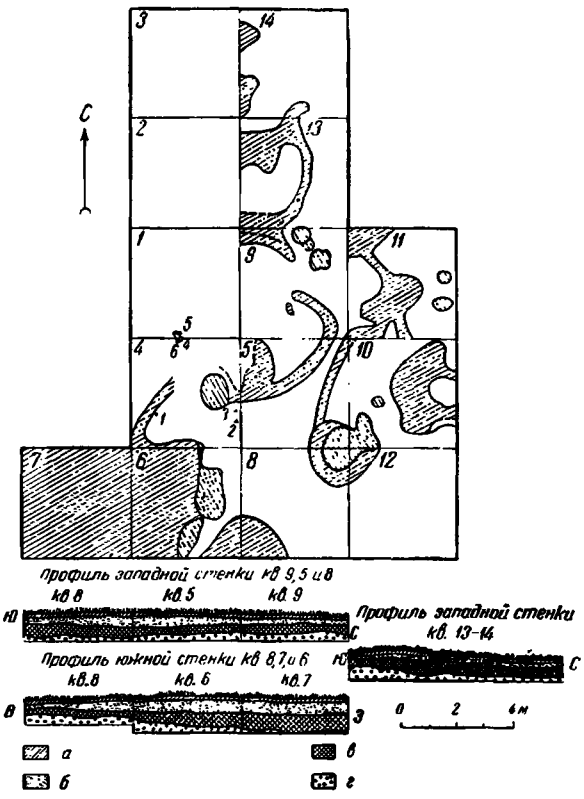


Рис. 20. Раскоп I (1949 г.)

1, 2, 3 — амфорные ножки, вкопанные в землю; *4* — раздавленная амфора; *5* — три зуба; *6* лепной сосудик; *а* — дерн; *б* — песок; *в* — культурный слой; *г* — грунтовый песок

в землю ножки амфор обычных типов IV—III вв. до н. э. Одна из них, гераклейская, сохранилась рядом с ножкою в больших кусках и раздавила при падении узкогорлый сосудик, повидимому, служивший кубком (табл. III, *3*).

В западной половине кв. 6 и в кв. 7, занимая последний полностью и уходя под его стенки, имеется понижение культурного слоя, — может быть, мусорная яма. Подошва культурного слоя находится здесь на глубине 1,35 м, т. е. он достигает мощности

около 1 м, на 0,30 м ниже других мест. С глубины 0,90 м яма очень насыщена культурными остатками, среди них особенно много костей домашних животных. С глубины 1,15 м к дну число находок в этой яме резко уменьшается. Более всего их между 0,60 и 0,80 м. Здесь встречено около 200 фрагментов амфор и свыше 260 обломков костей. Между прочими вещами найден обломок каменной зернотерки.

Остатки жилищ в раскопе I. В кв. 4, 5 и 9 обнаружена небольшая часть, вероятно, яйцевидного жилища, стенки которого сохранились в виде канавок; оно по длине расположено с юго-запада на северо-восток (длина — 5 м). Юго-западная и северо-восточная стенки не сохранились. Форма восстанавливается по жилищам раскопов V и IX. В северо-восточном конце (кв. 9) — дверной проем, около которого ширина жилища достигает 5 м. Концы проема находятся, вероятно, на длинной оси помещения, но концы составляющих его стен не лежат прямо друг против друга, а северная из них немного ближе на северо-восток. Ширина проема — 1,05 м. Концы стенок, охватывающих проем, округлены, т. е. проем имел по сторонам столбы. К северу, в кв. 13, к этому центральному помещению примыкает второе, очерченное канавой, выгнутой к востоку. Оно обрывается на границе кв. 2 и 13, причем северная часть стенок совершенно испорчена ямкою неопределенных очертаний. Не совсем ясен и характер ее соединения с центральным помещением. К юго-востоку от центрального помещения есть еще дуговидная канавка, — вероятно след стены второго такого же яйцевидного жилища. К юго-западу от центрального помещения к кв. 4 идет канава, не доходящая до него в результате разрушения; расположенные к югу и юго-западу от центрального помещения кв. 4 ножки амфор, вкопанные в землю, указывают, что эта канавка обозначает стену расположенной к югу кладовой, остальные стены которой уничтожены.

В кв. 5, в юго-восточной части, немного отступя, в 0,30—1 м от юго-западной стенки первого жилища идет такая же канава, но выгнутая слабой дугою к северо-востоку; ее длина — около 4 м. Канава теряется с одной стороны в яме на углу кв. 8, 5, 12 и 10, с другой стороны из северо-восточного угла кв. 5 уходит в кв. 11, где в западной части квадрата сливается с беспорядочными ямами и канавами. Таким образом, повидимому, рядом находились два небольших жилища овального плана, почти совершенно разрушенных.

Канавы от оснований стен жилища имеют ширину 0,35—0,50 м; глубина их точно не определялась из-за очень плохой видимости. Замеченные отдельные мелкие и небольшие ямки не поддаются функциональному определению. Нижний пласт культурного слоя, особенно в западных квадратах, носит следы древнего развеивания. По фрагментам амфор и их клеймам раскоп следует датировать рубежом IV—III вв. до н. э.

Раскоп II

Этот раскоп был разбит в 54 м к западу от раскопа I, на склоне небольшого соседнего холма. Его вскрытием руководил П. Д. Либеров. Раскоп состоял из трех квадратов, каждый по 4×4 м. Во всех квадратах в среднем на глубину 0,65 м лежал чистый песок без находок. С этой глубины и до 1,40 м его подстилал ровный культурный слой светлочерного цвета; в нем почти не было находок. Лишь на глубине от 1,40 до 1,85 м слой становился чернильно-черным и был очень интенсивно наполнен находками: особенно много было обломков амфор (всего около 300), остальные предметы — лепная посуда и кости — очень немногочисленны. Отмечу, пожалуй, еще находку двух кусочков железного шлака. Раскоп по обломкам амфор датируется в основном III в. до н. э.

Раскоп III

Раскоп был разбит в направлении 238° на расстоянии 175 м от раскопа I. Он представлял собою, скорее, разведочную траншею, разбитую с севера на юг (длиною 10 м, шириной 2 м) и разделенную на два участка по 5 м длины. Раскопками руководил В. Ф. Пешанов. Траншея заключала в себе чистый песок на глубину 0,60 м. Ниже, с глубины 0,60 м до глубины 1 м идет культурный слой мощностью 0,40 м, слабо насыщенный обломками амфор, лепной посуды и костей животных. Часть лепной посуды дает хорошее представление о форме и орнаментах. Отмечу еще наличие одного куранта от зернотерки и кусок железной руды.

Оба эти раскопа были нами брошены: первый — из-за того, что он с трех сторон окружен развеянными песками и представляет скудную свалку без признаков жилищ, а второй — вследствие относительной бедности находками и того же характера очень бедной свалки. Время его не определяется точно. Он относится к IV—III вв. до н. э. вообще.

Раскоп IV

Этот раскоп был разбит к северу от раскопа I, в 30 м от него, на склоне того же холма. Его раскопками руководил П. Д. Либеров. Раскоп состоит из трех квадратов размером 4×4 м, расположенных с востока на запад. На глубину 0,60 м залегает чистый песок без находок. С глубины от 0,60 до 0,80 м он окрашивается перегноем в светло-серый цвет, но не заключает в себе находок. Лишь на глубине от 1 до 1,20 м серый песок культурного слоя дает немногочисленные находки. Далее слой кончается, и опять идет подстилающий песок. Найдены лишь немногочисленные обломки амфор и лепной посуды. В среднем квадрате обнаружена на дне слоя трехгранная бронзовая стрела.

В кв. 2 на дне культурного слоя оказались пятна двух круглых ям, 0,50 м диаметром и глубиною: одна — 0,20 м, другая — 0,25 м. Лишь в одной яме оказались обломок амфоры и два обломка костей. Назначение ям выяснить не удалось. Раскоп был оставлен, так как культурный слой смешан с прожилками песка, что явно указывает на его сильный сдвиг в древнее время. Его дата так же обща, как и дата раскопа III.

Раскоп V

Раскоп V (рис. 21) разбит на северном склоне небольшого холма, непосредственно к юго-западу от Каменского сенопрессовального пункта. Он отстоит в 370 м к северо-востоку от раскопа I. Начатый с трех квадратов по 4×4 м, раскоп разросся до 46 таких же квадратов, общей площадью 736 кв. м. Такое расширение раскопа объясняется рядом открытых в нем древних сооружений. Кроме того, в нем найдено много отходов кричного и литейного дела, а также несколько десятков железных и медных вещей. Сверху в большинстве квадратов лежал сухой песчаный балласт мощностью до 0,40 м (редко 0,20—0,35 м). Сам же культурный слой имел глубину обычно с 0,40 до 0,65—0,80 м, очень редко — до 0,90 м. Раскоп V отличается от первых четырех раскопов не очень большим количеством разбитых амфор и местной посуды. Вероятнее всего, это объясняется интенсивностью происходивших в нем металлургических процессов—от сыродутного восстановления железа до бронзового литья. Результатом этого была гибель двух существовавших здесь жилищ. Венцы, найденные в раскопе, относятся в целом ко времени от середины IV в. до н. э. (по наконечникам стрел и фрагментам амфор) до первой четверти III в. до н. э. За эти полтораста лет здесь отслоилось три горизонта металлургических работ. Это обнаруживается по смене находившихся здесь жилищ и других сооружений.

Среди бытовых предметов в этом раскопе найдены железные иглы (кв. 1 и 27), несколько железных пластин (кв. 1, 25, 35 и 40), в их числе одна подоска (табл. XIX, *10*; кв. 2), железные шилья (кв. 10, 12, 13, 21, 26, 37, 38, 43 и 46), железные пряжки без подвижного языка (кв. 10 и 14), железный псалий (табл. XIX, *21*; кв. 12), железный ножик (кв. 13, 20, 44, 45 и 46), железный пробойничек (кв. 13 и 41), железный костыль (кв. 17), железные дужки (кв. 18), железные удила (табл. XIX, *1*; кв. 26), бронзовые трехгранные наконечники стрел (кв. 8, 12, 14, 20 и 22), бронзовые бляшки (табл. XIX, *7*; кв. 35); найдены глиняное пряслице (кв. 30), несколько точилок, как бытовых, так и, несомненно, применявшихся для технических целей (кв. 7, 27, 32, 34), длиной 45 см. В очень многих квадратах обнаружен железный шлак, в кв. 42 оказалось 114 его кусков, в кв. 18 — бесформенные обломки разбитого кричного горна, в кв. 23 — кусок крицы, в кв. 10 — кусочек металлической меди, а в кв. 46 — очень узкая медная пластинка — какой-то отход от бронзолитейного производства. Указанием на местное земледелие является обломок зернотерки в кв. 7.

Лепная керамика имеет несколько оригинальных, но в общем обычных форм. Отмечу лишь буроватый лощеный черепок — явление совершенно необычное для кучугур. В кв. 13 найдены незначительные чернолаковые черепки, один из них — от канфара. Разбитый стеклянный сосудик, побывавший

на огне, найден в кв. 15, синяя стеклянная бусина — в кв. 16. Стеклянный сосудик обнаружен среди зольного пятна; он относится, вероятно, к XVIII в.

найдены медная копейка Елизаветы 1760 г. и кусочек глазированного сосуда. На поверхности видны направления разнообразных ответвлений канавы. На плане раскопа она

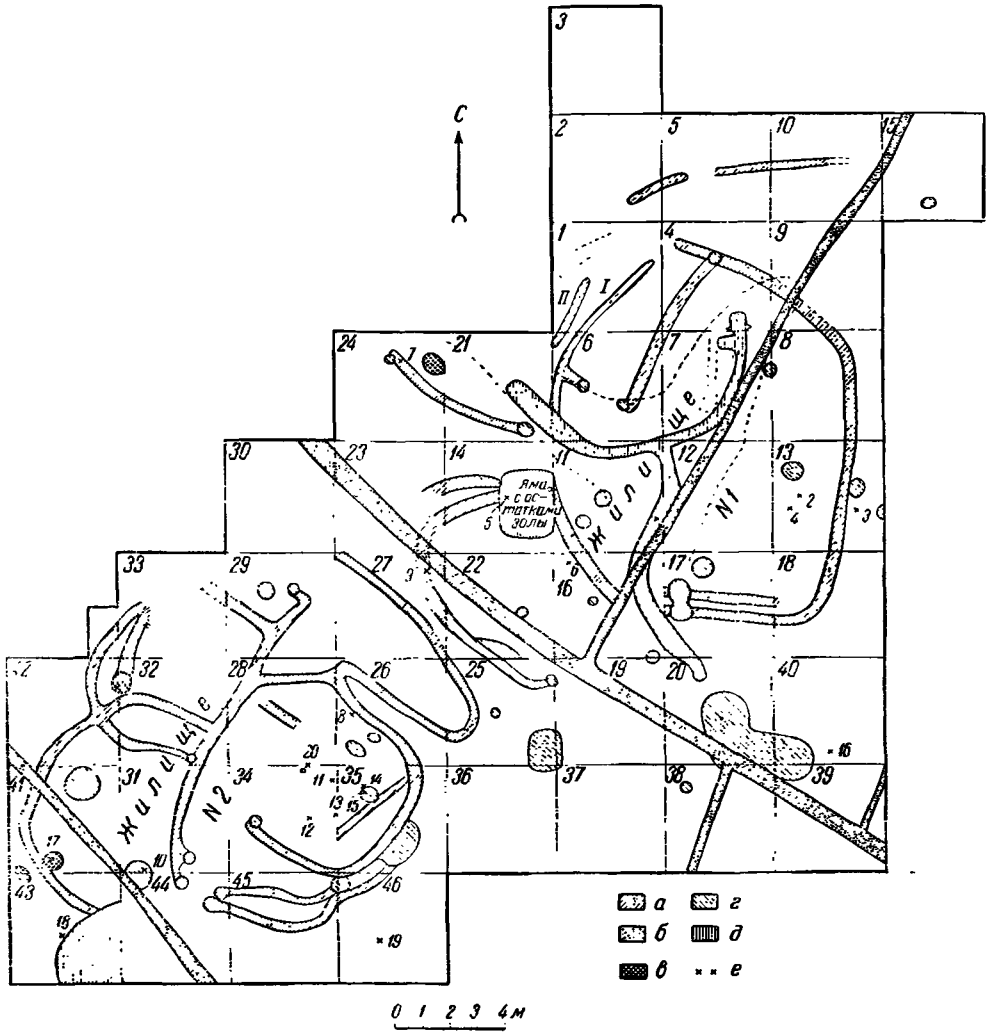


Рис. 21. Раскоп V (1949 г.)

а — канавы; *б* — канавы недавнего происхождения; *в* — ямы, содержащие уголь и золу (очаги); *г* — ямы; *д* — канавы и ямы скифского времени после гибели жилища № 1; *е* — находки; *1* — фрагмент сосуда; *2, 3* — пильца; *4* — железный нож; *5* — крица; *6* — буса стеклянная; *7* — шило; *8* — удила железные; *9* — каменная точилка; *10* — серый камень; *11* — обломок амфоры; *12* — железный нож; *13* — обломок лепного сосуда; *14* — бронзовый предмет; *15* — железное шило; *16* — железная оковка; *17* — шлак; *18* — железное шило; *19* — железное зубило; *20* — точильный камень

Остатки жилищ и строений раскопа V. Раскоп перерезан в нескольких направлениях глубокою канавою, совершенно затянувшеюся внизу древним культурным слоем, а сверху — песком. В этой канаве

выделена особой штриховкой. Нет сомнения, по сделанным в канаве находкам, что она относится к XVIII в. Впрочем, она не нарушила серьезно наслоений скифского времени. Из очень разнообразных древних канав с 3

и 4-го штыков (глубина 0,60—0,80 м) стали отчетливо выделяться два жилища, находившиеся рядом. Они дали два контура, очерченных канавами, близких к овалу построек.

Жилище № 1 занимает северо-восточную часть раскопа и имеет близкие к овалу контуры. Образующая их канава идет через кв. 4, 9, 8, 13, 18, 17, 16 и 11, в кв. 14 теряется, возобновляется в кв. 6 и кончается в кв. 1. В кв. 18 контуры дают округленный угол (юго-восточный). В кв. 4 и 6 канава, отходящая от стены в кв. 4 и заканчивающаяся ямками от столбов, образует с короткой встречной канавой, — тоже со столбами на конце, — узкие сени, имеющие в кв. 1 и 4 наружный выход (ширина около 1 м), а в кв. 6— дверной проем во внутреннее помещение (ширина — 1,25 м) с ямками для столбов до 0,50 м шириной на концах. Внутри дома 5 ям неясного назначения. В кв. 14 наружная стена прервана четырехугольным золистым пятном ямы (очень больших размеров — позднейший очаг). В кв. 1, 2 и 10 обрывки каких-то канав, как бы окружавших основной овальный дом. В кв. 21 и 24 к северо-западу от основного помещения идет слегка изогнутая к юго-западу канава с ямками от столбов на концах (диаметром 25 и 50 см), образующая короткий забор неясного назначения. У его северо-западного конца — яма-кострище, к северо-востоку от него в 0,50 м. Длина всего этого забора — 6 м, ширина канавы — 0,35—0,45 м. В кв. 4, 7, 11, 16 и 21—своеобразная канава-полукруг, другою к юго-юго-востоку; между ее концами, расширяющимися и подпрямоугольными, расстояние 9,50 м, ее радиус к юго-юго-западу — 3,50 м. От середины канавы на юго-юго-запад идет ответвление, срезанное упомянутой канавой XVIII в. Сама она уничтожила часть основных контуров жилища № 1 в кв. 14 и 21. Длина жилища № 1 с севера на юг — 13,75 м, ширина с запада на восток—11 м. К жилищу № 1 в кв. 14, 23, 27, 22 и 25 присоединяется с юго-западной стороны отдельное помещение, ориентированное с северо-запада на юго-восток (стена его в кв. 23 и 27 прерывается); в кв. 25 и 19 — его дверной проем, законченный с одной стороны (в кв. 25) ямкою от столба (диаметром около 30 см), а в кв. 19 он уничтожен недавнею канавой. Жилище это от основного здания было отгорожено глухою стеною и открывалось на юго-восток. Длина жилища с северо-запада на юго-восток — 7,50 м, ширина — около 5 м. Контуры этого помещения — не совсем правильный четырехугольник с округленными углами.

Жилище № 2 по форме главного помещения очень близко к жилищу № 1. Оно ориентировано выходом на юго-запад. Его контуры проходят через кв. 28, 26, 44, 31, 32, 35 и 45. В кв. 45 стена не вполне ясна: ее след складывается из двух параллельных канавок, законченных ямками круглых столбов в кв. 44 (диаметром 0,40—0,45 м). В кв. 44 и 31 им отвечает разветвление противолежащей стены надвое, причем короткие разветвления также закончены столбами (шириной 0,40 м). Таким образом, здесь дверной проем имеет как бы двойные двери. Его ширина снаружи—1 м, изнутри—1,50 м. В кв. 34 канава с ямкой от столба на конце идет от юго-восточного угла помещения и отделяет его основную часть от сеней. Длина жилища с сенями с юго-запада на северо-восток — 9 м, ширина — 7 м; главное помещение — без сеней, длиною с юго-востока на северо-запад 7 м (ширина всего дома), шириною 5,50 м. Дверной проем из сеней имеет ширину 2,50 м. Внутри этого помещения есть несколько ям. На границе кв. 45 и 46—круглая яма диаметром до 0,75 м, с углями, но она так близка к стене дома, что нахождение очага здесь почти невероятно.

С северо-запада от главного помещения примыкают к нему два меньших. Одно — в кв. 43, 41, 42 и 32. Его выход, слегка разрушенный в кв. 44, шириной не менее 2 м, открывается к юго-востоку. Длина всего этого помещения с юго-запада на северо-восток — 7,50 м, ширина — 5 м. Второе помещение идет контурами через кв. 32, 42, 33 и 29. В кв. 33 его стена прерывается, несомненно от разрушения, но где-то здесь должен был находиться дверной проем. Стены этих помещений в кв. 42 пересекаются так, что они едва ли могли существовать одновременно. По лучшей сохранности первое помещение, вероятно, моложе. Очаги (углистые пятна) есть в обоих этих помещениях. С северо-востока к главному помещению примыкает еще помещение половальной формы. Контуры его идут через квадраты 26, 25 и 27. В кв. 28 и 29 от северо-западного угла главного помещения отходит стенка, ограничивающая это главное помещение с северо-запада. Между нею и главным

помещением — остроугольная ниша. Эта стенка на конце заворачивает на 1 м к северо-западу и заканчивается столбом. В кв. 29 от нее отходит ответвление, вскоре прерывающееся, как и северо-восточная стенка в кв. 27. Северо-западная часть этого помещения не выяснена. Может быть, с этой стороны находилась комната или сени. Длина этого овального помещения с юго-востока на северо-запад — около 7 м, ширина — 2,75 м. Канавки от стен жилищ обычно глубиною 0,30—0,40 м от низа культурного слоя. Разрез их почти везде сегментовидный.

Металлургические остатки. Следы металлургии распределены более или менее равномерно по всей площади. Как уже сказано, почти во всех квадратах встречается железный шлак по 3—4 куска, иногда песчаниковая точилка для бронзовых отливок. Лишь в единичных квадратах шлак не обнаруживается совсем. Залегает он обычно на глубине 0,60—0,80 м. Очень важна картина, обнаруженная в немногих квадратах, сосредоточенных вокруг четырехугольной ямы кв. 14 (ее размеры с севера на юг — 2,50 м, с запада на восток — 2 м, глубина — 0,20 м). В этой яме и вокруг нее найдено 17 кусков железного шлака и кусок крицы, в засыпке ямы много песка — сухого от прокаливания, с примесью золы. Преимущественно к востоку от этого квадрата, в кв. 11, 12 и 13 количество шлаков несколько больше (в пределах от 12 до 20 кусков). Оно в то же время как бы связывается со своеобразной стеной, уничтожившей остатки канав стены жилища № 1 (см. выше). Нет сомнения, что очаг, забор и шлаки связаны между собой. В этих районах господствуют восточные, северо-восточные и северные ветры. Думаю, что этот забор был воздвигнут для ограждения плавочных и кузнечных работ со стороны господствующих ветров. Так как и очаг, и забор нарушили стены жилища № 1, то, несомненно, здесь металлургические работы производились тогда, когда жилище № 1 уже перестало существовать.

Металлургические работы, одновременные жилищу № 1, велись, повидимому, в кв. 18, 20, 19, 25 и 38, т. е. за его стенами, к юго-востоку (главным образом) и юго-западу от этого дома. Это выражено тем, что здесь и всюду остатков шлаков больше — от 10 до 45 (в кв. 38) штук, а в кв. 18 (к юго-востоку от жилища) при 18 кусках бронзовых и железных шлаков найдено до 60 кусков, — по большей части мелких, к сожалению, бесформенных,—от разрушенного кричного горна из сильно прокаленной и глазировавшейся с одной стороны глины. Одновременность этой работы с жилищем № 1, по моему мнению, определяется тем, что эти операции, по данным 1939 и 1940 гг., всегда имели место за пределами внешней стены жилища. Вероятно, к следам этого производства нужно отнести очень большую, неправильных очертаний, яму в кв. 20 и 40 (они рядом); в ее заполнении встречено немного золы.

Металлургия жилища № 2 представлена в кв. 43—45. К югу и юго-западу от выходов главного и юго-западного помещений (впрочем, позднее последнего) ямою со шлаками срезан конец стены этого помещения. В яме (2×2 м, в юго-восточном углу кв. 43), — очень темной, — найдены 114 кусков железного шлака и точилка для шильев; она, вероятно, послужила для сброса туда мелких остатков от кричного процесса и ковки.

Раскоп VI

Раскоп VI (рис. 22) был заложен на задернованном холме на расстоянии 430 м от раскопа I к юго-востоку. Его раскопками руководил В. Л. Янин. В южной стороне холма культурный слой был обнажен и почти полностью развеян. Здесь среди обломков лепной керамики и костей подняты две синие стеклянные бусы. Раскоп по длине расположен с востока на запад, занимает 280 кв. м и разбит на квадраты площадью 4×4 м.

Этот раскоп отличается от всех остальных тем, что культурный слой был в большинстве квадратов едва-едва прикрыт тонким, в несколько сантиметров, слоем песка с травою. Лишь в части восточных квадратов покровный песчаный слой достигал 0,40—0,60 м. В отдельных местах была развеяна даже верхняя часть культурного слоя. Сам же культурный слой там, где он не подвергался развеиванию, имел от 0,40 до 0,80 м, чаще всего 0,60—0,80 м мощности. Состав находок в нем не отличался от обычного ни хронологически, ни по набору вещей. Лишь в некоторых раскопах отмечено необычайно много амфорных обломков, насчитывавшихся в ряде квадратов в числе от 200 до 500, и не-

сколько большее, чем в обычной обстановке, количество костей и лепной посуды. И это обстоятельство, и необычно мощный культурный слой, и остатки двух жилищ в восточной половине раскопа, и, наконец, обломки прокаленной глины от очагов в кв. 1, 2, 13 и 14 — все это говорит о длительной ного времени и в кв. 10 на глубине 0,35 м — старинный железный русский топор, относящийся к XVII в., по определению Б. А. Колчина (рис. 8, стр. 44). Время отложений раскопа — от половины IV в. до конца III в. [по типам и клеймам амфор (№ 25, см. стр. 91) и по типу бронзовой стрелы].

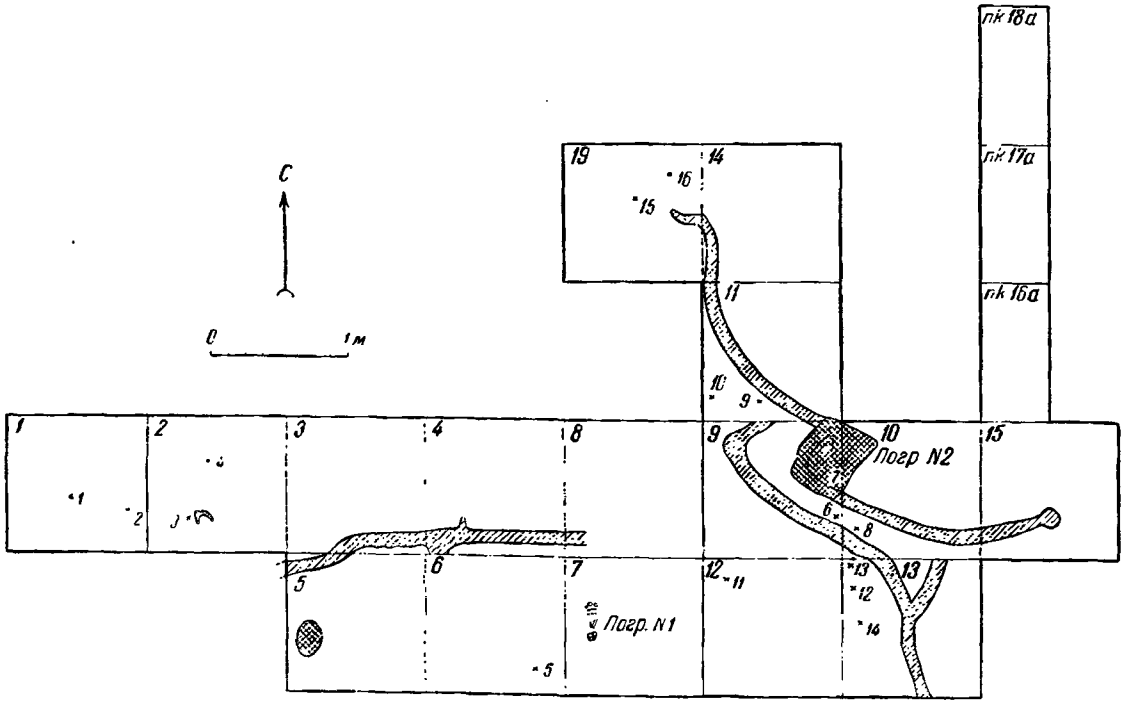


Рис. 22. Раскоп VI (1949 г.)

1 — обломок пращного камня; *2* — железный предмет; *3* — свинцовое пряслице; *4* — человеческая челюсть; *5* — железный псалий; *6* — железный топор; *7* — привеска-кувшинчик; *8* — пращный камень; *9* — железный нож; *10* — обломок бусины; *11—14* — пращный камень; *15* — человеческая челюсть; *16* — наконечник бронзовой стрелы

жизни на этом небольшом участке. Сказалась эта интенсивность жизни и в наличии интересных однообразием шести пращевых камней в кв. 1, 8, 10, 11, 12 и 13 (табл. XVII, 5*а*—5*в*). Кроме того, найдены свинцовые пряслица в кв. 2, железный псалий в кв. 6, железный костыль в кв. 9, нож железный и бусина в кв. 11 и бронзовый наконечник стрелы в кв. 19.

Следов металлургии в этом раскопе очень мало. Можно отметить только кусочек бронзового шлака в кв. 7.

В этом насыщенном остатками скифского времени слое оказались, однако, две вещи недавнего происхождения: в кв. 1, в поверхностном слое — втулка от вил неопределен-

Остатки жилищ в раскопе VI. В южной части раскопа тянется с запада на восток канава-стенка шириною 0,35—0,50 м, при глубине 0,20—0,25 м (глубина от общего уровня вскрытия—0,40 м); разрез дна округленный. Полоса начинается в кв. 5 (в северо-западном углу, из-под его западной стенки) и переходит в направлении восток-северо-восток в кв. 3. Из кв. 3 она идет в том же направлении параллельно его южной стенке и той же стенке кв. 4 и 8. В кв. 8, в 0,50 м от западной его границы, эта полоса-канавка обрывается. От южных границ кв. 3, 4 и 8 она проходит в 0,12—0,20 м к кв. 8, немного сдвигаясь к северу. Длина всей полосы — около 9,5 м. В западной

части кв. 5, в 0,75 м на юг от западного конца полосы, имеется овальная яма длиною с севера на юг 1 м, шириною 0,60 м, глубиною 0,40 м. Ее назначение неясно. В кв. 2 (южная часть) обломки глины могли быть от разбитого очага этого жилища. Остатки 2 и 3-го жилищ занимают всю восточную часть раскопа.

В кв. 14 (от середины его западной стенки) и кв. 11 проходит канавка от стены в виде дуги, вогнутой к юго-западу. Может быть, это половина яйцевидного жилища. Протяженность этой канавы — около 7 м, ширина 0,35–0,50 м, глубина—0,30—0,40 м от испода слоя. Она обрывается в юго-восточном углу кв. 11 четырехугольной ямой (см. ниже — погребение № 2).

Южнее первой канавы у середины восточной стенки кв. 9 из южного угла той же ямы выходит еще канава, пересекающая с запада на восток кв. 10 полностью и кв. 15 в его южной части до половины. Канава эта выгнута к югу. На ее восточном конце—круглая яма от столба диаметром 0,40 м, глубиной 0,20 м. Может быть, здесь своеобразное изменение направления первой канавы, стертое ямой (погребение № 2) на углу кв. 9 и 11. Очень возможно, что там находилась дверь. Во всяком случае не исключена возможность видеть здесь одну и ту же стену дома. На юго-восточном конце этой стены яма от столба показывает, вероятно, место старого дверного проема. Обе полосы составляют юго-западную стену овального жилища, открытого на юго-восток. Его длина была около 8,5 м. Для разыскания северо-восточной стены на север была проведена траншея длиною 12 м (уч. 16а, 17а, 18а). Никаких следов искомой стены обнаружено не было. Очень близко, в 0,75 и 1 м от этих канав к юго-востоку, через кв. 9, 10 и 13 идет еще одна канава-стенка, в общем на юго-восток, на протяжении 9 м. В северо-западном углу кв. 9 она поворачивает, под прямым углом к канаве в кв. 11, к северо-востоку, но обрывается, не доходя до нее. В северо-восточном углу кв. 10 она переходит в кв. 12 и, неровно изгибаясь, уходит в выдув в середине южной стенки кв. 13, где теряется. Ее направление в кв. 13—почти прямо на юг. В 1,12 м от северной стенки кв. 13 на средней линии этого квадрата канава дает очень короткое ответвление к северу. Несомненно, эта канавка—основание стен третьего жилища, уничтоженного вторым, причем от него сохранилась только ничтожная часть.

Остатки могильника в раскопе VI. На территории раскопа VI обнаружены крайне разрозненные остатки какого-то грунтового могильника. Это выразилось в находке в кв. 2 и 19 обломков человеческих нижних челюстей.

В кв. 7 обнаружено погребение № 1, очень низкой сохранности. Оно находилось в культурном слое, и ямы проследить не удалось. Всего сохранились три длинные кости от рук или от ног, почти совершенно истлевшие. Все это—без эпифизов. Поза покойника неясна: головою он лежал, вероятно, на юг, так как здесь сохранились три молочных зуба. Место головы и нижней части ног покрыто большими кусками одного и того же очень большого лепного сосуда (табл. II, *3*; № 762). Длина погребения — 0,95 м. Возраст погребенного, судя по росту, едва ли более пяти лет.

На границе кв. 9 и 10 обнаружена яма — погребение № 2. По длине яма расположена с северо-востока на юго-запад, длина ее — 2 м, ширина —1,70 м, глубина от дневной поверхности — 1,60 м. Форма — не вполне правильный четырехугольник. Яма заполнена культурным слоем, содержащим обычные обломки керамики и костей. Расположение костяка не поддается определению. Это почти разрушенные диафизы длинных костей очень маленького ребенка. Обломки посуды при них—все из культурного слоя. Кости сосредоточивались в юго-западной половине ямы. В южном углу найдена подвеска-кувшинчик из синего с красным стекла. Может быть, это подвеска с шейки ребенка. В таком случае, он лежал головою на юг.

Оба погребения, несомненно, того же времени, что и раскоп, и позже жилища № 2,— так как они разрушили его стену, — и тем более жилища № 3, которое в свою очередь было разрушено жилищем № 2.

Раскоп VII

Раскоп был расположен в 20 м к северо-востоку от раскопа V. Он состоял из 9 квадратов, из которых шесть располагались с севера на юг, а три примыкали к трем северным квадратам с востока. Квадраты имели размер 4×4 м каждый. Общая площадь раскопа равнялась 144 кв. м.

Во всех квадратах сверху лежал балласт в 30—40 см, а культурный слой имел мощность от 40 до 70 см. Состав находок обычный, т. е. обломки амфор, лепной посуды и кости животных, по 2—3 десятка в штыке. Из отдельных вещей следует назвать: в кв. 1 — железный налобник (табл. XIX, *6*), очень миниатюрный; в кв. 2 — железное шильце и обломочек лезвия ножа; в кв. 3 — шило железное и обломочек точильного камня; в кв. 4 — шило железное; в кв. 5 — железное шильце, маленькое зубильце и точильный камень; в кв. 7 — каменный диск неясного назначения; в кв. 8 — железный нож и в кв. 9 — заготовка лезвия ножа (об этом подробнее см. описание раскопа VIII). Основная масса находок раскопа датируется III в. до н. э. В этом раскопе сохранилось довольно много небольших ям. Назначение их крайне неопределенно. Только в одном месте обнаружена полоса от канавы шириной до 0,50 м. Глубина ее от уровня 0,80 м равняется 0,10 м. Разрез сегментовидный. В самом конце ее — круглая яма от столба, диаметром около 0,40 м. Это, несомненно, конец восточной стены какого-то жилища до дверного проема. Слабый изгиб к востоку показывает, что разрушенная часть жилища была обращена к западу, а выход, — что известно хотя бы у жилищ раскопов V и IX, — к северу.

От металлургии сохранились лишь кое-где редкие железные шлаки; в кв. 9 (штык 5) найдена отрубленная зубилом заготовка лезвия ножа, в кв. 5 (штык 3) — небольшой кузнечный пробойничек. Этим определяется ведение в этом месте как сыродутной выплавки, так и кузнечных работ.

Раскоп VIII

Раскоп был разбит к юго-востоку от раскопа V и примыкал к юго-восточному углу кв. 39 этого раскопа. Он имел форму квадрата и состоял из 9 квадратов площадью по 4×4 м. Крайний северо-восточный квадрат (кв. 9) не копался. Сверху лежал балласт от 0,40 до 0,75 м, ниже — культурный светлокоричневый слой мощностью от 0,50 до 0,80 м. Состав находок совершенно обычный: обломки амфор, лепной посуды, кости домашних животных.

Весьма обычны и все остальные предметы: бронзовая бляха в кв. 3 (табл. XIX, 7), 3 железных шильца в кв. 2 (одно — в кв. 4), железный костылек в кв. 2, железный нож в кв. 5. В кв. 3 было найдено глиняное пряслице, а в кв. 4 — свинцовое.

Весьма обильны остатки ремесел. Во всех квадратах попадается шлак железа, особенно в кв. 1 и 2; в кв. 4 встречены обломок прокаленной стенки горна из глины, не имеющей определенной формы, и кусочек чистой меди. Все это — на глубине 0,80—1,20 м, т. е. в нижних горизонтах слоя. В таких же условиях стратиграфии обнаружены в соседних кв. 2, 4 и 5 семь кусков кости со следами обработки, в том числе две, назначавшиеся для изготовления ручек ножей, а в кв. 2 была найдена заготовка лезвия ножа, не носившая следов заточки, а лишь так же отрубленная зубильцем от полосы, как это наблюдалось в раскопе VIII (табл. XV, *7—15*). Вообще говоря, здесь налицо несомненные отходы мастерской костереза, бывшего в то же время и ножовщиком. Это очень интересное соединение разных, казалось бы, ремесел. Думается, что своеобразный цвет культурного слоя объясняется в этом раскопе тем, что в нем заключались лишь отходы ремесел без перегноя, оставляемого жильем.

Да и в самом деле: никаких следов жилища в этом раскопе не было обнаружено. Единственная канава, пересекающая кв. 1 наискось — с северо-запада на юго-восток, — несомненно, недавнего происхождения, как и недавняя канава в раскопе V. Она теряется на границе с кв. 6. Основная масса находок в этом раскопе относится к III в. до н. э.

Траншеи № 1 и 2 были разбиты в 250 м к северо-западу от раскопа V. Они параллельны между собою и состоят первая — из 5 квадратов по 2×2 м, вторая — из 9 квадратов той же площади. Траншеи лежат по обе стороны проходящего здесь проселка, обнаружившего остатки какого-то могильника в виде разбросанных костей двух скелетов. В траншеях находился песок глубиною до 0,40 м и ниже — обычный культурный слой от 0,40 до 0,80 м толщиною. Находки состоят из фрагментов амфор, лепной посуды и костей домашних животных. Остатков могильника эти траншеи не обнаружили. Кости покойников в выдувах у дороги отличались значительной прочностью и принадлежали взрослым людям; черепов при них не было.

Траншея № 3 была разбита к западу от раскопа V, в 90 м от него, по линии с запада на восток и состояла из двух участков по 4 м длиною каждый и 2 м шириною. Сверху в траншее залегал до глубины 0,35—0,40 м светлый песок, а ниже него — культурный слой мощностью 0,50 м. Он содержал обычные обломки греческой и местной посуды и кости животных; все это — в небольшом количестве. Вместе с тем обилие обломков прокаленной глины от разрушившегося горна (хотя и бесформенных) и железных шлаков заставило обратить на этот пункт внимание. В траншее, кроме того, были обнаружены три небольшие ямы с золистым содержанием и остатки канавы в западной половине траншеи. Правда, эта канава была едва заметна и сильно испорчена, но все же она привела к обнаружению остатков жилища в раскопе IX.

Раскоп IX

1. В 1949 г. раскоп IX (рис. 23) был разбит к северу от траншеи № 3 и состоял из двух рядов параллельных квадратов по четыре в ряд, обычной площади. К юго-западной части потом были прирезаны на запад еще 2 квадрата. Раскопками руководил П. Д. Либеров. Сверху во всех квадратах лежал песок на 0,35—0,40 м глубины. Культурный слой всюду имел мощность от 0,50 до 0,60 м. Состав находок в нем в общем обычный в отношении керамики и костей; все это даже не слишком обильно. Однако в раскопе были обнаружены весьма ощутительные остатки металлургии, но об этом ниже. В кв. 2 найдены железное шило, лезвие топора (табл. I, *1*) и свинцовое пряслице; в кв. 4 — ручка глиняного котла (табл. V, *3*), подражающего бронзовому; в кв. 4 и 5 — обломок железного серпа и целый серп (рис. 14) и в разных местах — еще кое-какое мелкое железо. Из отдельных находок в кв. 3 следует отметить почти целый лепной сосудик (табл. III, *5*), в кв. 5— железные ножи, в кв. 6—железное зубильце, в кв. 7 — странный железный предметик в виде латинского S (табл. XIX, *11*), обломки шильев и железную пластинку неясного назначения с отверстием. Все находки в этом раскопе относятся к III в. до н. э.

В раскопе сохранились остатки жилища. В кв. 3, 4, 5, 6 и 7 стена-канава образует контуры западной части жилища. Определить его ориентировку затруднительно, так как к востоку раскопки не продолжали. Канавы с глубины 0,60 м имеют ширину 0,25 м; глубина от этого уровня 0,20—0,35 м. В северо-западном углу жилища — дверной проем, ограниченный двумя ямами для столбов: одна — на западном конце передней стенки, другая — на северном конце западной стенки. Ширина первого 0,40—0,45 м, глубина — 0,15 м от уровня 0,80 м; ширина второго — 0,50 м и глубина с того же уровня — 0,25 м.

Проем двери между столбами — 0,80 м. Западная стенка идет к югу, слабо выгибаясь дугою к западу, на протяжении 7,5 м. Отсюда она образует скругленный юго-западный угол и поворачивает к востоко-юго-востоку на протяжении 1,60 м; на конце — круглая яма для столба, диаметром 0,60 м, глубиной 0,20 м. В этом пятне содержится немного золы, вероятно, от обугленного упавшего столба. В 0,50 м к востоку от этой ямы есть такое же пятно, диаметром 0,60 м, глубиной 0,20 м, с таким же золистым содержанием. Симметричность обеих ям и близость их к деревянным стенам заставляет предполагать здесь проем второй двери, а в ямах видеть в золе и глине результат обжигания столбов и укрепления их глиною. Проем южной двери обращен прямо на юг и находится на расстоянии 7 м от северного дверного проема. Оба они находятся как бы на концах линии север—юг. От восточного из этих столбов южная стена-канава уходит под восточную стенку раскопа к неоткрытой части городища. От южной стенки в 0,75 м, с востока идет на протяжении 1,75 м еще полоса канавы — конец стены, выходящий из-под восточного края раскопа, деливший все это помещение как бы на две половины — северную и южную.

Эта разделительная стена заканчивается круглой ямой для столба, диаметром 0,3 м, глубиною 0,25 м. Своеобразными подробностями этого жилища являются две овальные ямы и длинная — с севера на юг — полоса канавы обычных размеров. Она приходится в западной части кв. 5 и тянется через него на 4 м с севера на юг. В северной части помещения, ближе к средней разделительной стенке, имеются два овальных пятна: 1) длиной 1,55 м (с юго-востока на северо-запад), шириной 1 м, глубиной 0,15 м; 2) длиной

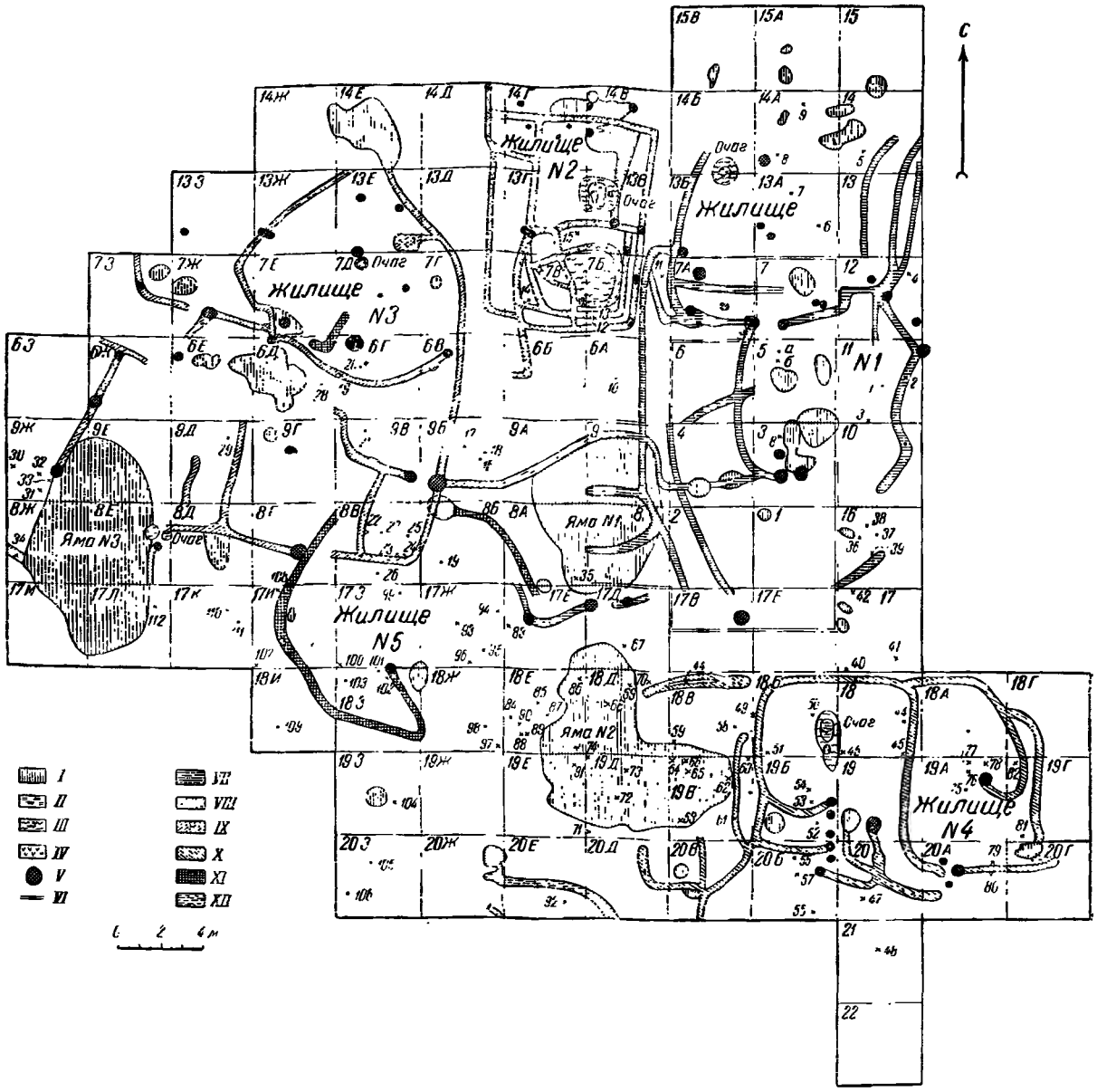


Рис. 23. Раскоп IX (1949 и 1950 гг.; на план нанесены 115 из 300 металлических предметов, найденных в раскопе IX; важнейшие из них указаны в тексте; при плане перечень этих находок не приводится вследствие их многочисленности)

I — заполнение ям; *II* — глина; *III* — зола; *IV* — уголь; *V* — ямки от столбов; *VI* — границы раскопа 1949 г.; *VII* — заполнение канавок жилища № 1; *VIII* — то же жилища № 2; *IX* — жилища № 3; *X* — то же, жилища № 4; *XI* — то же, жилища № 5; *XII* — то же, жилища № 6

1,15 м (с юго-востока на северо-запад), шириной 1 м, глубиной 1 м. Все эти три углубления заполнены перегноем углисто-черного цвета. В южной части жилища есть три неглубоких беспорядочных пятна, содержащих в засыпке золу. К западу и юго-западу от первого помещения ряд местами обрывающихся канав образовывал, повидимому, дополнительное помещение; однако вполне разобраться в этом не удается.

От восточного столба южного дверного проема прослеживается канава-стенка на

протяжении 1,25 м прямо на юг; далее она обрывается. По слабому ее изгибу к востоку естественно было ожидать у западной стороны ее пары, каковая, действительно, проходит в кв. 4 из его северо-восточного угла к юго-востоку, сначала на расстоянии почти 4 м от западной стенки первого помещения; затем, уходя далее на юг и приходясь против юго-восточного угла первого помещения, она обрывается у стенки между кв. 2 и траншеей 3б в 5,50 м от указанного угла с востока; немного не доходя до северного конца этой западной стенки, канава подходит к ней от середины западной стенки первого помещения,— вероятно, северо-западная стенка этого овального вестибюля. В северо-восточный его угол выходила южная дверь первого помещения.

Кроме того, от юго-западного угла первого помещения с востока на запад идет канава, как бы делящая второе помещение на северную и южную комнаты. Впрочем, эта стена пересекает внешнюю стенку второго помещения и, уходя на запад, образует резкую дугу, выгнутую к северу и уходящую под западную стенку раскопа. Эта мощная дуга, как оказалось, идет по северной стенке глубокой ямы, от которой открыто лишь пятно в двух западных квадратах раскопа. Пятно это приходится к юго-западной части наземного жилища. Над его поверхностью прослеживалось несколько беспорядочных зольных пятен неясного назначения. Среди них — овальная яма золистого содержания. Кроме того, в помещении встречены две ямы диаметром 0,75–0,85 м и в кв. 2 одна яма диаметром до 2 м. Назначение этих ям неясно; они заполнены темной землей малой глубины (0,20–0,30 м). В траншее № 3 за пределами помещения много железных шлаков и других остатков выплавки железа, но они вместе с ошлакованной глиной оказываются с 3-го штыка в кв. 1, приходясь на месте разрушенной восточной стены второго (внешнего) помещения. Такие же находки встречаются со 2-го штыка в кв. 2 и в других местах.

По глубине находок шлака и глины (на глубине около 0,60 м встречающихся десятками, а ниже — единицами) или их отсутствию создается впечатление, что железные выплавки начались здесь после гибели дома и к ним, вероятнее всего, относились темные золистые ямы южной части этого жилища. Мелочи металлургического ремесла отмечены в перечне находок.

К этому времени назначенные на раскопки средства были исчерпаны, и окончание раскопа IX, как и следующего — раскопа X, пришлось отложить на следующий раскопочный сезон.

2. В 1950 г. раскоп IX (см. рис. 23) явился главным раскопом сезона. Вокруг 9 квадратов 1949 г. и разведочной траншеи № 3, имевших общую площадь всего 160 кв. м, вырос огромный для кучугур раскоп. Он охватил всего 104 квадрата, т. е. 1664 кв. м. Сюда входит и площадь раскопок в 1949 г.

Раскоп занял почти всю мало-мальски ровную площадь небольшого холмика к юго-западу от раскопа V и вырос сравнительно с площадью 1949 г., главным образом, на запад. В этом мы полностью зависели от того большого, далеко не полностью сохранившегося комплекса жилищ, который постепенно открывался перед нами. Все наличные силы пришлось бросить на эту работу. 28 рабочих, двое постоянных научных работников — П. Д. Либеров и А. И. Мелюкова и 3–4 студента-практиканта с интересом и безропотно выполняли эту скучноватую, однообразную и трудную работу по разысканию следов жилищ. Работа продолжалась около 3 недель. Несколько больше половины площади было раскопано под наблюдением П. Д. Либерова, несколько менее — под руководством А. И. Мелюковой, начавшей эту работу после окончания раскопа X. Мною лично осуществлялось непрерывное наблюдение, хотя мне пришлось внести самое скромное количество поправок в осторожные и правильные приемы моих товарищей и помощников. Всякий шаг раскопок в дальнейшее предлагался ответственным за свою половину работы товарищем, обсуждался совместно и затем, по большей части без всяких изменений, а иной раз с незначительными изменениями, проводился в жизнь. Само собою разумеется, что предположения мои, высказанные в 1949 г., оказались не вполне верными. Выяснилось, что обнаруженные в 1949 г. дверные проемы—это часть гораздо более сложного, чем думалось вначале, сооружения; яма в кв. 8 и 9 оказалась вовсе не землянкою, а большой мусорной ямою, к тому же несколько более ранней чем соседнее жилище. Зато предположение о хорошей сохранности культурного слоя

в самой полной мере оправдалось. Однако в кратком изложении раскопочных работ я оставляю выше, как неотъемлемую часть ошибок и удач, отдельные описания части раскопа в 1949 г. и сделанные в связи с этим предположения.

Раскоп начался с востока рядом из 13 квадратов. От северной границы 1949 г. в этом же направлении раскоп продолжается на запад, а на юг, за южную его границу,— на 3,5 квадрата. Отступя с юга на 2 квадрата к востоку, разбили еще два ряда по 3 квадрата для доследования одного из жилищ (№ 2). Затем к югу разбили еще два ряда по 11 квадратов, на 2 квадрата короче с юга, чем первый ряд. В эти два ряда полностью вошел раскоп 1949 г. Потом разбили четыре ряда по 10 квадратов, на 1 квадрат короче двух предыдущих рядов с севера; затем — ряд в 8 квадратов, на 2 квадрата короче предыдущих рядов с востока; далее— один ряд в 6 квадратов, на 2 квадрата короче предыдущего (по одному с северного и южного концов), один ряд из 5 квадратов (на 1 квадрат короче предыдущего с севера) и последний ряд из четырех квадратов с севера (на 1 квадрат короче, чем предыдущий ряд). Размеры квадратов обычные, т. е. по 4×4 м. Траншею № 3 раскопок 1949 г., состоявшую из двух полуквадратов, по длине ориентированных с востока на запад, в 1950 г. превратили в два обычных квадрата под № 17б и 17в, дополнив с южной стороны по полуквадрату.

Культурный слой представлял в целом следующую картину. По большей части культурный слой был покрыт балластом в 0,35—0,40 м; лишь в относительно небольшом числе квадратов балласта было меньше, в особенности в 1, 2 и 3-м рядах квадратов с севера и в 3-м ряду квадратов с востока, где толщина балласта чаще всего составляла 0,15—0,25 м, реже — около 0,30 м. Мощность культурного слоя большей частью — 0,35—0,50 м; впрочем, довольно часто она доходила до 0,65 м, а вместе с балластом составляла 0,70—0,80 м. Балласт — слабо задернованный, суховатый, белый или серый светлый песок. Культурный слой—песок разных оттенков серого цвета, довольно влажный. Его подстилал желтый песок, иногда даже оранжевого тона. На исподе культурного слоя появлялись пятна ям и полосы обычных канав, — оснований стен жилищ.

Керамики в общем не так уже много; как всегда, она очень измельчена и везде встречаются и амфоры (клейма № 13, 23, 37, 56, 57, 65 и 66; см. стр. 88 и сл.), и лепные черепки. Редко число фрагментов во всей толще данного квадрата превышает полусотню для каждой из этих категорий, лишь в немногих случаях заходя за сотню. По-обычному редка чернолаковая греческая посуда; найдено всего 3 черепка ее да еще один неясный черепок от сероглиняного сосуда.

Исключительно многочисленны и отличаются большим разнообразием металлические находки — прежде всего железо. Металлом самого различного назначения изобилует восточная половина раскопа, в пределах жилищ № 1, 2 и 3 и ямы № 2; к западу количество металла резко падает, но его все же много больше в квадратах юго-восточной части, чем северо-западной части раскопа. Всего встречено разных железных изделий и их обломков более 340, в том числе значительная часть целых, иногда раньше еще не встречавшихся вещей. Найдено около 20 железных ножей и по крайней мере 35 шильев; это вполне естественно, так как универсальный характер обоих этих инструментов в скифском быту хорошо известен даже из курганных, столь роскошных и в то же время односторонних находок. Игл разного размера и назначения встречено всего девять, что вполне отвечает более редкому употреблению этого орудия, повидимому, чисто женского. Несколько десятков стержней и особенно их обломков принадлежат самым разнообразным орудиям и происходят, надо думать, главным образом, от шильев. Сильно пополнилось число серпов. Продолжая удачную находку 1949 г., когда в этом раскопе было обнаружено два серпа, что с находкою 1939 г. составляло всего три,— мы набрали в этом году еще шесть частью полных, частью неполных серпов (рис. 14, *2*; № 64). Из других орудий отмечу два небольших долота (одно втульчатое) и обух топора (табл. I, *2* и *4*; № 310 и 1404).

Обработка дерева представлена, если не считать универсальных ножей, довольно слабо. Богатство дерева в быту оказывается значительным по находкам 10 гвоздей, 2 костылей, 8 скобок разного рода для скрепления каких-то деревянных предметов и 7 крючьев (табл. I, *10*; № 890), из которых многие, несомненно, вбивались в стену и

служили для подвешивания каких-то предметов (см. об этом выше главу о жилищах и предметах обстановки).

К военно-конному быту скифов из железных вещей относится очень немногое: три псалия и несколько панцырных чешуек (табл. XVII, *6а—6в*).

Как и всегда, немногочисленны железные предметы туалета. Это 2 незатейливые булавки, 2 браслета, 1 многогранная ворворка, фибула очень интересного типа (кв. 17; табл. XII, *8*; № 283) и еще обломок одной фибулы (?). Это для кучугур предметы совершенно уникальные. Некоторые из семи колец разного назначения,— вероятно, украшения; несомненно, таково кольцо с несколькими привесками - треугольничками (табл. XII, *6*; № 75).

От металлургии осталось 6 зубил разного размера, 3 разных пробойничка, много пластинок и прутиков—отходов. Впрочем, о металлургии в этом раскопе сказано ниже. Между прочим, сохранилась одна заготовка лезвия ножа. С нею, может быть, связаны и остатки костерезного дела — несколько кусочков костей со следами обработки.

Довольно много медных и бронзовых вещей самого разного назначения. Но это больше всякие отходы — несколько десятков разных прутиков и пластинок. Найдены 2 скобки, 1 обойма и 1 трубочка. Все это вещи служебного назначения. 19 трехгранных и трехлопастных наконечников стрел, 3 панцырные чешуйки, псалий и ворворка — вещи военно-конного обихода. Ничтожно мало украшений: 4 очень скромных булавки (табл. XII, *9* и *12*), 1 браслет и тонкие проволочные кольца от обычных серег. Дорогие бронзовые изделия мало задерживались в слоях городища. Впрочем, П. Д. Либеровым в соседстве с раскопом был поднят край медного обычного котла.

В одном из центральных квадратов была обнаружена тонкая проволочная электровая серьга (табл. XII, *3*). Это первая и единственная драгоценная вещь за все время раскопок на кучугурах. Впрочем, напомню серебряную орлиную головку (рис. 13, *2*), найденную здесь же в 1949 г. Встречены 3 стеклянные бусины, одна — гладкая голубая и две — с белыми кольцами-глазками на синем фоне.

Из отдельных предметов разного назначения отмечу с десяток кружков из стенок амфор и лепных сосудов, 6 каменных пращевых шариков, много точилок и брусков разного назначения (среди них один мусат) и пряслица разных типов: 7 грушевидных и конических из глины (одно найдено в 1949 г.), 1 свинцовое (находка 1949 г.) и 1 круглое из стенки амфоры (необычная для кучугур форма). Отмечу 2 странных небольших цилиндрика из глины (вещи, ранее не встречавшиеся).

Кости домашних животных, как всегда, встречены в малом количестве и часто — перебитые и измельченные; сохранность их даже ниже средней.

Остатки строений и ямы на площади раскопа IX. Жилище № 1 находится в северо-восточной части раскопа. Его контуры по-обычному отмечены канавами, соответствующими расположению его стен. Часть его была открыта в 1949 г. и ошибочно принята за контуры яйцевидного в плане жилища с выходами на север и юг. На деле то, что было обнаружено годом раньше, составляло часть одной из двух, а именно восточной комнаты своеобразного вестибюля или передней. Эта комната имеет форму очень неправильного четырехугольника, углы которого сильно округлены, а северо-восточный даже срезан по прямой линии. Южной стены фактически нет, а лишь в эту часть канавы слабо загнуты углы. Промежуток между концами канав равняется 4,50 м. Дверной ли это проем очень значительных размеров, или нечто другое,— сказать трудно. Подобный проем наблюдался у северо-западной комнаты жилища в раскопе X. В рассматриваемом жилище конец восточной стены округлен, а у западной — большая яма, круглая, до 0,65 м в поперечнике, вероятно, от столба-косяка. Эта яма заполнена глиной с песком, может быть, укреплявшей основание столба. В 0,45 м к западу обнаружена вторая такая же яма, а за ней — небольшой обрывок канавы, идущей почти с запада на восток. Это заставляет думать, что первоначально в южной стене жилища была узкая дверь, которая потом была заменена широким проемом. В северо-восточной части канава образует изгиб — прямоугольную нишу, отделенную от северо-восточного угла уходящей на 2 м прямо на юг канавой; от этого в северо-западном углу образовалось еще треугольное отделение.

С северной стороны, в северо-западном углу, имеется дверной проем во вторую комнату. По его сторонам — ямки от двух круглых косячных столбов по 0.40—0,45 м диаметром. Ширина всего проема — 0,85 м. Стены этой комнаты на востоке вогнуты внутрь, на западе изогнуты наружу. В западной части комнаты сосредоточено 5 ям,— четыре довольно большие, 1—2 м в поперечнике,— отличающихся крайне неправильной формой. Во всех этих ямах заполнение золистого цвета и почти нет находок, кроме отдельных черепков. Размеры комнаты с запада на восток — 8 м, с севера на юг — 7,5 м.

Северная комната, которая была гораздо больше южной, сохранилась хуже. От нее сберегліись юго-восточный и юго-западный углы и западная и восточная стены; все это, как и всегда, обозначено канавами. Восточная стена отмечается тремя более или менее параллельными канавами. Крайние из них отстоят друг от друга на 2,50 м. Все они ориентированы на северо-северо-восток и обрываются в 7,50—8 м от угла. Едва ли этим полосам-канавам можно придавать какое-либо значение, кроме того, что это результат разновременного ремонта стены и расширение ее в конце концов на 2,50 м к востоку. Северная стена не сохранилась совсем, концы западной и восточной неправильно оборваны; однако слабо вогнутая наружу западная стена к месту обрыва все сильнее загибается на северо-восток. Это показывает, что к северу комната не простиралась далеко, но сколько-нибудь точно определить длину этой комнаты невозможно. В настоящее время она сохранилась в длину с севера на юг на 8 м, а ее ширина по широте—10,50 м. Совпадая границами с южной комнатою на востоке, к западу северная комната шире ее на 3,50 м. В южной части от северной комнаты отделен стеною коридор-сени шириной до 1,50 м. Коридор этот обрывается против восточного косяка двери из южной комнаты. У северо-западного угла северной комнаты, в 0,50 м от стены, находился круглый очаг в виде пятна прокаленного песка. Диаметр ямы—1,25 м. Мощность прокаленного слоя— до 0,40 м. В середине очага обнаружено круглое пятно прокаленной и потрескавшейся глины; толщина его — до 0,30 м. На поверхности пятно кое-где закопчено.

Со стороны севера, где исчезла стена, разбросано вне комнаты семь разных небольших ям неправильной формы, о назначении которых судить не представляется никакой возможности. В самой же северной комнате отмечу овальное пятно ямы до 1,50 м длиною перед выходом из южного коридора в комнату и круглое пятно длиною до 0,65 м, глубиною 0,25 м у западной стенки близко от стены коридора. Наличие этих ям, однако, не раскрывает их назначения.

К юго-западной стороне жилища примыкает еще комната, глухо, без двери присоединенная к западной стене южной комнаты. На севере она имеет присоединенный к ней узкий чулан шириною около 1 м и длиною до 3,50 м вдоль западной стены северной комнаты, глухо ограниченный на севере стеною. Ширина юго-западной комнаты — 4,50 м, длина ее неясна; эта комната тянулась на юг по крайней мере на 12,50 м и, судя по концу канавы, находящейся на запад от ее обрыва в 5,50 м, повидимому, огибала основные две комнаты с юга, образуя на юго-востоке дверной проем в 2,75 м, открытый к востоку. Первоначально эта комната была уже и короче; простираясь к северу всего на 3 м от юго-западного угла южной комнаты, она была всего 3 м шириною, но также окружала дом, и с юга ее стенка выходила зачем-то в южную комнату на 1 м и заканчивалась столбом. Поперек этой комнаты, до ее возникновения, проходила стена, соединявшая это жилище с жилищем № 3. С сооружением юго-восточной комнаты этот соединительный забор продолжал жить, но стал короче.

До сего времени нам не удавалось нигде проследить опорных столбов для крыши. В жилище № 1, по его длине с севера на юг, сохранилось несколько круглых цилиндрических ям глубиною от испода культурного слоя всего на 0,10—0,25 м. Столбы эти сохранились по средней линии жилища. Первый с юга — это столб дверного проема, в южной половине жилища, в 0,50 м к северу — еще яма 0,35 м в диаметре; прямо на север от нее в 6 м находится косячный восточный столб двери, ведущей в северную комнату; отсюда на север (немного к западу) — еще две ямки, диаметром 0,25 м каждая и, наконец, еще на 3 м севернее — круглая яма до 0,45 м в поперечнике. Очень возможно, что это сохранившаяся часть ряда столбовых ям от опоры крыши. Еще три таких же столба стояли в юго-западном

углу, вероятно, ими ремонтировали этот угол.

Жилище существовало более или менее долго. Его северная и юго-западная комнаты перепланировывались и расширялись, первая — по два раза, что могло обозначать одновременность этих действий. Отапливалась только северная, т. е. самая большая, комната. Многие из бытовых находок (керамики, железа, гвоздей и т. п.) вполне типичны. Они в массе принадлежат III в. до н. э. Вещей глубокого IV в. до н. э. в ней нет, но очень может быть, что жизнь этого жилища началась в конце IV в. до н. э., как об этом можно судить по формам некоторых греческих амфор. В юго-западном углу южной комнаты и у восточной стенки северной комнаты сохранилось по более или менее целому лепному сосуду бытового назначения.

Жилище № 2 находилось прямо на запад от северной комнаты жилища № 1, в среднем на расстоянии от 1,50 до 2 м, но от стены юго-западной комнаты всего в 0,10—0,20 м. Из этого следует заключить, что жилище № 2 возникло раньше сооружения второго варианта юго-восточной комнаты, так как расстояние от стены северной комнаты до жилища № 2 всюду остается одинаковым. Иначе говоря, определенным образом учтенное в момент сооружения жилища № 2, это расстояние было нарушено при добавочном возведении позднейшего варианта внешней стены юго-восточной комнаты жилища № 1.

Жилище № 2 представляет собою помещение, состоящее из двух отделений и имеющее в плане вид почти правильного четырехугольника. Его внешняя длина — 10 м, ширина со всеми добавочными с запада помещениями — 8 м, а без них — 5 м. Все его углы слабо округлены. Северное отделение имеет вид почти квадратной комнаты, размером 5×5 м. Никаких дверных проемов стены-канавы не имеют. Северная была впоследствии частично нарушена беспорядочной мелкой ямой неопределенного назначения. Около этой стены без всякого порядка обнаружено внутри и вовне пять круглых ям от столбов, диаметром от 0,20 до 0,30 м. Первоначально северная комната была с востока на 1 м уже, а затем расширена. Остаток первоначальной стены — очень сильно разрушенная канава — заканчивался круглым столбом 0,35 м в диаметре.

Частью над канавою этой погибшей стены был сооружен очаг в южной половине комнаты в 1,25 м от восточной новой стенки и в 0,50 м от южной стенки. Он глинобитный (рис. 25, *д*), длина с востока на запад — 1,80 м; с севера на юг — 1,60 м. Это — пятно прокаленного песка, а в середине — подчетырехугольная потрескавшаяся площадочка из глины длиною с севера на юг 1,10 м, шириною с запада на восток 0,80 м. Мощность прокаленного слоя глины — 0,10—0,15 м, а песка — до 0,20 м. В глине очага — два лепных черепка, угольки и кусок шлака. К востоку от очага в 0,20 м обнаружена гранитная неровная плитка размером 0,35×0,25××0,18 м.

Южное отделение домика представляет собою такую же четырехугольную комнату. Ее размеры извне 5,50×5,50 м. В центре ее находится зольник, лежащий на материке; мощность зольника — до 0,50 м, при длине с севера на юг 2,50 м и при ширине от 1 м на юге до 2 м на севере. Пятно это окружено со всех сторон канавкою углистого заполнения до 0,30 м шириною. Затем его обрамляет стена из канав, двойная с западной и южной стороны, с промежутком от 0,30 до 0,70 м между этими стенками. В западной половине картина запутана: здесь образуются 3 дуговидные канавы; в конце концов, самая западная из них соответствует внешней границе северного помещения. Очевидно, зольник трижды огораживался новыми стенками, пока окружающая его комната не достигла указанных размеров. Восточная стенка имеет по углам и в центре круглые ямки от столбов (диаметром по 0,35 м, при глубине до 0,30 м), цилиндрические по форме. В зольнике найдено довольно много черепков лепной посуды. Вообще находки в южном помещении ничем не отличаются от обычных по составу керамики и шлака. В этом же помещении у стен найдены железные крюки (один — в юго-западном углу более старой части этого помещения, а другой — в юго-восточной части, у самой позднейшей южной стены). Интересна также находка здесь одного серпа. Своеобразность помещения не позволяет видеть здесь только мусорный зольник: это — небольшое капище домашнего огня. Зольник содержался очень аккуратно, и при расширении помещения он никогда не выходил за пределы самой ранней канавы, т. е. зола отметалась от стен к цент-

ру, образуя со временем все более и более высокую кучу.

Вдоль западной стены обеих описанных комнат идет узкий коридор 7,50 м длиною и от 1,25 до 2 м шириною. В северном конце этот коридор заканчивается замкнутым четырехугольным помещением — сенями. По отсутствию у канав дверных проемов нет сомнения, что здание имело деревянный пол, поднятый над почвою.

К юго-западному углу на ширину коридора примыкало еще какое-то помещение, выходившее к югу полностью за пределы контуров здания; оно, несомненно, имело четырехугольные очертания, но сохранились только вся восточная стенка длиною 3 м и на 1 м к западу — южная стенка. Остальная часть этого небольшого чуланчика погибла. Его размеры не могли превышать 3×2,50 м к западу, так как далее уже шла восточная стена жилища № 3.

Ширина стенок канав жилища — 0,30—0,35 м, при глубине до 0,35 м.

Жилище № 3 заняло всю юго-западную часть раскопа, распюлагаясь прямо на запад и от жилища № 1, и от жилища № 2. Протяжение его очень близко к протяженности по меридиану жилища № 1; и его ориентировка, и основная планировка те же. Здание это было открыто по восточной, меридионально идущей канаве-стене, изогнутой дугою к востоку так, что мы вполне вправе были ожидать жилища овального плана. На деле же оно оказалось округленным с юга и прямоугольным с севера. Совершенно так же, как в жилище № 1, и в этом жилище имеются две основные комнаты — северная и южная.

Северная комната имела своеобразную форму: она повторяла контуры жилища в целом, но с другой ориентировкой. Будучи ориентирована по длине с северо-запада на юго-восток, она имела прямую северо-западную стенку-канаву с северным углом, разрушенным позднейшей ямой беспорядочной формы, и западным углом, в котором сохранилась круглая ямка от углового столба. Длина по основному направлению — 10,25 м, ширина — 8—8,50 м. В юго-восточном округленном конце жилище все более и более сужалось, имея здесь на самом юго-востоке дверной проем — два округлых косячных столбика диаметром по 0,35—0,40 м с канавкою (основание порога?) между ними и перерывом до стены в 0,35 м. Весь проем — около 1,50 м. Юго-западная стенка комнаты в своей северной половине, зигзагом изгибаясь на протяжении 2 м, образует 2 выступающих угла, из которых южный имеет снаружи в вершине круглую столбовую ямку диаметром 0,30 м. Существенными деталями в этой комнате являются несколько круглых ям, располагающихся прямо с севера на юг в ряд: один столб (диаметр 0,30 м) — в 1,75 м от северного угла, далее в 2,25 м — еще столб (диаметр 0,50 м), еще южнее на 4,5 м — яма размером 0,75×0,85 м, заполненная шлаком железа и сухою золою; на ее фоне,— т. е. более поздние,—3 столбовые ямки по углам равностороннего треугольника, все диаметром по 0,25 м. Совершенно очевидно, что столбы были поставлены разновременно при ремонте с использованием старой металлургической ямы; в 1,60 м от этих столбиков находится уже канава-стена. Далее удается проследить продолжение этой системы в южной комнате. Это, конечно, в полной аналогии с жилищем № 1, опорные столбы двускатной крыши.

К востоку от этого ряда столбов расположены по той же линии север—юг еще два столба: один (диаметр 0,30 м) в 1,35 м прямо на восток от северного столба первого ряда, другой — на юг от него в 3,50 м (диаметр 0,30 м). Глубина всех этих ямок столбов от испода культурного слоя — 0,25—0,35 м, низ всегда плоский. К югу от второго столбика в 4 м находится южная стенка этой комнаты. Значение этого второго параллельного ряда неясно. К востоку от второго столба второго ряда в 1,10 м имеется овальное пятно ямы 0,15 м глубиной; его размеры 0,60×0,45 м, назначение совершенно неясно. В 0,15 м к юго-юго-востоку от второго с севера столба обнаружен очаг того же самого типа, что и в жилище № 1, но он расположен почти в центре комнаты, немного ближе к северу. Он почти круглый и состоит из слоя глины в 6 см толщиною; под ним материковый песок прокалился на 9—10 см; диаметр очага — 0,50 м.

В 3,5 м от северного угла по северо-восточной стенке идет от нее внутрь комнаты прямо на восток стенка-канавка на протяжении 0,85 м. Эта канавка заканчивается треугольною ямою 1,15×0,80 м (при глубине 0,15 м), которая по длине тянется также на восток. Это пятно ничего, кроме перегноя, не содержит. Аналогий этому пятну раньше я не

встречал. Это, несомненно, какая-то деталь комнаты, но пока что совершенно неясная по назначению.

В этой комнате приходится отметить еще две детали, впрочем, также не слишком объяснимые. Во-первых, на северо-восток от середины юго-западной стенки, не соединяясь с нею, тянется слабо сохранившаяся канавка, изогнутая под углом на протяжении 2,50 м. Остаток ли это более древнего здания, или деталь самой комнаты, но плохо сохранившаяся,— сейчас решить совершенно невозможно. Во-вторых, в другом добавочном углу — в нише юго-западной стенки от западного угла, о котором уже говорилось,— находилась яма треугольного (по форме ниши) плана, а в его середине — круглая яма от столба диаметром до 0,50 м. Вероятно, она происходит от столба, как-то подпиравшего угол, и является результатом ремонта, как и в жилище № 1.

Уже упоминалось о яме в южной части с железными шлаками и золой. К юго-востоку от нее было найдено два очень больших точильных камня на полу жилья. Таким образом, эта комната служила при металлургическом процессе, но, может быть, только в начале своего существования.

Южная комната ориентирована почти прямо на юг, едва отклоняясь по оси к западу. Ее форма была бы правильной четырехугольною, если бы не северная стена ее (южная предыдущей комнаты), которая выгнута к югу. Зато юго-восточный и юго-западный наружные углы лишь слабо округлены. Ее длина с севера на юг — 8 м, с запада на восток — 9 м. От этой комнаты отделены две меньшие обычными канавками-стенами. Первая из них, юго-восточная, занимает именно этот угол; она почти правильная четырехугольная, ориентирована со слабым отклонением от меридиана на юго-запад; ее длина — 3,75 м с севера на юг, а ширина — 2,75 м. Северная стена комнаты обрывается в 0,75 м от восточной и образует здесь дверной проем указанной ширины с двумя косячными столбами: западным — диаметром 0,50 м и восточным—диаметром 0,75 м. Этот последний столб несколько шире стены-канавы, и с востока прямо к нему подходит уже упоминавшийся забор-канава, идущий от юго-западного угла южной комнаты жилища № 1.

Вторая комната имеет близкую к четырехугольнику форму, искаженную выгибом южной стены северной комнаты: по своей восточной стене она длиною 5 м, а по западной — всего 3 м; зато от восточной стены она всюду имеет от 4 до 4,5 м в ширину, т. е. на 1,25—1,75 м шире юго-восточной комнаты. Вторая комната составляет северо-восточное отделение южной комнаты, и именно в нее выходят двери северной комнаты и юго-восточного отделения южной комнаты; эти двери лежат прямо друг против друга по линии восточной стены жилища. Из этого отделения идет дверной проем в большую западную часть южной комнаты. Это перерыв западной стены северо-восточного отделения южной комнаты до ее северной стены. Его ширина — 1,50 м, может быть, несколько больше, чем была в древности. Косячных столбов здесь не сохранилось или не было. Зато южная стенка этого отделения имеет округленные выступы, вероятно, от столбовых ям в юго-западном углу и в четверти метра на восток от него.

Западная половина южной комнаты имела глаголеобразную форму и занимала не менее двух третей всей этой комнаты. В южной стене, по ее самой середине, имеется дверной пролет шириною 1,50 м. На его восточной стороне — яма от очень большого косячного столба до 0,60 м диаметром и 0,40 м глубиною. Западная стена южной комнаты сохранилась на 5,50 м от юго-западного угла к северу; далее она совсем не сохранилась. Погибшая часть стены до стены северной комнаты должна была иметь еще 4 м, т. е. вся длина ее была до 9,50 м. Конечно, здесь мог находиться проем двери в юго-западную комнату, но, судя по аналогии с дверями первого жилища, такого проема, скорее, не было. Эта стена должна была, бесспорно, выходить к вершине треугольной ниши юго-западной стены северной комнаты. В этой же стене есть — в 3,5 м к северу от юго-западного угла — расширение от небольшой столбовой ямки. В 1 м к востоку от середины этой стенки в комнате имеется круглая ямка диаметром 0,55 м и глубиною до 0,40 м,— может быть, хранилище; в ней обнаружены черепки одного очень неполного разбитого лепного сосуда. В самом же центре западного отделения есть круглая ямка от столба 0,35 м в диаметре и 0.25 м глубиною. Ее назначение неясно. Там, где северный конец западной стены не сохранился, самый

северо-западный угол комнаты занимает яма,— несомненно, позднейшая, уходящая в юго-западную комнату. Эта яма имела причудливые очертания; в этой яме, достигающей местами 3,50 м ширины, было найдено довольно много черепков, шлаков и т. п. Глубина ее, однако, невелика,— не более 0,20 м. У восточного края этой странной ямы, на уровне ее обреза, была найдена электровая серьга. Вообще значение южной комнаты, как и всего дома, для металлургического производства неясно. Следует, однако, отметить в южном конце ее юго-восточного отделения наличие зубила, бородка и большого точильного бруска.

Юго-западная комната имела некоторое существенное отличие от такой же комнаты первого жилища. Она так же, как и там, располагалась на запад от южной комнаты, начиналась прямо от ее северо-западного угла, от отдельного столбика диаметром 0,35 м, но зато имела южную стену, как продолжение такой же стены южной комнаты, а не огибала ее коридором с юга. К сожалению, большая часть ее южной стены и весь юго-западный угол не прослеживались на темном фоне огромной ранней ямы № 3 (см. ниже ее описание). Повидимому, один выход из юго-западной комнаты находился с запада и подходил к юго-западному углу. Действительно, только в 1,50 м оттуда, где этот угол должен был находиться, начинает итти к северо-северо-востоку западная стена-канавка, имеющая здесь косячный столб 0,50 м диаметром. Эта полоса очень хорошо видна над ямою и в ее верхнем слое. Далее на северо-северо-восток эта стена тянется на 6,5 м и имеет еще один столб (диаметр 0,60 м) в середине и один — на северном конце (диаметр 0,30 м). Здесь эта стена упирается в поперечную стенку, идущую отсюда на 1,25 м к востоку и настолько же к западу.

Северная стенка юго-западной комнаты идет к западу всего на 3 м, заканчивается здесь столбом (диаметр 0,60), а отсюда к юго-юго-западу идет стенка на 2 м со столбиком (диаметр 0,35) на конце. Эта стенка вместе с той поперечной, в которую уперлась западная стена, отделяет от юго-западной комнаты весь ее северо-западный угол площадью 2,5×2,5 м. В перерыве между концами этих стенок находилась дверь в юго-западную комнату с северо-западного конца; отделенный же от нее северо-западный угол образовывал открытый выход не то наружу, не то, скорее, в исчезнувшее помещение, как указывает канавка-стена, идущая выгнуто к юго-западу от конца северной стенки юго-западной комнаты и плохо прослеживаемая на протяжении 3—4 м к северо-западу.

Западная комната может быть только предположена по продолжению поперечной стены к западо-северо-западу от конца западной стены юго-западной комнаты; в таком случае выход в юго-западном углу вел не наружу, а в нее. Однако, кроме этой стенки, мы не можем сколько-нибудь решительно утверждать, существовала ли эта комната. Ее можно было бы проследить, продолжив в 1951 г. раскоп далее на запад. Но заметное в эту сторону выклинивание культурного слоя делает такое прослеживание очень неопределенным.

Характер перекрытия жилища № 3 был намечен при описании меридионального ряда столбов в северной комнате. Этот ряд продолжается и далее на юг, а именно в 3,5 м от стены на юг находится столб юго-западного угла северо-восточного отделения южной комнаты, а еще в 4 м — косяк южной двери всего жилища № 3.

Яма № 1 заняла обширное пространство между первым и вторым жилищами, в 4 м от южной комнаты первого, прямо от забора, соединяющего эти жилища. Своеобразно, что этот забор идет от жилища № 1 до этой ямы прямо на запад, огибает ее с севера по самому краю, избегая, очевидно, еще мягкой тогда, но уже вполне заполнившей яму почвы. Обогнув ее, он опять принимает западное направление и идет до соединения с восточною стеною жилища № 3. Яма № 1 имеет неправильную, близкую к овалу форму; ее длина с севера на юг — 7,50 м, ширина по параллели — 5,75 м. Глубина ямы от дневной поверхности — 1,20 м, причем в ней чередуются ровный слой гумуса (15—20 см), слой песка (15 см), слой гумуса (15 см), слой песка (15 см), слой гумуса (10 см). Находки в ней безличны, это осколки амфор. Но они во всяком случае древнее соединительного забора между жилищами, а этот последний древнее пересекшей его по меридиану стены второго расширения юго-западной комнаты жилища № 1. От этой последней, начиная от угла ее поворота к юго-востоку (см. выше), последовательно отделяются идущие к западу три стенки, округлен-

ные на концах. Они располагаются в юго-восточном направлении через промежутки в 2 и 2,50 м; длина северной из них- 2,50 м, следующей к югу — 3 м и самой южной — 3,50 м. Первые две лежат поверх ямы, но не пересекают ее, третья проходит в 0,50 м вовне от ее южного края и приходится почти против ее середины. Далее на запад, после перерыва в 0,65 м, начинается новая стенка-канава, имеющая столб диаметром 0,55 м. Она далее тянется на 3,5 м на запад-юго-запад, где поворачивает под прямым углом с округленной вершиною на северо-северо-запад. В этом направлении через 2 м она обрывается, на целых 5 м не достигая западной части соединительного забора, к которому она, вероятно, была присоединена.

Таким образом, этот соединительный забор был как бы северной оградой, а остальные отмеченные стенки — восточной (стена юго-западной комнаты жилища № 1), южной, с дверью в середине, и западной стенками этого ограждения. Яма, вполне затянувшаяся, более, очевидно, не мешала хозяйственному использованию этого участка, и поэтому на ее месте была построена комната или небольшой дворик неясного назначения. Таким образом, очень большое — почти в 300 кв. м площадью — жилище № 1, ориентированное с севера на юг, с отапливаемой северной комнатой, соединялось забором, после засыпки ямы № 1, с таким же — площадью до 250 кв. м — жилищем № 3. По использовании и засыпке ямы № 1, первоначально имевшей какое-то служебное назначение для обоих этих жилищ, на ее месте была заложена новая огражденная комната или дворик с выходом на юг, примерно 7×8 м площадью. К северу же от забора, между обоими жилищами, может быть, с самого начала их существования возникло жилище № 2, возможно, даже храмик домашнего огня.

Еще раз отмечу совпадение планировки, размеров и перекрытия жилищ № 1 и 3 и отопление только их северных комнат глинобитными очагами. Даже выходы из северных в южные комнаты и у того, и у другого жилища находились в одном и том же юго-восточном их углу. Хотя домик № 2, предполагаемое святилище Гестии, и было планировано иначе, но и в нем очаг также находился в северной комнате. В уменьшенном размере оно повторяло планировку обоих жилых помещений, с тем отличием, что южная комната использовалась для зольника и его оригинального двойного ограждения.

Жилище № 4 находится в юго-восточной и южной части раскопа на расстоянии в среднем около 9 м от южной двери жилища № 1 в южном направлении. Это жилище несколько иного плана, чем жилища № 1 и 3. Это прежде всего выражается в том, что жилище планировано в длину не с севера на юг, а с востока на запад, и состоит из трех друг к другу широтою в цепь расположенных комнат, которые все открываются на юг и не имеют проходов одна из другой. Жилище это, надо думать, возникло или одновременно, или близко по времени с вышеописанным комплексом первых трех жилищ, так как оно вытянулось по широте на очень равном расстоянии от них, т. е. или их расположение, или его, ориентировалось при постройке друг на друга.

Восточная комната имеет близкую к четырехугольнику форму, но ее северо-восточный угол срезан так, что у нее пять округленных углов. Длина комнаты с севера на юг — 8,75 м, ширина по широте в южном конце — 6 м. На севере срезка указанного угла сокращает ее до 3 м. Выход наружу, прямо на юг, находится в южной стенке почти у самого юго-западного угла, имеет ширину всего 0,50 м и обрамлен с обеих сторон косячными столбами; восточный столб имеет диаметр до 0,45 м, западный очень расплывчат. Не совсем объяснимы две столбовые ямки по 0,25—0,30 м диаметром, круглые, цилиндрические в сечении, несомненно, от столбов. Они крайне странно стоят по сторонам входа, перед ним в комнате и вовне ее. Не было ли здесь укрепления порога на очень низких столбиках: иначе в дверь, и без того узкую, нельзя было бы войти. Южная стена выходит на 0,75 м на восток за угол дома и закончена округленно, как бы ямкой от столба. В самом северо-восточном углу от помещения отделен канавкой-стеной узкий коридор вдоль восточной стенки; он тянется по меридиану на 3—5 м, сужаясь в южном конце с 0,75 м всего до 0,40 м. Его стена загибает внутрь комнаты, отделяя от нее округленный угол-нишу, и заканчивается столбом до 0,40 м в диаметре. Назначение этого коридора я объяснить не могу.

Средняя комната примыкает к восточной прямо с запада и имеет общую с нею стену-

канаву, но ее отчетливые и самостоятельные округленные углы говорят за то, что она является основным помещением, а только что описанная комната одновременной или позднейшей, но во всяком случае несомненной пристройкой. Об основном во всем комплексе значении средней комнаты говорят и очаг в ней, и установка именно в ней перекрытия на столбах. Наибольшая длина ее по меридиану — 8 м и ширина по широте — 6,75 м. Три угла округлены, а четвертый, юго-восточный, стерт своеобразным устройством выхода, сделанного в восточном конце южной стенки, но выведенного к востоку и расположенного почти под прямым углом к южной двери восточной комнаты. От юго-западной части отделен небольшой чулан, открытый на восток, дуговидно изогнутый к югу; его ширина по меридиану — 1,50 м, длина по широте — до 3,50 м. Стенки его на восточных концах закончены столбовыми круглыми ямками по 0,40 м в поперечнике.

Выход из этого чулана сокращен до 0,50 м, так как в нем, по его поперечной линии, утверждены два столба, вероятно, относящиеся к перекрытию. Между южной стенкой этого коридора, которая в то же время является при длине 3,50 м и южной наружной стенкой всей комнаты и жилья, и восточною стенкою последнего, — перерыв длиною 3,75 м. Но это не грандиозный дверной проем. С юга в него входит звезда — тетраскелий крайне причудливой формы. Два его конца уходят параллельно внутрь комнаты на 1—1,50 м, а заканчиваются расплывчатыми ямами (до 0,60—0,80 м в поперечнике) от вырванных, вероятно, столбов. Два других конца идут на восток и запад: восточный конец дугою выгнут к югу и округленным концом приходится на одном уровне с восточным косяком двери восточной комнаты. Он образует здесь выход из средней комнаты прямо на восток. Второй выход обращен на запад между округленным концом западной ветви тетраскелия и восточным концом южной стены. Его ширина снаружи — 0,75 м, а дальше — 1 м, при повороте же внутрь комнаты — всего около 0,40 м; кроме того, он еще перегорожен в одном месте круглою ямкою от столба в самой своей середине. Вообще говоря, постоянным был выход на восток, а выход на запад был или служебным, или в конце концов перестал существовать, тем более, что две внутрь идущие ветви тетраскелия, может быть, существовали не всегда и были в один момент уничтожены, так как столбовые ямы на их концах и сами эти полосы словно деформированы при выдергивании столбов.

Очаг находился в длинной яме, меридионально вытянутой как раз по средней линии очага. Очертания этой ямы расплывчаты: длина ее — 2,75 м, наибольшая ширина — 1 м, глубина от испода культурного слоя — до 0,30 м. Она заполнена углисто-золистою землею. В ее южном конце оказался глинобитный очаг подовальной формы (по меридиану), длиною 0,95 м, шириною 0,30 м. Слой потрескавшейся прокаленной глины равен всего только 5 см. Ниже этого слоя песок прокалился на 0,15 м. К северу в 0,60 м от очага в пределах очажной ямы имеется круглое углубление диаметром 0,55 м, глубиною 0,30 м. Оно сузилось к плоскому дну до 0,10 м. Углубление было заполнено золою, кусочками пережженной глины (может быть, при его ремонте) и содержало один лепной черепок.

Уже упоминалось о столбах в устье юго-западного чулана и в западной двери. Эти три столба, два столба стенок чулана и внешняя стенка западной двери образуют шесть упоров для наружного конца конькового стропила. Очень может быть, что три отдельных столба существовали разновременно — так их много в одном конце; но возможно, что они поддерживали какое-нибудь тяжелое украшение. Все эти упоры расположены по средней меридиональной линии в южном ее конце. На этой же линии лежит длинная очажная яма; столбовых ямок нигде нет. Очень вероятно, что свободные концы очажной ямы и заключали в себе такие столбы. И здесь крыша была, очевидно, двускатною и покрывала основное помещение, имея конек по меридиану, как и в жилищах № 1 и 3.

Западная комната сохранилась много хуже. Вследствие того, что она была позднее занята огромною ямою № 2, ее очертания определяются несколько труднее. Она имеет общую стену со средней комнатой. От ее юго-восточного угла идет параллельно этой общей стене еще канава-стена, образующая с нею узкий коридор от 1 м шириною до 0,45 м у выхода. Длина коридора с севера на юг — 5 м. Эта дополнительная канава закончена столбовым закруглением.

Южная стена дугою выгнута к югу, в самой середине испорчена ямою и какою-то узкою, поперечною накрест канавкою, как бы делящею южный конец на две части — ниши. Длина стены внутрь помещения — 2,50 м, наружу — 1,50 м. В 5 м от среднего жилища южная стена поворачивает с запада на север и образует юго-западный округленный угол комнаты. На север эта западная стенка идет всего на 1,75 м и здесь округленно обрывается. Далее, по всему ее направлению, в 0,60 м от нее к северу, идет часть огромной ямы № 2. Может быть, эта яма уничтожила всю западную стенку. Во всяком случае промежуток между южным концом западной стенки и ямою, вероятно, составлял часть дверного проема на запад (ср. выход из юго-западной комнаты жилища № 3). Однако не менее вероятно, что западной стены далее вовсе не было, а западная комната была открытым с запада двориком наподобие добавочного помещения в раскопе X. Это, вероятно, потому, что северная стенка имеет свободный западный конец, как бы сохранивший свои первоначальные очертания. Эта стенка имеет характер двойной канавы на большей части протяжения, дуговидно выгнута к северу (как натянутый лук в спокойном состоянии), тянется от угла лежащего против конца западной стенки прямо к северо-западному углу комнаты на 5 м и имеет от восточного конца до этого угла проем в 1 м шириною. Это, во всяком случае, какая-то неясная служебная постройка. Найденные вещи функции ее не определяют. Ее легче всего сопоставить с помещением над ямою № 1. Не хлевы ли это, может быть, даже конюшни? Длина этого помещения с севера на юг — 9,50 м, а ширина — 5,50 м.

Яма № 2 возникла, несомненно, после существования западной комнаты жилища № 4. Продолжали ли при этом существовать его средняя и восточная комнаты, — неясно. Эта яма занимает всю среднюю часть западной комнаты, может быть, уничтожила ее западную стену, заходит далеко на запад за пределы этой комнаты. Яма тянется с запада на восток на 9,5 м и в западной половине глаголеобразно поворачивает на север; здесь ее поперечник равен 8,75 м. Яма эта неглубока: глубина от дневной поверхности — до 1,25 м; она изобилует находками до 0,80 м, но ее очертания хорошо улавливаются лишь с 0,90 м. Состав находок совершенно обычен; на дне ямы их очень немного. Все они в массе относятся к III в. до н. э. Заполнение ямы коричневато-черное; местами — крупные массивы чистого песка. Яма, повидимому, была окончательно закидана в конце III в. до н. э.

К югу от ямы в 3,5 м идет на протяжении 6,5 м с запада на восток сильно изогнутая дугою к северо-востоку канава, южным концом уходящая за границу раскопа.

Жилище № 5 расположено к югу и юго-востоку от жилища № 3. От него сохранилась только канавка-стена юго-западного ее конца. Стена эта округленно выгнута к юго-западу. Ее конец, идущий к северо-востоку, проникает внутрь жилища № 4 через южный дверной проем на 3,5 м. Хорда, стягивающая эту дугу, равняется с северо-северо-запада на юго-юго-восток 11 м. От ее конца на юго-восток до юго-восточного угла жилища № 3 — ровно 8 м. Здесь (на юго-восток) идет к северо-западу небольшая канавка. Может быть, продолжением стены этого жилища на северо-востоке является дуговидная к северо-востоку канава, идущая от соединения с забором восточной стены жилища № 3 на протяжении 7 м на юго-восток. Если это части одного разрушенного жилища, то оно имело около 12 м по оси с северо-востока на северо-запад и поперек до 11 м. Почти в центре этого жилища имеется овальное (с севера на юг) углубление длиной 1,25 м, шириной 0,75 м; глубина от исподa культурного слоя (здесь 1,05 м) — 0,40 м. Оно заполнено множеством амфорных и лепных черепков.

По всей площади жилища на разных уровнях очень много железных и медных вещей, в том числе мелких кузнечных инструментов, и порядочно шлаков. Можно думать, что отсюда кое-что в этом роде попало в юго-восточный угол жилища № 3. В нижних слоях этого жилища встречаются вещи всего IV в. до н. э., а именно ножки и бортики гераклейских и других амфор.

Яма № 3 занимает почти весь юго-западный угол юго-западной комнаты жилища № 3. Яма, очевидно, существовала до жилища (см. его описание): его стена и один очаг лежали над нею. Уходя к югу далеко за пределы жилища, эта яма имела овальную форму и тянулась на 10,50 м с севера на юг, а поперек — до 5,50 м. Она заполнена множеством обломков амфор, лепной посуды, шла-

ков и т. п. Многое в ней восходит к IV в. до н. э., так что она явно связана с жилищем № 5 и служила для него обширною мусорною ямою. Глубина ее — от 0,65 до 0,90 м от дневной поверхности, т. е. ниже испода стены жилища № 3. Назначение этой ямы очевидно: она использовалась для любых, как бытовых, так и металлургических, отбросов.

Коснувшись выше ямы № 1, мы могли по стратиграфическим основаниям решить бесспорно, что ее существование полностью предшествовало времени возникновения комплекса жилищ № 1—3, причем над нею возникло какое-то служебное помещение этого комплекса. Между тем остаток северо-восточной стены жилища № 5 очень близко подходит к этой яме, и оно также предшествовало существованию вышеуказанного комплекса. Очень вероятно, почти достоверно поэтому то, что яма имела служебное отношение именно к этому жилищу. Полная чистота ее почти на всю глубину от каких-либо бытовых отбросов заставляет считать ее функции чем-то совершенно отличным от функций ямы № 2, но решить сейчас твердо, каково было ее назначение, нельзя за полным отсутствием данных.

Любопытной деталью является круглый глинобитный очаг, открытый у северной кромки ямы, наполовину над ямою. Он, конечно, функционально к ней не относился и действовал, когда она уже не существовала. Он имел диаметр 0,50 м, толщина сильно прокаленного слоя глины равнялась 0,10 м, а подстилающий его песок с гумусом оказался прокопченным на глубину 0,15 м. В 0,10 м к востоку от очага находилась круглая ямка, заполненная темной золою и имевшая, при диаметре 0,45 м, около 0,20 м глубины. Сочетание площадки очага с зольною ямкою очень близко к очагу в средней комнате жилища № 4. По устройству этот пятый по счету в раскопе очаг не отличается от четырех основных, но имеет стратиграфическое значение. Его следование за временем гибели ямы несомненно, отношение же его к жилищу № 3 неясно. Очаг находится у самого конца обрыва южной стены этого жилища, и если эта стена была когда-то западнее, то он, очевидно, не был ею поврежден, т. е. существовал после уничтожения этого жилища. Существовать же одновременно с ним этот очаг не мог, так как стена сгорела бы, да и зольная ямка слегка накрывает канаву от стены. Отсюда следуют три этапа существования площади городища, охваченной раскопом IX, в течение IV—III вв. до н. э.:

1) середина IV в. до н. э. и позже — жилище № 5, ямы № 1 и 3;

2) конец IV в. до н. э. и большая часть III в. до н. э. — жилища № 1—4;

3) очаг у жилища № 3, яма № 2 и, может быть, частично жилище № 4 — рубеж III и II вв. до н. э.

Остатки металлургии разных видов в раскопе IX. Они отличались особенной многочисленностью. Но в противоположность раскопам предыдущих лет, где с большей или меньшей вероятностью можно было установить, к какому жилищу относились эти реликты металлургии, производились ли они хотя бы изредка в жилище или, что бывало чаще, за его пределами, — в раскопе IX это оказывается очень трудным. Остатки эти распределены равномерно везде — и по площади раскопа, и в толще культурного слоя, и в жилищах, и за их стенами. При этом из 104 квадратов только в двух, и то, конечно, случайно, не попалось таких следов. Распространенными повсюду прежде всего являются железные шлаки от сырого дутья и капли меди, оброненные при литье. Также повсеместно рассеяны кузнечные инструменты, брак кузнечного дела и отходы его и литья, а именно: медные и железные пластинки, прутики и т. п. Как и в предыдущие годы, совершенно очевидно соединение в одних руках и восстановления железа, и кузнечного, и литейного ремесл. Тысячи обломков шлаков говорят об интенсивности всего этого процесса. Однако руды не найдено, а крицы—всего два кусочка. В четырех местах были обнаружены обломки стенок кричных горнов: это обломки глины с глазированной поверхностью; один раз найден прямой угол от плоского дна горна, но все это, как и в прошлые годы, не позволяет сложить что-либо целое. Встречены остатки одного из горнов за северной стеною жилища № 1, другой раз — за той же стеною жилища № 4 и третий раз — за стеною жилища № 5 на материке. Однако два раза явные следы кричного промысла обнаружены в жилище № 3. Это яма со шлаком и обломками горна в его северной комнате. Яма рано была заброшена, еще, может быть, до существования этого жилища, т. е. относится

к древнейшему жилищу № 5. Зато в северо-восточном отделении найдены почти на полу обломки горна, вероятно, от того же жилища. Таким образом, мы видим кричное производство за стенами жилищ и, — возможно, но не наверное, — в их пределах. Кузнечные же орудия и литейные остатки есть также в жилище; таким образом, можно думать о работе и внутри зданий, и, может быть, даже это было чаще.

Особенно интенсивными были все виды этой работы в жилище № 5: об этом свидетельствуют и обилие шлаков, и много кузнечных инструментов, и особенно мусорная яма № 3, обслуживавшая это жилище.

Найденный кузнечный инструмент, кроме одного зубила, мелкий, — все те же зубильца и пробойнички. Но зато очень интересно узкое приварное лезвие от серпа; наряду с ранее известными примерами в виде рукоятей мечей, ножа из погребения в Частых курганах и лезвия топора, найденного в предшествующем году, это новый случай, и при этом весьма тонкой сварки. Новым в кузнечном и специально оружейном деле являются панцырные железные и медные чешуйки. Их много в жилищах № 4 и 5. Они хорошо увязываются с назначенным для этой цели пуансоном, найденным в 1949 г. В области литья новостью является небольшой обломок каменной формы для отливки гривны или браслета, найденный, однако, в верхнем слое. Чуть ли не единственной параллелью является часть каменной формы для отливки налобников в Киевском историческом музее. Остальной же литейный инструментарий — это десятки всевозможных точилок для оттачивания деталей. Распределение находок по слоям указывает на полное развитие металлургии в течение всех отмеченных эпох. При этом ни на короткий срок металлургия здесь не ослабевала, и первое место неизменно занимало кричное восстановление железа. Железных шлаков здесь буквально тысячи. Часть их, конечно, раскидана безотносительно к функциям данного, конкретного места.

Особняком стоит в этом отношении жилище № 2, предполагаемый храмик Гестии. На его площади шлаки встречаются, но их — считанные единицы; в самом зольнике найден всего один шлак на дне его. Это еще раз подтверждает особое назначение этого своеобразного сооружения.

Раскоп X

1. Раскоп X (рис. 24) в 1949 г. был разбит в 55 м к юго-востоку от раскопа V. Им руководила А. И. Мелюкова. Раскоп состоит из двух рядов по 4 квадрата, каждый 4×4 м площадью, расположенных по длине с севера

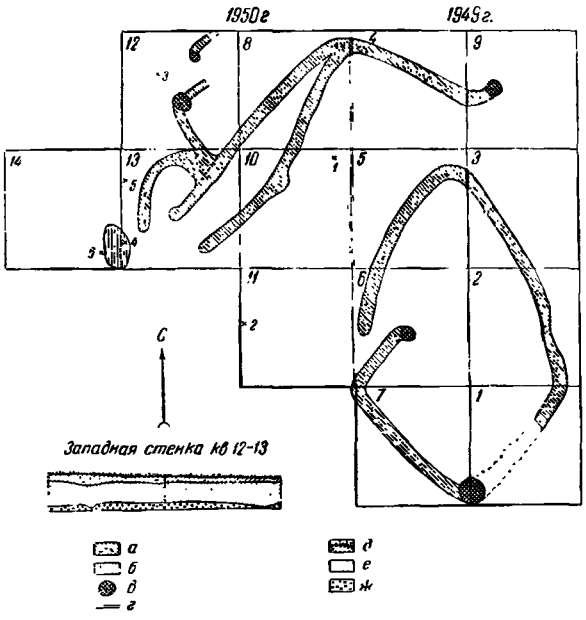


Рис. 24. Раскоп X (1949 и 1950 гг.)

а — заполнение канавок; *б* — заполнение ям; *в* — ямки от столбов; *г* — граница раскопов 1949—1950 гг.; *д* — дерн; *е* — культурный слой (темный песок); *ж* — грунтовый песок; находки: *1* — костыль; *2* — обломок железной пластинки; *3* — медная пластинка; *4* — медный литок; *5* — кольцо серебряное; *6* — обломок железного ножа

на юг. К западу от северо-западного кв. 4 был разбит еще квадрат № 8. Сверху во всех квадратах залегает песок в среднем на глубину 0,50 м. Культурный слой — мощностью от 0,45 до 0,60 м. Состав находок обычный, т. е. амфоры, лепная керамика и кости животных. Слой отличается довольно большим количеством обломков лепной посуды, но их меньше, чем в раскопе VI. Из отдельных находок нужно отметить наконечник стрелы — трехгранный, бронзовый, со втулкой, найденный в кв. 2. Там же в яме оказались обломки лепного сосуда и чашечки, сделанной из нижней части амфоры, типа встреченной в Ильинецком или в Рыжановских курганах. В кв. 6 найдены глиняные пряслица, железная скрепка и исключитель-

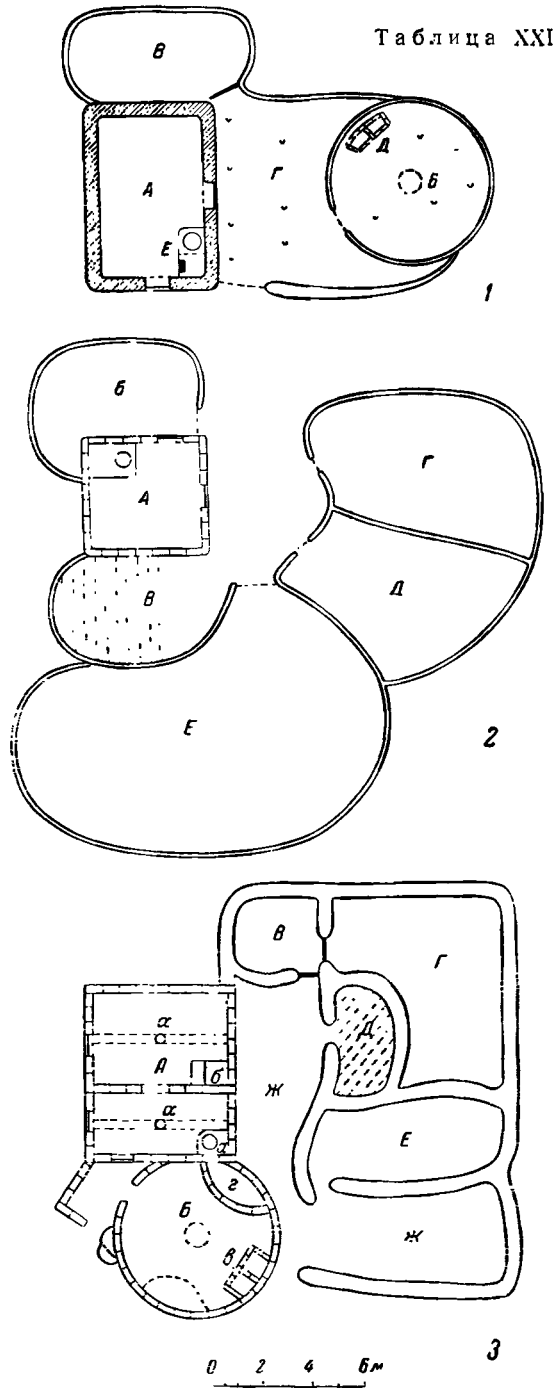
ной важности предмет — железный молот-пуансон (табл. XVII, 7) для изготовления каких-то предметов особой формы. Хронологически раскоп, на основании находок амфор, относится, повидимому, ко второй половине III в. до н. э. (см. клейма № 35 и 49, стр. 91 и 93).

Остатки жилища в раскопе X, как и везде, выражены канавами шириною 0,35—0,40 м, глубиною 0,40—0,60 м сегментовидного сечения и напоминают плетневые жилища и постройки современных казахов (табл. XXI). В кв. 1—3, 5—7 темные полосы канав образуют в плане яйцевидное жилище, ориентированное по длинной оси с юга на север. В северную сторону обращен острый конец яйцевидного контура. В кв. 1 в юго-восточной части строения остатки канавы-стены не сохранились на длину 3,50 м. В западной части дома (в кв. 6) не замыкающиеся концы полосы образуют дверной проем. Длина всего жилища с севера на юг — 10 м. Наибольшая ширина — 6,50 м. Ширина дверного проема — 0,75 м. С его восточной стороны есть круглая яма от столба. Из пяти ям в разных частях жилища та, что находится недалеко от дверного проема, вероятно, является очагом и содержит много угля (кв. 6, с глубины 0,55 м, длина — 0,40 м, глубина — 0,10 м). Остальные ямы неясны по назначению.

Полосы в кв. 4 и 8 образуют с северо-западной стороны от основного строения какое-то добавочное помещение, причем в северной части кв. 4 и 9, на границе их, образуется небольшой чулан или кладовая, входящая в упомянутое добавочное помещение узким проходом 0,50 м шириной, обращенным к юго-западу.

Длина чулана с северо-запада на юго-восток — 2,25 м, ширина — 1,20 м. Полоса, общая в кв. 4 и 8, создает почти прямой угол с округленной вершиной у северного конца границы этих квадратов и идет как бы параллельно стене главного помещения с северной и северо-западной сторон его (на расстоянии 2,25 м) на юг на протяжении 4,25 м, в угол внешней стены (на северо-северо-запад), и 3,25 м — на юго-восток (под южной стенкой кв. 8). От угла этой внешней стены канава-стена идет к юго-западу, образуя с нею очень острый угол. Может быть, эта канава является стеною еще одного помещения, а может быть, это — расширение

Таблица XXI



Планы казахских зимников (по С. И. Руденко).

1: *А*, *Б* — жилища; *Е* — печь; *Д* — закрома саманные; *В* — кладовая; *Г* — внутренний крытый двор; 2: *А* — жилище; *Б* — закрытый двор; крытые загоны: для лошадей *В*, для коров *Г*, для овец *Д*; *Е* — сеновал; все плетни двойные; *3*: *А*, *Б* — жилища; *а* — столбы, поддерживающие крышу; *а* и *б* — печи; *в* и *г* — закрома; *В* — загон для лошадей; *Г* — сеновал; *Д* — крытый загон для телят; *Е* — загон для коров; *Ж* — место для кормления скота

добавочного северо-западного помещения кв. 4—8.

В кв. 9, в юго-восточной части, имеется второе такое же помещение, как и в кв. 4 и 8, но пока от него обнаружен только прямой угол с юго-восточной стенкой чулана, идущей от этого угла в юго-восточном направлении; дальше она, вероятно, шла параллельно восточной стенке центрального помещения. Общая с чуланом стенка — двойная (ремонт или перестройка). В этом направлении продолжать раскоп нельзя, так как здесь близко проходит дорога, уничтожившая культурный слой.

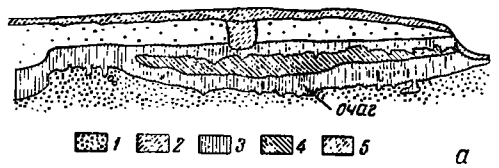
Остатки металлургии в этом раскопе невелики, но очевидны. В нескольких квадратах на глубине от 0,50 до 0,90 м встречается кое-где по нескольку кусочков железного шлака (не более девяти). В числе находок — упомянутый железный молот $\left(\frac{6}{5}\right)$. В этом выражаются ясные, но немногочисленные следы металлургии в раскопе X. Раскопки было намечено продолжить в 1950 г.

2. В 1950 г. А. И. Мелюкова дополнила пять квадратов к западу от раскопа X 1949 г., увеличив его площадь на 80 кв. м, так что она в целом составляет 224 кв. м. Эта раскопка расширяет понятие о юго-западном добавочном помещении. Балластный слой песка — от 0,15 м (в западном крайнем кв. 14) до 0,20—0,35 м. В остальных квадратах культурный слой имеет мощность до 0,80 м и лишь в кв. 14 — всего 0,20—0,25 м. Содержание культурного слоя ничем не отличается от того, что дали раскопки 1949 г.

Состав находок обычный, но ни амфорные фрагменты, ни обломки лепных сосудов не составляют нигде большого количества; особенно мало костей животных. Металлических вещей очень немного: железный костыль в кв. 10, какая-то железная пластинка в кв. 11, медная пластинка в кв. 12, массивный медный литник (конечно, от котла) в кв. 13 над овальною ямою (табл. XV, *6*; № 1474), в том же квадрате—серебряное кольцо из тонкой проволоки, в кв. 14 — обломки железного ножа, а кое-где еще мелкие железные обломочки.

Остатки жилища были прослежены в кв. 10, 12 и 13. Они продолжали северо-западные канавы-стенки северо-западного дополнительного жилища. Как говорилось выше, в кв. 8 (раскопки 1949 г.) эта стенка делилась надвое вилкою под острым углом в самом своем начале. Обе эти канавы тянутся на юго-запад на протяжении 9,50 м и здесь обе кончаются на одном уровне от начала. Здесь промежуток между обеими канавами равняется 1,25 м. Обе они заканчиваются округленно (след конечного столба). Судя по отсутствию полос в кв. 11, эта стенка отделена от западных стен основного жилища открытым промежутком в 7 м от ближней и 8,15 м от дальней канавки. Таким образом, это помещение оказывается чем-то вроде открытого на юго-запад сарая или, может быть, дворика. Кажется наиболее вероятным, что развилка канав — результат ремонта и что отодвинутая к северо-западу канавка — более поздняя: она ровнее и сохраннее, а ближняя к основному жилищу несколько расплывчата и на одну треть от конца имеет неправильное расширение. За пределами внешней стенки этого открытого помещения от нее отходят две стенки. Одна идет почти под прямым углом к северо-западу и северу; в вершине угла у поворота на север есть круглая ямка (до 0,50 м в диаметре, глубиною до 0,30 м) от столба. Юго-западная сторона этого угла имеет длину 2,25 м, северо-западная — 1,50 м. К северу эти комнаты более не сохранились. От того же места основной северо-западной стены отходит вогнутою к северо-западу дугою, придерживаясь юго-западного направления, канава, округленно заканчивающаяся в 1,25 м от конца главной стены. Она образует непонятное помещение сегментовидной формы, площадью около 4—4,50 кв. м. Наконец, в северо-восточном углу кв. 12—еще небольшой кусок канавки со столбом на конце; его происхождение неясно. Не более чем в 1 м от конца сегментовидного помещения к юго-западу есть овальная яма по линии север—юг; ее длина—1,50 м, ширина—1,30 м, глубина—0,15 м от пода культурного слоя. Находок в ней нет. Содержание углистое. Над нею был найден упомянутый выше медный конус и совсем около нее — обломочек железного ножа.

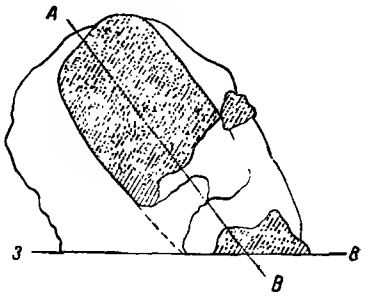
Следы металлургии в квадратах 1950 г. раскопа X очень незначительны: несколько мелких кусочков железного и один—медного шлака. Находок, которые изменили бы прежнее хронологическое определение, не оказалось.



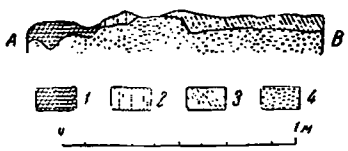
а

б

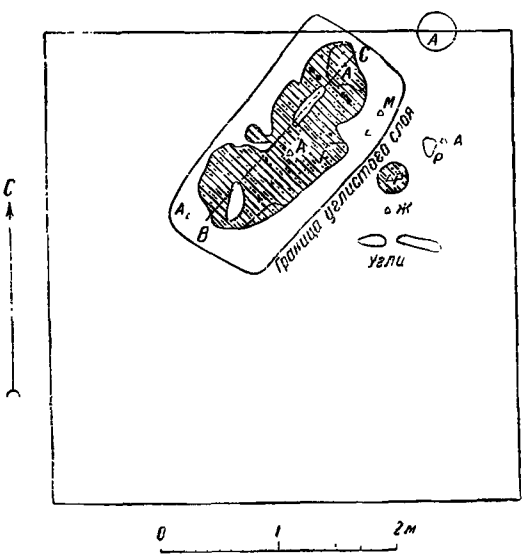
План пода печи



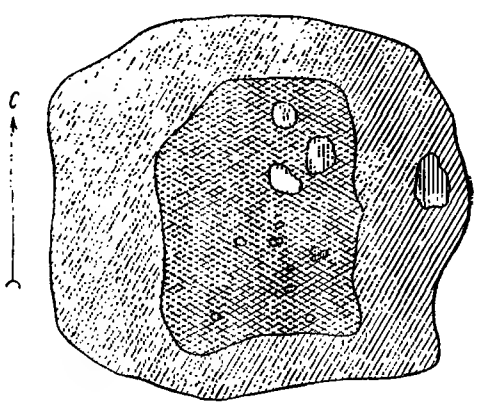
по А-В



в

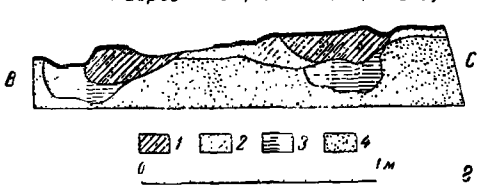


План очага

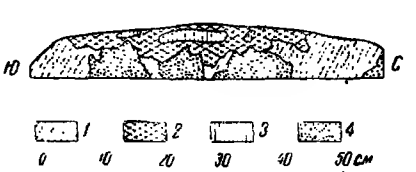


Профили очага

Разрез площади очага (по В-С)



г



д

Рис. 25

а — разрез землянки, открытой раскопками на ул. Сталина в Каменке (*1* — песок; *2* — дерн; *3* — культурный слой; *4* — песчаная прослойка; *5* — современная могила); *б* — разрез горна из раскопа II (1939 г. *а* — углистый слой; *b* и *c* — прокаленные слои; *d* — угольки; *e* — обломки сильно обгорелого горшка на глубине 35 см); *в* — план и разрез очага в землянке № 2 (1940 г. *1* — красная обожженная глина; *2* — желтая твердая, слабо обожженная глина; *3* — коричневая глина с черными пятнами; *4* — песок с сероватыми пятнами); *г* — то же, в землянке № 3 (1940 г. *А* — фрагменты амфор; *М* — фрагменты местных сосудов; *Р* — кусочки руды; *Ж* — кусочек железа; *1* — красная глина; *2* — желтая глина; *3* — черная земля; *4* — грунтовый песок); *Д* — то же, в жилище № 2 раскопа IX (1950 г. *1* — золотистый песок; *2* — обожженная глина; *3* — отдельные куски обожженной глины; *4* — светлый песок)

Раскопки землянки на улице Сталина.

При разведках 1949 г. в пределах городища был обнаружен разрез землянки (рис. 25, *а*) на обрыве над улицей Сталина, у современного кладбища — справа, считая от пристани. Этот разрез ближе всего к разрезу землянки раскопа V 1940 г.

Разрез — по линии 125°—305°. Под слоем дерна и наносного песка на глубине до 0,80 м совершенно ровно, считая по поверхности его, залегает темносерый культурный слой в среднем 0,25 м толщиной (местами, в образуемых им карманах, — до 0,40 м). В нем немного керамики. Далее идет светлый песок без всяких находок, а ниже этого песка — ладьевидного профиля культурный слой. Нижняя его граница тоже ладьевидна. По концам он сливается с верхним культурным слоем, а в середине отстоит от низа верхнего слоя на 0,40 м. Мощность нижнего культурного слоя — 0,25—0,45 м (в конце, на 305°). Общая высота нижней части землянки — 0,70 м. Это низкая, вероятно, служебная часть землянки. Вся длина разреза — 6,50 м, т. е. это не продольный, а поперечный разрез. Почти в середине нижнего культурного слоя есть угольное сквозное пятно и в нем — кусок обожженной глины.

Отдельные наблюдения и разведки на Каменском городище в 1949 г.

Вал крепости XVIII в. сохранился в 400 м вверх по р. Конке от пристани Никопольского парома. Его сохранившийся северный конец находится в 80 м от мощеной дороги, ведущей с пристани на Каменку. Вал уходит в кучугуры к югу со слабым уклонением к западу и в 800 м от начала плавно поворачивает на юго-запад на протяжении 300 м. Далее он теряется в песках. Его длина равна приблизительно 1100 м. В северной части вала имеются два прорыва, по которым видно, что вал целиком насыпан из песка, имеет теперь высоту 2—3 м и поперечник по подошве вала—26 м. С западной стороны вдоль вала тянется дорога 1,5—2 м шириною, слабовыпуклого профиля, совершенно задернованная и теряющаяся в песках вместе с валом. По ней нет никакого движения в настоящее время. Думаю, что это крепостная дорога XVIII в., судя по ее твердости,—может быть, мощеная. Оригинальное зрелище представляет собой площадь кучугур к западу от этого вала со множеством круглых, четырехугольных и валообразных задернованных холмов, которые могут быть только остатками зданий XVIII в., занесенных песком.

Обследование северной части вала Каменского городища было проведено от улицы Ленина до конца его над Конкою. Он держится все время направления 31°—35°. За улицей Ленина, начиная со двора дома № 3 по этой улице, вал имеет до 2 м ширины и 1 м высоты; этот его остаток служит границей между владениями. Вал идет через дворы к Советскому переулку во двор дома № 4а по Советской улице, которая его прерывает. Из дома № 17 вал идет все в направлении 35°30′ до улицы Ежикова между домами № 98 и 100, справа от Советского переулка. Местами прерываясь, он лучше всего виден во дворах домов № 25, 23 и 21 Советского переулка. Вал имеет здесь вид узкой и низкой расплывчатой гряды. Между домами № 19 и 17 он прерывается на 25 м. Улица Ежикова вновь его прерывает. Все же на этом протяжении вал прослеживается еще довольно легко. Во владениях № 13 и 15 (по Советскому переулку) вал достигает 10 м в ширину, при высоте 0,80 м. Далее все в том же направлении он идет от улицы Ежикова (дом № 93) до улицы Усачева (дом № 98). Здесь вал виден очень ясно и имеет до 1,50 м высоты при ширине основания до 15 м. Он раскопан огородами и перед улицей Усачева совсем исчезает на протяжении до 50 м. От перерыва на улице Усачева вал то исчезает, то едва заметно тянется к улице Сталина, где его прерывает здание народного суда 1-го участка. За улицей Сталина через владения Госбанка и Заготзерно он почти незаметен, лишь едва-едва складкой на поверхности земли чувствуется его направление. Общая длина вала от улицы Ленина до Конки — 1225 м.

Грунтовой могильник у конца вала над Конкою был обнаружен, по указанию местных жителей при описании вала, в 225 м вверх по Конке от места выхода на реку вала, т. е. на восток от последнего. Здесь из обрыва, с уровня 1—1,5 м от дневной поверхности, выпадают и торчат человеческие кости. Из восточной части обрыва торчали левая рука и нога молодого субъекта. Остальной костяк уходил под обрыв. Он явно лежал головою на запад. При

осмотре вещей не обнаружено. Местные жители ничего сказать о находке вещей не могли. Протяженность обрыва по речке — всего около 40 м. Произвести зачистку или раскопку помешал огород, которым занята поверхность обрыва.

Одна из женщин, копавшая огород у самого склона к обрыву, рассказала, что ею была выкопана черная миска с пережженными костями, накрытая другой миской. На этом основании мы предположили, что здесь находился могильник черняховской культуры. В 1952 г., как говорилось выше, это предположение хорошо подтвердилось раскопками.

Осмотр обнажений на Каменских кучугурах занял четыре дня — с 4 по 7 июня. При этом осмотре производилось нанесение находок на общий план городища. На план нанесено 130 обнажений. Все они показали безусловную принадлежность всего культурного слоя к скифскому времени, т. е. IV—III вв. до н. э. Среди подъемного материала к северу от раскопа V найдена медная монета Александра Великого (табл. VIII, *5*).

В 34 пунктах (эти пункты на плане перенумерованы) был собран материал коллекционного значения. В остальных местах он ограничивался обломками стенок типичной лепной керамики и амфор. В очень многих местах среди находок встречены остатки шлаков, камня, бронза, куски железной руды и т. п. Это подтверждает прежнее впечатление от характера обнажений на кучугурах. Соответственные места отмечены на плане особым знаком.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЕДЕНИЯ О КАМЕНСКОМ ГОРОДИЩЕ

А. С. Афанасьев-Чужбинский. Поездка в Южную Россию. СПб., 1863, вып. 1, стр. 358 и 359.

И. Барышев. Археологические раскопки Каменки-Днепровской. «Большевик Запорожья», от 25 июня 1952 г.

Ф. А. Браун. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899, стр. 213, 214, 224, 371 и 372.

Ф. К. Брун. Черноморье. Одесса, 1890, ч. II, стр. 65—67.

Булавинское восстание (1707—1708 гг.). Труды Историко-археографического института Академии Наук СССР, т. XII, М., 1935. Крепость Каменный Затон упомянута на стр. 366, 368, 371, 373, 384, 390, 393 и 395—398.

Н. Вертильяк. Описание Белозерского городища. Записки Одесского общества истории и древностей, т. IV, 1858, стр. 143.

М. В. Воеводский. Обзор полевых исследований в 1939 г. ВДИ, 1940, № 2, стр. 190.

Б. Н. Граков. Археологические раскопки близ Никополя. ВДИ, 1939, № 1, стр. 271—276.

Б. Н. Граков. Скифское городище на кучугурах. Районная газета «Ударник», пос. Каменка-Днепровская, Запорожской обл., от 7 октября 1945 г., № 80.

Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 184.

Б. Н. Граков. Никопольская экспедиция. КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 73 и 74.

Б. Н. Граков. Литейное и кузнечное ремесло у скифов. КСИИМК, вып. XXII, 1947, стр. 38—47.

Б. Н. Граков. Значение раскопок Каменского городища. Районная газета «Ударник», пос. Каменка-Днепровская, Запорожской обл., от 11 июня 1950 г., № 47.

Б. Н. Граков. О работе степной скифской экспедиции. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 131—136.

Б. Н. Граков. Каменское городище. БСЭ, изд. 2-е, т. XIX, стр. 523.

Б. Н. Граков. Скіфи (укр.). Київ, 1947, стр. 34—75, главы V и VI — в разных местах.

Б. Н. Граков. Никопольская экспедиция 1944 г. (укр.). «Археологія». Київ, 1947, т. I, стр. 191.

И. П. Грязнов. [Статьи в районной газете «Ударник», пос. Каменка-Днепровская, Запорожской обл.]: Раскопки городища, № 71 от 11/VIII 1946 г.; Археологическая экспедиция Б. Н. Гракова, № 69 от 28/VIII 1947 г.; Меры охраны Каменского городища, № 26 от 31/VIII 1949 г.; Раскопки скифского городища, № 40 от 19/V 1949 г.; Каменные бабы, № 47 от 12/VI 1949 г.; Замечательные находки на Каменских кучугурах, № 48 от 16/VI 1949 г.; Забота о сохранении памятников древности, № 28 от 3/IV 1952 г.; Новые археологические находки, № 54 от 6/VII 1950 г.; Раскопки древнего города, № 46 от 5/VI 1952 г.; Находки археологов, № 49 от 15/VI 1952 г.; В дни каникул, № 50 от 19/VI 1952 г.; Две тонны археологических материалов, № 74 от 11/IX 1952 г.

И. П. Грязнов [Статьи в газете «Большевик Запорожья»]. Из истории кургана «Солоха», № 209 (1653) от 20/X 1948 г.; Скифы-металлурги, № 62 (1765) от 29/III 1949 г.; Меры по охране Каменского городища, № 69 (1772) от 9/IV 1949 г.; Уникальные находки на Каменском городище, № 118 (1819) от 15/VI 1949 г.; В поисках скифского жилища, № 119 (1820) от 19/VI 1949 г.; Первоисследователь Каменского городища, № 113 (2072) от 19/VI 1950 г.; Находки на территории бывшей крепости, № 198 (2157) от 5 октября 1950 г.; Раскопаны скифские ремесленные мастерские, № 137 (2069) от 12/VI 1950 г.; В цитадели древнего города, № 79 (2562) от 19/IV 1952 г.; Бронзовый перстень с Каменских кучугур, № 125 (2608) от 24/VI 1952 г.; По следам ранних славян, № 143 (2626) от 19/VII 1952 г.

І. П. Грязнов. Скіфська степова експедиція. Газета «Червоне Запоріжжя», Запорожье, от 2 августа 1952 г., № 152 (8559).

Л. Д. Дмитров. Археологическое изучение Никопольщины в 1935—1936 гг. (укр.). «Археологія», Київ, 1950, т. III, стр. 151—156.

Е. А. К[ивлицкий]. Каменный Затон. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, полутом 27, стр. 156.

О. А. [Кривцова-]Гракова. Археологические раскопки на берегу Белозерского лимана. Районная газета «Ударник», пос. Каменка-Днепровская, Запорожской обл., от 2 октября 1947 г., № 79.

О. А. Кривцова-Гракова. Поселение бронзового века на Белозерском лимане. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 76 и сл.

Эрих Лясота. Дневник. Мемуары, относящиеся к истории Южной России. Вып. 1, перевод К. Мельник, Киев, 1890, стр. 184.

А. Л. Монгайт. Обзор полевых археологических исследований ИИМК в 1948 г. ВДИ, 1948, № 2, стр. 153.

С. И. Мышецкий. История о казаках запорожских, как оные издревле зачалися и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятца, сочиненная от инженерной команды. Одесса, 1852.

Т. Н. Никольская. Итоги работ советских археологов за 1946—1950 гг. ВДИ, 1951, № 4, стр. 224.

И. Петров [И. Грязнов]. Перстень с шагающей цаплей. Районная газета «Ударник», пос. Каменка-Днепровская, Запорожской обл., от 26 июня 1952 г., № 52.

Л. Падалка. Каменный Затон и Белозерское городище на Днепре. «Киевская старина», Киев, 1891, октябрь—декабрь, т. XXXV, стр. 384—390.

Письма и бумаги императора Петра Великого. Крепость Каменный Затон упомянута: VII (1), стр. 81, 127, 425, 520 и VIII (2), стр. 1053.

Н. Н. Погребова. Скифская крепость. Районная газета «Ударник», пос. Каменка-Днепровская, Запорожской обл., от 20 апреля 1952 г., № 46.

Д. Я. Сердюков. Каменские кучугуры и их древности. Газета «Крымский вестник» от 3 апреля 1896 г., № 73.

Д. Я. Сердюков. Раскопки в Каменке. ОАК за 1899 г., стр. 28—37.

Д. Я. Сердюков. Раскопки в Каменке. ОАК за 1900 г., стр. 33—36.

А. А. Скальский. История новой Сечи. Одесса, 1946, стр. 129.

А. А. Скальский. Поездка по запорожским урочищам. Журнал министерства внутренних дел, 1846, т. XIII, стр. 66.

Л. М. Славин. Научная конференция археологов, изучающих историю Украины в скифо-сарматский период. ВДИ, 1940, № 1, стр. 201.

В. Соколов. Белозерское городище на Днепре. «Киевская старина», Киев, 1892, август, т. XXXVIII, стр. 225—245.

Г. И. Спасский. Книга, глаголемая Большой Чертеж. М., 1846, прим. 129, стр. 260.

Э. А. Сымонович. Могильник ранних славян. Районная газета «Ударник», пос. Каменка-Днепровская, Запорожской обл., от 10 июля 1952 г., № 56.

А. Терещенко. Очерки Новороссийского края. СПб., 1854, стр. 181—187.

А. С. Уваров. Исследование о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб., 1851—1856, вып. 1, стр. 20—30, табл. V и VI.

А. Чирков. Краткий очерк городищ, находящихся по Днепру и его лиману. Записки Одесского общества истории и древностей, т. VI, 1867, стр. 546.

Г. С. Шапошников. Як виникло місце Нікополь (укр.). Никополь, 1929.

Д. Б. Шелов. Обзор полевых археологических исследований ИИМК в 1946 г. ВДИ, 1947, № 1, стр. 186.

Д. Ш. [Д. Б. Шелов]. Сессия ОИФ и пленум ИИМК АН СССР, посвященные итогам полевых работ 1949 г. ВДИ, 1950, № 3, стр. 208.

А. Шмит. Несколько новых документов о Запорожской Сечи и ее землях. Записки Одесского общества истории и древностей, т. IV, 1858, стр. 468, табл. X.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — Вестник древней истории
ВЛГУ — Вестник Ленинградского государственного университета
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН — Известия Академии Наук
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии Наук СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МАР — Материалы по археологии России
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОРИМ — Отчет Российского исторического музея
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РАО — Русское археологическое общество
СА — Советская археология
Тр. АС — Труды археологического съезда
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
CIL — Corpus inscriptionum Latinarum
RE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini
SC — Pauly—Wissowa. Real Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
IPE — Scythica et Caucasica
Syll^3 — Sylloge inscriptionum Graecarum, ed. 3

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Вступление. Краткий очерк истории Скифии по данным письменных источников 9

Глава I. Исторические сведения о Каменском городище. Изучение городища. Его территория от неолита до нашего времени 33

Глава II. Каменское городище — в основном памятник скифского времени . . (Конфигурация городища в скифское время. Укрепления Каменского городища. Различия в хронологии, быте, хозяйстве и постройках между кучугурской частью городища и акрополем. Погребальные остатки на территории городища. Производственно-хозяйственное и социальное различие населения акрополя и кучугур) 45

Глава III. Постройки, строительные материалы и приемы. Деревообделочное мастерство. Железные инструменты. Вещи, связанные с обстановкой дома и обработкой дерева 60
1. Постройки на каменских кучугурах 60
2. Строительные остатки на акрополе 63
3. Устройство очагов на кучугурах и в акрополе 64
4. Металлические предметы, связанные с применением дерева в быту, в особенности в деревянных постройках 65

Глава IV. Керамика местной работы и импортная античная керамика . . . 68
1. Местная керамика с кучугурской части городища 68
2. Импортная античная керамика с кучугурской части городища . . . 81
3. Местная и античная керамика из акрополя 95

Глава V. Домашние занятия населения Каменского городища 101
1. Прядение и ткачество, одежда и украшения 101
2. Обработка кожи 109
3. Орудия повседневного обихода 110
4. Игрушки 114

Глава VI. Ремесла и их произведения 115
1. Металлургия 115
2. Мастерская костереза-пожовщика 127
3. Продукция труда оружейников 128
4. Принадлежности конского снаряжения и повозок 132
5. Вещи в зверином стиле 135
6. Точильные камни 136

Глава VII. Сельское хозяйство и местные промыслы 140
1. Земледелие, переработка и использование зерновых продуктов . . . 140
2. Скотоводство 143

Глава VIII. Торговое значение Каменского городища 145

Глава IX. Малые городища и селища скифского времени на нижнем Днепре 151
1. Городища вниз по Днепру от Каменки 151
2. Селища скифской и последующей эпох на правом берегу Днепра вниз от г. Никополя 154
3. Селища скифской эпохи в районе сел Большой Знаменки, Каменки и Водяного 162

Глава X. Исторические связи скифских поселений на нижнем Днепре . . . 166

Приложения: 1. Разведки и раскопки на Каменском городище с 1938 г. по 1950 г. (Краткое изложение) 179
2. Литературные сведения о Каменском городище . . . 236

Список сокращений 238

Утверждено к печати Институтом истории материальной культуры Академии Наук СССР

Редактор издательства *Л. Р. Кызласов* Технический редактор *И. П. Аузан* Корректор *Е. И. Чукина*

РИСО АН СССР № 47—46В. Т-05163. Издат. № 244 Тип. заказ № 6/50. Подп. к печ. 2/VIII 1954 г. Формат бум. 84×108¹/₁₆. Бум. л. 7,5. Печ. л. 24,6 + 1 вклейка. Уч.-издат. 24,4 + 0,2 вкл. (24,6 уч.-издат. л.) Тираж 2500. Цена по прейскуранту 1952 г. 17 р. 30 к.

Тип. Издательства Академии Наук СССР

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
12	Правая колонка, 1 св.	Мангнессии	Магнессии
43	Левая колонка, 10 сн.	подробности	подробностей
55	Левая колонка, 24 св.	к IV в. — началу IV в.	к VI в. — началу IV в.
63	Правая колонка, 19 сн.	Акро поли	Акрополе
73	Левая колонка, 10 сн.	Керамика	керамики
106	Правая колонка, 26 св.	0,8 мм	8 мм
107	Правая колонка, 13 сн.	диаметр	диаметр щитка
172	Правая колонка, 2 св.	βασιλεία	βασίλεια
181	Правая колонка, 24—23 сн.	осеменно	особенно
238	4 сн.	RE	IPE
	3 сн.	SC	RE
	2 сн.	IPE	SC